IMT Nuremberg Archives

H – 1204

International Court of Justice

H1204 – 0002

У Д О С Т О В Е Р Е Н И Е

Настоящим удостоверяю, что данный том, пронумерованный с 1888 стр. по 1246 стр., озаглавленный "Русские стенограммы" содержит в себе стенографическую запись судебных заседаний Международного Военного Трибунала по делу Германа Вильгельма Геринга и других на русском языке за период времени с 27 мая 1946 г. по 31 мая 1946 г.

Указанная запись на русском языке составлена на основании стенографических записей и сверена с электрозвукозаписью производившихся в суде.

СЕКРЕТАРЬ СОВЕТСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ
В МЕЖДУНАРОДНОМ ВОЕННОМ ТРИБУНАЛЕ -
М А Й О Р
(А.ПОЛТОРАК)

"11" декабря 1946 г.
г.Нюрнберг

C E R T I F I C A T E

Official transcript oh the International Military Tribunal from 27 May 1946 to 31 May 1946 in the matter of the United States of America , The French Republic, The United Kingdom of Great Brotain and Northern Ireland and The Union of Societ Socialist Republic against Hermann Wilhelm Goering and others contained in the volume under the title:

"Russian Transcripts"

numbered 11888 to 12446 inclusively are herewith certified as an authentic official Russian text, having identical force as the English, French und German texts.

JOHN E. RAY, Colonel, FA
General Secretary
International Military Tribunal

У Д О С Т О В Е Р Е Н И Е

Настоящим удостоверяется, что русский текст стенограмм заседаний Международного Военного Трибунала за период времени с 27 мая 1946 г. по 31 мая 1946 г. по делу: Соединенные Штаты Америки, Французская Республика, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии и Союз Советских Социалистических Республик против Германа Вильгельма Геринга и других - содержащихся в данном томе, озаглавленном "Русские стенограммы", пронумерованном с 11888 стр. по 12446 стр. включительно является аутентичным и официальным текстом, имеющим одинаковую силу с английским, французским и немецким текстами.

ПОЛКОВНИК ДЖОН Е.РЕЙ
Генеральный Секретарь
Международного Военного Трибунала

г.Нюрнберг
"11" декабря 1946 г.

H1204 – 0003

H1204-0004

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА 27/У-46г.

(Утреннее заседание)

Встать! Суд идет!

(К микрофону подходит господин ДОДД).

Г-н ДОДД. Господин председатель, я хотел бы быть уверенным в том, что я представил следующие документы: 3914-ПС, доказательство США-863, 3943-ПС, доказательство США - 644, документ 3877-ПС, доказательство 865.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Назовите мне, пожалуйста, первый документ снова.

Г-н ДОДД. 3914-ПС, доказательство США-863.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Хорошо.

(Бальдур фон Ширах, один из обвиняемых, снова занимает свое место перед свидетельским пультом и дает следующие показания):

(Перекрестный допрос продолжается)

Г-н ДОДД. Господин свидетель, в пятницу в конце заседания мы вручили Вам копию телеграммы, посланной по телетайпу, Мартину Борману. Я прочитал ее Вам по микрофонной системе. Я хочу теперь, чтобы Вы сказали, посылали ли Вы эту телеграмму Борману?

ШИРАХ. Да, эту телеграмму я посылал. Я хотел бы по этому поводу сделать некоторые замечания.

Г-н ДОДД. Я на минуту прерву Вас и попрошу, чтобы Вы делали небольшую паузу после каждого ответа, это, я думаю, поможет переводчикам. Я надеюсь, что все пойдет гладко. Я постараюсь делать то же самое и возможно мы вместе будем работать несколько лучше.

ШИРАХ. Сначала я хотел бы заявить, почему я с Борма - ном был "на" "ты". Борман родился в том же городе, где и я. Я знал его еще в Веймаре, но очень мало. Когда он в 1928 или в 1929 году приехал в Мюнхен, он посетил меня и предложил мне, так как он был старше меня, разговаривать с ним "на" "ты". Эту форму обращения мы поддерживали до тех пор, пока он в 1943 году по собственной инициативе стал говорить мне и писать в письмах "Вы" "вы".

Относительно содержания этой телеграммы. Мы вели войну уже третий год. Чешское население, как в бывшем протекторате Богемии и Моравии, так и в Вене, держало себя совершенно спокойно. В протекторате были условия почти мирного времени. У меня в Вене было много чешского населения. После покушения на Гейдриха я должен был опасаться, что возникнут беспорядки в протекторате, которые без сомнения имели бы серьезные воздействия также и на чешское население в Вене.

Это было то время, когда немецкие войска вели наступ - ление на полуостров Керчь. Это было такое время, когда в тылу наших войск ничего не должно было произойти. И одновременно с сообщением об убийстве протектора я получил официальное сообщение о том, что покушение, как здесь указано, было совершено английскими агентами и английским оружием. В тот же месяц мы получили сведения о том /это упоминалось также в военной сводке/, что английские бомбардировщики бомбили жилые кварталы Гамбурга и Парижа и совершили налет на германские памятники культуры в Киле. Поэтому я внес предложение о репрессивных мерах, чтобы констатировать перед миром вину англичан в этом покушении и воспрепятствовать возникновению серьезных для нас беспорядков в Чехословакии.

11889

H1204 – 0005

H1204 - 0006

Это все, что я могу сказать по этому поводу; телеграмма является подлинной.

Разрешите мне теперь сделать несколько замечаний о трудностях перевода во время последнего перекрестного допроса в пятницу.

Тогда немецкое слово "спаситель" было переведено английским словом "сейвер". Трудно перевести точно это слово с немецкого на английский.

Речь идет об одном выражении, которое я употребил в своей книге, когда я назвал фюрера "спасителем". Трудность заключается в том, что по-английски немецкое слово "спаситель" можно перевести на английский только словом "сейвер", но в переводе обратно на немецкий это слово означает " святой", "спаситель". Чтобы выяснить, что подразумевается в английском языке под немецким словом "спаситель", я должен был бы употребить вспомогательную конструкцию. Если бы это слово было переведено на английский словом "рескьюер", то было бы ясно выражено действительное значение слова "спаситель", и перевод был бы точным. В этом значении слова в сравнении главы государства со спасителем или в названии его спасителем нет никакого кощунства, но если я по-немецки написал бы: "глава государства - "святой, спаситель", то это, безусловно, имело бы оттенок кощунства.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Такого характера объяснения должны быть даны при дополнительных вопросах защитника. Нет смысла прерывать перекрестный допрос такими объяснениями.

ГОСПОДИН ДОДД. Сейчас я хотел бы задать Вам пару вопросов об этой телеграмме. Думали ли Вы о конкретных культурных центрах в Англии, как например, о Кембридже, Оксфорде,

Стратфорде, Кентербэри?

ШИРАХ. Нет, у меня с этим не связано никакого определенного представления. Я думал, что следовало взять один объект, аналогичный тем, которые подверглись бомбардировке английских самолетов в Германии.

ГОСПОДИН ДОДД. Лишь бы это был культурный центр. Вы думали о том, что случилось в Германии или что случилось с Гейдрихом?

ШИРАХ. Я думал о том, что в Германии памятники культуры подверглись бомбардировке и я хотел по этому случаю предложить недвусмысленно констатировать, что убийство Гейдриха было совершено не чешским населением, а чешскими эмигрантами Лондона при поддержке англичан. В этом ответном ударе на третьем году войны следовало объединить ответ на покушение на Гейдриха с ответом на покушение на культурные центры в Германии.

ГОСПОДИН ДОДД. В этой телеграмме Вы не делали никаких ссылок на так называемые предполагаемые бомбежки культурных центров в Германии. Нет?

ШИРАХ. Об этом было сообщено в военной сводке. Это было общеизвестно.

ГОСПОДИН ДОДД. Это не то, о чем я Вас спрашивал. Я спрашивал Вас о том, действительно ли Вы не делали никаких ссылок в этой телеграмме на предполагаемые бомбежки культурных центров в Германии и не говорили о том, что бомбежка культурного центра в Англии вызвана предполагаемой бомбежкой культурного центра в Германии? Действительно ли Вы очень ясно указали, что Вы хотели бомбить культурные центры в Англии из-за того, что случилось с Гейдрихом?

H1204 - 0007

H1204 – 0008

ШИРАХ. Мне не нужно было вовсе указывать на бомбардировки германских культурных центров, так как всей германской общественности был известен этот факт из сообщений о ежедневных налетах английских бомбардировщиков.

ГОСПОДИН ДОДД. Я полагав, что в то время Вы очень хорошо знали репутацив Гейдриха, не правда ли?

ШИРАХ. Нет, это неверно. В этом случае я рассматривал Гейдриха как представителя нашей империи в Богемии и Моравии, а вовсе не как начальника гестапо.

ГОСПОДИН ДОДД. Знали ли Вы о его репутации в Германии, по крайней мере в то время?

ШИРАХ. Я знал, что он был начальником гестапо, но я не знал, что он совершал те зверства, о которых стало известно позднее.

ГОСПОДИН ДОДД. Вам не было известно о том, что его считали "террором гестапо"?

ШИРАХ. Это - выражение, которое использовала вражеская пропаганда по отношению к нему.

ГОСПОДИН ДОДД. Вы все еще думаете, что это - пропаганда?

ШИРАХ. Нет.

ГОСПОДИН ДОДД. Значит, Вы услышали только через вра - жескую пропаганду, что его называли "террором гестапо" до того, как он был убит в 1942 году?

ШИРАХ. Нет, этого я не хочу сказать.

ГОСПОДИН ДОДД. Как Вы об этом узнали?

ШИРАХ. Я хочу здесь констатировать только, что импер - ский протектор Гейдрих для меня был другим лицом на этом

третьем году войны, а не начальником гестапо. Здесь речь шла о политическом мероприятии.

ГОСПОДИН ДОДД. Вы не ограничились этим предложением - бомбить Англию, не правда ли? Вы помните, что Вы еще предлагали некоторое время спустя?

ШИРАХ. Нет, этого я не помню.

ГОСПОДИН ДОДД. Помните ли Вы что-нибудь о том, что Вы предлагали или делали в порядке так называемой расплаты за убийство Гейдриха?

ШИРАХ. Я не помню.

ГОСПОДИН ДОДД. Вы предлагали эвакуацию всех чехов из Вены, не так ли?

ШИРАХ. Это предложение не было сделано лично мною, оно относится к замечанию о Вене, сделанному фюрером в 1940 году когда я докладывал ему в его главной ставке. Мне кажется, что я уже упоминал в своих показаниях, что он сказал: "Вена должна стать немецким городом, и евреи и чехи должны быть постепенно эвакуированы из Вены". Это я уже отмечал в своих показаниях.

ГОСПОДИН ДОДД. Мой вопрос заключался в следующем: верно ли, что несколько дней спустя после убийства Гейдриха Вы предложили эвакуацию всех чехов из Вены, как репрессалий за убийство Гейдриха?

ШИРАХ. Возможно, но я не помню этого; возможно, что я взволнованный этим событием, которое меня очень обеспокоило, и сказал что-либо подобное.

Г-н ДОДД. Я прошу Вас взглянуть на документ 3886-ПС, доказательство США-866, господин председатель. Этот документ содержит отрывки из протокола заседания венского городского

H1204 - 0009

H1204 - 0010

совета от 6 июня 1942 г., как Вы видите на 9-й странице подлинника. Вы присутствовали там и, согласно этим запискам, Вы выступали, как рейхслейтер Бальдур фон Ширах, и если Вы посмотрите ниже, на конец страницы, Вы увидите следующие слова: "Наконец, он /подразумевая Вас/ открыл, что в конце лета или осенью этого года все евреи должны быть высланы из города и что за этим последует высылка чехов, так как это необходимый и правильный ответ на преступление, совершенное против заместителя протектора Богемии и Моравии". Вы помните, что Вы это говорили?

ШИРАХ. Точно я не помню этого, но я считаю, что эта запись подлинная и что она передает, пожалуй, смысл того, что я тогда сказал. Я был очень взволнован смертью Гейдриха. Я опасался серьезных беспорядков в Богемии и Моравии и я выразил свои опасения. Основное заключается в том, что я отказался от этого плана после спокойного обдумывания его и ничего больше не предпринимал в этом направлении.

Г-н ДОДД. Хорошо, во всяком случае, я считаю, что все это совершенно ясно, и я Вас спрашиваю, согласны ли Вы с тем, что Вы сделали по крайней мере два предложения: первое - о бомбардировке культурных английских центров, и второе - об эвакуации всех чехов из Вены, в связи с убийством этого человека - Гейдриха?

ШИРАХ. Что я выразил такую мысль об эвакуации чехов из Вены - это верно. Также достоверен тот исторический факт, что я отказался от этой мысли и она не была осуществлена. Верно, что я сделал предложение подвергнуть бомбардировке британский культурный центр в качестве ответа на убийство Гейдриха и в качестве ответа на бесчисленные бомбардировки германских

культурных центров на третьем году войны, в то время, когда речь шла о решающих событиях существования Германии.

ГОСПОДИН ДОДД. Кстати, + Гитлер также предлагал эвакуацию всех чехов из Чехословакии в качестве наказания за убийство Гейдриха? Правильно это?

ШИРАХ. Этого я не знаю.

ГОСПОДИН ДОДД. Сейчас я хочу обратиться к другому вопросу, который мы, может быть, быстро закончим сегодня утром. Вы помните, мы в пятницу говорили с Вами немного о Ваших отношениях с СС и с Гиммлером; мне хочется спросить Вас сегодня, является ли фактом то, господин свидетель, что Вы работали в тесной связи с Гиммлером и его СС почти с самого начала и почти что до самых последних дней Вашего режима в Вене? Я хочу, чтобы Вы ответили на этот вопрос.

ШИРАХ. На этот вопрос я охотно ответил бы очень подробно.

ГОСПОДИН ДОДД. В данное время этот ответ не требует больших деталей. Но позднее, если Вы считаете, что можете дать необходимое объяснение, я уверен, что Вам будет предоставлена такая возможность. Прежде всего скажите Трибуналу, действительно ли Вы тесно сотрудничали с Гиммлером и его СС, начиная с самого начала Вашей государственной/ службы и до самого ее конца?

ШИРАХ. Тесного сотрудничества в том смысле, что Гиммлер якобы имел существенное влияние на воспитание, не существовало.

ГОСПОДИН ДОДД. Хорошо. Давайте немного остановимся на этом моменте. Не является ли фактом то, что Гиммлер назначил свой персонал СС в Вашу молодежную организацию для подготовки молодежи? Вы можете ответить на этот вопрос очень просто - да или нет?

H1204 - 0011

H1204 - 0012

ШИРАХ. В целях обучения?

ГОСПОДИ ДОДД. Да.

ШИРАХ. Об этом мне ничего неизвестно. То, что действовали, может быть, офицеры связи, в этом нет ничего необычного, так как практически во всех министерствах и организациях имелись офицеры связи. Но я не помню ничего такого, что Вы сейчас подразумеваете.

ГОСПОДИН ДОДД. Я полагаю, что нам нужно это выяснить прежде всего. Пожалуйста, посмотрите на документ 3931-ПС - это новый документ, который мы предоставляем, как документ США 867, господин председатель.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Какой номер Вы сказали?

ГОСПОДИН ДОДД. США-867.

Теперь, господин свидетель, если Вы посмотрите на этот документ, то Вы увидите, что это письмо, которое Вы послали "дорогому члену партии Борману" в августе 1941 г. Это очень длинное письмо. Я полагаю, что нет никакой необходимости зачитывать его полностью, но я хотел бы обратить Ваше внимание на некоторые места из этого письма, это, возможно, освежит Вашу память в отношении вопросов, связанных с СС. Предварительно один вопрос: СА предложили заняться в 1941 году некоторыми отраслями обучения молодежи, летом 1941 года?

ШИРАХ. В своих показаниях, по-моему в четверг, я сказал, что еще раньше, мне кажется, это было в 1939 году весной, СА предприняла попытку взять на себя допризывную подготовку молодежи. И такие попытки повторялись и в 1941 году.

ГОСПОДИН ДОДД. Да, я знаю, что Вы жаловались Борману на это, когда Вы писали это письмо. Вы припоминаете теперь, не правда ли, уже только при взгляде на это письмо,-а вся

суть письма в том, что Вы жаловались на попытку СА непосредственно полностью руководить обучением некоторых групп молодежи в гитлеровской молодежной организации?

ШИРАХ. Относительно этой длинной телеграммы я ничего не могу сказать, пока я ее не прочту.

ГОСПОДИН ДОДД. Хорошо, посмотрим. Взгляните на вторую страницу английского текста. У Вас там нет нумерации страниц, это одна страница, так как это напечатано на телетайпе. Но приблизительно это в середине первой части письма. Прежде всего я хочу, чтобы Вы нашли заявление о том, что "гитлеровская молодежь считала необходимым с самого начала сделать партию ответственной за руководство и организацию ее военной подготовки". Вы нашли это место?

ШИРАХ. Нет.

ГОСПОДИН ДОДД. Хорошо, найдите первый абзац в Вашем письме, арабская цифра один. Вы найтете там номера 1,2,3 и т.д. Найдите первый номер. Вы нашли, господин свидетель?

ШИРАХ. Да, у меня римское 1.

ГОСПОДИН ДОДД. Хорошо. Именно на это я хочу обратить Ваше внимание. Когда мы увидим место, с которым мы оба согласимся, то нам не нужно будет на нем останавливаться. Вы нашли номер 1? Там говорится, что "уже свыше года организации СА был представлен проект ..." - Вы это нашли? - "согласно которому кадры СА должны были быть выделены для военной подготовки молодежи", но что руководство не согласилось с этим запросом. Затем взгляните ниже, на третий параграф, и затем еще ниже, через три-четыре абзаца. Написано заглавными буквами, по-немецки, то, на что я обращаю Ваше внимание: " Я был бы счастлив, если бы СА предоставило в мое распоряжение

H1204 – 0013

H1204 – 0014

персонал для осуществления этой цели, подобно тому, как это обычно делают СС и полиция уже в течение долгого времени." Господин председатель, в английском тексте это на четвертой странице внизу и на пятой вверху.

Вы нашли эту фразу?

ШИРАХ. Я это место еще не нашел.

ГОСПОДИН ДОДД. Это почти в конце письма, переданного по телетайпу. Вы нашли это место?

ШИРАХ. Да, я нашел.

ГОСПОДИН ДОДД. Вы там говорите, что Вы были бы счастливы, если бы СА предоставила в Ваше распоряжение персонал для осуществления этой цели, как это делали СС и полиция уже в течение долгого времени, и Вы ссылаетесь,- если Вы прочтете абзац перед этой фразой,- на подобную подготовку молодежи, которая уже проводилась. Вы говорите о гитлеровских школах и о подготовке гитлеровской молодежи. Теперь совершенно ясно, не так ли, что Вы действительно пользовались помощью СС в соответствии с Вашими собственными методами, помощью СС и полиции в течении долгого время, прежде чем Вы послали такое письмо?

ШИРАХ. Во время войны - да. Ведь с 1939 года мы вели войну; с начала войны у нас были лагери довоенного обучения и для этих лагерей я искал руководителей; сухопутные силы не могли направить в мое распоряжение достаточного числа военруков. СА также не могла этого сделать. СС могла предоставить в мое распоряжение несколько молодых офицеров. Это могла сделать и полиция.

ГОСПОДИН ДОДД. Следовательно, только с начала войны у Вас появились люди из СС и полиции для подготовки Вашей молодежи, да?

ШИРАХ. Я не думаю, чтобы мы использовали военруков СС еще для чего-нибудь. Как я уже показал, у нас был корпус руководителей, созданный из самой молодежи.

ГОСПОДИН ДОДД. Я снова Вас спрашиваю, Вы хотите,чтобы Трибунал Вас понял так, что только с начала войны Вы пользовались помощью персонала СС и полиции, который был назначен для подготовки молодежи?

ШИРАХ. На этот вопрос я не могу ответить совершенно точно и вот по какой причине: если мы в стрелковом спорте, например, имели свои тиры, то могло быть, что один из военруков был членом СА или членом СС, только потому, что он случайно был одним из лучших спортсменов. Но, кроме таких случаев, я не знаю, в чем заключалось это сотрудничество.

ГОСПОДИН ДОДД. Вы можете сказать, что у Вас не было персонала СС, назначенного для подготовки Вашей молодежи? Я не говорю об отдельных инструкторах, например, лыжного спорта, я говорю о постоянной программе, согласно которой осуществлялась помощь со стороны СС в подготовке молодежи.

ШИРАХ. В этой телеграмме впервые была затребована помощь, которая была необходима в целях военного обучения. Больше я не знаю ни одного момента, где имело бы место сотрудничество.

ГОСПОДИН ДОДД. Известен ли Вам термин " хейакцион",т.е. "акция сена"?

ШИРАХ. Хейакцион? Я не могу этого вспомнить, я не понимаю, что Вы под этим подразумеваете.

ГОСПОДИН ДОДД. Но Вы же каждый день сидите в суде. Вы разве не помните, что здесь было представлено доказательство обвинением, в связи с делом Розенберга,и действием,называемом "акцией сена"?

H1204 – 0015

H1204 – 0016

ШИРАХ. Нет, в настоящий момент я не могу этого сказать, я не помню этого.

ГОСПОДИН ДОДД. Вы разве не помните о разговорах в суде о том, как захватывали молодежь на Востоке и насильственно отправляли ее в Германию, 40 или 50 тысяч молодежи в возрасте от 10 до 14 лет? Вы помните это, не правда ли? Тогда говорилось о том, что одной из целей этого мероприятия было уничтожить биологическую потенциальную возможность этих людей. Вы не знаете, о чем я говорю?

ШИРАХ. Это акция, о которой я вспоминаю только в связи с этим процессом. Но по служебной линии единственно что я могу сказать, это только то, что Аксман во время войны /я не помню, в каком году/ сообщил мне, что он направил на заводы Юнкерса в Дессау большое количество русской молодежи в качестве подмастерьев и учеников в мастерских и что эта молодежь живет там в очень хороших условиях. До этого я не занимался этой акцией, но в начале своих показаний я заявил, что за то, что сделала молодежь во время войны, я беру на себя ответственность и я не отказываюсь от этого. Но я считаю, что молодежь в данном случае не несет за это ответственности. Я вспоминаю показания подсудимого Розенберга о том, что он выполнял запросы армии и военных соединений в данном деле.

ГОСПОДИН ДОДД. Хорошо. У нас здесь имеется документ, который уже представлен как доказательство США-871. Трибунал с ним ознакомился. Я хочу обратить Ваше внимание на то, что здесь говорится: - Розенберг согласился с программой захвата от 40 до 50 тысяч молодежи в возрасте от 10

до 14 лет и перевоза их в империю; здесь также говорится, что эта программа могла быть выполнена при помощи руководства гитлеровской молодежи через посредство бюро министерства Розенберга. Здесь также говорится, что некоторые группы молодежи должны были быть переданы в вспомогательную СС. Теперь я хочу спросить Вас, что именно Вы знаете об этой программе и какое участие принимала гитлеровская молодежь в осуществлении этой программы.

ШИРАХ. Об этой программе я не могу сказать больше того, что я уже сказал.

ГОСПОДИН ДОДД. Вы отвечали за использование в войне гитлеровской молодежи, не так ли?

ШИРАХ. Использование немецкой молодежи в войне проводилось по приказам имперского руководителя молодежи. Из того, что я знаю, я могу дать лишь общую, но не детальную информацию.

ГОСПОДИН ДОДД. Скажите, свидетель, я снова Вас спрашиваю, были ли Вы назначены и выполняли ли Вы обязанности лица, ответственного за использование в войне этой молодежи в Германии? У меня есть документ, который показывает Ваше назначение, если Вы хотите на него посмотреть.

ШИРАХ. Я вовсе не хочу этого оспаривать. В 1939 и 1940 году, когда я был руководителем молодежи, я сам руководил этой работой.

ГОСПОДИН ДОДД. Я говорю о назначении, которое имело место еще позднее, в 1939 или 1940 году. Вы были назначены фюрером в его ставке в марте 1942 года ответственным за использование в войне германской молодежи, не правда ли?

ШИРАХ. Я прошу показать мне этот документ, я точно не помню, я считаю, что это возможно.

ГОСПОДИН ДОДД. Хорошо. Это документ - 3933-ПС, доказательство США 868. Вы говорите, что Вы не знаете о том, что Вы были назначены ответственным за использование в войне германской молодежи, Вам нужно показать документ?

ШИРАХ. Нет. Я не могу лишь по памяти сказать дату. Я считаю, что я с 1939 года ведал вопросами использования молодежи в войне.

11201

H1204 - 0017

H1204 – 0018

ГОСПОДИН ДОДД: Хорошо. Это-то, что я хотел установить,-факт о том, что Вы были ответственны и продолжали быть ответственными за это до самого конца войны.

Мне показалось, минуту тому назад, будто Вы сказали, что руководитель имперской молодежи нес ответственность, а не Вы?

ШИРАХ: Нет. Я сказал, что я могу дать лишь общие сведения, а не детали, так как осуществление использования молодежи в войне проводил Аксман, но этим я вовсе не желаю умалять своей ответственности.

ГОСПОДИН ДОДД: Очень хорошо. Я думаю, что нам достаточно ясно, что Вы фактически были назначены на эту должность, как бы Вам ни хотелось теперь "замять" эту ответственность. Когда Вы впервые стали ответственны за использование молодежи в войне?

ШИРАХ: Насколько я помню, я с 1939 года, т.е. с момента начала войны, отвечал за это, но то, что указ был подписан лишь в 1942 году.....

ГОСПОДИН ДОДД: Хорошо. Мы таким образом согласимся на этой дате: март 1942 года, с которой Вы стали нести ответственность за это дело. Сейчас я попрошу Вас взглянуть на другой документ.

ШИРАХ: Одну минуту, я хочу кое-что пояснить. Здесь речь идет о проекте указа, я не знаю, когда он был подписан, так что совершенно точно я не могу сказать, именно ли в мартовские дни 1942 г. этот указ был подписан Гитлером. Здес Аксман мне сообщает, что проект указа направлен теперь рейхсминистру и начальнику имперской канцелярии, который буде

официально просить согласия соответствующих высших инстанций и который от Бормана...

ГОСПОДИН ДОДД: Право нет необходимости зачитывать это. Что вы хотите сейчас сказать? Вы говорите, что может быть это не было подписано, или что Вы, быть может, не были назначены, или Вы хотите сказать, что Вы были назначены? Ответьте, пожалуйста.

ШИРАХ: Никоим образом. Я говорю лишь, что дата опубликования указа - март 1942 года - не совсем точна, может быть он был опубликован лишь в мае.

ГОСПОДИН ДОДД: Я не придаю такого большого значения дате. Я хочу , чтобы Вы взглянули на документ США-869, это документ 345-ПС. Это сможет помочь Вам в этой программе "акции сена", т.е. в отношении Вашей памяти; это - телеграмма, которую подсудимый Розенберг послал доктору Ламерсу - имперскому канцлеру в ставку фюрера 20 июля 1944 года и Вы увидите, что в первом абзаце говорится следующее: "В связи с соглашением между рейхсмаршалом, как главнокомандующим военно-воздушными силами, рейхсфюрером СС, руководителем молодежи германской империи и имперским министром оккупированных восточных территорий, производится набор молодежи следующих национальностей: русской, украинской, белорусской и т.п. на добровольных началах для работ в империи." Это и есть та самая программа, за которую Вы несли в то время ответственность. Затем, идя дальше, я хочу обратить Ваше внимание на 3-й абзац, который напомнит Вам о том мероприятии "Хейакцион", документ которого уже представлен в качестве доказательства. Эта телеграмма гласит: "На базе предложений военных учреждений, захват молодежи в возрасте от 10 до

H1204-0019

H1204 – 0020

I4 лет и отправка ее на имперскую территорию будет иметь место /Хей-акцион/ в части территории, поскольку молодежь представляет собой не незначительное бремя". И затем дальше: "Целью этого мероприятия является дальнейшее использование молодежи включением ее в имперское молодежное движение и подготовкой подростков для германской экономики в форме, которая соответствует соглашению с генеральным уполномоченным по арбейтэйнзац/использованию молодежи / о белорусской молодежи, которое уже дает свои результаты". Я обращаю Ваше особое внимание на последнюю фразу: "которое уже дает результаты".

И в последнем предложении, в следующей фразе, говорится следующее: "... эта молодежь должна будет быть использована позднее в оккупированных восточных территориях, как особенно надежная строительная сила". Вы можете видеть, что в последнем абзаце говорится следующее: "Акции, указанные в пунктах I и 3-м", которые я только что зачитывал - "известны фюреру". И здесь также есть кое-что о помощи СС в отношении этих акций.

На следующей странице документа имеется телеграмма имперскому маршалу рейхсфюреру СС, руководителю имперской молодежи, имперскому министру внутренних дел и в конце - бюро гаулейтеров, т.е. это тем, кому полагалось получить этот документ.

Что же Вы знаете о захвате молодежи в возрасте от I0 до I4 лет и о передаче ее Вашим молодежным организациям в Германии в годы войны и о том, как многие тысячи молодежи были похищены? Вы знаете об этом?

11904

ШИРАХ: Я уже ранее сказал, что я не хочу ограничивать ответственность, которую я несу за это, но что я лишь позже узнал об этом. Имперским руководителем молодежи и том году был не я, а другое лицо, и он заключал эти соглашения с рейхсфюрером СС и с командующим ВВС. Но мои мероприятия...

ГОСПОДИН ДОДД: /прерывая/ Затем Вы были рейхслейтером молодежи Германии, не правда ли? И в то же самое время Вы были ответственным лицом за использование молодежи в войне в Германии?

ШИРАХ: Я был в Вене 20 июля 1944 г. ~~Вы~~ Может быть, Вы помните, что исторические события того времени в Германии очень занимали всех деятелей. О проведении этого мероприятия я узнал от Аксмана позже и знаю, что квартирные условия, обучение, питание и вообще обращение с этими русскими подростками было исключительно хорошим.

ГОСПОДИН ДОДД: Вы также знаете, что даже в этот час силы союзников пытаются найти тысячи этих молодых людей и вернуть их на родину. Знаете ли Вы, что в сегодняшних газетах указывается, что 10.000 молодежи еще не обнаружено?

ШИРАХ: Я не думаю, что речь идет о той молодежи, которая была размещена в домах для подмастерьев и в очень благоприятных условиях получала хорошее профессиональное образование.

ГОСПОДИН ДОДД: Видите ли, из этого документа 345-ПС совершенно ясно, что эта программа по существу была в действии, письмо Розенберга говорит об этом. Он констатирует, что "эта программа уже дала свои результаты". Следовательно, Ваши молодежные организации имели к этому какое-то отношение, прежде, чем это письмо было послано.

11905

H1204-0021

H1204 – 0022

ШИРАХ: Я вовсе не оспаривал этого. В составе министерства по делам восточных областей действовали также и руководители молодежи и исходя из того, что я слышал здесь, на процессе, я хочу сказать, что я очень хорошо понимаю генералов, которые оперировали на Восточном фронте и заявляли, что молодежь должна быть вывезена из этой зоны военных действий. Речь идет о том, что эта молодежь в возрасте IO-I4 лет была удалена от фронта.

ГОСПОДИН ДОДД: С помощью СС? Сейчас я хочу показать Вам другой документ, II37-ПС, который даст Вам некоторое представление, если Вы не помните о том, что именно сделали с этой молодежью и сколько ее. Это документ США-870.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Господин Додд, абзац внизу первой страницы этого документа имеет отношение к другому подсудимому.

ГОСПОДИН ДОДД: Да, господин председатель. Извините. Я проглядел это. Я прочту его для протокола, если можно, в данном случае. Господин свидетель, я снова обращаю Ваше внимание на этот документ 345-ПС, чтоб Вы знали, где я читаю. Вы увидите, что в последнем абзаце письма Розенберга к доктору Ламмерсу мы находим следующую фразу:

"Я узнал, что гаулейтер Заукель будет в ставке фюрера 2I июля I944 года; я прошу, чтобы это было согласовано с ним и затем представлено в форме доклада фюреру". Заукель также принимал участие в этом захвате молодежи от IO до I4 лет, да? Вы знаете об этом?

ШИРАХ: Об этом я ничего не знаю и не могу дать никаких сведений.

ГОСПОДИН ДОДД: Хорошо. Этот документ 1137-ПС начинается письмом от генерала, вернее это письменный меморандум, внутриведомственный, он датирован 27 октября 1944 г. и заканчивается отчетом бригадного генерала гитлеровской молодежи человека, носящего фамилию Никель. Кстати, Вы знаете Никеля? Н-и-к-е-л-я?

ШИРАХ: Имя мне знакомо, возможно, что я знал его лично, но в данный момент у меня нет никакого представления, связанного с этим именем. Он был не бригадным генералом, а гауптбаннфюрером.

ГОСПОДИН ДОДД: Хорошо. Кто бы он ни был, он был одним из руководителей Вашей молодежной организации. Это все, что я старался установить. Возможно, я перепутал его звание. У нас записано - бригадный генерал. Но, во всяком случае, если Вы посмотрите на этот документ, то увидите, что он отчитывается в захвате этой молодежи на оккупированной восточной территории; это-октябрь 1944 г. Этот документ начинается следующими словами: "5 марта 1944 года я получил приказ открыть учреждение для набора молодежи с 15 до 20 лет из населения оккупированных восточных территорий для использования в военной промышленности в империи". Далее он дает цифры и рассказывает, где он начал свою работу: в Литве, Эстонии, на восточном фронте, среднем секторе, южном секторе восточного фронта. Затем идет следующая страница английского текста - я думаю, что и у Вас это следующая страница, - на которой говорится о том, как их распределили - тех, кого захватили. 1.383 русских в вспомогательные войска СС, 5.953 украинца - в вспомогательные войска СС, 2.354 белоруссa - также в СС; 1.012 литовцев - в СС; затем он переходит к военно-воздуш-

H1204 – 0023

H1204 – 0024

ному флоту: 3.000 эстонцев - в вспомогательные войска военно-воздушных сил и т.п. Некоторых взяли во флот. Я не собираюсь зачитывать Вам всего; но это уже дает Вам представление о том, как распределялись эти юноши и девушки. Вы можете заметить, что значительное число было использовано в СС.

ШИРАХ: Да, но гауптбанфюрер Никель на этом письме поставил штамп, на котором написано: "Имперский министр по делам оккупированных восточных областей". Он действовал в этом случае не по поручению руководителя имперской молодежи, а по поручению министра по делам восточных оккупированных областей.

ГОСПОДИН ДОДД: Я хочу только попросить Вас посмотреть на 6-ю страницу, это вероятно, 5-я страница Вашего подлинника на немецком языке. Вы найдете то место, где перечисляется то, что делал персонал Никеля для осуществления этой задачи. У него были члены гитлеровской молодежи, которые следующим образом делили свои функции: 5 общих руководителей, 3 руководителя БДМ, 71 руководитель немецкой молодежи, работавшей переводчиками и помощниками инструкторов, 26 руководителей СС, 234 человека младшего командного состава войск, и шоферы и переводчики СС. А из личного состава военно-морского флота у него было 37 офицеров, 221 человек младшего командного состава и т.д. Оказала ли эта программа, в которой Ваша молодежь принимала участие, какую-либо помощь Вашей памяти? Вспоминаете ли Вы сейчас несколько больше?

ШИРАХ: Этот документ совершенно не помогает моей памяти. Я узнал обо всем этом из документа о деятельности министра по делам восточных оккупированных областей. Я беру на себя ответственность за то, что было произведено по моим приказам, а за то, что было сделано по приказам других, должны отвечать другие.

ГОСПОДИН ДОДД: Разрешите мне показать Вам кое-что, имеющее отношение к Вашему ответу. Этот штат, который я сейчас зачитывал, лишь одна часть этой программы. А на последней странице документа Вы увидите насколько широка была область, в которой развертывалась деятельность Никеля. Он действовал в согласии с молодежными организациями в Нидерландах, нацистско-гитлеровской ассоциацией молодежи в Словакии и Венгрии, особенно с нацистскими лагерями беженцев в самой Германии, и затем, что довольно интересно, с полевыми штабами в Вене. Это то место, где Вы тогда находились. Да? А Вы говорите Трибуналу, что Вы ничего не знали об этой программе и об участии в ней Ваших руководителей гитлеровской молодежи.

ШИРАХ: Мне Никель не делал докладов и я не получал ни письменных, ни устных сообщений. Его доклад, как видно из этого письма, был предназначен для имперского министра по делам восточных оккупированных областей.

В какой степени об этом информировался имперский руководитель гитлеровской молодежи - мне неизвестно. Я сам не знаю об этих событиях. То, что я об этом знаю, я точно изложил уже в своих показаниях. Это относится к заводам Виккерса, к профессиональному обучению, которое проходила

11909

H1204 - 0025

H1204 – 0026

эта молодежь в Германии. Больше я ничего об этом не знаю.

ГОСПОДИН ДОДД: Обратите также внимание, если хотите, господин свидетель, что группы Вашей гитлеровской молодежи были в Польше и даже в Северной Италии. А сейчас я снова спрашиваю Вас, старого руководителя гитлеровской молодежи, руководителя, отвечающего за использование молодежи в войне, гаулейтера Вены, принимая во внимание то, что часть этой программы осуществлялась в Вене, а вся эта программа проводилась в таких широких размерах, Вы все еще хотите, чтобы Трибунал Вам поверил, что Вы ничего об этом не знали?

ШИРАХ: Я ничего не знаю об этом, но я беру на себя за это ответственность.

ГОСПОДИН ДОДД: Вы сказали Трибуналу при прямом допросе, что Вы написали письмо Штрейхеровскому "Штюрмеру". Я хотел-бы представить его в качестве доказательства, господин председатель, чтобы Трибунал имел представление о том, что там говорится. Имеется ввиду письмо в газету "Штюрмер", которое появилось на первой листе "Штюрмера". Может быть, Вы хотите посмотреть, Вы, конечно, это можете сделать, господин свидетель. Это документ США-871.

/Обращаясь к свидетелю/. Я хочу, чтобы Вы сначала взглянули на документ, прежде чем я его зачту.

ШИРАХ: Об этом я уже дал ранее свои показания.

ГОСПОДИН ДОДД: Хорошо. Я не собирался говорить об этом более детально. Но что я действительно хочу спросить Вас, господин свидетель, ~~так~~ это следующее: Правильно ли я Вас понял, если я скажу, что из Ваших показаний мы вынесли такое впечатление, будто это Гитлер приказал выселить евреев из Вены, а Вы фактически этого не предлагали и даже не желали,

чтобы это было проведено в жизнь? Правильное это понимание Ваших показаний, которые Вы дали день или два тому назад?

ШИРАХ: Я уже ранее констатировал и повторяю, что идея эвакуации евреев из Вены была идеей Гитлера, которую он изложил мне в 1940году в главной ставке. Далее, я показал, что под давлением событий в ноябре 1943 года я действительно считал, что для еврейского населения будет лучше переселиться в определенные области, вместо того, чтобы служить мишенью для непрестанных выпадов геббельсовской пропаганды и геббельсовских акций. Я хочу это констатировать с полной ясностью. Далее, в этой связи, я сказал, что я поддерживал это мероприятие, но не проводил его.

ГОСПОДИН ДОДД: У Вас было совещание в октябре 1940 года в ставке фюрера, где присутствовал подсудимый Франк и знаменитый Кох, о котором мы так много слышали. Вы помните об этом совещании?

ШИРАХ: Я точно не помню.

ГОСПОДИН ДОДД: Хорошо. Вы хотите сказать, что Вы вообще не помните об этом совещании?

ШИРАХ: В октябре 1940 года я был в имперской канцелярии, это было в то время, когда я организовал эвакуацию молодежи. Возможно, что во время обеда я...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вас спросили, помните ли Вы об этом совещании, которое имело место в октябре 1940 года, где присутствовали названные лица? Вы помните о нем или нет?

ШИРАХ: Я об этом не помню. Если я получу документ, то я может быть смогу подтвердить его.

H1204 – 0027

H1204 – 0028

ГОСПОДИН ДОДД: Очень хорошо. Это то, что я хотел знать. Сейчас я Вам покажу документ. Это - документ СССР-172. Он был частично прочитан в суде полковником Покровским. Обратите внимание на следующее. Там говорится, что 2 октября /между прочим, это меморандум об этом совещании, составленный Мартином Борманом, который, я полагаю, тоже там был/ ", после обеда, в кабинете фюрера началась беседа относительно положения в генерал-губернаторстве: "Обращение с поляками и об"единение уже одобрено фюрером в некоторых районах Цихенау". И дальше: "Беседа началась, когда рейхминистр д-р Франк информировал фюрера о том, что деятельность в генерал-губернаторстве проходит весьма успешно. Евреи Варшавы и других городов уже заперты в гетто, а Краков ~~им~~ скоро уже буде очищен от них. Рейхолейтер фон Ширах, который сидел рядом с фюрером, заметил, что у него все еще есть более 50 тысяч евреев в Вене, которых д-р Франк должен будет взять у него Член партии д-р Франк сказал, что это невозможно. Тогда гаулейтер Кох указал, что у него тоже еще до сих пор имеются неперевезенные евреи и поляки из области Цихенау, но эти поляки и евреи, конечно, должны теперь быть приняты генерал-губернатором". И затем д-р Франк также протестовал против этого; он сказал, что для этого нет жилищных условий. Это я не цитирую, а пересказываю о том, что не было и других нужных условий. Вы теперь помните об этом совещании?

ШИРАХ: Теперь я освежил это в своей памяти.

ГОСПОДИН ДОДД: И Вы полагали, что у Вас имеется 50 тыс. евреев, которых Вы должны перевести на территорию

Франка из Вены?

ШИРАХ: В такой формулировке это неверно. Фюрер спросил меня, сколько евреев еще в Вене. Об этом я уже говорил в своих показаниях ранее. В документе записано, что тогда еще имелось 60 тыс. евреев в Вене. Во время этой беседы, обсуждавшей вопрос о поселении евреев в генерал-губернаторстве, я также сказал, что еще перевезти из Вены 50.000 евреев в генерал-губернаторство. Я уже сказал Вам ранее, что, вследствие событий в ноябре 1938 года, я считал правильным этот план Фюрера о переселении евреев в замкнутую область поселения.

ГОСПОДИН ДОДД: Затем, позднее, как Вы знаете сами из документа США-681, о котором говорил Вам собственный защитник, Ламмерс послал Вам телеграмму в Вену о том, что Гитлер решил, получив один из докладов, подготовленных Вами, что 50.000 евреев в Вене должны быть высланы в самый кратчайший срок, и это было ровно через два месяца после этого совещания, которое у Вас было с Франком, Кохом и Гитлером - не так ли?

ШИРАХ: Да, фюрер ведь с 1937 года поддерживал мысль - я нахожу, что это видно из записей Госбаха - о выселении еврейского населения. Мне об этом было сообщено в августе 1940 года, когда я явился к нему по случаю моего назначения гаулейтером Вены. Он у меня спросил, сколько евреев в Вене. Я ответил на этот вопрос. Он хотел переселить евреев в генерал-губернаторство, что действительно и имело место.

H1204 – 0029

H1204 – 0030

ГОСПОДИН ДОДД: Сколько евреев Вы фактически выселили из Вашей области, пока Вы были гаулейтером?

ШИРАХ: Прежде всего проведение этой акции осуществлялось не мной и я не знаю, сколько евреев из 60 тысяч, проживавших в Вене, было выселено оттуда.

ГОСПОДИН ДОДД: Имеете ли Вы какое-нибудь представление о том, куда они делись?

ШИРАХ: Мне было сообщено, что старики направляются в Терезиенштадт, остальные - в Польшу. Я даже один раз, мне кажется, в связи с назначением меня имперским наместником или по случаю доклада об эвакуации детей, ~~я~~ спросил Гитлера, чем должны заниматься эти евреи. Он мне ответил - в соответствии с их профессиями.

ГОСПОДИН ДОДД: Хорошо, мы позднее перейдем к этому. Вы помните, не правда ли? ~~,~~ что они были посланы, во всяком случае некоторые из них, в города Ригу и Минск и Вы были уведомлены об этом? Вы помните, что Вы получили такие сведения?

ШИРАХ: Нет.

ГОСПОДИН ДОДД: Посмотрите на документ № 3921-ПС, США-872. Это сообщение об эвакуации евреев. Из него видно, что 50 тысяч евреев должны были быть высланы в области Минска и Риги и вы, как комиссар по обороне империи, получили копию этого отчета и если Вы посмотрите на последнюю страницу Вы увидите инициалы Вашего первого заместителя из СС Дельбрюге, а также печать Вашей канцелярии при получении документа.

ШИРАХ: Я вижу лишь, что доктор Дельрюге занес это событие в документы. На них имеется надпись "в досье".

ГОСПОДИН ДОДД: И он Вам не рассказал об этом отчете, касающемся евреев, ~~даже~~, хотя Вы и говорили с Гитлером об этом, об их выселении из Вашей области? Повидимому, Ваш первый заместитель не удосужился сообщить Вам об этом? Вы хотите, чтобы мы Вас именно так поняли?

ШИРАХ: Да.

ГОСПОДИН ДОДД: Но тогда посмотрите на другой документ, который прольет свет на этот вопрос. Это документ США 308, который уже был представлен в качестве доказательства, где говорится о том, что произошло с евреями в Минске и Риге, и который также поступил в вашу канцелярию, если Вы это помните. Может быть нет необходимости снова Вам показывать этот документ? Вы помните этот документ - это один из ежемесячных отчетов от Гейдриха, где говорится, что в Риге было 29.000 евреев, но это число было доведено до 2.500. Вообще же 33.210 евреев были расстреляны специальным подразделением - айзатцгруппа. Вы помните об этом?

ШИРАХ: Во время прошедших двух дней я просмотрел эти месячные отчеты и относительно их должен сказать в принципе следующее: На первой странице имеются инициалы Д.Ф., это - инициалы доктора Фишера, а сверху написано не мной, а моим чиновником от имени регирунгспрезидента "в дело". Если бы я их читал...

ГОСПОДИН ДОДД: Я не говорю о том, что Ваши инициалы стоят на подобных документах, я говорю, что эти документы прибыли в Ваше управление и поступили к одному из ваших главных помощников.

H1204-0031

H1204 – 0032

ШИРАХ: Если бы они был мне предоставлен, там была бы пометка: "предоставлено имперскому руководителю" и ниже была бы пометка референта. Если я принял его к сведению, то там стояли бы мои инициалы.

ГОСПОДИН ДОДД: Да, я хочу напомнить Вам дату отчета - это февраль 1942 года. Я хочу напомнить Вам, что также и здесь Гейдрих сообщал, сколько евреев они убили в Минске.

Затем, однажды, Вы произнесли речь в Польше о польской или восточной политике Германии. Вы помните об этом, господин свидетель?

ШИРАХ: В Польше?

ГОСПОДИН ДОДД: Да, в Польше.

ШИРАХ: В Польше в 1939 году я был некоторое время проездом, а позже, мне кажется, не бывал там.

ГОСПОДИН ДОДД: Сегодня утром у Вас что-то исключительно плохая память. Вы не помните свою речь в Котовицах 20 января 1942 года.

ШИРАХ: В Верхней Силезии?

ГОСПОДИН ДОДД: Да, в Верхней Силезии, Вы помните эту речь?

ШИРАХ: Да я припоминаю, в Котовицах я произнес речь.

ГОСПОДИН ДОДД: Говорили ли Вы о гитлеровской политике на восточных территориях?

ШИРАХ: Я не помню, что я тогда сказал. Я произносил много речей.

ГОСПОДИН ДОДД: Я попрошу, чтобы Вам показали документ Д-664 доказательство США-873. Вы обращались тогда к партийным руководителям и к руководителям германской молодежи?

ШИРАХ: Да.

ГОСПОДИН ДОДД: В 7-м абзаце говорится о задачах германской молодежи на Востоке. Гитлеровская молодежь должна была проводить политическое обучение согласно принципам восточной политики фюрера, и Вы говорили о том, что чрезвычайно благодарны фюреру за то, что он заставил германский народ повернуться лицом к Востоку, потому что Восток был судьбой Ваших людей. Что Вы тогда понимали под восточной политикой фюрера и вообще хорошо ли Вы ее понимали в то время?

ШИРАХ: Речь была произнесена в Верхней Силезии и в благодарность за то, что мы получили обратно эту область.

ГОСПОДИН ДОДД: Я Вас, право, об этом не спрашивал. Я спрашивал Вас, понимали ли Вы тогда достаточно хорошо восточную политику фюрера, когда Вы произносили эту речь?

ШИРАХ: Тогда я, естественно, под впечатлением нашей победы над Польшей и возвращения германской земли, относился положительно к политике на Востоке.

ГОСПОДИН ДОДД: Вы не только ее подтверждали, я хочу знать, действительно ли Вы ее понимали?

ШИРАХ: Я не знаю, как я могу ответить на этот вопрос. Повидимому, Гитлер понимал под политикой на Востоке нечто совершенно иное, чем я.

ГОСПОДИН ДОДД: Но суть моего вопроса заключается в том, что он говорил с Вами об этом, не правда ли, до того, как Вы произнесли свою речь? Вы лучше снова взгляните на документ СССР-172, который находится у Вас в руках. Вы обнаружите, что после того, как Вы, Франк и Кох и Гитлер, закончили разговор о выселении евреев из Вены, фюрер тогда сказал Вам, что он намеревается сделать с поляками. Это не очень красивая история, но Вы все-таки посмот-

H1204-0033

H1204 – 0034

рите на этот документ.

ШИРАХ: Гитлер говорит здесь: "Идеальная картина такова: Поляк имеет право иметь лишь небольшие участки земли, которые в известной степени обеспечивают только питание только его и его семье. Все остальные средства, которые ему нужны на одежду, дополнительное питание и т.д., он должен зарабатать в Германии. Генерал-губернаторство - это главная контора по найму неквалифицированных рабочих, в особенности сельскохозяйственных рабочих; существование этих рабочих обеспечивалось бы, так как их всегда можно использовать, как дешевую рабочую силу".

О сельскохозяйственных рабочих для Польши больше не будет речи."

ГОСПОДИН ДОДД: Разрешите мне прочесть Вам те места, которые, мне кажется, Вы пропустили:

"Фюрер затем подчеркнул, что поляки, в отличие от германских рабочих, рождены для тяжелого труда..." и т.д. "Жизненный уровень в Польше должен быть и оставаться чрезвычайно низким".

И затем на следующей странице: "Мы, немцы, с одной стороны, имеем перенаселенные промышленные районы и, с другой стороны, мы нуждаемся в рабочей силе в сельском хозяйстве. Там мы можем использовать поляков. Для достижения этой цели имеется достаточные ресурсы в генерал-губернаторстве, так что каждый год мы можем фактически получать оттуда рабочую силу. Следует помнить, что не должно быть никаких польских земельных собственников. Как бы это ни звучало жестоко, там где они есть, они должны быть уничтожены.

Насколько я понимаю, нельзя также допускать смешения крови с поляками". Далее, он еще раз подчеркнул, что "над поляками должен быть один господин - это немцы. Два хозяина не могут существовать одновременно. Все представители польской интеллигенции должны быть уничтожены. Это звучит жестоко, но таков закон жизни".

Остановимся на этом на минуту. Господин свидетель, Вы, как Вы заявили Трибуналу, представитель культуры. Можете ли Вы сейчас сказать, какое впечатление на Вас произвела политика фюрера, изложенная им в такой форме?

ШИРАХ: С этим намерением фюрера я никогда не был согласен, разговаривал с ним относительно политики на Украине в 1943 году. В 1942 г. я говорил в Катовицах перед немецким населением, что я не подозревал об этой жестокой польской политике Гитлера.

ГОСПОДИН ДОДД: Но Вы знали об этом, когда Вы произносили Вашу речь, не так ли?

ШИРАХ: После двух лет я уже не помнил об этом и не имел этого в виду, когда произносил свою речь.

ГОСПОДИН ДОДД: Вы забыли, что Гитлер сказал Вам, что он должен уничтожить польскую интеллигенцию, что Вы должны были быть господами этих людей, что они должны продолжать жить на очень низком уровне? Это все так легко исчезло из Вашей памяти?

ШИРАХ: В этой речи в Катовицах, о которой я хорошо помню, я говорил о совершенно других вещах, и я полагаю, что обвинение имеет стенограмму этой речи. Ее и надо было пред"явить здесь. Здесь же только небольшие выдержки из нее.

11919

H1204 – 0035

H1204 – 0036

ГОСПОДИН ДОДД: Но видите ли, господин свидетель, дело в том, что, зная, в чем заключалась восточная политика, я хотел бы, чтобы Вы сказали Трибуналу, как Вы могли пропагандировать и восхвалять эту политику среди групп молодежи во время своего выступления в Катовицах?

ШИРАХ: Политика, которую я рекомендовал в своей речи руководителями молодежи, и это не была та политика, о которой говорил Гитлер.

ГОСПОДИН ДОДД: Конечно, Вы сказали в своей речи, что это была политика фюрера и Вы знали какова она была, но я не буду больше настаивать, если Вы отвечаете таким образом.

ШИРАХ: Об этом я уже говорил. Может быть, я очень часто следовал политике Гитлера, в силу ошибочной преданности ему. Я знаю, что это было неверно.

ГОСПОДИН ДОДД: Это то, что я хочу знать. Вы действовали, не правда ли, в порыве преданности фюреру. Сейчас Вы признаете, что это было ошибочным, и это все, о чем я Вас спрашивал; и, если Вы скажете это Трибуналу, я буду вполне удовлетворен.

ШИРАХ: Да, я готов признать это.

ГОСПОДИН ДОДД: Очень хорошо. В таком случае, господин свидетель, мы непосредственно подходим к существу вопроса; к ответу на все то, о чем говорилось выше.

ШИРАХ: Нет этого я не признаю.

ГОСПОДИ ДОДД: Не должны ли Вы сказать Трибуналу, что Ваше письмо "Штюрмеру" и все эти вопросы, касавшиеся еврейского народа, которые Вы ставили перед молодежью, и это

медленное, но верное стимулирование расовой ненависти к евреям, сотрудничество с СС, Ваше обращение с евреями в Вене, это все то, за что Вы несете ответственность?

ШИРАХ: Нет.

ГОСПОДИН ДОДД: Наконец, я хочу представить, господин председатель, как доказательство несколько отрывков из еженедельных отчетов СС, о которых я кратко говорил в пятницу. Они должны быть представлены Трибуналу. Их всего 55, господин председатель, и следуют они неделя за неделей. На всех них имеется штамп учреждения подсудимого, поскольку он их получал. Затем имеются ежемесячные отчеты, начиная с того времени, как они стали выходить; они поступали еженедельно. У нас они еще не все переведены и размножены , но, если подсудимый хочет представить Трибуналу некоторые другие отчеты, мы их, конечно, переведем.

Из этих отчетов мы выбрали некоторые примеры для того, чтобы проиллюстрировать характер этих еженедельных отчетов. Я хотел бы их представить под номерами, начиная с I мая 1942 г. - отчет № I, отчет № 4, отчеты №№ 6,7,9,38,4I,49. Сейчас я хочу, господин свидетель, справедливо раз"яснить Вам этот вопрос. Кроме заявлений, касавшихся того, что произошло с евреями, Вы найдете в этих еженедельных отчетах ряд обзоров о действиях партизан на Востоке. Эти отрывки преимущественно связаны с тем, что происходило с евреями; у нас мало отчетов, господин председатель, относящихся к деятельности партизан. Однако, все же у нас имеются отчеты о действиях партизан, а не евреев, так что мы хотим, чтобы не было никаких сомнений в том, как мы используем эти еженедельные отчеты.

11921

H1204-0037

H1204 - 0038

Я хочу только спросить Вас в отношении этих еженедельных отчетов: припоминаете ли Вы сегодня, что Вы получали их каждую неделю в Вашем учреждении?

ШИРАХ: Это ведь не мое учреждение. У меня было центральное бюро. Референт этого бюро, которым руководил регирунгспрезидент, переписывал, как это следует из заметок и что смогет подтвердить всякий сведущий немецкий чиновник, переписывая документ, бюро представляло его регирунгспрезиденту, а тот писал на нем: " в дело" и ставил на нем свои инициалы. Так что я совсем не могу знать этих документов.

ГОСПОДИН ДОДД: Подождите одну минуту. Вы были имперским уполномоченным по обороне этих территорий? Не правда ли?

ШИРАХ: Да.

ГОСПОДИН ДОДД: И это-печать получена на этих еженедельных отчетах, да?

ШИРАХ: Да.

ГОСПОДИН ДОДД: Так что же Вы тогда говорите, что это не ваше учреждение?

ШИРАХ: Так как корреспонденция, которую я получал, подобно тому, как она поступает в бюро министра, попадала ко мне в центральное бюро. Если она была получена, там должны иметься соответствующие отметки. Теперь я понимаю, регирунгспрезидент, учитывая мою загруженность работой, дела, которые не имели никакого отношения к Вене и к моей деятельности и носили лишь информационный характер и касались событий России-в 90% они касались борьбы с партизанскими бандами в России, - вообще не предстаавлял мне.

ГОСПОДИН ДОДД: Я снова Вас спрашиваю, как я уже много раз делал во время этого допроса, был ли Дельбрюгге, который ставил свои инициалы на этих отчетах, Вашим главным заместителем? Да или нет?

ШИРАХ: Да. Он был одним из моих трех заместителей.

ГОСПОДИН ДОДД: И он был также членом СС?

ШИРАХ: Дельбрюгге был одним из высших командиров СС, он был особо доверенным лицом рейхсфюрера СС.

ГОСПОДИН ДОДД: Каким образом он начал работать для Вас?

ШИРАХ: Он был ко мне послан.

ГОСПОДИН ДОДД: Господин председатель, я не думаю, что следует зачитывать отрывки из этих еженедельных отчетов. Они переведены на все четыре языка, т.е. Простите, меня, оказывается, неправильно информировали, я думал, что они переведены. В таком случае я полагаю, что лучше будет их перевести и затем уже позднее предоставить, чем зачитывать сейчас.

У меня больше нет вопросов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хотят ли другие обвинители произвести перекрестный допрос? (К микрофону подходит представитель Советского Обвинения генерал Александров).

Александров: Советское Обвинение...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Мы лучше сейчас сделаем перерыв.

/Перерыв на 10 минут/.

Встать! Суд идет!

АЛЕКСАНДРОВ: Вы признаете, что гитлерюгенд ставил своей задачей внедрение своей идеологии немецкой молодежи и детям, начиная с 9-летнего возраста? /Пауза/

11923

H1204 – 0039

H1204 – 0040

Вы слышите меня?

ШИРАХ: Я понял вопрос в таком смысле: признав ли я, что я прививал гитлеровской молодежи в возрасте от 10 до 14 лет фашистские идеи? Как я уже говорил в своих показаниях дня два тому назад, я считал своим долгом и своей обязанностью воспитать немецкую молодежь гражданами национал-социалистского государства.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Это не ответ на вопрос. Вам совершенно не нужно повторять то, что Вы говорили уже во время предыдущих показаний. Отвечайте только на вопрос: Вы признаете, что Вы прививали гитлеровской молодежи идеи Гитлера? Да или нет?

ШИРАХ: Я не могу ответить на это "да", потому что между фашизмом и национал-социализмом есть большая разница. Поэтому я не могу ответить "да". Я воспитывал немецкую молодежь в национал-социалистском духе. На это я отвечаю "да".

АЛЕКСАНДРОВ: Я хочу теперь, чтобы вы повторили мне показания, которые Вы дали на допросе 16 ноября 1945 г. Вы тогда сами следующим образом определили свое личное отношение к Гитлеру /цитирую ваши показания/: "Я являлся восторженным приверженцем Гитлера и относился ко всему тому, что он говорил и писал, как к откровению". Кончаю цитату. Вы подтверждаете эти показания?

ШИРАХ: Этого я не говорил. Это не протокол, который я видел. Я никогда не говорил о Гитлере как о божестве. Никогда. Я совершенно точно помню, о том допросе, который проводили Вы, г-н генерал. Вы меня тогда спросили, был ли

я восторженным приверженцем Гитлера. Я ответил утвердительно на этот вопрос. Я имел в виду время, когда я впервые стал участником этого движения. Я никогда не приводил этого сравнения, которое сейчас здесь приводится, никогда не говорил о том, что я верил в Гитлера как в божество. Никогда.

АЛЕКСАНДРОВ: Вы меня неправильно поняли. Здесь о божестве никакой речи не идет. В ваших показаниях записано /я повторяю/: "Я являлся восторженным приверженцем Гитлера и относился ко всему тому, что он говорил и писал, как к откровению". Подтверждаете Вы эти показания или нет? /Пауза/. Отвечайте прямо на вопрос.

ШИРАХ: Перевод, повидимому, неточный. Я прошу еще раз точно поставить мне этот вопрос.

АЛЕКСАНДРОВ: Я цитирую Ваше показание: "Я являлся восторженным приверженцем Гитлера и относился ко всему тому, что он говорил и писал, как к откровению". Правильно это?

ШИРАХ: Как я уже сказал, мне сейчас так передали перевод, будто я был восторженным приверженцем Гитлера и воспринимал как откровение все то, что он говорил. Такой бессмыслицы я не мог сказать.

Д-р СЕРВАТИУС: Позвольте мне сделать маленькое замечание относительно перевода. По-моему, по-немецки будет правильно сказать так: "Я считал истиной то, что говорил Гитлер, а не откровением". Это ошибка в переводе; если это исправить, то все будет понятно.

11925

H1204 – 0041

H1204 – 0042

АЛЕКСАНДРОВ: Ваш защитник помог Вам, чтобы Вы могли ответить на мой вопрос.

ШИРАХ: Господин генерал! Это был не мой защитник, а защитник подсудимого Заукеля. И если таков верный перевод "как истина", + то все в целом получает другой смысл и приблизительно соответствует тому, что я Вам показал, когда говорил о периоде времени моей юности.

АЛЕКСАНДРОВ: Вы в своей книге "Гитлерюгенд" писали, на странице 17-й: "Книга Гитлера "Майн кампф" была нашей библией". Вы это подтверждаете? Вы это писали?

ШИРАХ: Но я кое-что прибавил к ней в своей книге. "Гитлеровская молодежь, ее вера и организация". Я хочу прежде всего сказать, что я написал эту книгу. Я написал ее...

АЛЕКСАНДРОВ: Я Вас перебиваю. Мне не нужно таких пространных об"яснений; я хотел бы, чтобы Вы ответили - написана эта фраза в Вашей книге или нет?

ШИРАХ: Я только-что подтвердил это, но к этому подтверждению я должен дать раз"яснение, которое я и хочу сейчас сделать. Я говорил в моей книге, которую я написал в 1933 году и которая была опубликована в 1934 году, следующее: "Мы не могли еще в подробностях обосновать наше мировоззрение. Мы просто верили. И, когда появилась книга Гитлера "Майн кампф", эта книга стала библией, которую мы учили почти наизусть, чтобы суметь ответить на вопросы сомневающихся и располагающих большим материалом критиков". Да, я тогда так писал. Это правильно.

АЛЕКСАНДРОВ: Теперь я хочу задать Вам уточняющий вопрос. Вы признаете, что "Гитлерюгенд" была политической организацией, которая под руководством НСДАП проводила поли-

тику этой партии в отношении ~~отношительно~~ немецкой молодежи?

МИРАХ: Гитлеровская молодежь была большой воспитательной организацией на политической основе. Я не могу признать, что ее руководила партия. Я руководил ею, и, поскольку я был членом партийного руководства, ~~то~~ постольку можно говорить о руководстве партии. Но я не знаю, почему я должен подтверждать сейчас это, я ведь уже давал показания по этому поводу. Правильно, что гитлеровская молодежь была молодежной организацией партии. Если таков смысл вашего вопроса, то я готов ответить утвердительно.

АЛЕКСАНДРОВ: Я имел это в виду. Я напомню Вам теперь, какие задачи ставил Гитлер в деле воспитания немецкой молодежи. Об этом говорится в книге Раушнига. Эта книга была уже представлена Трибуналу в качестве документального доказательства под № СССР-378. Я цитирую со страницы 252 этой книги: "Мы вырастим молодежь, перед которой содрогнется мир, молодежь резкую, требовательную, жестокую. Я этого хочу. Молодежь должна обладать всеми этими качествами, она должна быть безучастной к страданию. В ней не должно быть ни слабости, ни нежности. Я хочу видеть в ее взоре блеск хищного зверя". /Конец цитаты/.

И Вы воспитали немецкую молодежь в соответствии с этими требованиями Гитлера, Вы это признаете? Отвечайте.

МИРАХ: Я не признаю того, что пишет г-н Раушнинг. Я совершенно случайно был свидетелем одного разговора между Гитлером и Раушнингом и должен сказать, - то, что он пишет в своей книге, является неправильной передачей высказываний Гитлера. Случайно я был лично свидетелем такого

H1204 – 0043

H1204 – 0044

разговора. По вопросу о воспитании Гитлер мне не давал таких директив, которые г-н Раушнинг трактует как задачи гитлеровской молодежи, поставленные передо мной Гитлером.

АЛЕКСАНДРОВ: От Вас не требуется таких пространных об"яснений. Я прошу более кратко отвечать на задаваемые вопросы, чтобы сократить время допроса. Вы здесь утверждали, что "Гитлерюгенд" не воспитывала в немецкой молодежи духа милитаризма и не подготовляла ее к будущим агрессивным войнам. Я напомню Вам некоторые Ваши высказывания из той же Вашей книги "Гитлерюгенд"; на странице 83 этой книги, говоря о младшем поколении "юнгфольк", Вы писали: "Они - носители нацистского стиля. Торговцы игрушками волнуются, что этим детям не нужно более игрушек. Их интересуют походные палатки, копье для метания, компас и карта. ~~Воспитание~~ Это особенность нашей молодежи. Все, что против нашего единства, должно быть предано огню, кострам". Не руководствовались ли этими Вашими директивами воспитанные "Гитлерюгенд" солдаты немецкой армии, поджигая дома мирных жителей на оккупированных территориях? Это написано в Вашей книге, то, что я сейчас прочитал?

ШИРАХ: То, что здесь лежит передо мной, написано в моей книге, а того, что мне перевели, в ней нет.

АЛЕКСАНДРОВ: Внесите свои поправки.

ШИРАХ: Для этого я должен просить разрешения огласить подлинник этого текста: "Торговцы игрушками жаловались мне, что эти мальчики, речь идет о молодом поколении, не хотят более иметь дело с игрушками; их интересуют географические карты, компасы, плащ-палатки и копья для метания. Я не могу почомь этим торговцам игрушками, потому что

время, когда дети играли только игрушками, давно прошло. Не только торговцы детскими игрушками жалуются теперь, но и фабриканты, производящие детские шапочки. Кто теперешние школьники, мальчики или девочки? В некоторых городах мальчики собрались вместе и публично сожгли школьные фуражки. Фактически, сжигание—это специальность новой молодежи.

Границы малых государств империи также были превращены в пепел огнем ~~Вашей~~ молодежи.

Это простая, но героическая философия; все, что против нашего единства, должно быть брошено в пламя".

Таково, генерал, выражение "Штурма и натиска" молодежи, которая нашла свое социальное единство.

АЛЕКСАНДРОВ: Философия сводится, по Вашему мнению, к тому, что дети должны бросить играть в игрушки. Так я Вас понял? Я не вижу существенной разницы между тем, что я сказал, и тем, что Вы прочитали.

ШИРАХ: Я должен заметить, что в отношении военного воспитания немецкая молодежь далеко отстала от молодежи Советского Союза.

АЛЕКСАНДРОВ: Это—неуместное сравнение. Цитирую на странице 98: "Она - немецкая молодежь - стремится быть политическими солдатами, их образец - Адольф Гитлер". Это Вы писали?

ШИРАХ: Я не нахожу этого места. Это на странице 98?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Ведь подсудимый признал, что он написал всю книгу, не правда ли?

АЛЕКСАНДРОВ: Для того, чтобы не задерживаться, перейдем к следующему вопросу. Вы уже говорили о специально созданной организации гитлеровской молодежи "Гитлерюгенд". Вы

11929

H1204 – 0045

H1204 – 0046

утверждали, что эта организация преследовала только спортивные цели. Так вы говорили?

ШИРАХ: В связи с обучением моторизованных отрядов гитлеровской молодежи, я говорил о занятиях спортом и езде на пересеченной местности. Я сказал также, что я признаю, что моторизованные отряды гитлеровской молодежи обучаются в духе допризывной подготовки. Я ничего в этом не оспаривал.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Господин Додд допрашивал свидетеля довольно продолжительное время по этим вопросам о специальных подразделениях гитлеровской молодежи и, право, нет никакого смысла снова повторять эти вопросы.

АЛЕКСАНДРОВ: Здесь остались невыясненными некоторые моменты, сейчас это последующими вопросами будет выяснено. Вам было известно, что в 1938 году организация моторизованной гитлеровской молодежи состояла из 92 отделов, численностью в 100 тысяч юношей.

ШИРАХ: Состояла ли она из 92 отделов, - я сейчас на память не могу сказать, потому что в переводе это слово "отделы" не соответствует никакому точному определению на немецком языке. Я в своих показаниях своему защитнику или господину Додду говорил об общей численности мото-отрядов Гитлерюгенд и приводил самые точные данные, относящиеся к 1938 году.

АЛЕКСАНДРОВ: Я говорю о 1938 годе и называю цифру 100 тысяч юношей, которые состояли в организации моторизированной и спортивной молодежи. Вам известно об этом?

ШИРАХ: Я не могу на память сказать, об"единяли ли в 1938 г. моторизованные отряды гитлеровской молодежи 100 тысяч юношей или нет. Может быть, их было 60 тысяч, а, может

быть, и 120 тысяч. Я не знаю этого, у меня нет данных об этом.

АЛЕКСАНДРОВ: Я назвал эту цифру, используя данные, найденные в журнале "Дас архив". Я напоминаю о задачах этой организации, как они изложены в этом же журнале "Дас архив" за ноябрь-декабрь 1939 года. Цитирую: "Предварительная подготовка юношей должна происходить в специальных учебных отрядах, дальнейшее обучение - в специальных моторизованных спортивных школах национал-социалистского моторизованного корпуса".

Я цитирую эту выдержку из книги документов защиты, документ № 20, страница 50 русского текста. Начинаю цитату, повторяю ее: "Предварительная подготовка юношей должна происходить в специальных учебных отрядах, дальнейшее обучение - в специальных моторизованных спортивных школах национал-социалистского моторизованного корпуса. Но это только для юношей, достигших 18-летнего возраста. Учебная программа охватывает, помимо автотехнической подготовки, умение добывать огонь и овладение искусством ориентировки на местности, а также и идеологическую подготовку, ~~в мировоззрении.~~ Гитлеровские юноши, которые успешно прошли курс, принимаются в национал-социалистский моторизованный корпус для его пополнения". Кончаю цитату.

Это мало похоже на то, что Вы называете "спортивными целями". Вы согласны с этим?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Мы уже очень много касались этих специальных подразделений и мы больше не хотим об этом слышать. Если у Вас есть какие-нибудь вопросы по специальным

H1204 – 0047

H1204 – 0048

мотивам и методам, которых не затрагивал господин Додд, то мы будем рады выслушать Вас, но мы не хотим слышать о том, было ли 60 или 70 или сто тысяч, или 120 тысяч человек в моторизированных подразделениях гитлеровской молодежи.

АЛЕКСАНДРОВ: Я привожу данные, которые еще не приводились.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Генерал, мы не хотим слушать этих вопросов; мы не хотим их слушать.

АЛЕКСАНДРОВ: Я перехожу к следующей теме.

Вами была создана национальная подготовка членов "Гитлерюгенд", так называемая "Гитлерюгенд им динст". В этом наставлении были предусмотрены такие занятия с молодежью: теория оружия, теория стрельбы, упражнения по прицеливанию, учебная стрельба, строевая подготовка, топографическая подготовка, прикладная топография, упражнения на местности. Кроме того, в приложении даны: памятка для пользования походным компасом и памятка для пользования угломером. Вам известно это наставление? По Вашему мнению, оно также не преследовало цели боевой подготовки немецкой молодежи?

ШИРАХ: Я по вопросу о воспитании гитлеровской молодежи говорил уже здесь очень подробно и, в частности, о подготовке по стрельбе, которая в моей книге занимает 40 страниц, и в связи с этим заметил, что это обучение стрельбе проводилось по правилам, установленным для международной спортивной стрельбы из мелкокалиберных винтовок, и что всем бой-скаутам эта книга и эти правила рекомендовались. Для этих целей я издал эту книжку, которая служила для воспи-

тания гитлеровской молодежи. Однако, я уже об этом говорил раньше.

АЛЕКСАНДРОВ: Вы отрицали здесь, что "Гитлерюгенд" играла немаловажную роль в создании 5-й колонны на территории Польши. Подобные же методы применялись специально и на территории Югославии. Правительство Югославии предоставило в распоряжение советского обвинения документы, устанавливающие участие немецкой организации молодежи под руководством "Гитлерюгенд" в создании 5-й колонны на территории Югославии. Вам об этом известно что-нибудь? Вы знаете что-нибудь по этому поводу?

ШИРАХ: Гитлеровская молодежь никогда не участвовала в деятельности 5-й колонны ни в Югославии, ни где-либо в другом месте.

АЛЕКСАНДРОВ: Я привожу выдержки из официального правительственного югославского доклада. Этот документ был уже представлен Трибуналу под № СССР-36, я цитирую страницу 3-ю русского текста этого документа:

"Правительство рейха и гитлеровская партия тайным образом организовали немецкое меньшинство. С 1920 г. они имели свою массовую организацию "Союз культуры". Уже в 1932 г. доктор Якоб Абендер стоял на точке зрения фашизации "Союза культуры" и в 1935 г. он становится во главе активной молодежи, которая вскоре после этого стала называться "обновленцами". Вам известно что-нибудь по этому поводу?

ШИРАХ: Относительно тех сведений, о которых Вы сейчас упоминали, я ничего не могу сказать. Я понял только то, что Воле имел там некоторых руководителей молодежи в качестве

H1204 – 0049

H1204 – 0050

своих уполномоченных, но я ничего точно по этому поводу не знаю. Относительно Югославии, из опыта моей прошлой деятельности я могу сказать, что я поддерживал очень хорошие отношения с югославской молодежью, отношения дружеские и товарищеские. Это было до войны.

АЛЕКСАНДРОВ: Меня не это интересует. Я постараюсь Вам помочь. Я приведу несколько выдержек из дополнительного доклада югославского правительства, который пред"явлен уже Трибуналу под № СССР-57; на странице 5-й, 3-я строчка этого доклада, говорится: "Начиная с 1937 г., ~~между~~ среди "фолькс дейч"~~ами~~ен в нашей стране начинается ~~ориентировка~~ тяготение к национал ~~в направлении нацизма~~ социализму и первые партии молодежи начинают ездить в Германию на специальные курсы".

Далее, на странице 8-а говорится: "Позднее, но до войны с Советским Союзом, большинство из них поступило офицерами в немецкую армию. Кроме того, из них была сформирована дивизия "Принц Евгений". Вы отрицаете эти факты?

ШИРАХ: Я некоторые из этих фактов признаю, а некоторые отрицаю; другими словами, я должен дать об"яснение. С 1933 г. я стремился к тому, чтобы установить хорошие отношения с югославской молодежью. Приблизительно с 1936 или 1937 г. я рассылал приглашения различным группам югославской молодежи, точно так же, как и молодежи всех других стран Европы, для того, чтобы они посетили и осмотрели различные организации нашей немецкой молодежи. И, действительно, в ответ на мое приглашение югославские юноши приехали в Германию. О вступлении же югославской молодежи в немецкую армию я ничего не знаю, и я не верю в это. Я могу только сказать, что в то время, когда в Югославии

царствовал принц Павел - регент Югославии,—наблюдалось очень тесное сотрудничество с югославской молодежью. Во время войны мы поддерживали хорошие отношения как с сербской, так и с хорватской молодежью. Немецкие юноши были в гостях в Югославии, а сербская и хорватская молодежь посещала лагери нашей немецкой молодежи, школы руководителей и т.д. и осматривала все наши организации. Вот, собственно,— все, что я могу сообщить по этому поводу. Но такие отношения были не только между нами и Югославией, в таких отношениях мы были со молодежью и многих других государств.

АЛЕКСАНДРОВ: Вы меня неправильно поняли. Я говорю не о югославской или хорватской молодежи; я говорю о молодежи из немецкого нацменьшинства, которая проживала на территории Югославии, из которой при участии "Гитлерюгенд" подготавливались кадры для создания пятой колонны Югославии для подрывной работы, для комплектования войсковых соединений СС и вооруженных сил. Вот, о чем я говорю. Эти факты Вам известны?

ШИРАХ: Я знаю, что в Югославии имелась немецкая молодежь, точно так же, как она имелась в Румынии и в Венгрии. Я знаю, что эта молодежь вела себя как гитлеровская молодежь, что она при вступлении немецких войск приветствовала их; это было само собой понятным. Как далеко зашло сотрудничество между этими войсками и молодежью, я не могу сказать. Но это сотрудничество было вполне естественным явлением. Конечно, это было невоенное сотрудничество; это было такое сотрудничество, которое всегда проявляется между оккупационными войсками и молодежью ~~того же народа или той же национальности.~~ одной с ними какой-нибудь Поэтому оно не имеет ничего общего с деятельностью шпионов и осведомителей.

11935

H1204 – 0051

H1204 - 0052

АЛЕКСАНДРОВ: Дивизия СС принца Евгения, которая была сформирована на территории Югославии, она в значительной части была укомплектована из гитлеровской молодежи, из числа нацменьшинства в Югославии, и это имело место в результате соответствующей подготовки "Гитлерюгенд".

ШИРАХ: Я не знаю, из кого были сформированы дивизии СС, их было очень много. Возможно, что они на местах формировались из немецкой молодежи, но точно я не могу сказать, потому что я не знаю.

АЛЕКСАНДРОВ: Теперь я приведу выдержки из двух немецких документов; они еще не пред"являлись Трибуналу. Первая выдержка-из книги доктора СЭПП, фольксгруппенфюрера в Югославии, под названием "Речи и статьи". Он писал в этой книге:

"Вся наша национальная работа до I сентября 1939 года зависела от помощи рейха. Когда первого сентября вспыхнула война и вначале казалось невозможным получать помощь и дальше, была опасность, что вся наша работа должна будет прекратиться". И далее: "Тот факт, что я почти всю немецкую национальную группу в бывшем югославском государстве передал в распоряжение фюрера и что дал ему столько добровольцев, - делает меня лично необычайно гордым". Выдержку из этой книги я представляю Трибуналу в качестве документального доказательства под номером СССР-459. Вторая выдержка-из статьи "Мы в пачке", которую написал в 1943 году Отто Келер - банфюрер немецкой молодежи в этой области. Я представляю этот документ Трибуналу под номером СССР-456. Отто Келер писал в этой статье:

"90 процентов нашей молодежи находится в рядах гитлеровской организации немецкой молодежи за-границей". Эти высказывания не убеждают Вас в том, что в действительности подрывная деятельность по созданию пятой колонны, фашизации немецкого меньшинства и формирования из него войсковых соединений, проводилась на территории Югославии при участии "Гитлерюгенд"? Ответьте, да или нет?

ШИРАХ: Нет. Но я хочу высказаться по поводу документа этого д-ра Сепп Янко, который, якобы, являлся руководителем немцев в Югославии; я не знав его ни лично, ни по имени. Я много раз посещал раньше Югославию, и ни в то время, когда я в первый раз был там, кажется, в 1937 году, ни в 1938 году, когда я посещал принца-регента Павла, я вообще не занимался вопросами, относящимися к местной немецкой молодежи и ее руководителям. Я говорил тогда исключительно с национальной югославской молодежью. Вот все, что можно сказать об этом документе, который вообще не относится к вопросу о молодежи. Что касается второго документа, подписанного Отто Хелером, который называет себя руководителем немецкой молодежи, я могу только сказать, что это взято из книги о немецкой молодежи в Венгрии, вышедшей в 1943 году. В Батшка, ~~где~~ у нас имелось очень большое поселение немцев, которые жили там уже в течение 150 или 200 лет, и этот руководитель молодежи организовал там немецкую молодежь, в частности, с разрешения венгерского правительства, с разрешения венгерского министра образования, для сотрудничества с другими венгерскими учреждениями. Это было совершенно легальное мероприятие, относительно которого не было никаких разногласий между

11937

H1204 – 0053

H1204 – 0054

двумя странами. Эти юноши не были членами организации гитлеровской молодежи.

АЛЕКСАНДРОВ. Достаточно.

ШИРАХ: Они были членами национальной венгерской организации, но по национальности немцами. Это была молодежь национальных меньшинств Венгрии.

АЛЕКСАНДРОВ: А имперское руководство к подобным организациям "Гитлерюгенд" разве не имело никакого отношения?

ШИРАХ: Конечно, мы эту молодежь тоже посещали. Например, когда я был в Будапеште в гостях, меня сами венгры пригласили посетить немецкое село и жившую там немецкую молодежь. Против этого не возражал ни регент, ни правительственные учреждения. И у меня совершенно не было намерения через руководителей этой немецкой молодежи осуществлять какой-либо шпионаж в Венгрии. То же самое я мог бы сказать и в отношении руководителей венгерской молодежи, с которыми я был в очень хороших отношениях.

АЛЕКСАНДРОВ: Кто осуществлял руководство заграничными организациями "Гитлерюгенд"? Ведь в составе имперского руководства "Гитлерюгенд" имелся специальный заграничный отдел. Не входило ли это в его функции, а именно руководство заграничными организациями "Гитлерюгенд"?

ШИРАХ: Это неверно. Заграничный отдел имперского руководства гитлеровской молодежи был, если так можно выразиться.... Задача заграничного отдела молодежи состояла в том, чтобы поддерживать связь с молодежными организациями других стран, т.е. приглашать к себе руководителей иностранной молодежи, организовывать туристские путешествия молодежи других стран по Германии и через министерство

иностранных дел руководить поездками немецкой молодежи в других странах; это был заграничный отдел, который со своей стороны обращался к посланникам или послам соответствующих стран, в которые предстояла поездка нашей молодежи. Организация молодежи за-границей, которую Вы имеете в виду, являлась подразделением заграничной организации, начальником которой был гаулейтер Боле, который уже давал свои показания на этом процессе. Эта молодежь была немецкой молодежью, т.е. молодежью немецкого подданства, проживавшей в других странах, которая там создавала организации "Гитлер-Югенд". Так, например, дети из немецкой колонии, начиная с детей послов...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Свидетель, совершенно незачем так пространно говорить об этом.

АЛЕКСАНДРОВ: Вы даете слишком пространные показания. Следующий вопрос. В министерстве восточных оккупированных территорий был создан в составе первого главного управления специальный отдел молодежи. Что Вам известно о деятельности этого отдела и в каких отношениях он находился с имперским руководством "Гитлерюгенд"? Отвечайте, пожалуйста, коротко.

ШИРАХ: Насколько мне известно, при создании имперского министерства по делам оккупированных восточных территорий рейхслейтер Розенберг выразил тогда свое желание руководителю имперской молодежи, чтобы он назначил ему сотрудника для работы в отделе молодежи в его министерстве. Этот сотрудник был выделен и включен затем в состав министерства, где он руководил отделом молодежи, за что и нес, конечно,

H1204 – 0055

H1204 – 0056

ответственность перед этими министерством. Больше я ничего по этому поводу не могу сказать. Отчеты этого отдела я не получал.

АЛЕКСАНДРОВ: Имперским руководством "Гитлерюгенд" был выделен представитель в министерство оккупированных восточных территорий и этот представитель не отчитывался в своей деятельности перед руководством "Гитлерюгенд". Так получается?

ШИРАХ: Господин генерал! Я хотел сказать, что начальник этого отдела, или, как он там назывался, ~~или~~ чиновник министерства по делам восточных территорий, который был послан туда "Гитлерюгенд", не делал мне никаких докладов, но, разумеется, своему непосредственному начальнику в руководстве имперской молодежью он давал отчет. Руководство имперской молодежи находилось, как известно, в Берлине, и я полагаю, что сотрудники штаба руководства имперской молодежи постоянно поддерживали связь с этим представителем.

АЛЕКСАНДРОВ: Понятно. Таким образом, мероприятия, которые проводились отделом молодежи в министерстве оккупированных территорий, ~~они~~ проводились согласованно с руководством "Гитлерюгенд". Правильно?

ШИРАХ: Мероприятия, которые там проводились, осуществлялись по указаниям имперского министра, который был непосредственным начальником своих чиновников. В той мере, в какой речь шла о мероприятиях, непосредственно касавшихся молодежных организаций и т.п., этот соответствующий чиновник или руководитель молодежи, по всей вероятности, обращался за инструкциями к руководству имперской молодежи и соответствующим образом докладывал ему. Ответственность за деятель-

ность этого руководителя молодежи, действовавшего в составе министерства Розенберга, возлагалась на министерство, а не на того, кем он был послан туда.

АЛЕКСАНДРОВ: Понятно. На вопрос Вашего защитника об участии гитлеровской молодежи в зверствах во Львове Вы сообщили, что сообщение по этому поводу французской подданной Иды Вассо, которое приведено Государственной Чрезвычайной Комиссией, является неправильным.

Господин председатель, Советскому обвинению предоставилась возможность допросить Иду Вассо. Об этом ходатайствовал и защитник подсудимого Шираха. Я представляю Трибуналу выдержки из показаний Иды Вассо от 16 мая 1946 года и прошу приобщить этот документ под № СССР-465 к делу. Оглашаю эти выдержки.

"Зверствами над еврейским, польским и советским населением города Львова занимались не только взрослые немцы и старые нацисты, но и юная немецкая молодежь в лице представителей организованной во Львове фашистско-молодежной организации "Гитлерюгенд". Эти молодчики, одетые в униформу и вооруженные охотничьими ножами, палашами и часто пистолетами, целыми отрядами рыскали по городу, врывались в еврейские квартиры и производили в них полное уничтожение, убивая всех застигнутых ими в квартирах, включая и детей. Они часто останавливали на улицах города показавшихся им подозрительными детей и с криками "ты жид" или "ты жидовка" убивали их на месте. Эта гитлеровская молодежь занималась специальной разведкой по установлению еврейских квартир, выискивала скрывающихся евреев, устраивала засады и нападения на проходивших, убивая одних из них на месте, как евреев,

1941

H1204 – 0057

H1204 – 0058

а других волокла за собой и сдавала гестапо, причем часто ее жертвами были и поляки, русские, украинцы и разные другие нации. Этот террор со стороны взрослых и молодых немцев свирепствовал до последних дней пребывания их во Львове. Это особенно было заметно при проведении "акции гетто", когда систематически и планово истреблялись дети различных возрастов, находившиеся в специально созданных детских еврейских домах, куда, как только собиралось в них достаточное количество детей, врывались гестаповцы, сопровождаемые "гитлерюгендовцами". Кончаю выдержку показаний Иды Вассо.

Таким образом, гитлеровская молодежь, состоявшая на службе немецкой армии, СС и гестапо, участвовала во всех этих и им подобных злодениях, Вы это признаете?

ЖИРАХ: Я не верю ни одному слову из того протокола, который Вы только что зачитали.

АЛЕКСАНДРОВ: Это Ваше дело.

Господин председатель, я пред"являю Трибуналу еще один документ под № СССР-454. Это выдержка из показаний военнопленного немецкого солдата Герта Бруно Книтель. Он родился в 1924 г. в городе Рохлиц, в Саксонии, по профессии он шапошник. С 1938 г. Книтель являлся членом "Гитлерюгенд". Его сестра Урсула также состояла членом национал - социалистского союза немецких девушек. В 1942 г., т.е. в возрасте 18 лет, Книтель был призван в немецкую армию. Таким образом, - это типичный рядовой представитель и именно поэтому его показания представляют интерес. Вот что он рассказывает о своей службе в немецкой армии.

1942

Читаю: "Не менее двух раз в неделю нас посылали прочесывать леса, устраивать...

ЗАУТЕР: Господин председатель, против использования этого документа, копия которого только что была передана нам, я должен заявить протест.

Из копии, которую я имею, вообще не видно, подписан ли кем-нибудь этот документ. Кроме того, не видно, дано ли под присягой это показание. И, кроме того, не видно, кем был составлен этот документ, который, повидимому, является протоколом. Эти вопросы, с моей точки зрения, должны быть выяснены, и до тех пор, пока это не будет выяснено, я заявляю протест против этого документа.

Может быть, в этой связи, г-н председатель, я должен сейчас же высказаться по другому документу, который перед этим был оглашен, в частности, по допросу Иды Вассо, или я не знаю, как, собственно говоря, это должно быть названо. Я предполагаю, что эта свидетельница является той-же самой свидетельницей, французской подданной Идой Вассо, которой Вы, господа судьи, разрешили мне послать опросный лист и которой в свое время уже давно были поставлены вопросы. Мы уже давно ожидаем получения ответов на этот опросный лист, и сегодня получаем вдруг протокол, который, повидимому, относится к той-же самой свидетельнице, от 16 мая 1946 г. И при этом бросается в глаза, что эта свидетельница...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я не понимаю, что Вы говорите. Вы хотите сказать, что Вы послали опросный лист тому лицу, от которого якобы исходит этот документ?

ЗАУТЕР: Я считаю, что это именно одно и то же лицо. Правда, в протоколе от 16 мая имя написано иначе, но было бы странно...

H1204 – 0059

H1204 – 0060

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Перевод не доходит. Я не понимаю, что Вы говорите. Вы хотите сказать, что опросный лист тому лицу, от которого исходит этот документ, был послан Вами?.

ЗАУТЕР: Суд разрешил мне послать опросный лист француженке Иде Вассо. Я говорю по буквам: В а с с о . Это француженка Ида Вассо, которая работает в каком-то учреждении во Львове и о которой упоминается в отчете Львовской комиссии. Вы, может быть, вспомните, г-н председатель, что в одном из этих отчетов Чрезвычайной Комиссии упоминается, что дети из еврейского гетто были,якобы,даны гитлеровской молодежи и гитлеровская молодежь,якобы,на этих детях упражнялась в стрельбе. Это утверждала свидетельница Ида Вассо, и я думаю, что это та же самая Ида Вассо, которая сейчас появляется в протоколе от 16 мая 1946 г. Что особенно странно: в протоколе от 16 мая 1946 г. она ничего не говорит о тех вопросах, по которым ее нужно было допросить,согласно опросному листу. Вместо этого она утверждает то, чего она, очевидно, не говорила в том отчете Чрезвычайной Комиссии в г. Львове. Все это мне кажется очень странным,и я думаю, что я должен для того, чтобы не ущемлять прав обвиняемого Ширака, обратить здесь Ваше внимание на эти противоречия.

АЛЕКСАНДРОВ: Разрешите мне раз"яснить?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Мы хотели бы, чтобы Вы подробно ответили на то, что сообщил д-р Заутер.

АЛЕКСАНДРОВ: Ида Вассо, выдержка из показаний которой мною представлена, является, несомненно, тем самым лицом, о котором говорит д-р Заутер. Мне только неизвестно,куда, кем и в каком порядке был направлен опросный лист Иде Вассо.

Через нас это не делалось. Ида Вассо была разыскана и допрошена по нашей собственной инициативе, причем это удалось сделать, как Вы видите, 16 мая. Поскольку опросный лист к нам не поступал, мы его не направляли и не могли направить, поскольку допрос был произведен после того, как...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я получил этот документ только на немецком языке и, мне кажется, что этот документ не подписан и не составлен лицом под именем Вассо. Я не знаю, касается ли этот документ того, что, якобы, сказала Ида Вассо.

АЛЕКСАНДРОВ: Этот документ подписан.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я сказал, что он не был подписан Вассо.

АЛЕКСАНДРОВ: Я Вам сейчас оглашу: Ида Вассо-Томм, последующие подписи лиц, которые производили допрос: начальник следственного отдела прокуратуры Львовской области Кржижановский, прокурор Львовской области Корнетов. Допрос произведен 16 мая 1946 года.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Посмотрите на этот документ и скажите тот ли этот документ?

АЛЕКСАНДРОВ: Это - выдержка из протокола допроса Иды Вассо.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Это тот самый документ?

АЛЕКСАНДРОВ: Тот самый документ, который мы пред"являем Трибуналу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Перед Вами оригинал этого документа?

АЛЕКСАНДРОВ: Нет, это выписка из протокола, заверенная начальником документальной части советского обвинения-полковником Каревым. Это - не подлинный протокол допроса, это выписка из этого протокола.

11945

H1204 – 0061

H1204-0062

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы хотите сказать о возможности представления этого документа в порядке статьи 21 ? Или Вы говорите что-то другое?

АЛЕКСАНДРОВ: Если Трибунал ~~считает~~ желает, чтобы был истребован подлинный протокол, а он находится сейчас во Львове,— через небольшой период времени это можно сделать. Если Трибунал не удовлетворяет эта выдержка,—мы дополнительно имеем полную возможность представить протокол в целом.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Может быть, Вы сообщите нам, что это за документ. Является ли этот документ письменным показанием, данным под присягой? Эти показания были даны под присягой? Он был составлен в присутствии представителя Советского Союза?

АЛЕКСАНДРОВ: Здесь в выписке из протокола имеется отметка об ответственности за дачу ложных показаний по статье 89-й уголовного кодекса Украинской ССР. Предупреждение это соответствует процессуальным требованиям, установленным в Советском Союзе.

Таким образом, предупреждение за дачу ложных показаний Иде Вассо было сделано и об этом имеется соответствующая пометка в протоколе.

ЗАУТЕР: Я говорю о ее показаниях в отчете Львовской комиссии. Этот отчет был уже оглашен в суде. В этом отчете говорилось о том, что "Гитлерюгенд" поступала так, якобы, с еврейскими детьми. И этого касается как раз мой опросный лист, на который я получил согласие суда.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Скажите, генерал, тот опросный лист, который доктор Заутер предназначал свидетельнице, был показан этой свидетельнице?

АЛЕКСАНДРОВ: Нет, его туда не направляли. Разрешите немного вернуться к истории этого вопроса, чтобы внести ясность.

Советское обвинение представило Трибуналу документ - сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии о злодеяниях немцев в Львовской области. В этом документе приводилось заявление свидетельницы Иды Вассо. Ее тогда никто не допрашивал. В этом заявлении она сообщила, что она была свидетельницей того, как гитлеровская молодежь в качестве мишени использовала малолетних детей.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы хотите сказать, что этот документ может быть представлен по статье 21-й Устава?

АЛЕКСАНДРОВ: Да, но, если Трибунал считает необходимым,-мы можем предоставить дополнительно подлинный протокол. Сейчас я прошу принять выписку из этого протокола, официально заверенную начальником документальной части.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Заутер, когда Трибунал разрешил Вам послать опросный лист этой свидетельнице и когда был послан опросный лист этому лицу?

ЗАУТЕР: Господин председатель, опросный лист датирован 11 апреля.

АЛЕКСАНДРОВ: Опросный лист не мог быть направлен, потому, что не было известно местонахождение свидетельницы Вассо. О местонахождении мы сами узнали только в последнее время.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы хотите сказать, что опросный лист не был послан лицу, которое сделало это заявление?

АЛЕКСАНДРОВ: Этот опросный лист не поступил и не мог поступить по назначению потому, что, я повторяю, до са-

H1204 – 0063

H1204 – 0064

мого последнего времени не было известно, где находится свидетельница Вассо.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Когда Вы выяснили, где находится свидетельница, опросный лист мог быть ей переслан?

АЛЕКСАНДРОВ: Он мог быть ей переслан. Это может быть сделано и сейчас, если это необходимо.

ЗАУТЕР: Господин председатель, разрешите мне указать на следующее: Госпожа Ида Вассо во время дачи этих показаний, которые вкратце переданы в отчете комиссии, была во Львове. Это следует из отчета комиссии. Кажется, это документ № СССР-6, я не знаю точно. И вот сейчас, 16 мая 1946 года, она также находится во Львове. Следовательно, о ее местонахождении знали, если ее допрашивали 16 мая.

Я в свое время по вопросам, которые я поставил в опросном листе и которые пред"явлены Иде Вассо, договаривался с представителем обвинения, так как вначале было выражено мнение, что это наводящие вопросы и что кое-что не совсем правильно. Я изменил тогда эти вопросы, которые я пред"явил Суду в соответствии с желанием обвинения. Итак, эта Ида Вассо могла быть в любой момент допрошена, если бы на это была согласна советская делегация. Странно, что в этом заявлении она дает совершенно иные показания, чем те, которые она давала раньше, о чем она должна была показать в ответах по опросному листу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Одну минуту. Что вы до этого сказали, о каком предварительном заявлении Вы говорите?

АЛЕКСАНДРОВ: Этим ограничивалась цитата из ее заявления из сообщения Чрезвычайной государственной комиссии. Этот документ был принят. После этого по нашей инициативе

/опросный лист от доктора Заутера не поступал и мы его не направляли Иде Вассо/ было установлено ее местонахождение, и в дополнение к тому заявлению, которое она подала Чрезвычайной государственной комиссии, - она была допрошена следственными органами. И сейчас выдержка из ее допроса от 16 мая мною представлена Трибуналу. Там она сообщает некоторые подробности об отношении гитлеровской молодежи к детям.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да, мы все это понимаем, генерал, но я хочу спросить Вас, почему, если этот опросный лист, посылка которого была разрешена Трибуналом и который видело обвинение, примерно, в апреле,- почему эта свидетельница была допрошена в мае, причем опросный лист ей не был показан? Ведь на этом документе сказано, что допрос был произведен 16 мая 1946 г., не правда ли, доктор Заутер? Доктор Заутер заявляет, что Трибунал разрешил посылку опросного листа свидетельнице в апреле.

АЛЕКСАНДРОВ: Я не знаю, куда доктор Заутер направлял опросный лист, через нас он этого не делал. Я повторяю, что мы этого опросного листа не направляли и не могли направлять, потому что мы не знали, где свидетельница Ида Вассо находится. По нашему поручению были приняты меры для установления ее местонахождения и, как только это местонахождение было установлено, - она была допрошена. Это произошло 16 мая.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал сейчас об"является перерыв.

/Об"является перерыв до 14.00/

ад

11949

H1204-0065

H1204 – 0066

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА 27/У-46г.

Вечернее заседание.

Встать! Суд идет!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Генерал, Трибунал не примет... Вы слышите меня сейчас?

ГЕНЕРАЛ АЛЕКСАНДРОВ. Слышу, да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Трибунал не может допустить представление этого документа в настоящее время, но мы хотели бы, чтобы Вы представили подлинник документа и в то же самое время представили ответы на опросный лист, который был послан по распоряжению Трибунала, Трибунал попросит генерального секретаря составить доклад по всему этому вопросу.

АЛЕКСАНДРОВ. Господин председатель.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да, пожалуйста.

АЛЕКСАНДРОВ. Я имел возможность в перерыве переговорить с доктором Заутером. Он направит нам опросный лист и мы примем меры к тому, чтобы получить необходимые ответы от свидетельницы. Требование Трибунала о представлении подлинника допроса свидетельницы будет выполнено в самое ближайшее время.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я боюсь, что то, что Вы сказали, не поступило к переводчикам. Пожалуйста, повторите, все, то что Вы сказали, еще раз.

АЛЕКСАНДРОВ. Хорошо, я повторяю. В перерыве я имел возможность переговорить с доктором Заутером. Он передаст мне опросный лист и будут приняты меры к тому, чтобы получить необходимые ответы от свидетельницы в самое ближайшее время. Кроме того, требование Трибунала о представлении

подлинного протокола показаний свидетельницы Вассо также будет выполнено в самое непродолжительное время.

Разрешите продолжать допрос?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да, пожалуйста.

АЛЕКСАНДРОВ. Я остановился на показаниях Герберта Бруно Книттель. Вот что рассказывает он о своей службе в немецкой армии:

"Не менее двух раз в неделю нас посылали прочесывать леса, устраивать облавы в поисках партизан и вообще недовольных установленным немцами режимом для того, чтобы арестовывать их и расстреливать. Наша третья рота встретила и расстреляла в лесу пять человек. Эти лица, возможно, и не были партизанами, а просто гражданами, которые ходили в лес по делам. Но у нас был приказ расстреливать всех, кого встретим в лесу. Мы так и поступали.

Во время облавы в местечке Л...ишайек в июне 1943 г. все местечко было окружено с тем, чтобы никто не мог ни в"ехать, ни выехать. Снаружи возле каждого дома..."

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы ведете перекрестный допрос подсудимого фон Шираха, который был в Вене. Какое отношение имеет этот документ к нему?

АЛЕКСАНДРОВ. Это - показание одного из членов "Гитлерюгенда" о его участии в злодеяниях во время службы в немецкой армии на оккупированных территориях... Этот документ переведен на немецкий язык, я могу его не зачитывать. Я хотел бы, чтобы свидетель Ширах ознакомился с этим документом. Вы читали этот документ? Я к Вам обращаюсь?

ШИРАХ. Я прочитал его. Книттель, дающий показания, не является, однако, членом гитлеровской молодежи, он был членом

H1204 - 0067

H1204 – 0068

службы трудовой повинности или какого-либо войскового соединения. В предшествующий период своей жизни он, как и все молодые немцы, был членом гитлеровской молодежи. Он это указывает здесь. Но в данном случае он действовал, как представитель какой-то войсковой части, а не как член гитлеровской молодежи. Мне кажется, что все показания его вообще мало достоверны. Например, он говорит о партии гитлеровской молодежи...

АЛЕКСАНДРОВ. Вы прочитали его показания?

ШИРАХ. Его показания мне кажутся мало достоверными...

АЛЕКСАНДРОВ (Перебивая). Вы прочитали все эти показания?

ШИРАХ. Да.

АЛЕКСАНДРОВ. В связи с этим Вы признаете, что участие немецкой молодежи в подобных злодеяниях было обусловлено соответствующим воспитанием ее и подготовкой "Гитлерюгенд"?

ШИРАХ. Нет. Этого я не признаю.

АЛЕКСАНДРОВ. У меня два последних вопроса. До какого времени Вы занимали пост имперского наместника Вены и рейхслейтера по руководству молодежью?

ШИРАХ. Я был рейхслейтером по вопросам воспитания молодежи с 1931 года, и имперским наместником в Вене с 1940 г.

АЛЕКСАНДРОВ. Меня интересует до какого времени, до какого момента?

ШИРАХ. Я занимал оба поста до самого конца.

АЛЕКСАНДРОВ . Вы здесь подробно рассказывали о своем разрыве с Гитлером в 1943 году, Вы говорили, что с этого момента Вы стали политическим мертвецом. Между тем, Вы продолжали занимать Ваши посты до самого конца.

Таким образом, ваш разрыв с Гитлером это только разрыв на словах, а на деле он не имел для вас никаких фактических

H1204 – 0069

последствий. Правильно?

ШИРАХ. Это неправильно... Последствия его для меня я описал в своих показаниях в четверг и пятницу. Я также говорил о том, что я до последнего момента был верен той присяге, которую я как руководитель молодежи, чиновник и офицер принес Гитлеру.

АЛЕКСАНДРОВ. У меня вопросов больше нет.

ЗАУТЕР. Г-н председатель, чтобы быстрее двигаться вперед, я хотел бы задать подсудимому фон Ширахе только два небольших вопроса.

Один вопрос. Г-н свидетель, в ходе перекрестного допроса Вам был задан вопрос о том - был ли Вами отдан приказ при всех обстоятельствах удержать Вену и защищать ее до последнего солдата. Насколько я понял, Вы ответили "нет". Меня интересует, какие приказы в этом отношении Вы давали в то время, т.е. в последние дни Вашего пребывания в Вене, своим подчиненным, я имею в виду заместителя гаулейтера Шарицера и бургомистра Блашке?

ШИРАХ. Приказ об обороне Вены был дан Гитлером. Оборону Вены должны были осуществлять военные инстанции, т.е. городской комендант Вены, затем командующий 6-й танковой армией СС...

ЗАУТЕР. Кто именно.

ШИРАХ Зепп Дитрих - командующий южной группой войск генерал-полковник Рендулиц.

ЗАУТЕР. Они отдали этот приказ?

ШИРАХ. Они, во исполнение приказа Гитлера об обороне Вены, защищали Вену.

ЗАУТЕР. А какие приказы в этом отношении Вы дали, г-н свидетель, своим подчиненным?

H1204 – 0070

ШИРАХ. При обороне Вены я отдал лишь приказы, относившиеся к народному ополчению (фольксштурм) или снабжению города продовольствием и подобным вопросам, которыми мне надлежало заниматься. Я сам по себе не имел никакого отношения к обороне Вены, так, как и разрушения, которые были необходимы в ходе обороны Вены производились по приказам, которые давались из ставки командующего группой армий командующему армией или коменданту города.

ЗАУТЕР. И, второй вопрос, г-н свидетель:

Во время перекрестного допроса Вас спросили о документе 3763. Я повторяю, 3763-ПС. В этом документе говорится о песнях молодежи. На основании этого документа Обвинение приходит к иному выводу, чем тот, который изложили Вы. Вы можете что-нибудь сказать в дополнение к этому пункту?

ШИРАХ. Да, я должен вкратце дополнить его.

ЗАУТЕР. Пожалуйста.

ШИРАХ. Обвинение пред"явило мне здесь одну песню, начинающуюся со слов "мы черные силы Гейера" и с припевом: "Вперед, несмотря ни на какие что, посадим на крышу монастыря красного петуха". А одна строфа гласит: "мы хотим жаловаться нашему господу о том, что мы хотим убить попов". Эта песня является христианской песней.

ЗАУТЕР. Как так?

ШИРАХ. Это явствует из пятой и четвертой строфы. Это песня крестьян - протестантов Флориана Гейера. В четвертой строфе говорится: "Сейчас выше всего замок, аббат и монастырь... а для нас выше всего святое писание". А в следующей строфе говорится: "Равный закон - вот чего мы хотим, для всех - от князя до крестьянина".

H1204 – 0071

Протестантизм тоже когда то был революцией. Восставшие крестьяне пели эту песню, и она может служить примером этого, эта песня XУ1 века, также как и некоторые песни французской революции. Эта песня может быть примером того, как радикально все изменялось во время революции, как не допускалось никакой терпимости в каких бы то ни было вопросах.

ЗАУТЕР. Господин председатель, на этом я заканчиваю допрос подсудимого фон Шираха. Благодарю Вас, у меня нет больше вопросов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Кто были Ваши основные помощники в Вашем управлении в Вене?

ШИРАХ. Во-первых, начальник моего центрального бюро - Хепкен, во-вторых, президент правительства (регирунгспрезидент) - доктор Дельбрюкке, в-третьих, бургомистр Блашке, в-четвертых, заместитель гаулейтера Шарицер. Это мои основные сотрудники.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Это составляет всего четыре, не так ли?

ШИРАХ. Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. И все свое время они отдавали работе в Вашем управлении?

ШИРАХ. Не все. Заместитель гаулейтера выполнял эти функции еще и при моем предшественнике на этой должности Бюркеле; бургомистр Блашке, насколько я помню, был назначен на должность бургомистра лишь в 1943 году; до него бургомистром был господин Юнг; регирунгспрезидент доктор Дельбрюкке стал президентом в 1940 году, после моего прибытия в Вену. Он был прислан мне имперским правительством.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Таким образом, с того времени, как Вы взяли на себя руководство этим управлением в Вене, эти четыре

человека работали для Вас? Это правильно?

ШИРАХ. Да, я хотел бы еще сказать, что упомянутый мною начальник центрального бюро Хепкен вначале был моим ад"ютантом и вступил на должность начальника центрального бюро лишь когда во время одной из воздушных бомбардировок погиб бывший начальник этого бюро, обергебитсфюрер Мюллер.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Который из этих четырех ставил свои инициалы под еженедельными отчетами, которые Вы получали в своей канцелярии?

ШИРАХ. Это был регирунгс-президент доктор Дельбрюкке.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Дельбрюкке?

ШИРАХ. Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. В то время, когда он получал эти отчеты, он работал в Вашем управлении, как один из Ваших основных помощников?

ШИРАХ. Он был моим представителем в государственной администрации.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. В Вашем управлении?

ШИРАХ. Этосбыло одно из подведомственнных мне учреждений.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да, один отдел в Вашем управлении?

ШИРАХ. Да. Разрешите мне еще пояснить: имелись различные столпы: государственная администрация, городское управление, партийное руководство, имперский комиссариат обороны; имперский комиссариат обороны и государственная администрация были связаны личной унией, что касается вопроса замещения, и все эти учреждения об"единялись в центральное бюро.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Хорошо, в каком отделе был этот Ваш основной помощник, который ставил свои инициалы под этими

H1204 – 0072

H1204 – 0073

документами? Главой какого отдела он был?

ШИРАХ. Он занимал руководящий пост в управлении имперского наместника, он был начальником государственной администрации.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Гражданской администрации?

ШИРАХ. Гражданской государственной администрации.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Был ли он заместителем имперского уполномоченного по вопросам обороны?

ШИРАХ. Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. А Вы были имперским уполномоченным по вопросам обороны в военном округе № 17, не так ли?

ШИРАХ. Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. А он был Вашим заместителем в этом военном округе?

ШИРАХ. Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. И он получал и ставил свои инициалы на этих отчетах в этом управлении, не так ли?

ШИРАХ. Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подсудимый может вернуться на скамью подсудимых.

ЗАУТЕР. Господин председатель? С Вашего разрешения я вызываю к свидетельскому пульту свидетеля Лаутербахера. (В зал вводят свидетеля Лаутербахера).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Назовите Ваше полное имя.

СВИДЕТЕЛЬ. Гартман Лаутербахер.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Это Ваше полное имя?

ЛАУТЕРБАХЕР. Да. Лаутербахер.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Повторяйте за мной слова присяги: "Клянусь Богом, всемогущим и всеведущим, что я буду говорить

чистую правду, ничего не утаю и ничего не прибавлю."
(Лаутербахер повторяет слова присяги).

Вы можете сесть.

ЗАУТЕР. Господин Лаутербахер? Я уже обсудил с Вами в тюрьме все вопросы, не так ли?

ЛАУТЕРБАХЕР. Да.

ЗАУТЕР. Я прошу Вас делать перерыв после каждого вопроса, чтобы переводчики успевали переводить.

ЛАУТЕРБАХЕР. Хорошо.

ЗАУТЕР. Когда Вы родились?

ЛАУТЕРБАХЕР. 24 мая 1909 года.

ЗАУТЕР. 1909?

ЛАУТЕРБАХЕР. 1909.

ЗАУТЕР. Вы женаты?

ЛАУТЕРБАХЕР. Да.

ЗАУТЕР. У вас трое детей?

ЛАУТЕРБАХЕР. Да.

ЗАУТЕР. Кто Вы по профессии?

ЛАУТЕРБАХЕР. Аптекарь.

ЗАУТЕР. Аптекарь, коммерсант?

ЛАУТЕРБАХЕР. Да.

ЗАУТЕР. Вы находитесь в плену у американцев?

ЛАУТЕРБАХЕР. У англичан.

ЗАУТЕР. С каких пор?

ЛАУТЕРБАХЕР. С 29 мая 1945 года.

ЗАУТЕР. Вас когда-нибудь уже допрашивало обвинение по данному делу?

ЛАУТЕРБАХЕР. Нет.

11958

H1204 – 0074

H1204 – 0075

ЗАУТЕР. Когда Вы стали кадровым, т.е. оплачиваемым служащим в организации гитлеровской молодежи?

ЛАУТЕРБАХЕР. Оплачиваемым служащим я стал в гитлеровской молодежи с момента моего назначения на пост областного руководителя области Вестфалия - Нижний Рейн.

ЗАУТЕР. Когда это было?

ЛАУТЕРБАХЕР. В апреле 1932.

ЗАУТЕР. В апреле 1932 года, т.е. когда Вам было 23 года?

ЛАУТЕРБАХЕР. 23 года.

ЗАУТЕР. Вы до этого были членом гитлеровской молодежи?

ЛАУТЕРБАХЕР. Да. Я...

ЗАУТЕР. Всегда делайте небольшие паузы после вопроса.

ЛАУТЕРБАХЕР. Хорошо.

ЗАУТЕР. Я спросил Вас, были ли Вы уже до этого времени членом гитлеровской молодежи, до того как в 1934 году Вы стали кадровым служащим этой организации?

ЛАУТЕРБАХЕР. Да, в тринадцатилетнем возрасте, в 1922 году я вступил в тогдашнюю национал-социалистскую юношескую организацию, и затем в возрасте 18 лет, в 1927 году, я на своей родине, в Тироле, взял на себя исполнение обязанностей унтерфюрера.

ЗАУТЕР. А кадровым...

ЛАУТЕРБАХЕР. Затем, в Брауншвейге я работал с 1929 по 1932 год опять-таки по совместительству, а затем стал оплачиваемым служащим.

ЗАУТЕР. Т.е. с 1932 года?

ЛАУТЕРБАХЕР. Да.

ЗАУТЕР. Кем Вы стали в 1932 г.? Какую должность Вы уже получили?

ЛАУТЕРБАХЕР. В 1932 году мне поручили руководство тогдашней областью Вестфалия-Нижний Рейн.

ЗАУТЕР. Когда Вы перешли в непосредственное подчинение подсудимого Шираха?

ЛАУТЕРБАХЕР. 22 мая 1934 года.

ЗАУТЕР. Кем же Вы стали у него?

ЛАУТЕРБАХЕР. Руководителем штаба.

ЗАУТЕР. Руководителем штаба? И до какого времени были Вы руководителем штаба при нем?

ЛАУТЕРБАХЕР. До августа 1940 года.

ЗАУТЕР. Т.е. до того, как он ушел с поста имперского руководителя молодежи, повидимому?

ЛАУТЕРБАХЕР. Да.

ЗАУТЕР. До того времени, как Вы стали оплачиваемым сотрудником гитлеровской молодежи, Вы проходили военную службу?

ЛАУТЕРБАХЕР. Нет.

ЗАУТЕР. Таким образом Вы не были офицером?

ЛАУТЕРБАХЕР. Нет.

ЗАУТЕР. Вы нам сказали, что, кажется, с 1934 года Вы были руководителем штаба в имперском руководстве молодежи. Какие задачи были у руководителя штаба в имперском руководстве молодежи? Скажите об этом вкратце, лишь для того, чтобы знать, какова была Ваша компетенция.

ЛАУТЕРБАХЕР. Как показывает уже наименование "руководитель штаба", я, в первую очередь, был руководителем штаба при имперском руководстве молодежи и моей задачей было

H1204 – 0076

H1204 – 0077

разрабатывать общие указания имперского руководителя молодежи, в частности, отдельных инстанций и областных руководителей гитлеровской молодежи, если этого не делал сам имперский руководитель молодежи. Я должен был координировать деятельность отделов имперского руководства молодежи, и, в частности, разрешать организационные вопросы и вопросы, связанные с кадрами.

Кроме того, по поручению Шираха, в 1935-39 г.г. я предпринял ряд поездок заграницу.

ЗАУТЕР. Кто был заместителем имперского руководителя молодежи, если он сам не мог исполнять в тот или иной момент своих обязанностей?

ЛАУТЕРБАХЕР. В таких случаях его заместителем был я.

ЗАУТЕР. Таким образом, Вы, повидимому, были после Шираха первым ~~имперским~~ человеком в имперском руководстве молодежи?

ЛАУТЕРБАХЕР. Да.

ЗАУТЕР. Ограничивались ли Ваши отношения с Ширахом лишь служебными делами или же Вы кроме того были друзьями?

ЛАУТЕРБАХЕР. Наши отношения с ним не ограничивались лишь служебным кругом вопросом, кроме того, мы были с ним лично друзьями, поэтому наши личные сношения не прекращались и в то время, когда Ширах был в Вене.

ЗАУТЕР. Считаете ли Вы, господин Лаутербахер, учитывая Ваши дружеские отношения, что фон Ширах скрывал от Вас некоторые вещи или Вы убеждены в том, что в отношении служебных дел у него не было от Вас секретов?

ЛАУТЕРБАХЕР. Я всегда был убежден и убежден и сейчас в том, что Ширах постоянно сообщал мне о всех своих планах и намечаемых мероприятиях по линии воспитания.

ЗАУТЕР. Таким образом он ничего от Вас не скрывал?

ЛАУТЕРБАХЕР. Ничего не скрывал. Ширах, когда у него в первые годы еще бывали беседы с Адольфом Гитлером, каждый раз лично рассказывал мне о них.

ЗАУТЕР. Господин свидетель, в 1939 г. дело дошло до мировой войны. Вел ли подсудимый Ширах в последние годы перед мировой войной с Вами какие-нибудь беседы в том направлении, что молодежь следует воспитывать для ведения войны, то-есть, выражаясь другими словами, что при воспитании молодежи следует учитывать потребности и интересы будущих войн? Итак, что говорилось между Вами и Шираком в отношении этих вопросов до войны?

ЛАУТЕРБАХЕР. О возможной войне между нами никогда не было речи. В тех случаях, когда я сопровождал Шираха, я участвовал в с"ездах партии и при этом, когда выступал Адольф Гитлер...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Заутер попросите свидетеля не говорить слишком медленно.

ЗАУТЕР. Господин свидетель, Вы должны говорить медленно, но не слишком медленно, настолько медленно, чтобы переводчики успевали переводить, в противном случае мы займем очень много времени. Мы и так заняли уже очень много времени.

ЛАУТЕРБАУЕР. Во время этих партийных с"ездов у меня всегда складывалось твердое и непоколебимое убеждение в том, что Адольф Гитлер и национал-социалистская империя будут придерживаться мира и мирного развития. По всяком случае Поэтому мне никогда в голову не приходила мысль воспитывать молодежь специально в духе подготовки к войне.

11962

H1204 – 0078

H1204 – 0079

ЗАУТЕР. Могли ли Вы, господин свидетель, занимая должность руководителя штаба при имперском руководстве молодежи просматривать переписку по общей политическим вопросам, поступавшую к Шираху или исходившую от него?

ЛАУТЕРБАХЕР. Я во всех случаях знакомился со всей служебной корреспонденцией.

ЗАУТЕР. Видели ли Вы во всей этой корреспонденции какие-либо директивы относительно военных приготовлений, которые имперское руководство молодежи получало бы от Гитлера или от партийного руководства, или от ОКВ, или от других каких-либо партийных или государственных инстанций?

ЛАУТЕРБАХЕР. Никогда, ни в открытой, ни в завуалированной форме.

ЗАУТЕР. Господин свидетель, в последние дни мы неоднократно задавали вопросы по поводу главных задач воспитания молодежи. Я думаю, господин председатель, что мне, пожалуй, больше не надо еще раз подробно касаться этого вопроса. Данный свидетель мог бы лучше, чем кто бы то ни было другой дать об этом показания, но, мне кажется, что можно считать выясненными главные задачи воспитания молодежи.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я считаю, что факты относительно этого уже достаточно освещены.

ЗАУТЕР. Благодарю Вас. Тогда я могу сразу перейти к другой главе.

Вы сказали, что Вы никогда не были солдатом. Не придавал ли Ширах большое значение тому, чтобы среди его сотрудников находилось определенное количество офицеров или по крайней мере бывших солдат, которых можно бы было при воспитании молодежи использовать в качестве воспитателей?

Вы можете сказать об этом кратко.

ЛАУТЕРБАХЕР. Нет, сперва, т.е. в первые годы развития Ширах отрицательно относился к назначению воспитателями офицеров, как по идеологическим, так и по воспитательным соображениям. Целью и задачей гитлеровской молодежи было социалистическое единство и социалистическое государство. С этим был несовместим тип старого офицера того времени, который являлся представителем реакционной эпохи.

ЗАУТЕР. Несовместим. Вы хотите сказать...

ЛАУТЕРБАХЕР. С основной линией воспитания, установленной в гитлеровской молодежи Ширахом.

ЗАУТЕР. Господин свидетель, известно ли Вам, что-нибудь о том, что Ширах постоянно относился очень отрицательно или, наоборот, известно ли Вам что-нибудь о том, что он был согласен, если какие-либо военные инстанции пытались оказывать влияние на характер воспитания гитлеровской молодежи? И в этом случае Вы можете сказать совсем кратко.

ЛАУТЕРБАХЕР. Уже в 1933 году имели место попытки назначить на должности руководителей гитлеровской молодежи офицеров. Еще до начала моей деятельности, как руководителя штаба насколько мне известно - в гитлеровской молодежи по более или менее прямому поручению Гитлера стали работать два офицера. Однако сущность деятельности молодежи парализовала их усилия, и их деятельность можно сказать, закончилась 100% провалом.

ЗАУТЕР. Что же стало с этими двумя офицерами?

ЛАУТЕРБАХЕР. Ширах отправился затем к Гитлеру и добился отзыва этих господ или добился от Гитлера распоряжения, предусматривавшего, что в рядах гитлеровской молодежи не должны работать офицеры.

H1204 – 0080

H1204-0081

ЗАУТЕР. А в последующее время делались ли еще попытки навязать ему офицеров?

ЛАУТЕРБАХЕР. О, да. В 1936, 1937 и затем в 1938 г.г. были сделаны попытки оказать через так называемых связных офицеров влияние на воспитание гитлеровской молодежи. Но и эти попытки не увенчались успехом, и до самого конца, - за исключением тех руководителей молодежи, которые служили в армии и стали офицерами, - до конца в гитлеровской молодежи не работали офицеры, ответственные не перед Ширахом, а перед какой-либо иной инстанцией.

ЗАУТЕР. Если я Вас правильно понял, Вы хотели сказать - я прошу Вас ответить мне, правильно ли я понял - что Ширах отрицательно относился к таким попыткам. Это верно?

ЛАУТЕРБАХЕР. Да.

ЗАУТЕР. Господин свидетель, почему же гитлеровская молодежь, включая девушек, носила форму?

ЛАУТЕРБАХЕР. Выражение "форма" является не совсем правильным наименованием той одежды, которую носили члены гитлеровской молодежи. Это скорее была одежда, которую носили молодежные организации еще до существования гитлеровской молодежи не только в Германии, но и в других странах. А вообще фон Ширах придавал большое значение тому, чтобы все юноши и девушки, как он обычно выражался, носили одежду социалистской общности.

ЗАУТЕР. Социалистской общности, т.е. общности всех, общности всех юношей и девушек из всех слоев немецкого населения без различия.

ЛАУТЕРБАХЕР... без различия происхождения, вероисповедания и т.д.

ЗАУТЕР. Богат или беден?

ЛАУТЕРБАХЕР. Да.

ЗАУТЕР. Имелось ли в распоряжении гитлеровской молодежи оружие? Вы ведь должны знать это.

ЛАУТЕРБАХЕР. Нет, во время деятельности Шираха и моей деятельности они не обучались обращению с оружием.

ЗАУТЕР. В частности, были ли у нее танки и броневики и т.п., так как в связи с вопросом об особых соединениях указывалось на обучение молодежи в так называемых моторизованных частях гитлеровской молодежи.

ЛАУТЕРБАХЕР. Нет, насколько мне известно в гитлеровской молодежи и после Шираха никогда не проводилось обучение обращению с броневиками, танками и т.д., во всяком случае...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. ~~Все эти~~ Факты, приведенные подсудимым относительно вооружения гитлеровской молодежи, ее соединениях не указывались при перекрестном допросе, поэтому Вам не следует касаться их. Господин Додд не предполагал, что у них были танки.

ЗАУТЕР. Благодарю Вас, господин председатель. Тогда я еще больше смогу сократить допрос.

Я перехожу затем, господин Лаутербахер, к позиции подсудимого фон Шираха в еврейском вопросе. Принимала ли гитлеровская молодежь какое-либо участие в погромах в ноябре 1938 года?

ЛАУТЕРБАХЕР. Мне кажется, что на Ваш вопрос я могу ответить совершенно недвусмысленно - нет.

ЗАУТЕР. Господин Лаутербахер, Вы что-то рассказывали мне об одной речи, которая несколько дней спустя после 9

H1204 - 0082

H1204 – 0083

ноября 1938 года была произнесена подсудимым Ширахом по поводу этих еврейских погромов. Скажите, пожалуйста, когда и перед кем он произнес эту речь, и о чем он говорил в этой речи?

ЛАУТЕРБАХЕР. Ширах 10 ноября 1938 года, – в то время он был в Мюнхене, а я в Берлине, – дал мне по телефону поручение дать указание областным руководителям гитлеровской молодежи ни при каких обстоятельствах на участвовать в антиеврейских демонстрациях и созвать областных руководителей на совещание для выслушивания специального указания по этому вопросу. Это совещание затем имело место приблизительно 15 ноября 1938 года.

ЗАУТЕР. Где?

ЛАУТЕРБАХЕР. В Берлине. Ширах предложил вначале областным руководителям выступить с отчетами, а затем он выразил свою радость по тому поводу, что он располагает также отчетами, полученными другим путем, о том, что гитлеровская молодежь не принимала участия в этих эксцессах. В своей речи он назвал эти эксцессы – я очень хорошо помню эту его речь, поскольку она произвела на меня большое впечатление, – позором для культуры и нанесением ущерба нашему собственному достоинству. Он сказал, что такие вещи могут иметь место со стороны нецивилизованного народа, но не немецкого народа. Далее он заявил, что этими демонстрациями мы сделали своими врагами весь мир и сверх того всех порядочных немцев внутри самой Германии. Он опасался больших внутриполитических осложнений, а также трудностей в самой партии. Партия, как мы знаем, не была вовсе единой в оценке этих событий. Очень большая часть членов партии и

партийных руководителей осуждала эти эксцессы.

ЗАУТЕР. Теперь говорите дальше о том, что говорил тогда Ширах, меня это будет больше интересовать.

ЛАУТЕРБАХЕР. Господин фон Ширах дал затем руководителям молодежи специальное указание, чтобы и в будущем при всех обстоятельствах не принимать участия в демонстрациях такого и подобного характера и уже из причин чисто воспитательного порядка он осудил всякое насилие. В заключение этого совещания он указал на "Штюрмер", как на газету, читку которой среди гитлеровской молодежи на вечерах и т.д. он запрещает.

ЗАУТЕР. Говорил ли при этом Ширах, господин Лаутербахер, о том, что было уничтожено безо всякой пользы так много культурных ценностей, сокровищ искусства, народного имущества и не приводил ли он в связи с этим какие-либо примеры?

ЛАУТЕРБАХЕР. Да, в этой связи он привел в качестве особо яркого примера то, что по крайней мере частично было произведено разграбление еврейского дома искусств Пернхейм в Мюнхене.

ЗАУТЕР. В Мюнхене?

ЛАУТЕРБАХЕР. Да, и на основании этого примера он показал руководителям молодежи, какой опасный и непоправимый ущерб был нанесен этими демонстрациями сокровищам нашей культуры и культурным ценностям.

ЗАУТЕР. Правильно ли, что после этой берлинской речи подсудимого фон Шираха, о которой Вы только что рассказали, он затем приказал связаться из Берлина по телефону с отдельными инстанциями гитлеровской молодежи и дать им определенные указания?

11968

H1204 – 0084

H1204 – 0085

ЛАУТЕРБАХЕР. Это было сделано уже 10 ноября, т.е. на следующий день после мюнхенских демонстраций. Это было сделано независимо от совещания областных руководителей, которое состоялось лишь около 15 ноября.

ЗАУТЕР. Господин Лаутербахер, я полагаю, что Вы в течение многих лет присутствовали во время произнесения некоторых речей подсудимым фон Ширахом перед младшими руководителями или гитлеровской молодежью. Призывал ли в таких случаях подсудимый к борьбе против евреев, призывал ли он к насильственным действиям по отношению к евреям? Как обстояло дело?

ЛАУТЕРБАХЕР. Да, я пожалуй, слышал все основные речи, произнесенные Ширахом перед руководящим составом гитлеровской молодежи, и никогда при этом не слышал никаких призывов к каким-либо насильственным актам, что совершенно не соответствовало бы всем его убеждениям. Во всяком случае я не могу вспомнить, чтобы фон Ширах когда-либо прямо или каким-либо косвенным образом призывал руководящий состав гитлеровской молодежи участвовать в насилиях какого бы то ни было рода и против кого бы то ни было.

ЗАУТЕР. О чем же говорил собственно в большинстве случаев Ширах в своих многочисленных речах к молодежи? Коротко, ~~надо все же~~ казалось только основную тему.

ЛАУТЕРБАХЕР. Здесь без сомнения нужно делать различие между его большими публичными выступлениями и речами перед руководящим составом гитлеровской молодежи. В речах перед руководством молодежи он всегда говорил о больших политических и идеологических задачах, социал-политических, культурно-политических и профессионально-воспитательных

задачах, которые он ставил перед гитлеровской молодежью.

ЗАУТЕР. Я сейчас перехожу, господин Лаутербахер, к другой главе. Побуждал ли Вас Ширах выйти из религиозной общины?

ЛАУТЕРБАХЕР. Нет.

ЗАУТЕР. Но Вы вышли?

ЛАУТЕРБАХЕР. Я не думаю, что ~~он~~ бы г-н фон Ширах вообще знал, какого я вероисповедания и вышел ли я из религиозной общины или нет. В 1937 или 1938 году без совета или даже насилия с какой бы то ни было стороны я вышел из религиозной общины.

ЗАУТЕР. Рекомендовал ли Ширах, насколько Вам известно, другим своим сотрудникам выйти из религиозной общины?

ЛАУТЕРБАХЕР. Нет.

ЗАУТЕР. Ругал ли Ширах в своих многочисленных речах, о которых Вы ранее сказали нам, что Вы также слышали их, христианство или подстрекал к выступлению против него?

ЛАУТЕРБАХЕР. Ширах всегда проповедывал молодежи уважение к религиозным убеждениям и при этом постоянно характеризовал всякую безбожность, как зло. Правда, Ширах выступал в своих речах против существовавших до 1933г. и позднее, например, религиозных спортивных союзов и требовал единства молодежи. Но при этом он никогда ни публично, ни в личном кругу не нападал на христианство как религиозное убеждение.

ЗАУТЕР. Господин Лаутербахер, в то время, когда подсудимый фон Ширах был имперским руководителем молодежи, происходили переговоры с целью заключения конкордата с католи-

11970

H1204 – 0086

ческой церковью для того, чтобы урегулировать в договоре отношения между церковью и государством. Известно ли Вам что-нибудь о том, что Ширах включился в эти переговоры о конкордате, и не старался ли он добиться соглашения с церковью на такой основе, которая удовлетворяла бы обе стороны.

ЛАУТЕРБАХЕР. Да, в 1933 и в 1934 г.г. имело место очень много бесед Шираха с представителями церкви, с тогдашним имперским епископом евангелической церкви Мюллером и представителем фульдской конференции епископов епископом Вернингом из Оснабрюка. Я помню, что Ширах стремился к разграничению прав и компетенций обеих сторон примерно на следующей основе: "Богу должно принадлежать то, что ему принадлежит, а государству должно принадлежать то, что принадлежит ему".

ЗАУТЕР. Другой вопрос, господин свидетель. Знаете ли Вы что-нибудь о том, старался ли Ширах действительно добиться взаимопонимания гитлеровской молодежи, которой он руководил, и молодежи других стран и можете ли Вы в качестве примера указать, что он делал и что он предпринимал в этом направлении?

ЛАУТЕРБАХЕР. Дружественное взаимопонимание молодежи Германии и молодежи всего мира, без сомнения, относилось к тем задачам, которые Ширах все время особенно настойчиво ставил перед руководителями молодежи. У меня всегда было такое впечатление, что эта задача, я бы хотел так сказать, была его личной страстью. Я сам, по его поручению, - и поэтому я могу быть как раз самым лучшим свидетелем по этому вопросу - начиная с 1935 г. по крайней мере один или два-три раза в год ездил в различные европейские страны, чтобы

H1204 – 0087

H1204 – 0088

установить связь с существовавшими там юношескими организациями, а также с организациями фронтовиков первой мировой войны.

ЗАУТЕР. Какие государства?

ЛАУТЕРБАХЕР. Можно сказать, что гитлеровская молодежь искала таких связей со всеми европейскими странами, и я сам по непосредственному поручению фон Шираха несколько раз был в Англии и говорил там с руководителями английской организации бойскаутов и его сотрудниками, а также...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я не думаю, что эти факты нужно дискутировать. Обвинение только ссылалось на эти моменты. Поэтому Вам нет необходимости вновь углубляться в факты о связи гитлеровской молодежи с иностранной молодежью.

ЗАУТЕР. Хорошо, господин председатель.

Как Вы слышали, господин свидетель, эти факты никем не оспариваются. Поэтому мы можем перейти к другим вопросам.

Вы были руководителем штаба гитлеровской молодежи в руководстве гитлеровской молодежи. Известно ли Вам, содержало ли руководство гитлеровской молодежи за границей шпионов, агентов и т.п. или обучало ли оно лиц для работы в рядах "Пятой колонны". Вам известно такое выражение в других странах; перебрасывало ли оно в Германию молодых людей для обучения их у нас в качестве парашютистов, с тем, чтобы потом послать их обратно на родину? Было ли Вам что-либо известно об этом в течение всей Вашей деятельности на посту руководителя штаба?

ЛАУТЕРБАХЕР. Гитлеровская молодежь не обучала ни шпионов, ни агентов, ни парашютистов для использования их в других странах Европы. Я должен бы был при всех обстоятель-

ствах узнать о такой деятельности или распоряжении по этому поводу.

ЗАУТЕР. Если бы Ширах дал такое распоряжение за Вашей спиной, то считаете ли Вы, что Вы все равно при всех обстоятельствах должны были бы узнать об этом по сообщениям областных руководителей и т.п.?

ЛАУТЕРБАХЕР. Об этом, я должен бы был узнать при всех обстоятельствах, или констатировал бы это в областях, учитывая мои многочисленные служебные поездки.

ЗАУТЕР. Г-н свидетель, я хотел бы перейти к другой главе. Недавно Вы рассказали мне об одном разговоре. Вы сказали, что после польской кампании, т.е. предположительно в конце сентября или в начале октября 1939 г., и до начала настоящей войны с Францией, Вы имели встречу с подсудимым фон Ширахом у Вас дома, в Берлине - Далем. Во время этой беседы подсудимый фон Ширах говорил о своем отношении к войне. Может быть, Вы сейчас вкратце передадите суду содержание этой беседы?

ЛАУТЕРБАХЕР. Хорошо. Господин фон Ширах посетил меня в конце сентября или в начале октября 1939 г в Берлине в моей квартире. Мы очень скоро начали говорить о войне, и Ширах сказал приблизительно, что по его мнению возникновению этой войны следовало бы воспрепятствовать. На тогдашнего министра иностранных дел он возлагал ответственность за то, что он недостаточно и неправильно информировал Адольфа Гитлера. Он сожалел о том, что Гитлер и руководящие лица государства и партии совсем не знали мира и Европы и что они, не ведая о последствиях этой войны, были приведены к ней. Он сказал, что, если эта война за самое

H1204 – 0089

H1204 – 0090

короткое время не будет нами окончена, то мы ее проиграем. В этой связи он указал на чрезвычайно огромные потенциальные возможности Англии и Америки и сказал – я особенно хорошо помню это слово,-что эта война окажется злосчастной войной и что, если германский народ с этой войной и из-за этой войны не должен быть брошен в пучину несчастья, то следует сообщить фюреру о том, какая опасность создастся для Германии, если Америка вмешается в войну, пусть то в форме экономической поддержки или в форме военных действий.

Затем мы обсудили вопрос о том, кто мог бы информировать Гитлера, кто вообще мог бы получить к нему доступ. Ширах предложил тогда попытаться каким-нибудь образом свести Адольфа Гитлера с господином Колин Росс. Колин Росс должен был обратить внимание Адольфа Гитлера на грозившую катастрофу и, выходя за пределы компетенции, проинформировать Гитлера в отсутствие министра иностранных дел. Колин Росс в то время еще не находился в Германии. Я помню, что он по возвращении действительно через посредство Шираха смог посетить Гитлера.

ЗАУТЕР. Господин свидетель, я хотел бы Вас попросить остановиться более подробно на этой беседе от 1939 года как Вы нам о ней рассказываете. Я попрошу Вас ответить на вопрос, почему Вы подумали именно о докторе Колин Росс? Почему Вы пришли именно к этой мысли?

ЛАУТЕРБАХЕР. Я уже упомянул, что руководство национал-социалистского государства и партии, почти совершенно не знало заграничные страны и весь мир и именно поэтому выбор пал на этого человека, который очень часто бывал в

других государствах. Колин Росс до 1939 г. на том или ином заседании руководителей гитлеровской молодежи часто произносил речи...

ЗАУТЕР. О чем?

ЛАУТЕРБАХЕР... И поэтому он был знаком Шираху и молодежи.

ЗАУТЕР. О чем он говорил гитлеровской молодежи?

ЛАУТЕРБАХЕР. Он говорил о своих приключениях на всех континентах.

ЗАУТЕР. Как стал Колин Росс известен гитлеровской молодежи? Не говорилось ли при этом также и о том, что следует заняться решением еврейского вопроса для того, чтобы легче было притти к соглашению с другими странами? И на какой основе?

ЛАУТЕРБАХЕР. Да, во время этой беседы Ширах указал на эксцессы 9 ноября 1938 года и на речь, произнесенную им в связи с ними, и сказал, что, естественно, при таких обстоятельствах будет очень трудно вообще начать переговоры с Америкой, и что при удобном случае надо было раньше попытаться - и это он хотел предложить сделать на случай разговора с Гитлером...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Заутер, Трибунал не считает, что есть достаточная необходимоть у/глубляться в частные разговоры Шираха с этим свидетелем. Если он может дать показания о том, что делал Ширах, - это другое дело, но сейчас свидетель просто передает содержание частных бесед, которые он имел с подсудимым Ширахом: ничего более, как частные беседы.

11975

H1204 - 0091

H1204 – 0092

ЗАУТЕР. Господин свидетель, что затем на основании этой беседы между Вами и подсудимым фон Ширахом действительно предпринял последний в интересах сохранения мира или в интересах ускорения окончания войны? Предпринял ли он что-нибудь и что именно?

ЛАУТЕРБАХЕР. Да, Ширах, как он рассказывал мне в одной из бесед позже, в начале войны использовал всякую возможность для того, чтобы попытаться убедить Адольфа Гитлера в необходимости начать переговоры с Америкой и он действительно, преследуя эти планы, устроил господину Колин Россу, как он мне лично рассказывал позднее, свидание с Гитлером. Колин Росс в течение нескольких часов был у Гитлера. Колин Росс рассказывал во время визита, который он нанес мне в Ганновере, об этой беседе и при этом сказал мне, что Гитлер сильно призадумался. Одновременно он, правда, сказал мне, что намеченная вторая беседа с Гитлером не состоялась, так как по его описанию министерство иностранных дел протестовало против такого характера информирования.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Мы сейчас сделаем перерыв.

(Перерыв на 10 минут).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Заутер, Трибунал считает, что этот свидетель слишком подробно говорит о вопросах, которые имеют очень небольшое значение. Трибунал считает, что Вам следует обратить его внимание на вопросы, которые действительно важны.

ЗАУТЕР. Господин председатель, у меня остался еще только один вопрос. (Обращается к свидетелю). Господин

свидетель, последний вопрос. С 1940 года Вы не работали вместе с Ширахом. Вы стали, мне кажется, гаулейтером?

ЛАУТЕРБАХЕР. Да.

ЗАУТЕР. Ширах отправился в Вену. Но позже, в 1943 году, у нас была еще одна продолжительная беседа с ним, главным образом, по вопросу о том, почему Ширах не уходит со своего поста. Я выделяю этот вопрос потому, что один из господ обвинителей уже касался сегодня этого вопроса. Скажите, пожалуйста, коротко, что сказал Вам тогда Ширах о том, почему он остается на своем посту, или почему он не уходит в отставку, и как он расценивал войну в 1943 году, я имею в виду - тогда?

ЛАУТЕРБАХЕР. Да, в марте 1943 года, при моем посещении Вены в качестве частного лица, состоялась длительная беседа между мной и фон Ширахом. Фон Ширах крайне пессимистически говорил тогда о перспективах войны и заявил мне, что вскоре нам придется вести войну у Вены, в Альпах и на Рейне. Причем он сказал мне, что ему уже очень давно не удается встретиться с Адольфом Гитлером, что у него нет возможности, как это было ранее, информировать его, что начальник партийной канцелярии Борман всегда отказывает ему в возможности встретиться с Адольфом Гитлером наедине, и что у него таким образом, больше нет возможности поговорить с Гитлером о венских и об общих вопросах. В этой связи он также сказал о том, что Борман каждый день третирует его возражениями и жалобами, отменой данных им как гаулейтером указаний и приказов и что в принципе у него больше нет возможности оставаться на своем посту и нести ответствен-

H1204-0093

H1204 – 0094

ность.

Затем, в ходе дальнейшей беседы - при этом мы взвешивали различные возможности-он сказал, что он, так как он присягал на верность Гитлеру, считает своим долгом при всех обстоятельствах оставаться на своем посту и что он, прежде всего, считает, что он не может взять на себя ответственность оставить на произвол судьбы население Вены, гаулейтером которой он был, при такой ситуации во время войны.

Он видел, что приближается катастрофа, но сказал, что отставка или какое-либо действие подобного характера не окажут никакого влияния на Гитлера и на руководство государством и что он, верный присяге как солдат, хочет остаться на своем посту.

ЗАУТЕР. Господин председатель, тем самым я закончил допрос этого свидетеля.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Желают ли другие представители защиты задать вопросы этому свидетелю?

СЕРВАТИУС (защитник подсудимого Заукеля). Господин свидетель, с 1940 года Вы были гаулейтером в Ганновере?

ЛАУТЕРБАХЕР. Да, с 1940 года.

СЕРВАТИУС. Как таковой, Вы были также уполномоченным по распределению рабочей силы?

ЛАУТЕРБАХЕР. Да.

СЕРВАТИУС. Были ли в Вашей области иностранные рабочие?

ЛАУТЕРБАХЕР. Да, в моей области было очень много иностранных рабочих, они работали, главным образом, на имперских заводах "Герман Геринг", и возникших вблизи Брауншвейга.

СЕРВАТИУС. Вы должны были заботиться об их обеспечении?

ЛАУТЕРБАХЕР. Да. Мои задачи, как уполномоченного по использованию рабочей силы, ограничивались обеспечением иностранных гражданских рабочих.

СЕРВАТИУС. Вы получали по этому вопросу распоряжения Заукеля?

ЛАУТЕРБАХЕР. Да, я, как и все другие гаулейтеры НСДАП, постоянно получал распоряжения Заукеля об использовании рабочей силы, т.е. по вопросам обеспечения гражданских рабочих.

СЕРВАТИУС. Какого характера были эти распоряжения?

ЛАУТЕРБАХЕР. Распоряжения, которые я получал как гаулейтер, содержали в себе почти исключительно все повторявшийся призыв - сделать все для того, чтобы удовлетворить иностранных гражданских рабочих, как в отношении размещения, продовольствия, одежды, так и в отношении культурного обслуживания.

СЕРВАТИУС. И это осуществлялось на практике?

ЛАУТЕРБАХЕР. Конечно, в пределах возможного эти указания проводились в жизнь.

СЕРВАТИУС. Вы инспектировали лагери или предприятия, на которых работали эти рабочие?

ЛАУТЕРБАХЕР. Да, при своих служебных поездках я сам инспектировал такие лагери, но в первую очередь промышленные предприятия. Вообще же у меня в лице областного старшины германского трудового фронта был человек, который поддерживал меня в таких случаях в этой работе.

СЕРВАТИУС. Приходилось ли Вам самому или Вашему

H1204 – 0095

H1204 – 0096

старшине наблюдать катастрофические положения?

ЛАУТЕРБАХЕР. Да. После воздушных налетов, от которых, начиная с 1943-года, особенно пострадали как раз города Ганновер и Брауншвейг, я обнаружил в лагере иностранных гражданских рабочих - правда, как в жилых квартирах, населенных немцами, - если не катастрофическое, то крайне серьезное положение. И затем я в пределах существовавших возможностей старался, например, отремонтировать поврежденные жилые дома, или построить новые.

СЕРВАТИУС. Обнаруживали ли Вы тяжелое положение, вызванное действиями предприятий или контрольных инстанций.

ЛАУТЕРБАХЕР. Да, я помню два случая.

В Ганновере несколько предприятий об"единились в нечто вроде рабочего сообщества и создали лагерь для своих иностранных рабочих. Ответственным за этот лагерь был уполномоченный этих предприятий. Областной старшина германского трудового фронта однажды доложил мне, что положение с размещением в этом лагере не соответствует распоряжениям и просил моего разрешения вмешаться в это дело, ~~так как~~ т.е. от имени германского трудового фронта взять на себя ответственность за этот общий лагерь. Я дал ему такое поручение и через некоторое время он доложил мне, что трудности устранены.

Вторым примером такого рода являются "имперские заводы "Герман Геринг". Я должен упомянуть, так как я даю показания под присягой, что это предприятие в некоторых отношениях игнорировало распоряжения Заукеля. Например, однажды это предприятие в превышение полномочий рабочей администрации самостоятельно через свои дочерние предприятия

начало вербовку рабочих на Украине, а также и в других странах. Эти рабочие, набранные сверх установленных генеральным уполномоченным контингентов,- а поэтому он не мог нести за них ответственность,- были привезены в Ватенштадт. Я сам мог лишь с большими трудностями добиться доступа на заводы и в лагери. Положение вовсе не было таково, что я как гаулейтер и уполномоченный мог безо всякого...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подождите минуту. Какое это имеет отношение к подсудимому Заукелю?

СЕРВАТИУС. Я спросил его о тяжелом положении, наличие которого он мог установить, ибо он был уполномоченным по использованию иностранных рабочих и должен был устанавливать, где имело место такое положение. О таких случаях он должен был докладывать и эти доклады в конце концов поступали к Заукелю. Он немного слишком далеко зашел в своем рассказе и сейчас описывает положение на "заводах Герман Геринг".

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы должны остановить свидетеля, доктор Серватиус, Вы же знаете, какой вопрос Вы ему задали.

СЕРВАТИУС. Свидетель, Вы установили в этом лагере наличие тяжелого положения?

ЛАУТЕРБАХЕР. Я не мог попасть в лагерь, так как мне было запрещено входить в него.

СЕРВАТИУС. Произносил ли в Вашей области Заукель речи перед рабочими?

ЛАУТЕРБАХЕР. Нет, в то время, когда я был там, нет. Но он неоднократно присылал своих уполномоченных.

СЕРВАТИУС. У меня есть еще несколько вопросов относительно политического руководства, которое я также защищаю.

H1204 – 0097

H1204 – 0098

Получили ли Вы от фюрера особые инструкции, когда вы были назначены гаулейтером?

ЛАУТЕРБАХЕР. Нет. По случаю моего назначения гаулейтером, я был на заседании гаулейтеров представлен г-ном Гессом в качестве гаулейтера, но на этом заседании я не получал никаких специальных указаний, и вообще во время...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Господин свидетель, Вы ответили "нет", Вам незачем было что-либо добавлять к этому.

СЕРВАТИУС. Говорили ли Вы позднее с фюрером? Получили Вы какие-либо специальные или секретные указания?

ЛАУТЕРБАХЕР. Я бывал у фюрера только на заседаниях гаулейтеров и у меня никогда не было служебных бесед с фюрером.

СЕРВАТИУС. Вам знакома деятельность блоклейтеров? В частности, у меня к Вам вопрос: использовались ли блоклейтеры в целях местного шпионажа?

ЛАУТЕРБАХЕР. Нет.

СЕРВАТИУС. Но ~~почему~~ очень широко распространено то мнение, что блоклейтеры действительно шпионили и это так же утверждается обвинением. Может быть, СД использовало блоклейтеров в этих целях?

ЛАУТЕРБАХЕР. У СД были свои собственные органы, свои собственные агенты, которые не были известны партии. Во всяком случае у блоклейтеров не было поручения работать в пользу СД.

СЕРВАТИУС. Разве не велась специальная картотека врагов партии?

ЛАУТЕРБАХЕР. В партийных организациях – нет. Эта

картотека, насколько я знаю, как это стало известно в связи с покушением 27.7.44, велась тайной полицией.

СЕРВАТИУС. Использовала ли партия для шпионажа доверенных лиц, которые не были блоклейтерами, но работали для Вас, как гаулейтера?

ЛАУТЕРБАХЕР. Нет.

СЕРВАТИУС. У меня больше нет вопросов.

Г-н ДОДД. Когда Вы вступили в СС, господин свидетель?

ЛАУТЕРБАХЕР. По случаю моего назначения заместителем гаулейтера 2 августа 1940 года, я стал СС - бригаденфюрером.

Г-н ДОДД. Простите, я не слышал ответа.

ЛАУТЕРБАХЕР. По случаю моего назначения заместителем гаулейтера, 2 августа 1940 года я стал бригаденфюрером.

Г-н ДОДД. Я не слышал Ваш ответ о том, когда Вы впервые вступили в СС? Повторите, пожалуйста.

ЛАУТЕРБАХЕР. 2 августа 1940 года.

Г-н ДОДД. Вы абсолютно не принадлежали к этой организации до этого времени?

ЛАУТЕРБАХЕР. До этого времени я не входил в организацию СС, правда с 26 мая до сентября 1940 года я служил солдатом в войсках СС.

Г-н ДОДД. А затем впоследствии Вы стали обергруппенфюрером СС, не так ли?

ЛАУТЕРБАХЕР. 20 апреля 1944 года.

Г-н ДОДД. Когда Вы стали членом штаба Гиммлера?

ЛАУТЕРБАХЕР. Я никогда не был членом штаба Гиммлера.

Г-н ДОДД. Разве Вы не стали членом этого штаба в январе 1944 года или к какой организации, Вы говорите, Вы

H1204 – 0099

H1204 – 0100

присоединились в системе организации рейхсфюрера СС? Может быть, я неправильно выразился, не следовало употреблять слова "штаб". Очевидно эта организация называется как-то иначе. Разве Вы не были как-то связаны с Гиммлером?

ЛАУТЕРБАХЕР. Нет, я никогда не получал заданий от СС.

Г-н ДОДД. У Вас с января 1944 года были какие-то связи с рейхсфюрером СС?

Г-н ЛАУТЕРБАХЕР. Рейхсфюрер СС в октябре 1944 года прибыл в своем поезде в Бад Пирмонт по случаю с"езда гауляйтеров западных германских областей и высших командиров СС и полиции. Я был вызван по этому случаю и в ходе общего заседания имел с ним беседу.

Г-н ДОДД. Я не это Вас спросил, но я перехожу к следующему вопросу. В 1944 г. Вы стали обергруппенфюрером СС также, как и обергруппенфюрером СА?

ЛАУТЕРБАХЕР. Обергруппенфюрером СА я стал, кажется, в 1944 или 1943 г.

Г-н ДОДД. В 1936 г. Вы были также членом рейхстага, не правда ли?

ЛАУТЕРБАХЕР. Да.

Г"н ДОДД. И, кажется, Вы сказали, что с 1927 г. Вы были членом партии, не так ли?

ЛАУТЕРБАХЕР. Да, с 1927 г.

Г-н ДОДД. И с 1923 года Вы стали членом организации гитлеровской молодежи или НСДАП?

ЛАУТЕРБАХЕР. Членом гитлеровской молодежи я стал в 1927 г. Эта организация была основана лишь в 1927 г.

Г-н ДОДД. Когда бы это ни было, я имею в виду партийную организацию молодежи. Сколько людей было Вами

публично повешено, когда Вы были гаулейтером в Ганновере?

ЛАУТЕРБАХЕР. Я не понял вопроса.

Г-н ДОДД. Я спросил Вас, сколько людей Вы публично повесили в то время, когда Вы были гаулейтером в Ганновере?

ЛАУТЕРБАХЕР. Я никогда никого не вешал публично.

Г-н ДОДД. Вы в этом уверены?

ЛАУТЕРБАХЕР. Да.

Г-н ДОДД. Сколько людей Вы послали в концлагери?

ЛАУТЕРБАХЕР. Я предал обычным судам пять или десять человек за нарушение постановлений о военной экономике, и в одном случае, который я особенно хорошо помню, 2-х лиц, которые отказались...

Г-н ДОДД. Мне не нужны подробности. Скажите только сколько людей Вы послали в концентрационные лагери?

ЛАУТЕРБАХЕР. Это было два человека. Я не знаю, попали ли они в концентрационный лагерь, потому что я сам не имел права направлять людей в концентрационные лагери. В концлагери люди заключались по указанию из Берлина.

Г-н ДОДД. Знали Вы человека, по имени Генрих Хук?

ЛАУТЕРБАХЕР. Хук, нет, я не припоминаю этого имени в данный момент.

Г-н ДОДД. Он был комиссаром полиции в Вашем гау или в районе, подведомственном Вашему гау?

ЛАУТЕРБАХЕР. Нет, я его не знаю.

Г-н ДОДД. Я хочу спросить Вас, повесили ли Вы публично на рынке одного иностранного рабочего из восточных областей. Он оставался там висеть целый день. Это было в то время, когда Вы там являлись гаулейтером?

11985

H1204-0101

H1204 – 0102

ЛАУТЕРБАХЕР. Нет. Где это должно было быть?

Г-н ДОДД. Насколько мне известно, это имело место в Гильдесхейме.

ЛАУТЕРБАХЕР. Нет.

Г-н ДОДД. Это было в марте 1945 г., перед самым концом войны.

ЛАУТЕРБАХЕР. Нет, этого я не знаю. Я никогда не давал подобных указаний.

Г-н ДОДД. Вы отдали приказ о расстреле или об отравлении 400 или 500 заключенных перед тем, как город был захвачен союзными войсками?

ЛАУТЕРБАХЕР. Нет. Об этом случае меня спрашивали в Лондоне и, мне кажется, что я раз"яснил его.

Г-н ДОДД. В таком случае Вы знаете, о чем я говорю?

ЛАУТЕРБАХЕР. Да, о тюрьме в Хамельне.

Г-н ДОДД. Вы знаете, что Ваш крейслейтер показал, что Вы дали приказ об отравлении их синильной кислотой или стрихнином, либо они должны были быть расстреляны. Вы ведь об этом знаете?

ЛАУТЕРБАХЕР. Об этом мне было сообщено в Лондоне.

Г-н ДОДД. Не только Ваш крейслейтер говорит об этом, но инспектор по тюрьмам в Хамельне, Рихард Котер, подтверждает распространение приказа о том, что этих людей нужно было отправить или повесить. Вы об этом также знаете?

ЛАУТЕРБАХЕР. Я никогда не давал этого приказа.

Г-н ДОДД. Я спрашиваю Вас, знаете ли Вы о том, что люди, которые были ранее связаны с Вами, под присягой дали показания о Ваших действиях.

Вы ведь видели эти письменные показания под присягой, не правда ли?

ЛАУТЕРБАХЕР. О них мне сообщили в Лондоне, но мне было также сообщено, что заключенные этой тюрьмы не были отправлены, а были отосланы домой.

Г-н ДОДД. Да, они были возвращены на родину, но это случилось не в результате Ваших стараний, а потому, что Ваши подчиненные отказались выполнять Ваши приказания, это так?

ЛАУТЕРБАХЕР. Я ничего не знаю об этом, потому что я не был в Хамельне и уж не был гаулейтером.

Г-н ДОДД. Вы видели эти показания под присягой, поэтому мне нет надобности Вам их показывать, но я представляю их в качестве показательства.

ЛАУТЕРБАХЕР. В Лондоне я получил показания комиссара крейслейтера д-ра Кремера и я раз"ясним эти показания.

Г-н ДОДД. Хорошо, таким образом, Вы знаете о чем он говорит. Я представляю этот документ в качестве доказательства под номером США-847 и Д-861. Господин председатель, этот документ представляет собой семь письменных показаний под присягой лиц, которые были своей деятельностью связаны со свидетелем в то время, когда он занимал пост гаулейтера и знали о его действиях во время его пребывания на этой должности.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Господин Додд, каким образом Вы считаете, что эти показания имеют отношение к делу?

Г-н ДОДД. Я представляю эти документы в целях вынесения, насколько правдоподобны показания этого свидетеля или, вернее, насколько они неправдоподобны. Я не могу сказать, что эти показания непосредственно относятся к делу, за исключением того, что они дают представление о

H1204 – 0103

H1204-0104

личности свидетеля, как мн утверждаем, с тем, чтобы Трибунал имел перед собой эту информацию и учел ее, давая оценку его показаниям.

Мне только что напомнил мой друг господин Элвин Джонс, что этот документ имеет отношение к вопросам руководства нацистской партии, членом которой свидетель являлся. Я сам об этом не подумал. Однако я собираюсь использовать это также, как основание для представления этого документа.

(Судьи совещаются).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Где находятся те люди, которые дали эти письменные показания под присягой?

Г-н ДОДД. Господин председатель, я должен сначала выяснить это, я сейчас не знаю.

Они находятся в заключении, по крайней мере некоторые из них, в британской оккупационной зоне в Германии.

ЗАУТЕР (Защитник подсудимого Шираха). Господин председатель, Вы сейчас спросили, где находятся эти люди, давшие эти письменные показания под присягой. Я, пожалуй, могу Вам помочь при раз"яснении этого вопроса. Этот г-н Иосиф Кремер, которого обвинение считает основным свидетелем, показания которого должны опровергнуть показания свидетеля Лаутербахера, был ~~или~~ 8 или 10 дней тому назад осужден английским судом на семь лет заключения и притом по тому же делу, о котором упомянул г-н обвинитель. Об этом деле г-н Лаутербахер ничего не знает, но я случайно читал в одной немецкой газете сообщение об этом процессе и это сообщение имеется у меня здесь. В этом сообщении, датированном 2 мая с.г., упоминается, что суд 5-й британской дивизии приговорил бывшего крейслейтера

Хамельна д-ра Иосифа Кремера к семи годам лишения свободы. Здесь сказано дословно: "Кремер при приближении союзных войск дал приказ о ликвидации заключенных тюрьмы Хамельн. Ни один опасный заключенный и ни один иностранец не должен попасть в руки врага" - гласил его приказ - "они все должны быть отравлены синильной кислотой или, если это не удастся сделать, расстреляны". Так гласил приказ крейслейтера Иосифа Кремера, который теперь именуется контр-свидетелем в противовес моему свидетелю. В этом сообщении далее говорится, что чиновники этой тюрьмы, которые были допрошены в качестве свидетелей, заявили, что они, несмотря на приказ д-ра Кремера, не осуществили уничтожение заключенных. Остальное не интересно, но я подумал, что может быть для суда при рассмотрении этого вопроса будет важно узнать на основании документов, как вел себя в действительности этот бывший крейслейтер. Я могу представить вырезку из газеты, если это Вас интересует, г-н председатель, но она на немецком языке.

Г-н ДОДД. Господин председатель, это является полным подтверждением документа, т.е. Кремер здесь говорит, что это то, что он делал, что он передавал приказы дальше, но он их получал от этого человека. Во всяком случае, это подкрепляет наши доводы и ни в коей мере не снимает доказательной ценности этого документа.

Просматривая эти документы, я пришел к выводу, что, возможно, будет лучше, если я представлю только первый и последний из них. В этой группе еще есть некоторые другие, которые не принесут особой пользы, как мне кажется, для данного Трибунала. Я не буду представлять

H1204 - 0105

H1204 – 0106

ни одного аффидевита, кроме первого и последнего, и представлю в качестве доказательства только аффидевит Кремера и аффидевит Хука.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Господин Додд, Трибунал не считает, что эти документы могут быть допущены. Во-первых, что касается доверия к настоящему свидетелю, Трибунал не считает, что его ответы на вопросы, рассчитанные на проверку доверия к нему, могут быть подвергнуты сомнению ~~другие~~ с помощью других доказательств. Что же касается руководящего состава нацистской партии, Трибунал считает, что эти документы являются доказательствами индивидуальной преступности.

Г-н ДОДД. Хорошо, господин председатель.

Господин свидетель, насколько я Вас понял, Вы сказали, что Вы никогда не слышали, чтобы подсудимый фон Ширах говорил что-нибудь унизительное о евреях. Напротив, Вы слышали его совершенно открытые выступления после событий 9 ноября 1938 года. Я правильно понял Вас?

ЛАУТЕРБАХЕР. Да, на заседании областных руководителей он решительно выступил против этих эксцессов. При этом он не сомневался, что...

Г-н ДОДД. Не повторяйте, пожалуйста, того, что Вы уже говорили до этого. Я лишь хотел уточнить, правильно ли я Вас понял. Вы, по всей вероятности, как заместитель имперского лидера гитлеровской молодежи, читали ежегодник гитлеровской молодежи за 1938 год?

ЛАУТЕРБАХЕР. В настоящий момент я не ~~имею~~ полностью этой книги, можно ли мне взглянуть на ~~нее~~ ежегодник.

Г-н ДОДД. Я, конечно, не ожидал, что Вы помните

все это. Я лишь хотел уточнить, что Вы читали ее. Очевидно, Вы всегда читали Ваши ежегодники.

ЛАУТЕРБАХЕР. Нет.

Г-н ДОДД. Что, Вы не читали их?

ЛАУТЕРБАХЕР. Не припоминаю, нет.

Ген ДОДД. Разве у Вас не вошло в привычку читать эти ежегодники? Давайте рассмотрим это с другой точки зрения.

ЛАУТЕРБАХЕР. Ежегодник составлялся отделом прессы, а я не оказывал влияния на детали оформления наших газет, журналов, ежегодников, я не помню об этом ежегоднике, во всяком случае каких-либо призывов к антисемитским выступлениям или политике насилия.

Г-н ДОДД. В таком случае, я покажу Вам этот документ, так или иначе, и обращу Ваше внимание на статью в этом ежегоднике относительно еврейского народа. Вы знаете, о чем я говорю? Где их обвиняют в том, что на протяжении истории они пролили кровь миллионов людей. Эта статья была напечатана, насколько я понимаю, после бравого заявления подсудимого, сделанного в ноябре 1938 года - так как это ведь выпускается на весь 1938 год. Статью, о которой я говорю, Вы найдете на странице 192.

ЛАУТЕРБАХЕР. Хорошо.

Г-н ДОДД. Вы видели раньше эту статью?

ЛАУТЕРБАХЕР. Нет, этот ежегодник не имел официального характера. Выпуск его являлся личным делом издателя.

Г-н ДОДД. Одну минуту. Что Вы хотите сказать, говоря, что "не имел официального характера". Это ведь был ежегодник гитлеровской молодежи, не так ли?

H1204-0107

H1204 – 0108

ЛАУТЕРБАХЕР. Это не официальный ежегодник гитлеровской молодежи или партии. Я всегда лишь после издания таких ежегодников ознакамливался с ними.

Г-н ДОДД. Этот ежегодник издавался центральным издательством НСДАП.

ЛАУТЕРБАХЕР. Это верно, это я вижу.

Г-н ДОДД. Он назывался "Ежегодником гитлеровской молодежи" и издавался последовательно в продолжении нескольких лет, не так ли? Я не имею в виду лично Вас, я говорю о партии и гитлеровской молодежи.

ЛАУТЕРБАХЕР. Нет. Этот ежегодник составлялся и издавался ежегодно упомянутыми здесь или также и другими господами.

Г-н ДОДД. Да, я это знаю, но я хочу просто установить это: что это был действительно ежегодник гитлеровской молодежи, единственный, который ежегодно издавался. Разве это не так?

ЛАУТЕРБАХЕР. Этот ежегодник издавался каждый год, но этот ежегодник - я повторяю еще раз - не носил официального характера, и я также не думаю, что...

Г-н ДОДД. Ну хорошо, что по Вашему мнению, могло придать ему официальный характер?

ЛАУТЕРБАХЕР. Если бы здесь было написано: "Издано имперским руководством молодежи", то это издание носило бы официальный характер.

Г-н ДОДД. А тот факт, что там сказано, что "издано центральным издательством НСДАП", не придает этой книге официального характера? Так что ли?

ЛАУТЕРБАХЕР. Ни в коем случае.

Г-н ДОДД. Вы больше никаких изданий не опубликовали, носящих характер ежегодников, кроме этого? Не так ли?

ЛАУТЕРБАХЕР. Мы издавали еще ежегодный календарь.

Г-н ДОДД. Конечно, я не говорю о календаре. Я имею в виду отчет или книгу.

ЛАУТЕРБАХЕР. Нет.

Г-н ДОДД. И Вы все еще утверждаете перед настоящим Трибуналом, что этот ежегодник не являлся ежегодником гитлеровской молодежи, единственным, который издавался в Германии?

ЛАУТЕРБАХЕР. Я еще раз заявляю, что этот ежегодник не носил официального характера.

Г-н ДОДД. После того, как Вы прочли эту цитату, Вы все еще считаете, что Ширах, как руководитель имперской молодежи, не выступал активно против евреев в некоторой унизительной форме, или что подобные выступления не проходили под его руководством?

ЛАУТЕРБАХЕР. Фон Ширах, когда он был имперским руководителем молодежи, не оставлял сомнения в своих антисемитских настроениях...

Г-н ДОДД. Вы знаете о речи, которую он произнес в 1942 г., когда он говорил, что депортация евреев из Вены дело его рук? Вы знакомы с этой речью?

ЛАУТЕРБАХЕР. Нет, этой речи я не знаю. В это время я был в Ганновере, а фон Ширах в Вене.

Г-н ДОДД. Да, и он был Вашим коллегой - гаулейтером в то время. Вы когда-нибудь получали отчеты СС по поводу того, что случалось с евреями на Востоке?

H1204 - 0109

H1204 – 0110

ЛАУТЕРБАХЕР. Никогда, я никогда не имел доступа к приказам по СС, циркулярам СС и т.д.

Г-н ДОДД. Вы сами вывозили евреев из своего гау?

ЛАУТЕРБАХЕР. Когда я в декабре 1940 г. стал гаулейтером, евреи уже эмигрировали.

Г-н ДОДД. Их уже там не было к тому времени, когда Вы туда попали.

ЛАУТЕРБАХЕР. Да.

Г-н ДОДД. Скажите, Вы когда-нибудь слышали о том, что от Гиммлера или Гейдриха гаулейтеры получали ответы по поводу судьбы евреев на Востоке? Кто-нибудь из Ваших коллег-гаулейтеров когда-либо говорил Вам о том, что он получал регулярные ежемесячные или еженедельные отчеты?

ЛАУТЕРБАХЕР. Нет, доклады Гиммлера также мало были доступны гаулейтерам, как и почетным командирам СС. Я, будучи обергруппенфюрером СС, никогда не получал докладов или распоряжений от Гиммлера.

Г-н ДОДД. С этими отчетами Гиммлера обращались, очевидно, весьма осторожно? Я хочу сейчас спросить Вас, как обергруппенфюрер, я думаю, Вы знаете кое-что об этом – с этими отчетами Гиммлера и Гейдриха обращались весьма осторожно. Не так ли?

ЛАУТЕРБАХЕР. Я, будучи обергруппенфюрером СС, никогда не получал докладов от Гиммлера и знаю, что Гиммлер направлял все отчеты о секретных и внутренних делах СС только командирам СС и полиции, т.е. командирам, действительно служившим в СС, но никогда не направлял их почетным командирам.

Г-н ДОДД. Я спросил Вас, с этими докладами, когда их высылали, обращались весьма осторожно. Вы можете

ответить на это?

ЛАУТЕРБАХЕР. Этого я не знаю. Что делалось с этими докладами, я не знаю.

Г-н ДОДД. Какова была репутация Гейдриха в 1942 году, поскольку это касается Вас? Вы очень хорошо или очень дурно думали о нем, прежде чем его убили?

ЛАУТЕРБАХЕР. Я знаком с Гейдрихом только по некоторым встречам с ним в имперском руководстве молодежи и лично у меня сложилось о нем хорошее впечатление. Конечно, сейчас я вынужден изменить свое мнение о нем, но лишь теперь, когда я узнал о проведенных ими мероприятиях.

Г-н ДОДД. Что он делал в управлении руководителя имперской молодежи в те несколько раз, когда Вам приходилось его там встречать. Что за дела у него там были?

ЛАУТЕРБАХЕР. В делах гомосексуалистов он вмешивался сам через свои органы, и Ширах протестовал против этого и заявил, что и эти дела подлежат сначала рассмотрению с его стороны.

Г-н ДОДД. Вы присутствовали вместе с Гейдрихом на всех этих совещаниях, вне зависимости от того, сколько их было?

ЛАУТЕРБАХЕР. Я участвовал в одной конференции по вопросу о гомосексуализме в гитлеровской молодежи.

Г-н ДОДД. Скажите, ~~как~~ показалось ли Вам из того, что Вы там видели и слышали, что Гейдрих и Ширах находились в очень дружественных отношениях, или были на дружественной ноге?

ЛАУТЕРБАХЕР. Это совещание состоялось не с фон Ширахом, а с уполномоченным имперского руководства молодежи,

H1204-0111

H1204 – 0112

который как начальник судебного отдела гитлеровской молодежи вел переговоры с Гейдрихом.

Г-н ДОДД. Вы когда-нибудь присутствовали при разговорах Гейдриха с фон Ширахом? Вы когда-либо присутствовали при этом?

ЛАУТЕРБАХЕР. Нет.

Г-н ДОДД. Гейдрих говорил Вам когда-нибудь, или, скорее, фон Ширах говорил Вам когда-нибудь о Гейдрихе?

ЛАУТЕРБАХЕР. Нет, я не помню такого случая.

Г-н ДОДД. У меня больше нет вопросов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Заутер?

ЗАУТЕР. У меня больше нет вопросов, благодарю Вас.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Свидетель может удалиться.

ЗАУТЕР. С разрешения господина председателя, я вызываю другого свидетеля - Густава Хепкена.

(Вводят свидетеля).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Ваше полное имя?

СВИДЕТЕЛЬ. Густав Дитрих Хепкен.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Повторяйте за мной слова присяги. "Я клянусь Богом, всемогущим и всеведущим, что я буду говорить чистую правду, ничего не утаю и ничего не прибавлю".

(Свидетель повторил слова присяги).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы можете сесть.

ЗАУТЕР. Господин Хепкен, я уже допрашивал Вас по делу Шираха в тюрьме, не правда ли?

ХЕПКЕН. Да, Вы уже допрашивали меня.

ЗАУТЕР. Отвечайте, пожалуйста, на вопросы так, чтобы между ответом и вопросом всегда была пауза, чтобы переводчики успевали за Вами, хорошо?

ХЕПКЕН. Хорошо.

ЗАУТЕР. Сколько Вам лет?

ХЕПКЕН. Мне 36 лет.

ЗАУТЕР. Кто Вам отец?

ХЕПКЕН. Мой отец - портовый рабочий.

ЗАУТЕР. А кем Вы были в начале сами?

ХЕПКЕН. Я был газетчиком, портовым рабочим, студентом и преподавателем физкультуры.

ЗАУТЕР. Преподавателем физкультуры. Сейчас Вы находитесь в американском плену?

ХЕПКЕН. Да, я нахожусь в американском плену.

ЗАУТЕР. С каких пор?

ХЕПКЕН. С 19 мая 1945 года.

ЗАУТЕР. Вас уже допрашивало обвинение по этому делу?

ХЕПКЕН. Нет, до сих пор меня обвинение не допрашивало.

ЗАУТЕР. Когда Вы вступили в организацию гитлеровской молодежи?

ХЕПКЕН. Я вступил в гитлеровскую молодежь в 1933 г.

ЗАУТЕР. В 1933 г. Вы вступили в организацию гитлеровской молодежи. Сколько Вам было тогда лет?

ХЕПКЕН. Мне было тогда 23 года.

ЗАУТЕР. Кем Вы вступили в гитлеровскую молодежь, кем Вы там стали?

ХЕПКЕН. Сначала я был простым членом этой организации, а в сентябре 1933 г. я стал унтербанфюрером гитлеровской молодежи.

ЗАУТЕР. Унтербанфюрером, в 1933 г.?

ХЕПКЕН. В 1933 году, в сентябре.

11997

H1204 - 0113

H1204 – 0114

ЗАУТЕР. В 1933 г. Ваша должность была оплачиваемая или это была должность по совместительству?

ХЕПКЕН. С 1933 по 1935 годы я работал преподавателем физкультуры в организации гитлеровской молодежи.

ЗАУТЕР. А в 1935году?

ХЕПКЕН. В 1935 году я стал работать при правительстве в Потсдаме в качестве референта по вопросам школьной физкультуры.

ЗАУТЕР. Эта уже работа не имела никакого отношения к организации гитлеровской молодежи?

ХЕПКЕН. В Потсдаме я по совместительству руководил местной потсдамской организацией гитлеровской молодежи.

ЗАУТЕР. Итак, Вы были тогда государственным чиновником и одновременно по совместительству руководителем гитлеровской молодежи?

ХЕПКЕН. С 1935 по 1939 годы я был чиновником при правительстве в Потсдаме и по совместительству одновременно руководил местной потсдамской организацией гитлеровской молодежи.

ЗАУТЕР. Летом 1935 года Вы перешли в имперское руководство молодежи?

ХЕПКЕН. В июне 1939 г. я перешел в имперское руководство молодежи и стал ад"ютантом тогдашнего имперского руководителя молодежи Бальдура фон Ширах.

ЗАУТЕР. С 1939 г. и сколько времени Вы пробыли на этой должности?

ХЕПКЕН. До августа 1939 года, а затем я стал солдатом.

ЗАУТЕР. Попутный вопрос. До того, как Вы перешли к Шираху, Вы не служили в армии?

ХЕПКЕН. До того, как я перешел к Шираху, я в 1939 г. прошел обязательную восьминедельную подготовку в военно-воздушном флоте.

ЗАУТЕР. А кроме этого Вы никакого обучения не проходили?

ХЕПКЕН. Больше у меня не было никакой военной подготовки.

ЗАУТЕР. Вы были офицером?

ХЕПКЕН. Офицером я тогда не был.

ЗАУТЕР. Придавал ли Ширах в отношении других сотрудников значение тому, что они были обученными солдатами или офицерами?

ХЕПКЕН. Насколько я знаю, Ширах не придавал значения тому, чтобы его сотрудники были солдатами или офицерами, напротив, он считал - об этом он неоднократно говорил мне, - что солдаты и офицеры по своим убеждениям мало подходят для роли руководителей молодежи.

ЗАУТЕР. Я не хотел бы подробно рассматривать вопрос об обучении гитлеровской молодежи, но я хочу задать Вам в этом отношении один единственный вопрос и причем потому, что Вы были по профессии учителем физкультуры. Я хочу Вас спросить об обучении членов гитлеровской молодежи стрельбе. Обучалась ли гитлеровская молодежь обращению с боевыми винтовками, из чего учили ее стрелять?

ХЕПКЕН. Гитлеровскую молодежь учили стрелять из пневматических ружей, или мелкокалиберных винтовок. Боевые винтовки не применялись в гитлеровской молодежи.

ЗАУТЕР. Я также не хочу задавать Вам вопросов относительно вопроса о форме, ибо он уже выяснен. Но меня

H1204-0115

H1204 – 0116

интересует следующее по вопросу об отношении к церкви.

Господин свидетель, известно ли Вам, что подсудимый фон Ширах в 1937 году, а именно, в номере от 14 января 1937 года опубликовал в газете "Берлинер тагблатт" статью, написанную его референтом по вопросам прессы Гунтером Кауфманом, под заголовком "Можно ли преодолеть пропасть?" В этой статье, имеющейся у меня в копии, говорится о проблеме, которая меня интересует. И поэтому я хотел бы Вас спросить:

Знаете ли Вы, что писал через своего референта Ширах по вопросу о том, должно ли руководство гитлеровской молодежи обращать внимание на религиозные запросы молодежи, или нет?

ХЕЛЬКЕН. Эта статья мне известна.

ЗАУТЕР. Известна Вам.

ХЕЛЬКЕН: Мне известен также указ имперского руководителя молодежи о том, что в воскресенье не должно быть занято на службе в гитлеровской молодежи, для всех девушек и юношей, которые хотят посещать богослужение. Каждому юноше и каждой девушке, гитлеровской молодежи того времени, должна была быть дана возможность посещать по своему усмотрению богослужения, и он обязал тогда руководителей гитлеровской молодежи, не пускаться в какие-либо дискуссии по спорным вопросам о гитлеровской молодежи и церкви, он запретил это.

ЗАУТЕР. Г-н свидетель, это - самое существенное в этой статье от 14 января 1937 года. Но Вам известно, что у Шираха, из-за этой статьи, были некоторые неприятности с Гитлером? Расскажите, пожалуйста, коротко, что Вы знаете об этом.

ХЕПКЕН. Непосредственно после того, как была достигнута договоренность между церковью и организацией гитлеровской молодежи, была опубликована эта статья в "Берлинер Тагблатт" В день опубликования этой статьи Ширах ради какой-то беседы находился в бюро Розенберга. В этот момент Ширах был вызван Гитлером к телефону. Гитлер резко нападал на Шираха, во-первых, за это соглашение между церковью и организацией гитлеровской молодежи, и, во-вторых, за опубликование этой статьи, преследуя цель отменить это соглашение и немедленно ~~прекращения~~ прекращение печатание подобных статей в газетах. Ни то, ни другое сделано не было.

ЗАУТЕР. Ширах отказался взять эту статью обратно?

ХЕПКЕН. Насколько мне известно, да.

ЗАУТЕР. Затем, Вы в 1940 году поехали с Ширахом в Вену?

ХЕПКЕН. Нет, я этого не сделал.

ЗАУТЕР. А что же?

ХЕПКЕН. Первый раз я поехал в Вену в сентябре 1941 года.

ЗАУТЕР. А где Вы были этот период?

ХЕПКЕН. Я уже говорил, что в августе 1939 г. я стал солдатом в военно-воздушном флоте, в этот период я был солдатом, а именно инструктором-преподавателем в одной из школ военно-воздушных сил.

ЗАУТЕР. И затем лишь в 1941 году Вы вернулись к Шираху и на этот раз в Вену?

ХЕПКЕН. Да, в сентябре 1941 г. я перешел к Шираху в Вену.

ЗАУТЕР. Главой католической церкви в Вене был

H1204 – 0117

H1204 – 0118

кардинал Инницер?

ХЕПКЕН. Да.

ЗАУТЕР. Не знаете ли Вы, как Ширах относился к кардиналу Инницеру, в частности, чтобы Вам сразу сказать почему я задаю этот вопрос. Правильно ли, что Ширах высказался против нападок гитлеровской молодежи на кардинала Инницера, что он сделал тогда и т.д.?

ХЕПКЕН. Ширах неоднократно говорил мне, что он хотел бы побеседовать с кардиналом Инницером. Но он не мог этого сделать, так как, во-первых, существовало распоряжение начальника партийной канцелярии Бормана, которое запрещало гаулейтерам беседовать с высшими сановниками церкви. И во-вторых, Шираху было известно, что за ним самим следят.

ЗАУТЕР. За Ширахом?

ХЕПКЕН. За Ширахом следили и он был убежден, что, если бы он организовал такую беседу, то на следующий день Борман наверняка узнал бы об этом и для обоих, т.е. для фон Шираха и для г-на кардинала Инницера, были бы неприятные последствия. И Ширах ~~тако~~ считал, что этого бы не было, если бы г-н кардинал Инницер ничего не знал бы о его терпимом отношении к церкви и христианской религии. Мне известно также, что, кажется, зимой 1944-1945 г. господин кардинал Инницер при возвращении с проповеди подверг~~ся~~ся нападкам со стороны молодежи в гражданской одежде. Господин кардинал Инницер через полицию установил имена этих молодых людей. Выяснилось, что это были руководители гитлеровской молодежи. В тот же самый день Ширах вызвал к себе областного руководителя гитлеровской молодежи и сделал ему очень строгое внушение и потребовал,

Ширах такие считал, что кардинал, без сомнения, охотно побеседовал бы с ним.

чтобы эти руководители гитлеровской молодежи были сняты со своих постов.Насколько я знаю, это было сделано. Я, кажется, также припоминаю, что Ширах сам или, кажется, через одного из своих сотрудников приказал написать письмо с извинениями господину кардиналу Инницеру.

ЗАУТЕР. Господин свидетель...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Трибунал сейчас об"явит перерыв.

(Об"является перерыв до 10.00 28 мая)

12003

H1204 – 0119

H1204 – 0120

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

28 мая 1946 г.

/Утреннее заседание/

Встать, суд идет !

КОМЕНДАНТ СУДА: Господа судьи, подсудимый Геринг отсутствует на утреннем заседании суда.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: /к защитнику Бергольд/ - Мы займемся сейчас рассмотрением документов подсудимого Бормана, не так ли ?

СЕРВАТИУС: По делу Заукеля до сих пор прибыло всего лишь два свидетеля. Трех очень важных свидетелей еще нет. Может быть, Трибунал поможет мне в том, чтобы эти свидетели были бы доставлены сюда как можно скорее. Тем самым представление доказательств по делу Заукеля не будет прервано. Я имею в виду свидетелей Штотфанга, д-ра Егера и Гильденбрандта. Я неоднократно пытался просить Обвинение о скорейшей доставке их, но до сих пор эти свидетели не прибыли в Нюрнберг. Я еще не беседовал с этими свидетелями.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Известно ли вам, где они находятся ?

СЕРВАТИУС: Да.Один находится в лагере в Касселе, который расположен недалеко от Нюрнберга, туда всего несколько часов езды. Другой находится в Неймюнстере, это немного подальше, 6-7 часов езды отсюда. Д-р Егер находится на свободе.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Это не соответствует информации, имеющейся у Трибунала. Трибуналу было сообщено, что их местопребывание не обнаружено. От кого вы получили такую информацию?

СЕРВАТИУС: У меня есть сведения, что их местопребывание

точно установлено. Это было установлено официально г-ном генеральным секретарем.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Очень хорошо. Мы выясним этот вопрос.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Милорд, я хочу выяснить вопрос о вызове свидетелей по делу подсудимого Бормана. Насколько я понимаю, было подано ходатайство о вызове в качестве свидетеля фрейлейн Кругер, против чего мы не возражаем. О вызове свидетеля Мюллера защита, повидимому, более не ходатайствует ?

БЕРТОЛЬД: Я отказался от этого свидетеля.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Затем свидетель Клопфер и, наконец, Фридрих. Эти свидетели имеют отношение к юридической деятельности Бормана и Обвинение не возражает против их вызова.

БЕРТОЛЬД: Высокий Суд ! Вместо свидетеля Мюллера, от которого я отказался, я в своем дополнительном ходатайстве просил о разрешении на вызов свидетельницы Герты Христиан, которая должна давать показания по тому же кругу вопросов, что и свидетель Мюллер.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Первый свидетель, г-жа Кругер должна давать показания по тому же вопросу, не так ли ? Она будет давать показания по поводу смерти подсудимого Бормана?

БЕРТОЛЬД: Да, Высокий Суд. Дело обстоит следующим образом. Последние дни жизни Бормана не совсем ясны. Поэтому совершенно необходимо допросить по этому вопросу всех свидетелей, которых только можно будет найти. Из всех свидетельских показаний может создаться лишь одно впечатление, которое создалось также и у меня, а именно то впечатление, что подсудимый Борман уже умер.

12 085

H1204 – 0121

H1204 – 0122

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Кажется, этот факт не совсем относится к делу. Вопрос о том, жив он или мертв, очень отдаленный и не относящийся к делу вопрос. Вопрос заключается в том, является ли он виновным или невиновным.

БЕРГОЛЬД: Высокий Суд, я придерживаюсь той точки зрения, что нельзя выносить приговор человеку, которого нет в живых. Это не предусматривает также и Устав. Согласно Уставу, Трибунал может судить заочно. Но если рассматривать юридическое понятие "заочно", то ясно, что на мертвого оно не может распространяться. Если подсудимый умер, то Устав не предоставляет возможности продолжать рассмотрение дела такого лица.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Сэр Дэвид, есть ли у вас возражения против вызова этого свидетеля ?

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Нет, милорд, Обвинение не возражает против вызова этого свидетеля.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Очень хорошо.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Далее, милорд, я хочу сказать несколько слов в отношении документов.

Первая группа документов представляет собой серию договоров, дипломатических заявлений и документов, которые приводятся с тем, чтобы опровергнуть утверждения сэра Хартли Шоукросса относительно положений международного права, в свете Устава данного Трибунала, утверждения о том, что международный закон рассматривавший агрессивную войну, как международное преступление, был принят еще до создания настоящего Трибунала и данный Устав стал частью этого общественного международного закона. По мнению

Обвинения, показания по этому вопросу не относятся к делу, поскольку Трибунал руководствуется статьями Устава, и поэтому нет необходимости переводить и размножать эти документы, которые изложил в своем ходатайстве уважаемый защитник.

Такова вкратце точка зрения Обвинения в отношении первой группы документов. По-моему, нет надобности обсуждать эти вопросы по изложенным уже мной причинам.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хорошо. Какие номера этих документов ?

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: В ходатайстве они указываются под номерами с первого по седьмой.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хорошо. Это большие документы ?

БЕРГОЛЬД: Господин председатель, я еще не видел этих документов. Три месяца тому назад я подал ходатайство о предоставлении мне этих документов для ознакомления. До сих пор я еще не получил этих документов. Поэтому я не могу сделать Высокому Суду каких-либо сообщений относительно того, велики эти документы или нет и какие части этих документов мне будут нужны для моей защиты.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Документ № 2, по-моему, большой документ.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Да, милорд.

БЕРГОЛЬД: Но мне не будут нужны все эти документы. Я предполагаю, что мне будут нужны несколько документов. Из этих документов, милорд, я буду лишь ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Когда вы говорите, что три месяца тому назад вы ходатайствовали об истребовании этих документов, вы не хотите тем самым сказать, что вы ходатай-

H1204 – 0123

H1204 – 0124

ствовали об этом перед Трибуналом, не правда ли ?

БЕРТОЛЬД: Да, я подал ходатайство генеральному секретарю, но оно очевидно было отложено в сторону после того, как Трибунал в свое время вынес решение о том, что мое дело будет отложено до конца представления доказательств. Может быть, мое ходатайство было предано забвению.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Было ли принято какое-либо решение Трибунала по поводу ваших ходатайств ?

БЕРТОЛЬД: Нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы ходатайствовали, как мне кажется, о перерыве с тем, чтобы этот вопрос разбирался несколько позднее ?

БЕРТОЛЬД: Да, господин председатель, у меня особенно тяжелое положение. Я уже заслушал много свидетелей, приложив для этого много старания, но в их показаниях я не могу найти ничего, что бы смягчало вину подсудимого. Все эти свидетели полны злобы к Борману и стремятся отягчить его вину, сняв тем самым с себя часть этой вины. Вот в чем заключается особая сложность моего дела. Сам Борман вероятно умер и поэтому не может мне дать какую-либо информацию. С каждым днем ко мне поступают новые сведения. Так например, несколько дней тому назад в Зальцбурге был арестован сотрудник Бормана, доктор фон Гуммельн. Я поеду к нему. Может быть мне удастся получить новые сведения, может быть, нет. Я должен также предположить ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Сейчас нет необходимости обсуждать это. Мы сейчас занимаемся рассмотрением вашего ходатайства в от-

ношении этих документов. Сэр Давид, желаете ли вы что-либо добавить по поводу этих документов ?

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Нет, такова краткая моя точка зрения. Я не хотел бы приводить своих доводов по этому поводу, так как я уже сказал, что документы не относятся к делу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Что вы можете сказать о документе № 11 ?

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Я не собираюсь возражать против каких-либо других документов, милорд.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Имеются ли у вас возражения по поводу других ...

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ : Возможно, документ № 11 ? Может возникнуть спор по поводу документа № 11 , поэтому я не буду излагать своих возражений по поводу этого документа. Против других документов, представляющих собой распоряжения заместителя фюрера, мы, конечно, не возражаем.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Все они идут под буквой "Б" ?

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ : Да, Обвинение не возражает против них.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хорошо. /Обращается к защитнику/: Что вы можете ответить на возражение сэра Давида по поводу документов с 1 по 7-й ?

БЕРТОЛЬД: Милорд, в своих ходатайствах я уже изложил мою точку зрения. В целях экономии времени я позволю себе сослаться на мои заявления в письменных ходатайствах. В данный момент я не хочу ничего больше говорить. Если вы, господин председатель, хотите, чтобы я устно изложил обоснование, я сделаю это с удовольствием.

H1204 – 0125

H1204 – 0126

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал рассмотрит этот вопрос.

Сер ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ : Милорд, желаете ли вы сейчас заняться рассмотрением других ходатайств или же вы предпочтете приступить к их рассмотрению позднее, после окончания рассмотрения документов по делу подсудимого фон Шираха ?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: У нас сейчас, кажется, нет необходимых документов. Сегодня утром мы намеревались рассмотреть лишь документы по делу подсудимого Бормана.

/ К микрофону подходит г-н Додд /.

Г-н Додд, у нас имеется документ Д-880, который, как говорится, представляет собой выдержки из показаний адмирала Редера, которые он дал при допросе 10 ноября 1945 г. проводимом майором Джоном Мониганом. Вы представили этот документ в качестве доказательства или нет ?

Г-н ДОДД: Одну минуту, разрешите мне проверить. Я не совсем уверен в этом.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хорошо. Сейчас мы передадим вам этот документ.

Г-н ДОДД: Господин председатель, я не думаю, чтобы этот документ был представлен в качестве доказательства.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Мне кажется, он был передан Трибуналу вчера или позавчера ?

Г-н ДОДД: Очевидно, это было сделано по ошибке.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Может быть это было на прошлой неделе. Выясните, пожалуйста, этот вопрос и потом сообщите нам об этом.

Г-н ДОДД: Очень хорошо, сэр. Желаете ли вы, чтобы я возвратил вам сейчас этот документ?

/ Документ передается судьям /.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Заутер, вы еще не закончили допрос свидетеля Густава Хёпкена, не так ли ?

ЗАУТЕР: Господин председатель, я продолжу сейчас допрос свидетеля Хепкена.

Господин Хепкен, мы остановились вчера на рассмотрении вопроса о том, занимал ли подсудимый фон Ширах враждебную по отношению к церкви позицию во время своей деятельности в Вене или он придерживался принципа терпимости в этой области ? Последний ответ, данный вами вчера, характеризовал отношение подсудимого фон Шираха к венскому кардиналу Инницеру. Правильно ли, господин свидетель, что вы по инициативе и с ведома подсудимого фон Шираха, который в то время находился в Вене, периодически имели беседы с местным духовным лицом католического вероисповедания, деканом, профессором Энсом, чтобы рассматривать и обсуждать церковные вопросы, а также устранять возникавшие разногласия ?

ХЕПКЕН: Да, это верно. Декан-профессор Энс не был католиком, как вы это предполагаете, он был протестантом. Он был деканом богословского факультета в венском университете. Он, посещая меня, часто задавал мне вопросы о церкви и о религии. Мы с ним обсуждали эти вопросы. В последующее время он попросил меня доложить об этом господину фон Шираху и если это окажется во власти последнего, оказать ему помощь. Все его просьбы были по мере возможности выполнены в последующее время.

ЗАУТЕР: Известно ли вам, господин свидетель, что под-

H1204 – 0127

H1204 – 0128

судимый фон Ширах распорядился, чтобы на Рождественских праздниках партии не пелись бы новые национал-социалистские рождественские песни, а пелись бы старые христианские песни ?

ХЕЙКЕН: Мне известно, что на рождественских праздниках партии, гитлеровской молодежи и праздниках, устроенных для раненых солдат, пелись старые христианские рождественские песни, как "Тихая ночь, святая ночь" и др.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Эти данные совершенно не относятся к числу тех, которые следует здесь приводить в качестве доказательства.

ЗАУТЕР: Господин свидетель, известно ли вам, что подсудимый фон Ширах издал специальный номер официального журнала гитлеровской молодежи, который был посвящен вопросу гуманного обращения с восточными народами ? Когда это было ?

ХЕЙКЕН: Да, мне это известно. Это журнал за апрель-июнь 1943 года.

ЗАУТЕР: Известно ли вам, что по желанию Бормана должен был быть издан специальный номер этого официального журнала гитлеровской молодежи, посвященный вопросам антисемитизма и что Ширах выступил против этого ?

ХЕЙКЕН: Да, это мне известно. Мне известно, что министерство пропаганды и партийная канцелярия требовали издания подобного номера неоднократно. Фон Ширах всегда выступал против этого.

ЗАУТЕР: Господин свидетель, известно ли вам, что Ширах однажды посетил концентрационный лагерь ?

ХЕЙКЕН: Да, это мне известно.

ЗАУТЕР: Какой ?

ХЕЙКЕН: Концентрационный лагерь Маутхаузен.

ЗАУТЕР: Меня интересует в данном случае один пункт, который уже был достаточно освещен другими свидетелями. Этот пункт заключается в следующем: когда состоялось это посещение Маутхаузена ?

ХЕЙКЕН: Я не могу сказать этого точно, но я со всей определенностью утверждаю, что это было до апреля 1943 г.

ЗАУТЕР: Почему вы так утверждаете ?

ХЕЙКЕН: В 1943 году в апреле я вернулся из лазарета и начал вновь свою служебную деятельность в Вене и я с того времени до апреля 1945 года точно знал, где бывал Ширах в то или иное время. Кроме того, после моего прибытия в Вену, в апреле 1943 года я, ввиду ухудшения своего здоровья после ранения, попросил Шираха разрешить мне заниматься физкультурой с 7 до 8 час. утра; одно время я был учителем физкультуры ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Заутер, нас совершенно не интересует здоровье свидетеля.

ЗАУТЕР: Господин свидетель, вы слышали, что сейчас сказал господин председатель. Я вам уже сказал, что меня интересует следующее: когда состоялось это посещение Маутхаузена и вы, если я вас правильно понял, сказали...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Он сказал, что он не может точно сказать, когда это было. Это ведь имело место в апреле 1943 года. Он сказал, что он не может сказать, когда это было.

12013

H1204 – 0129

H1204 – 0130

ЗАУТЕР: Нет, господин председатель, мне кажется, что вы неправильно поняли свидетеля. Господин свидетель, проследите за тем, правильно ли я буду говорить. Я понял свидетеля таким образом, что это посещение должно было быть до апреля 1943 года. Позднее оно не могло быть.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Д-р Заутер, он также сказал, согласно тому переводу, который я слышал и записал, что он не может точно сказать, когда это было.

ЗАУТЕР: Да, это верно. Но я хочу установить на основании этих показаний свидетеля, что это было не позднее апреля 1943 года.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Но он это уже сказал. Он сказал: "Я не могу сказать, когда это было, но это не было после апреля 1943 года". Он сказал: "В апреле 1943 года я вышел из госпиталя и начал свою службу в Вене. Я знал ежедневно, где находится Ширах". У меня все это записано.

ЗАУТЕР: Да, господин свидетель, рассказывал ли вам во время этой беседы подсудимый фон Ширах о своем посещении Маутхаузена; рассказывал ли он вам, что во время его посещения ему стало известно о зверствах и жестоком обращении, царивших там ?

ХЕЙКЕН: Нет, он ничего об этом не говорил.

ЗАУТЕР: Господин свидетель, теперь я обращаюсь к вопросу о высылке евреев из Вены. Насколько мне известно, вы были свидетелем одного разговора между рейхсфюрером СС Гиммлером и подсудимым фон Ширахом. Расскажите об этой беседе. Что говорилось во время этой беседы о высылке евреев ?

ХЕЙКЕН: Мне кажется, это было в ноябре 1941 г. Гиммлер и Ширах ехали из ставки Гиммлера к его особому поезду, стоявшему в Восточной Пруссии. Когда они были в автомобиле, Гиммлер спросил фон Шираха: "Скажите, фон Ширах, сколько еще евреев имеется в Вене ?" фон Ширах ответил: "Я не могу точно сказать, приблизительно 40-50 тысяч". На это Гиммлер сказал: "Я должен этих евреев, как можно скорее, эвакуировать из Вены". Ширах ответил на это следующее: "Эти евреи мне не мешают, тем более, что они носят сейчас свой желтый крест". Гиммлер: "Фюрер уже злится, что Вена и в этом вопросе, как и во многих других, является опять-таки исключением. Я дам указание своим инстанциям, чтобы эта эвакуация как можно быстрее была проведена".

Вот что я припоминаю из этого разговора.

ЗАУТЕР: Знаете ли вы что-либо в отношении антисемитской речи, которая была произнесена подсудимым Шираxом в сентябре 1942 года на конгрессе в Вене ? Эта речь была представлена здесь Трибуналу со стороны Обвинения.

ХЕЙКЕН: Да, содержание речи мне известно.

ЗАУТЕР: Меня интересует следующее: известно ли вам и говорил ли вам Ширах что-нибудь о том, почему он выступил с этой антисемитской речью ?

ХЕЙКЕН: Я слышал от референта по вопросам печати Гюнтера Кауфмана, фамилия которого упоминалась здесь вчера, что после произнесения этой речи Ширах дал указание этому Гюнтеру Кауфману передать полностью эту речь по телефону в германское информационное бюро в Берлин, причем Ширах

H1204-0131

H1204 – 0132

присовокупил при этом следующее замечание: "У него есть все основания сделать уступку Борману в этом вопросе".

ЗАУТЕР: Почему уступку ?

ХЕЛКЕН: Я предполагаю, что Ширах знал, что его положение в Вене было весьма шекотливым. Он беспрерывно получал замечания от партийной канцелярии, которая требовала, чтобы он взял более радикальный курс.

ЗАУТЕР: Вы были начальником центрального бюро Шираха в Вене ? Поскольку вы занимали эту должность, вся корреспонденция, поступавшая к Шираху, шла через вас ?

ХЕЛКЕН: Не вся корреспонденция, но ее значительная часть шла через меня; корреспонденция с надписью "Лично, в руки" не шла через меня.

ЗАУТЕР: Скажите, а другая почта попадала к вам ?

ХЕЛКЕН: Да, она шла через мое бюро.

ЗАУТЕР: Господин свидетель, у меня есть целый ряд документов, которые были пред"явлены Трибуналу. Эти документы представляют собой донесения об обстановке, которые составлял один раз в месяц или один раз в неделю начальник полиции безопасности. Они были представлены Трибуналу под № 3943-ПС. Эти донесения и отчеты составлялись в Вене. Поскольку вы очень хорошо осведомлены об условиях работы в центральном бюро в Вене в силу ранее занимаемой вами должности, я сейчас пред"явлю вам некоторые из этих документов. Я попрошу вас познакомиться с этими документами и сказать нам, можете ли вы на основании этих документов, которые представляют собой сплошные фотокопии, установить, поступали ли эти сообщения СС к вам или к подсудимому

Шираху, или они поступали в какое-то другое бюро ? При этом, господин свидетель, я прошу обратить особое внимание на подписи в этих документах. Я прошу вас установить, чьей рукой подписан каждый отдельный документ и что с ними произошло в последующее время ? Затем я прошу вас сказать, кто были эти чиновники, которые в этих документах упоминаются в качестве чиновников при имперском комиссаре обороны, например, кто такой доктор Фишер и т.д.

Господин председатель, это те самые документы, относительно которых Трибунал сам задавал вопрос.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я знаю это, но я не знаю, точно какой был задан вопрос . Мне кажется, имеется очень большое количество вопросов.

Давайте продолжать, доктор Заутер. Вам известно, что мы должны рассмотреть эти документы и свидетель сможет дать свои об"яснения ?

ЗАУТЕР: Да, господин председатель, свидетель, конечно, должен вначале ознакомиться с этими документами, в частности, должен посмотреть, подписи каких чиновников имеются на этих документах. Он должен узнать, что хотел тот или иной чиновник. Об этом я должен спросить свидетеля, чтобы установить ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я полагаю, свидетель уже ранее видел эти документы.

ЗАУТЕР: Нет, я передал их только сейчас, во время перекрестного допроса. До этого я не мог рассматривать их со свидетелем.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Они, без сомнения, были представлены

H1204 – 0133

H1204 – 0134

свидетелю сегодня утром.

ЗАУТЕР: Нет, свидетелю - нет. Мне - да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хорошо, продолжайте, доктор Заутер, продолжайте.

ЗАУТЕР: Итак, господин свидетель, что вы можете заключить из этих документов ? Было ли доведено до сведения подсудимого фон Шираха содержание этих документов ? Как обстояло дело в данном случае ?

ХЕЙКЕН: Эти документы не проходили через центральное бюро. Как я это сейчас вижу, их подписывал доктор Фельбер. Он был референтом при тогдашнем президенте правительства в Вене по вопросам, исходившим от имперского комиссара обороны. Я из оформления этих документов заключаю, что они поступали непосредственно от управления СД в Берлине в бюро президента правительства. Затем их помещали в архив. Инициалов Шираха я здесь не вижу.

ЗАУТЕР: Президентом правительства / регирунгспрезидент/ был некий Дельбрюгге ?

ХЕЙКЕН: Да, доктор Дельбрюгге.

ЗАУТЕР: А этот доктор Фельбер, о котором вы только-что говорили, был одним из чиновников при президенте правительства ?

ХЕЙКЕН: Да, он был одним из чиновников при президенте правительства.

ЗАУТЕР: Куда поступали документы, подобные тем, которые лежат сейчас перед вашими глазами ? Шли такие документы к вам или к президенту правительства ? Как обстояло дело в данном случае ?

ХЕЙКЕН: Я сказал уже, что почта непосредственно шла в бюро президента правительства.

ЗАУТЕР: Из чего вы усматриваете, что подсудимый фон Ширах не был уведомлен о содержании этих документов ?

ХЕЙКЕН: Потому что эти документы не подписаны им. Обычно, когда ему представлялись документы, он делал пометку: "Принял к сведению.Б.Ш.", т.е. принял к сведению Бальдур фон Ширах. На этих же документах, насколько я вижу, этих пометок не имеется.

ЗАУТЕР: Но если вам президент правительства Дельбрюгге ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Заутер, я не думаю, чтобы Обвинение утверждало, что на этих документах имелась виза фон Шираха. Из показаний фон Шираха было совершенно ясно, что на этом документе не было его инициалов. По-моему, господин Додд не делал подобного утверждения.

ЗАУТЕР: Да, господин председатель, я, конечно, считаю, что самым важным является то, чтобы установить, знал ли подсудимый фон Ширах об этих документах.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Почему вы продолжаете задавать вопрос о том, стояли ли на этих документах инициалы фон Шираха или нет. Этот факт, как я уже указывал, был доказан и не оспаривался Обвинением.

ЗАУТЕР: Господин свидетель, у меня здесь есть сборник других документов, которые были представлены под номером 3876-ПС. Это доклады начальника полиции безопасности. Адресат здесь другой. Здесь сказано: "Имперскому комиссару обороны в военном округе № 17", это ведь была Вена,

H1204 – 0135

H1204 – 0136

" В руки обер-регирунгсрата, доктору Фишеру". Меня сейчас интересует следующее: кто такой доктор Фишер, служил ли он в центральном бюро или где-нибудь еще ?

ХЕЙКЕН: Я не знаю никакого доктора Фишера ни из центрального бюро, ни из управления при имперском наместнике.

ЗАУТЕР: Скажите, как же вы себе об"ясняете тот факт, что в отчетах адресат гласит следующим образом: "Имперскому комиссару обороны округа № 17, вручить регирунгерату доктору Фишеру".

ХЕЙКЕН: Я думаю, что это был сотрудник старшего правительственного советника доктора Фельбера, который специально занимался этими вопросами. Поскольку эти документы являются секретными, они были адресованы лично ему.

ЗАУТЕР: Известно ли вам что-нибудь о том, чтобы президент правительства Дельбрюгге уведомлял подсудимого Шираха относительно отчетов, поступавших к нему, или заставлял кого-нибудь из своих чиновников докладывать об этом Шираху ?

ХЕЙКЕН: По вопросам, касающимся имперского наместника и имперского комиссара обороны, президент правительства сам докладывал господину фон Шираху. Я сам не присутствовал при этих докладах и поэтому не могу сказать, как он освещал Шираху эти вопросы.

ЗАУТЕР: Если президент правительства или один из его чиновников докладывали подсудимому фон Шираху, то об этом было бы сказано в документах ?

ХЕЙКЕН: Да, очевидно, так, потому что в этом случае президента правительства или бы чиновник написали бы:

"После доклада имперскому наместнику - в архив" или "Ждать дальнейших распоряжений".

ЗАУТЕР: На этих документах такой пометки нет ?

ХЕПКЕН: Нет, такой пометки нет.

ЗАУТЕР: И во остальных документах также нет такой пометки; скажите, не делаете ли вы из этого заключения, что подсудимому фон Шираху не делали доклады по этому вопросу?

ХЕПКЕН: Да, я должен сделать вывод, что подсудимый фон Ширах не был информирован по этим вопросам.

ЗАУТЕР: Господин свидетель, подсудимый фон Ширах, как имперский наместник, был начальником государственной администрации в Вене, а также и начальником общинной администрации, т.е. он был, выражаясь другими словами, бургомистром. Как гаулейтер, он был руководителем партии. Здесь мы слышали, что на каждой должности он имел одного постоянного заместителя. Сейчас меня интересует следующее: кто, например, вел дела имперского комиссара обороны, т.е. и имперского наместника дела государственной администрации ?

ХЕПКЕН: Я уже сказал, что этими делами ведал тогдашний президент правительства доктор Дельбрюгге.

ЗАУТЕР: Ну, а что же делал подсудимый фон Ширах в области государственной администрации ?

ХЕПКЕН: Президент правительства постоянно докладывал фон Шираху, после чего фон Ширах принимал свои решения. Эти решения проводились затем в жизнь соответствующими чиновниками или управлениями.

ЗАУТЕР: Итак, если я вас правильно понял, подсудимый фон Ширах заботился и решал только те вопросы, которые

H1204 – 0137

H1204 – 0138

докладывались ему президентом правительства или же доводились до его сведения в письменной форме. Это правильно?

ХЕПКЕН: Да, это правильно.

ЗАУТЕР: Господин свидетель, вы сами были членом СС ?

ХЕПКЕН: Нет, я не был членом СС.

ЗАУТЕР: А, СА ?

ХЕПКЕН: Нет, тоже нет.

ЗАУТЕР: Известно ли вам, что эти три постоянных заместителя Шираха в Вене, а именно президент правительства, бургомистр и заместитель Шираха на должности гаулейтера были ~~одновременно~~ СС-фюрерами ?

ХЕПКЕН: Да, это мне известно.

ЗАУТЕР: Каким образом это получилось ? Сам подсудимый фон Ширах выбрал этих людей ? Как вы об"ясняете себе тот факт, что все его три заместителя были СС-фюрерами ?

ХЕПКЕН: Заместитель Шираха на должности гаулейтера Шарицер был почетным СС-фюрером и, насколько я помню, он был начальствующим лицом от партии (Когда Ширах прибыл в Вену) Шарицер уже в течение нескольких лет работал в Вене.

ЗАУТЕР: Какую должность он занимал там ?

ХЕПКЕН: Он был заместителем гаулейтера. Я не знаю, когда прибыл в Вену президент правительства доктор Дельбрюгге, но я предполагаю, что он прибыл или незадолго до Шираха или одновременно с ним. Кроме того, я должен сказать, что президенты правительства назначались министерством внутренних дел и я думаю, что Ширах не имел никакого влияния на назначение данного лица на этот пост. Он не мог отказаться от него или выбрать себе кого-нибудь

другого. В отношении же бургомистра дела обстояли ~~почти~~ точно также.

ЗАУТЕР: Это был некий Блашке ?

ХЕПКЕН: Да, это был бригаденфюрер СС Блашке. Он был назначен министерством внутренних дел на должность бургомистра.

ЗАУТЕР: Министерством внутренних дел ?

ХЕПКЕН: Да. Министерством внутренних дел.

ЗАУТЕР: Когда это было ?

ХЕПКЕН: Мне кажется, что это было в январе или феврале 1941 года.

ЗАУТЕР: Известно ли вам, что этот бригаденфюрер СС Блашке уже до Шираха был советником городского управления и, мне кажется, даже вице-бургомистром в Вене ?

ХЕПКЕН: Да, советником он был раньше. Вице-бургомистром он был кажется еще в то время, когда меня еще не было в Вене.

ЗАУТЕР: Известно ли вам, что подсудимый фон Ширах долгое время возражал против назначения обер-фюрера или бригаденфюрера СС Блашке на должность бургомистра Вены?

ХЕПКЕН: Да, он возражал приблизительно в течение полугода или больше. Мне кажется, что он не велел об"являть об окончательном утверждении Блашке на должность бургомистра министерством внутренних дел.

ЗАУТЕР: Господин свидетель, каково было отношение подсудимого фон Шираха к СС и к офицерам СС ? Можно ли назвать это отношение дружественным или сердечным или его следует охарактеризовать иначе ?

H1204 – 0139

H1204 – 0140

ХЕЙКЕН: Насколько мне известно, Ширах общался с эсэсовскими руководителями в той мере, в какой это вызывалось служебной необходимостью, но не больше.

ЗАУТЕР: Находился ли он в дружеских отношениях с членами СС ?

ХЕЙКЕН: Нет, этого я не знаю. Во всяком случае, я ничего не знал о существовании таких дружественных отношений.

ЗАУТЕР: Он никогда вам не говорил о своем отношении к СС ?

ХЕЙКЕН: Как я уже говорил раньше, у Шираха всегда было такое чувство, что он находится под известным надзором. Поэтому он питал большое недоверие.

ЗАУТЕР: К кому недоверие ?

ХЕЙКЕН: Недоверие к СС.

ЗАУТЕР: Господин свидетель, не знаете ли вы, от кого подсудимый фон Ширах получал информацию о сообщениях в иностранной прессе ?

ХЕЙКЕН: Он получал их из имперского управления пропаганды в Вене. Он получал лишь отрывки, которые издавались министерством пропаганды в сотрудничестве с тогдашним имперским руководителем прессы д-ром Дитрихом. Но, насколько мне известно, эти отрывки специально выбирались и очень тщательно просматривались.

ЗАУТЕР: Вы в течение длительного времени жили вместе с Шираxом в Вене ?

ХЕЙКЕН: С 1944 года я жил в доме Шираха.

ЗАУТЕР: Скажите, вы питались тоже вместе с Шираxом ?

ХЕЙКЕН: Да.

H1204 – 0141

ЗАУТЕР: Не получал ли подсудимый фон Ширах иностранную информацию по заграничному радио ?

ХЕЙКЕН: Нет, я не допускаю этого ни в коем случае. После каждого обеда Ширах вместе со мной и другими сотрудниками слушал сообщения официального германского информационного бюро. Если бы Ширах слушал иностранное радио, то, по моему мнению, об этом стало бы давно известно, потому что, как я это сказал ранее, он считал, что за ним следят.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Д-р Заутер, свидетель может говорить лишь о том, что ему известно. Как мог он знать о том, слушал ли вообще Ширах иностранные известия ? Если он не знает этого, почему вы не зададите ему какой-нибудь другой вопрос ?

ЗАУТЕР: Господин председатель, свидетель рассказал, если я его правильно понял, что с весны 1944 года он жил в доме подсудимого фон Шираха.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да, я знаю, что он это сказал, и он сказал, что он не думает, что Ширах слушал иностранные известия. Какие еще показания, он, по вашему мнению, может дать ? Что еще он может сообщить по этому вопросу?

ЗАУТЕР: Я это как раз хочу услышать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Но он это уже сказал. Я уже записал это. Почему вы не задаете ему какой-нибудь другой вопрос?

ЗАУТЕР: Г-н свидетель, известно ли вам, что в последние недели сопротивления в Вену из Берлина поступил приказ о том, что все пораженцы, независимо от того, женщина то или мужчина, должны быть повешены. Как отнесся

Ширах к этому приказу ?

ХЕЙКЕН: Мне известно, что в то время должны были быть созданы особые суды /"штандгерихт"/, которые бы с помощью ускоренного разбирательства дела судили всех тех, кто был против дальнейшего ведения войны или вел себя, как пораженец. В Вене был создан такой особый суд, или выражаясь точнее, назначен такой особый суд /"штанд - герихт"/. Но этот суд ни разу не собирался, а следовательно и не выносил никаких приговоров.

ЗАУТЕР: Этот особый суд /"штандгерихт"/ подсудимого фон Шираха не осуществил ни одного судебного разбирательства ?

ХЕЙКЕН: Нет, насколько мне известно, нет.

ЗАУТЕР: Знаете ли вы что-нибудь о том...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Д-р Заутер, этот вопрос был достаточно освещен в показаниях подсудимого фон Шираха и во время перекрестного допроса он даже не затрагивался. Я имею в виду вопрос о том, что этот военно-полевой суд никогда не собирался.

ЗАУТЕР: Г-н свидетель, известно ли вам что-либо о том, что на последней неделе в Вену поступил приказ о создании партизанских отрядов, которые должны были быть одеты в гражданскую одежду ?

ХЕЙКЕН: Мне не известно, что должны были быть созданы партизанские отряды. Мне известно, что должен был быть создан добровольческий корпус "Гитлер". Этот корпус должен был быть одет в гражданскую одежду. Ширах приказал, чтобы из гау Вена в этот корпус никто не отправлялся.

12126

H1204 – 0142

H1204 – 0143

ЗАУТЕР: Почему он дал такой приказ ?

ХЕЙКЕН: Во-первых, потому что в то время он считал всякое сопротивление бессмысленным и, во-вторых, потому, что он считал, что это противоречит международным правилам.

ЗАУТЕР: Г-н свидетель, у меня к вам остался последний вопрос. Вы были с Ширахом до последней минуты, т.е. до того момента, как он покинул Вену ?

ХЕЙКЕН: Так точно.

ЗАУТЕР: Издал ли фон Ширах какой-нибудь приказ об уничтожении церквей, мостов, жилых кварталов или чего-либо другого ?

ХЕЙКЕН: Нет. Об этом мне ничего неизвестно. Насколько мне известно, лишь военные инстанции издавали приказы о взрыве мостов и о проведении других мероприятий по обороне.

ЗАУТЕР: Но ведь не Ширах издавал подобные приказы ?

ХЕЙКЕН: Нет.

ЗАУТЕР: Господин председатель, у меня больше нет вопросов к данному свидетелю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Желает ли еще кто-либо из защитников задать вопросы свидетелю ? /Пауза/. Из обвинителей ?

Г-н ДОДД: Свидетель, были ли вы знакомы со всеми документами из архивов фон Шираха в то время, когда вы являлись его адъютантом ?

ХЕЙКЕН: Я уже сказал защитнику и тем самым вам, что большая часть корреспонденции шла через центральное бюро.

Г-н ДОДД: Я хочу показать вам документ, который уже был представлен в качестве доказательства, и попросить вас сказать, видели ли вы его раньше. /документ пред"является свидетелю/. Видели ли вы этот документ ранее ? /Пауза/.

ХЕЙКЕН: Этот документ мне неизвестен. Как я вижу, он датирован 28 мая 1942 года; в то время я был офицером военно-воздушного флота.

Г-н ДОДД: Хорошо, в таком случае вы действительно хотите, чтобы Трибунал поверил в то, что вы были знакомы со всеми документами фон Шираха; ведь этот документ, безусловно, входил в его архивы в те годы, когда вы были его адъютантом. На этом документе есть пометка: "Центральное бюро Шираха", и что вы, ведая как раз этим бюро, никогда не видели этой телеграммы Борману ? Следовательно, вы не знали обо всех документах архива фон Шираха ?

ХЕЙКЕН: Я сказал, что большая часть почты шла через мое бюро. Поскольку в Вену я прибыл в апреле 1943 года, я не мог знать всех этих документов. Я не мог познакомиться со всеми многочисленными бумагами и документами, которые находились в управлении при имперском наместнике. Для этого мне потребовались бы годы.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Сейчас мне перевели, что вы отправились в Вену в апреле 1942 года. Это правильно ?

ХЕЙКЕН: Апрель 1943 года.

Г-н ДОДД: Я хочу задать вам следующий вопрос. Я полагаю, что вы находились в Вене в последние дни, когда город был взят союзными войсками, не так ли ?

H1204 – 0144

H1204 – 0145

ХЕПКЕН: До апреля 1945 г. я был в Вене.

Г-н ДОДД: Что было сделано с документами фон Шираха, когда стало совершенно ясно, что приближался конец. Что вы сделали со всеми этими архивами, за которые вы отвечали ?

ХЕПКЕН: Я не был начальником архивов. Я был начальником бюро, мои же сотрудники...

Г-н ДОДД: Вы знаете, что я имею в виду. Я имею в виду, что вы были начальником бюро или отдела, где хранились все эти документы. Я хочу знать о том, что вы сделали с этими архивами.

ХЕПКЕН: В этом отношении я не издавал никаких приказов.

Г-н ДОДД: Известно ли вам, что случилось с этими архивами ?

ХЕПКЕН: Нет, я не знаю.

Г-н ДОДД: Вы должны знать, что прежде чем город был захвачен, они были вывезены из этого управления в какое-то другое место. Разве вы этого не знаете ?

ХЕПКЕН: Нет, этого я не знаю.

Г-н ДОДД: Находились ли эти архивы на том же месте в последний день вашего пребывания там ?

ХЕПКЕН: Очевидно, да.

Г-н ДОДД: Меня совершенно не удовлетворяет слово "очевидно". Я вас спрашиваю, было ли вам об этом известно и если вам было известно, то я прошу сообщить об этом нам. Находились или нет эти архивы в этом отделе в последний день вашего пребывания там ?

ХЕЙКЕН: Я не издавал никаких приказов об уничтожении или вывозе этих документов.

Г-н ДОДД: Я не спрашивал, отдавали ли вы какие-либо приказы. Я спросил, было ли вам известно о судьбе этих архивов и находились ли они в этом отделе в последний день вашего пребывания там ?

ХЕЙКЕН: Что случилось с этими документами - я не знаю. Находились ли они там до последнего дня, я тоже не могу знать.

Г-н ДОДД: Разве вам не было известно о том, что они были переведены в соляные копи в Австрию ?

ХЕЙКЕН: Нет, этого я не знаю.

Г-н ДОДД: Вы никогда не слышали об этом, или вы не знаете, что они были найдены союзными войсками в соляных копях ?

ХЕЙКЕН: Нет, этого я не знаю.

Г-н ДОДД: Я не утверждаю, что вам было известно о том, что были там найдены, но вы, безусловно, должны были знать о том, что архивы были вывезены из учреждения.

ХЕЙКЕН: Нет, я не знаю этого, я не отдавал никаких приказов в этом направлении.

Г-н ДОДД: Хорошо. Я сейчас вам дам некоторые пояснения, после чего, возможно, вы сможете дать Трибуналу необходимые об"яснения. Документ, который я только что вам показал, и те доклады, которые вы просмотрели по просьбе доктора Заутера - все они были найдены в документах Шираха в соляных копях. Можете ли вы дать какие-либо об"яснения по этому поводу ?

H1204 – 0146

H1204 – 0147

ХЕЙКЕН: Нет, я не могу этого об"яснить.

Г-н ДОДД: Они были найдены все вместе. Имеет ли это для вас какое-либо значение и можете вы дать раз"яснения по этому поводу ?

ХЕЙКЕН: Нет, я не могу дать раз"яснения по этому поводу. Очевидно, начальник канцелярии при имперском наместнике или один из его чиновников, который ведал всем этим, отдал на это приказ. Во всяком случае, я об этом ничего не знал и никаких приказов в этом направлении не отдавал.

Г-н ДОДД: Скажите точно Трибуналу, в какой день вы покинули ваше учреждение в Вене или назовите тот день, когда вы в последний раз были в вашем учреждении ?

ХЕЙКЕН: Это, очевидно, было 3 или 4 апреля.

Г-н ДОДД: Когда был взят город ?

ХЕЙКЕН: Город, как я об этом читал позднее в газетах, был полностью взят союзниками 13 апреля.

Г-н ДОДД: Все ли из вас покинули учреждение 3 апреля или 4 апреля ? Когда покинул учреждение фон Ширах и все остальные сотрудники ?

ХЕЙКЕН: Ширах, я и адъютант Шираха покинули бюро в этот день. Вернее говоря, Ширах разместил бюро у себя на дому, где он и работал в последующее время.

Г-н ДОДД: Взял ли он какие-либо документы из архива домой ?

ХЕЙКЕН: Только то, что ему было совершенно необходимо для дальнейшего ведения дел, т.е. то, что касалось событий, разыгравшихся в то время.

Г-н ДОДД: Оставили ли вы кого-нибудь вместо себя заниматься этими архивами, когда вы и фон Ширах 3 или 4 апреля покинули учреждение ? Если вы оставили кого-нибудь, то кто это был ?

ХЕЙКЕН: Я никому не поручал следить за документами. Это делали сами работники по регистрации.

Г-н ДОДД: Я хочу точно выяснить и думаю, что Трибуналу также будет небезынтересно узнать об этом. Раз"ясните, пожалуйста, следующее: уехали ли вы просто из этого учреждения и все там оставили на произвол судьбы или же вы и фон Ширах, уехав, оставили там остальных своих сотрудников, или же вы оставили учреждение в таком хаосе, что там вообще никого не осталось ? Я до сих пор не имею об этом точного представления, однако, считаю, что это весьма важно. Вы должны нам рассказать об этом. Вы, ведь, уехали вместе с Ширахом ? Каково было положение в это время ? Город, по существу, должен был быть захвачен в ближайшие 10 дней. Город находился на осадном положении и в нем царили большое замешательство и паника. Что вы сделали с вашими архивами и бумагами в тот день, когда вы покидали свое учреждение ? Несомненно, вы не могли просто уехать, не отдав никаких распоряжений по этому поводу.

ХЕЙКЕН: Мне кажется, что здесь не всем ясно, что представляло собой мое центральное бюро. Это центральное бюро, которым я руководил в последние месяцы, не имело никаких исполнительных полномочий. Всеми этими вопросами

H1204 – 0148

H1204-0149

ведал уполномоченный на это имперский наместник, т.е. президент правительства, который, вероятно ...

Г-н ДОДД: Меня не интересуют никакие об"яснения по поводу организации работы в вашем учреждении. Я хочу лишь выяснить, были ли оставлены все архивы в этом учреждении и поручили ли вы кому-нибудь быть ответственным за них ?

ХЕЙКЕН: Насколько мне известно, все бумаги остались в бюро. Чиновники в отделе регистрации получили распоряжение позаботиться об этих документах соответствующим образом.

Г-н ДОДД: Давали ли вы приказ о том, чтобы уничтожить какие-нибудь документы перед тем, как вы покинули учреждение 3 или 4 апреля ? Было ли вообще уничтожено что-нибудь из архивов ?

ХЕЙКЕН: Я лично не отдавал никаких распоряжений об уничтожении. У меня не было никаких полномочий не это.

Г-н ДОДД: Но кто-нибудь все-таки с вашего ведома издавал приказ об уничтожении этих архивов, если вы этого не сделали сами ? Вы знаете об этом ?

ХЕЙКЕН: Был ли отдан такой приказ и кем он был отдан, я не знаю.

Г-н ДОДД: У меня нет больше вопросов к свидетелю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Что это был за документ, который вы сейчас предоставляли свидетелю ?

Г-н ДОДД: Это - документ 3877-ПС, США-865. Это - телеграмма Борману от фон Шираха от 28 мая 1942 года.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Какой это номер США ?

Г-н ДОДД: США-865. У меня нет больше вопросов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Заутер, желаете ли вы задать дополнительные вопросы свидетелю ?

ЗАУТЕР: Господин свидетель, я хотел бы возвратиться к тем вопросам, которые были вам сейчас заданы обвинителем. Документы из бюро попали, насколько я понял, на какую-то мельницу, мне только-что подсказали, в соляные копи. Разве вы, вообще, осуществляли надзор над этими документами из бюро при имперском наместнике ?

ХЕЙКЕН: Нет, я не осуществлял никакого надзора над ними. Я только что говорил об этом. Поэтому я никак не мог отдавать каких-либо приказов о перевозке этих документов. Мне лишь известно, что ценные вещи, как-то, картины и др., были вывезены еще заблаговременно.

ЗАУТЕР: Были ли остальные служащие в бюро уроженцами Вены ? Остались ли они в бюро ? Что вам известно по этому поводу ?

ХЕЙКЕН: Большая часть служащих были уроженцами Вены. Они, вероятно, остались на месте. Что касается меня, то я попрощался с ними, пожав им руку и сказав: "Прощайте". После этого мы разошлись в разные стороны. Я спросил их еще о том, могу ли я что-нибудь сделать для них, могу ли я помочь им. После этого я оставил Вену.

ЗАУТЕР: У меня больше нет вопросов, г-н председатель.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Свидетеля можно увести. Возможно, сейчас будет удобно сделать перерыв ?

/ Об"является перерыв /.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Что касается ходатайств, поданных от имени

H1204 – 0150

H1204 – 0151

подсудимого Бормана, то Трибунал разрешает вызвать в качестве свидетеля № 1 мисс Альзу Крюгер. Трибунал также разрешил вызвать в качестве свидетеля № 3 и № 4 д-ра Клоппер и Хельмут Фридрих. Трибунал также разрешил вызвать свидетеля, фамилии которого я не помню, кажется Кристианс, вместо свидетеля № 2.

Что касается документов, об истребовании которых были поданы ходатайства, то Трибунал отклонил ходатайство об истребовании документов с 1 по 7. Однако Трибунал рассмотрит все ходатайства относительно документов, которые по мнению защитника, назначенного от имени всех подсудимых для обсуждения правовых вопросов, должны быть переведены. Документ № 11 может быть переведен.

Защитник подсудимого Бормана может познакомиться с документами, перечисленными в ходатайстве под римской цифрой 3. Защитник подсудимого Бормана может также использовать документы, перечисленные в ходатайстве под буквой "Б".

Окончательное решение относительно принятия всех этих документов в качестве доказательства будет принято Трибуналом во время представления этих документов.

Далее, я хотел бы об"явить решение Трибунала по поводу ходатайства доктора Сервациуса от имени подсудимого Заукеля.

Мне сообщили, что свидетель Тимм находится в нюрнбергской тюрьме. Свидетель Бидеман также находится в нюрнбергской тюрьме. Свидетель Гильденбрандт возможно прибудет в Нюрнберг сегодня. Его местонахождение не уда-

валось обнаружить и он был найден совсем недавно. Свидетель Егер находится в британской зоне и секретарь британской части Трибунала пытается добиться через военные власти его доставки в Нюрнберг. Местонахождение свидетеля Стотфанг не известно. Очевидно, произошла какая-то ошибка в установлении личности свидетеля, о котором до этого сообщалось генеральному секретарю. Местонахождение свидетеля Митке не установлено, однако, приняты все необходимые меры для того, чтобы установить его местонахождение. На этом я заканчиваю.

ЗАУТЕР: В качестве следующего свидетеля я вызываю Фрица Висгофера. Господин председатель, допрос этого свидетеля будет очень кратким, так как большинство вопросов было уже освещено другими свидетелями.

/ Вводят нового свидетеля /.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Назовите ваше имя полностью.

СВИДЕТЕЛЬ: Фриц Висгофер.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Повторяйте за мной слова присяги: " Я клянусь богом, всемогущим и всеведущим, что я буду говорить чистую правду, ничего не утаю и ничего не прибавлю".

/ Свидетель повторяет слова присяги /.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы можете сесть.

ЗАУТЕР: Господин Висгофер, сколько вам лет ?

ВИСГОФЕР: Тридцать один год.

ЗАУТЕР: Вы женаты ?

ВИСГОФЕР: Да.

ЗАУТЕР: У вас есть дети ?

ВИСГОФЕР: Один сын.

ЗАУТЕР: Вы были членом партии ?

12036

H1204 – 0152

H1204 – 0153

ВИСТОЛЕР: Я был кандидатом в члены партии с 1938 г.

ЗАУТЕР: Только кандидатом?

ВИСТОЛЕР: Да.

ЗАУТЕР: Были ли вы членом СС или СА ?

ВИСТОЛЕР: Я был в войсках СС.

ЗАУТЕР: С какого времени ?

ВИСТОЛЕР: С июня 1940 года.

ЗАУТЕР: Вы по рождению австриец ?

ВИСТОЛЕР: Да, я австриец.

ЗАУТЕР: Когда вы стали членом руководства имперской молодежи ?

ВИСТОЛЕР: Я поступил на службу к г-ну Шираху 3 октября 1940 г.

ЗАУТЕР: Какую должность вы занимали до этого ?

ВИСТОЛЕР: До этого я временно работал в министерстве иностранных дел.

ЗАУТЕР: В течение какого времени ?

ВИСТОЛЕР: С мая по октябрь 1940 года.

ЗАУТЕР: А где вы были до этого ?

ВИСТОЛЕР: До этого я был служащим в управлении при гаулейтере в Каринтии.

ЗАУТЕР: До этого времени вы не имели отношения к гитлеровской молодежи ?

ВИСТОЛЕР: Нет.

ЗАУТЕР: Значит, вы в октябре 1940 года прибыли к Шираху в Вену ?

ВИСТОЛЕР: Да, правильно, в Вену.

ЗАУТЕР: Какую должность вы заняли ?

ВИСТОЛЕР: Я стал адъютантом г-на фон Шираха.

ЗАУТЕР: В чем главным образом заключалась ваша работа ?

ВИСТОЛЕР: Я, как адъютант, был ответственен за передачу ему почты, за установление сроков служебных переговоров, за своевременную доставку документов для совещаний, за подготовку деловых поездок и т.д.

ЗАУТЕР: Были ли вы адъютантом Ираха на должности гауляйтера или бургомистра, или же имперского комиссара ?

ВИСТОЛЕР: Ширах имел меня в качестве адъютанта на всех своих должностях.

ЗАУТЕР: Вы могли читать также и секретные документы ?

ВИСТОЛЕР: Да.

ЗАУТЕР: Господин свидетель, у меня к вам только два-три небольших вопроса. Прежде всего меня интересует следующее: кто ведал высылкой евреев из Вены.

ВИСТОЛЕР: Насколько мне известно, вопросом высылки евреев из Вены занималось главное имперское управление безопасности. Представителем этого управления в Вене был оберштурмфюрер СС доктор Бруннер.

ЗАУТЕР: Приходилось ли вам часто сталкиваться с д-ром Бруннером по служебной линии в связи с вопросом высылки евреев ?

ВИСТОЛЕР: Случалось, что евреи, которые должны были быть высланы, обращались к Ираху с письменным прошением о том, чтобы их не подвергали высылке. В таких случаях г-н фон Ширах через начальника своего центрального бюро обращался к доктору Бруннеру с просьбой удовлетворить прошение того или иного лица. Обычно, как я уже сказал, это поручалось начальнику центрального бюро. Однако, я помню, что в двух случаях мне было поручено обратиться к доктору Бруннеру, причем не в письменной форме и не по телефону, а лично.

12038

H1204 – 0154

H1204 – 0155

ЗАУТЕР: Что говорил вам этот СС-штурмфюрер Бруннер относительно дальнейшей судьбы евреев, которая ожидала их после того, как их вышлют из Вены ?

ВИСТОЛЕР: Доктор Бруннер рассказал мне во время одной из своих личных бесед с ним, что действия, предпринимаемые в отношении евреев, сводятся к переселению евреев из гау Вена в область генерал-губернаторства. Он рассказал мне также, в какой форме это переселение происходит. Он сказал, что для женщин и грудных детей, как правило, предоставляются вагоны второго класса, что выдается достаточное количество провизии и молока для маленьких детей. Он рассказал мне далее, что переселяемые лица после прибытия на место назначения будут сейчас же использованы на работе, если они, конечно, являются трудоспособными; что в начале их размещают в транзитных лагерях, но потом, как только представляется возможность, они получают квартиры и т.п. Он также сказал мне, что своими вмешательствами г-н Ширах очень затрудняет его работу.

ЗАУТЕР: Вы с подсудимым фон Ширахом... Я иначе поставлю вопрос: видели ли вы когда-нибудь приказ, который бы запрещал гаулейтерам каким-либо образом вступаться за евреев ? Говорили ли вы с Ширахом об этом приказе ?

ВИСТОЛЕР: Я помню один приказ, который поступил к нам в конце 1940 года или в начале 1941 года. Там было сказано: " В связи с имеющейся практикой, еще раз указывается на то ..." Очевидно, этот приказ явился повторением ранее изданного приказа. Содержание этого приказа заключалось в том, что в связи с имеющейся практикой, гаулейтерам запрещается в будущем как-либо вступаться за евреев.

12039

ЗАУТЕР: Вы говорили об этом с Ширахом ?

ВИСТОЛЕР: Да, я говорил об этом с г-ном фон Ширахом.

ЗАУТЕР: Что он сказал?

ВИСТОЛЕР: Насколько я помню, господин фон Ширах написал на приказе: "К документам". Больше он ничего не говорил по поводу этого приказа.

ЗАУТЕР: Тогда я хотел бы вам поставить другой вопрос. Господин свидетель, подсудимый фон Ширах однажды посетил концентрационный лагерь Маутхаузен. Можете ли вы нам сказать, когда это было ?

ВИСТОЛЕР: Точно я не могу сказать. По этому поводу я могу сказать лишь следующее: когда я вернулся с фронта / это было или осенью 1942 года или в июне 1943 года/ дежурный адъютант рассказал мне, что он сопровождал г-на фон Шираха в концентрационный лагерь Маутхаузен. Немного позднее/ это, очевидно, было, когда я второй раз вернулся с фронта, т.е. в конце 1943 года/, господин фон Ширах рассказал мне, что он был в Маутхаузене. Я только припоминаю, что он сказал, что он там слушал симфонический концерт ...

ЗАУТЕР: Меня это менее интересует. Мы это уже слышали. Меня интересует только одно: посещал ли он в последующее время еще раз Маутхаузен или какой-нибудь другой концентрационный лагерь. Можете вы нам дать достоверные сведения по этому вопросу ?

ВИСТОЛЕР: Да, я могу дать достоверные сведения. Такая возможность полностью исключена, так как с ноября 1943 г. до конца войны я непрерывно находился у него на службе и поэтому знал всегда, где находился г-н фон Ширах.

ЗАУТЕР: Был ли он в 1944 году еще раз в Маутхаузене ?

12040

H1204 – 0156

H1204 – 0157

ВИСТОФЕР: Нет, совершенно определенно нет.

ЗАУТЕР: Господин свидетель, вы помните, что в конце войны от одной инстанции поступали приказы о том, что не следует больше щадить вражеских летчиков, совершающих вынужденную посадку? Вы знаете об этом?

ВИСТОФЕР: Да.

ЗАУТЕР: Вы знаете, откуда именно поступали такие приказы?

ВИСТОФЕР: Да.

ЗАУТЕР: Как относился подсудимый Ширах к подобным приказам, причем, откуда вы знаете, что он к ним относился так или иначе?

ВИСТОФЕР: Я говорил об этих приказах с господином фон Ширахом. Господин фон Ширах всегда отрицательно относился к содержащимся в них указаниям и говорил, что с этими летчиками следует обращаться, как с военнопленными. Он однажды сказал: "Если мы этого не будем делать, то возникнет опасность, что наши противники будут также обращаться со своими военнопленными, т.е. с немцами".

ЗАУТЕР: Пришлось ли вам быть свидетелем таких случаев когда подсудимый фон Ширах вступался за вражеских летчиков?

ВИСТОФЕР: Да.

ЗАУТЕР: Расскажите, пожалуйста.

ВИСТОФЕР: При одном из последних воздушных налетов на Вену в марте 1944 года, был сбит один американский самолет, который упал недалеко от командного пункта гау. Этот пункт находился на лесистой высоте, недалеко от Вены, куда во время налетов стекалась часть венского населения. Господин фон Ширах наблюдал с железного помоста высотой в 32 метра, где он всегда находился во время налетов, и заметил, как опустился

с парашютом один из членов экипажа. Он сейчас же приказал коменданту командного пункта отправиться на машине к месту его приземления для того, чтобы защитить американского солдата от ярости людской толпы. Солдат был доставлен на командный пункт гау, а после налета был передан в качестве военнопленного командованию воздушного флота в гау XVII.

ЗАУТЕР: Когда вы оставили Вену ?

ВИСТОЛЕР: Я оставил Вену 13 апреля вместе с г-ном фон Ширахом.

ЗАУТЕР: Когда ?

ВИСТОЛЕР: 13 апреля.

ЗАУТЕР: Вместе с подсудимым Ширахом ?

ВИСТОЛЕР: Вместе с господином фон Ширахом.

ЗАУТЕР: Это - последний вопрос, который я хочу вам задать, господин свидетель. Вы когда-нибудь из уст подсудимого Ираха слышали что-нибудь о том, что Вена при всех условиях должна держаться до последнего человека или что в Вене должны быть произведены разрушения ?

ВИСТОЛЕР: Я не слышал никогда от фон Ираха ни того, ни другого.

ЗАУТЕР: Господин председатель, у меня больше нет вопросов к этому свидетелю.

/ К микрофону подходит защитник Сервациус/.

СЕРВАТИУС /защитник подсудимого Заукеля/: Господин свидетель, вы знаете Пратер в Вене ?

ВИСТОЛЕР: да, конечно, я ведь венец.

СЕРВАТИУС: Что это за место ?

ВИСТОЛЕР: Пратер - это было увеселительное место или, вернее, было раньше увеселительным местом.

СЕРВАТИУС: Во время войны оно было закрыто ?

12042

H1204 – 0158

H1204 – 0159

ВИСТОЛЕР: Нет, во время войны оно не было закрыто.

СЕРВАТИУС: Какие люди там бывали ?

ВИСТОЛЕР: Во время войны ?

СЕРВАТИУС: Да.

ВИСТОЛЕР: Рабочие, служащие, чиновники, т.е. все люди, которые жили в Вене.

СЕРВАТИУС: Видели ли вы там иностранных рабочих ?

ВИСТОЛЕР: Да.

СЕРВАТИУС: Многочисленные группы или отдельных людей ?

ВИСТОЛЕР: В Вене дело обстояло так. Говорили, что если хотят посетить Пратер, то нужно уметь говорить по-французски и по-русски, потому что владеть венским диалектом там недостаточно. Пратер был переполнен иностранными рабочими.

СЕРВАТИУС: Как были одеты иностранные рабочие, хорошо или плохо ?

ВИСТОЛЕР: Иностранцы были одеты хорошо, так что их нельзя было отличить от местного населения. Как я уже сказал, их можно было только узнать по языку.

СЕРВАТИУС: Как они вообще выглядели ? Выглядели ли они голодающими ?

ВИСТОЛЕР: Насколько я заметил, рабочие выглядели так, как выглядят обычно люди, имеющие хорошее питание.

СЕРВАТИУС: Располагали ли эти люди деньгами ?

ВИСТОЛЕР: Люди располагали большими деньгами. Было известно, что "Черный рынок" в Вене был заполнен почти исключительно иностранными рабочими.

СЕРВАТИУС: Только в Пратере или же повсюду в городе встречались иностранные рабочие ?

ВИСТОЛЕР: Не только в Пратере, но и повсюду в городе,

в многочисленных венских кафе, в гостиницах и в ресторанах.

СЕРВАТИУС: У меня больше нет вопросов.

/ К микрофону подходит представитель американского обвинения Додд./

Г-н ДОДД: Кого из этих подсудимых вы знаете, помимо подсудимого фон Шираха ? Под словом "знаете" я имею в виду личное знакомство или поддержание общих деловых отношений ?

ВИСТОФЕР: Я знаю лично только господина Функа.

Г-н ДОДД: Вы знаете Заукеля ?

ВИСТОФЕР: Да.

Г-н ДОДД: Кого еще ?

ВИСТОФЕР: Я знаю господина Зейсс-Инкварта, но я лично с ним не встречался, я был адъютантом г-на фон Шираха.

Г-н ДОДД: Откуда вы знаете Функа ?

ВИСТОФЕР: Я был несколько раз приглашен к господину Функу. Как адъютант господина фон Шираха, я соприкасался с ним по служебной линии. Помимо этого, он приглашал меня к себе частным образом.

Г-н ДОДД: Служили ли вы в то время в СС, когда Функ пригласил вас к себе ?

ВИСТОФЕР: Я в то время был офицером в войсках СС.

Г-н ДОДД: Кстати, когда вы впервые вступили в СС ?

ВИСТОФЕР: Я вступил в состав войск СС 26 июня 1940 года.

Г-н ДОДД: Служили ли вы в каких-нибудь других частях СС, помимо войск СС ?

ВИСТОФЕР: Я был также в общих СС /альгемейне СС/.

Г-н ДОДД: Когда вы стали членом общей СС ?

ВИСТОФЕР: В июне или июле 1939 года.

Г-н ДОДД: Таким образом, вы фактически служите в СС с 1939 года ?

12044

H1204 – 0160

H1204 – 0161

ВИСТОБЕР: Да, в общих СС, да.

Г-н ДОДД: Вы также одно время являлись оберштурмфюрером СС, не так ли ?

ВИСТОБЕР: Да.

Г-н ДОДД: Когда это было ?

ВИСТОБЕР: Я стал оберштурмфюрером 21 июня 1941 года.

Г-н ДОДД: Когда вы вступили в СА ?

ВИСТОБЕР: В СА я вступил 9 мая 1932 года.

Г-н ДОДД: Вы знали лагерь Штрасскоф ?

ВИСТОБЕР: Я это название слышу в первый раз.

Г-н ДОДД: Может быть, я неправильно произнес. Это - лагерь, который находился близ Вены.

ВИСТОБЕР: Я не знаю, о каком лагере идет речь. Я понял Штрасскоф. Такого названия я не знаю.

Г-н ДОДД: Да, это что-то в этом роде.Вы никогда не слышали об этом лагере ?

ВИСТОБЕР: Никогда.

Г-н ДОДД: С какого года вы жили в Вене ?

ВИСТОБЕР: Я родился в Вене ?

Г-н ДОДД: да, да, я знаю, что вы родились в Вене. Но я сейчас говорю о том времени, когда вы служили у фон Шираха. В течение какого времени вы были в Вене вместе с фон Ширахом ?

ВИСТОБЕР: С октября 1940 года.

Г-н ДОДД: И вы никогда не слышали о Штрасскофе?

ВИСТОБЕР: Нет.

Г-н ДОДД: Вам часто приходилось иметь дело с архивами подсудимого фон Шираха ?

ВИСТОБЕР: Да.

Г-н ДОДД:Что вы сказали, вы должны были делать с этими архивами ? В чем заключалась ваша ответственность ?

12045

ВИСТОЕР: Я должен был лишь заботиться о том, чтобы документы своевременно представлялись на совещания и чтобы после их обсуждения, они бы возвращались обратно в центральное бюро.

Г-н ДОДД: Куда бы вы обратились, если бы вам понадобилось достать для фон Шираха документы из архива, имеющего отношение к комитету обороны империи данного района или района, находящегося в ведении данного подсудимого? Куда бы вы обратились для того, чтобы получить архивы по вопросу об имперском комитете обороны. Как вы говорите, вы должны были следить за тем, чтобы документы были подготовлены и в назначенное время находились на столе у подсудимого фон Шираха. Скажите Трибуналу, что бы вы предприняли, куда бы вы обратились, с кем бы вы говорили и как бы вы стали искать соответствующий документ для фон Шираха ?

ВИСТОЕР: Для меня бы это было все очень просто. Я должен был бы обратиться к начальнику центрального бюро. Последний же должен был бы обратиться к регирунгспрезиденту, чтобы получить эти документы. Во всяком случае, я так думаю, я обратился бы только к начальнику центрального бюро.

Г-н ДОДД: У вас имелся специальный центральный архив, не так ли, где вы хранили все документы, вне зависимости от того, относились ли они к имперскому комитету обороны, к гаулейтеру или касались вопросов гражданского правительства Вены, не так ли ? Все архивы хранились в одном месте ?

ВИСТОЕР: Они не хранились в одном месте, только часть документов находилась в центральном бюро. Но я не могу сейчас сказать, какая именно часть, так как я никогда с этим не соприкасался.

Г-н ДОДД: Вы сказали, что вы выехали из Вены 13 апреля

12046

H1204 – 0162

H1204-0163

вместе с фон Ширахом, не так ли ? Очевидно, как адъютант Шираха, вы за несколько дней до от"езда провели серьезную подготовку к от"езду, не так ли ?

ВИСТОФЕР: Да.

Г-н ДОДД: Что вы упаковывали ? Что вы везли с собой ?

ВИСТОФЕР: Мы совершенно ничего не взяли с собой из Вены. Фон Ширах пользовался одной машиной и, кроме того, были еще две-три машины, в которых ехали сопровождающие его лица. Больше мы ничего из Вены с собой не взяли.

Г-н ДОДД: Хорошо, что же вы делали в таком случае с этим бюро ? Как вы все там оставили ?

ВИСТОФЕР: Мне кажется, что в бюро мы уже с весны или раннего лета 1944 года не бывали, потому что в здание управления имперского наместника было прямое попадание. С того времени г-н фон Ширах не мог там работать. Он работал все остальное время у себя дома.

Г-н ДОДД: Где ?

ВИСТОФЕР: У себя дома.

Г-н ДОДД: В своей квартире, а архивы тоже находились на квартире у фон Шираха или где-нибудь поблизости ?

ВИСТОФЕР: У себя дома он не имел вообще никаких документов. Документы оставались в бюро, которое представляло собой часть управления имперского наместника и в котором еще можно было работать.

Г-н ДОДД: Были ли какие-либо документы вывезены из архивного отдела имперского генерал-губернатора, когда вы покидали Вену или до вашего от"езда из Вены ?

ВИСТОФЕР: Мне об этом ничего неизвестно. Я знаю, что был издан приказ, относящийся как к государственной адми-

H1204 – 0164

страции, так и к партийным инстанциям, - уничтожать документы при приближении врага. Был ли этот приказ выполнен и что вообще стало с документами - мне неизвестно.

Г-н ДОДД: Кем был издан этот приказ и кому он был направлен ?

ВИСТОФЕР: Я не понял. Пожалуйста, повторите вопрос.

Г-н ДОДД: Я хочу знать, кому был направлен приказ об уничтожении документов ? Известно ли вам об этом ?

ВИСТОФЕР: По партийной линии он был дан заместителю гаулейтера, а по линии государственного управления - регирунгспрезиденту.

Г-н ДОДД: Весной 1945 года или в конце зимы 1944 года вы также получили приказ о вывозе всех документов в какое-либо безопасное место.

ВИСТОФЕР: Я не могу припомнить такого приказа.

Г-н ДОДД: Известно ли вам о том, что около 250 папок документов было вывезено в соляные копи в окрестностях Вены. Известно ли вам что-нибудь об этом ?

ВИСТОФЕР: Нет, я в первый раз об этом слышу.

Г-н ДОДД: Вы знаете, что вблизи Вены находятся соляные копи ? Ведь вы, насколько я понял, долго жили в Вене ?

ВИСТОФЕР: Я позволю себе поправить вас. Они не находятся вблизи Вены. Они расположены около Зальцбурга, а мы там никогда не жили. Я только знаю, что там существуют такие копи.

Г-н ДОДД: На каком это расстоянии от Вены ?

ВИСТОФЕР: Примерно 350 клм.

Г-н ДОДД: И вы ничего не знали о том, что туда были вывезены какие-либо документы ? Вы в этом совершенно уверены?

12048

ВИСТОФЕР: Я совершенно в этом уверен. Я ничего не знаю об этом.

Г-н ДОДД: Я хочу задать вам еще один вопрос. Я полагаю, вы знали подсудимого очень хорошо. Он немного старше вас, но вы долго работали с ним. Это так ?

ВИСТОФЕР: Да.

Г-н ДОДД: Почему вы вступили не в армию, а в СС, если вы хотели сделать что-либо для своей страны ?

ВИСТОФЕР: Когда я стал солдатом, войска СС представляли собой избранное формирование. Я хотел лучше служить в этой гвардейской части армии, если можно так выразиться, чем в обших частях вооруженных сил.

Г-н ДОДД: Может быть это отчасти было потому, что уже с 1939 года вы являлись членом общей СС ?

ВИСТОФЕР: Нет. Это не имело никакого отношения ; многие члены обших СС направились на военную службу в общие части вооруженных сил.

Г-н ДОДД: Беседовали ли вы по этому вопросу с вашим начальником, руководителем молодежи фон Ширахом перед тем, как вступить в 1939 г. в СС и несколько позднее в войска СС ?

ВИСТОФЕР: Нет. Я хочу напомнить, что к господину фон Шираху я поступил только в октябре 1940 г., в войска же СС я вступил 26 июня 1940 года.

Г-н ДОДД: Да, я понимаю, но вы, насколько я понимаю, были в то время молодым человеком и были связаны с имперской молодежной организацией в 1939 г., когда вы вступили в общую СС ? Это так ? Разве вы не были членом молодежной организации в 1939 году ?

12049

H1204 – 0165

H1204 – 0166

ВИСТОФЕР: Нет. Я впервые вошел в состав руководства имперской молодежи в апреле 1944 г. в чине банфюрера. До этого времени я не имел никакого отношения к этой организации.

Г-н ДОДД: Боюсь, что вы не совсем поняли меня. Это не так важно, но сколько вам было лет в 1939 году. Вам тогда было, примерно, 24 года, не так ли ?

ВИСТОФЕР: Да.

Г-н ДОДД: Были ли вы в то время каким-либо образом связаны с организацией гитлеровской молодежи или с молодежной организацией Германии или в качестве ее члена, или были связаны каким-либо другим путем ?

ВИСТОФЕР: Нет, ни как член, ни как-либо иначе. Я, конечно, знал руководителей молодежи в Каринтии. Это так.

Г-н ДОДД: Всю свою жизнь вы были одним из ораторов партии, не так ли ?

ВИСТОФЕР: С апреля 1938 года до мая 1940 года я выступал на различных собраниях в Каринтии.

Г-н ДОДД: В течение этих двух лет, на скольких митингах вы выступали с речами ?

ВИСТОФЕР: Я за этот период времени выступал приблизительно на 80 собраниях.

Г-н ДОДД: И на каждом из таких митингов присутствовало примерно 3 тысячи человек ?

ВИСТОФЕР : Я выступал также в совсем маленьких деревнях, где слушателей было приблизительно по две сотни человек.

Г-н ДОДД: У меня больше нет вопросов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Д-р Тома, желаете ли вы задать дополнительные вопросы свидетелю ?

ТОМА /защитник Розенберга/: Господин свидетель, на какую тему вы выступали на этих собраниях ?

ВИСТОФЕР: Темы нам давались имперским руководством пропаганды. Они обычно так составлялись, чтобы каждый выступающий мог говорить по вопросам общего порядка. Например, темы гласили: "С фюрером до окончательной победы"; "Что означает зимняя помощь", "Что означает благотворительность" и т.д.

ТОМА: Вы говорили о книге Розенберга "Миф XX века"?

ВИСТОФЕР: Нет.

ТОМА: Говорили ли вы вообще на такие темы ?

ВИСТОФЕР: Никогда, я в силу своего образования не мог бы этого делать.

ТОМА: Вы читали сами "Миф XX века"?

ВИСТОФЕР: Нет, я его не читал.

ТОМА: Вы на этих собраниях выступали перед молодежью ?

ВИСТОФЕР: Исключительно перед молодежью я не выступал.

ТОМА: Господин председатель, у меня больше нет вопросов. Благодарю вас.

Судья БИДДЛ /Трибунал/: Свидетель, имел ли Ширах право вступаться за евреев, когда их вывозили из Вены ?

ВИСТОФЕР: Он не имел никаких полномочий для этого, но это он делал.

Судья БИДДЛ: Сколько раз он вступался за евреев ?

ВИСТОФЕР: Я не помню ни одного случая, чтобы поступало прошение и чтобы Ширах не принимал участия в рассмотрении его.

Судья БИДДЛ: Я спросил, сколько раз Ширах вступался за евреев ?

ВИСТОФЕР: Это трудно сказать, я не могу дать точное число, не ошибившись при этом. Это сказать очень трудно.

12051

H1204 – 0167

H1204 – 0168

Судья БИДДЛ: Я об этом не спрашиваю. Я вас спрашиваю, часто ли вступался за них Ширах или лишь в отдельных случаях ?

ВИСТОФЕР: Он часто вступался за них.

Судья БИДДЛ: Вы видели приказ, направленный полиции, о том, чтобы не заступаться за союзных летчиков. Вы говорите, что этот приказ был в письменной форме ?

ВИСТОФЕР: Да.

Судья БИДДЛ: Кем был подписан этот приказ ?

ВИСТОФЕР: Приказ был подписан Борманом.

Судья БИДДЛ: Был ли он передан полиции Вены ?

ВИСТОФЕР: Если я правильно вас понял, речь идет о приказе, в котором говорилось, что гаулейтеры не должны вступаться за евреев.

Судья БИДДЛ: Я говорю о приказе не оказывать помощи летчикам с подбитых союзных самолетов. Вы сказали, что вы видели этот приказ, не так ли ?

ВИСТОФЕР: Этот приказ я видел. Я не помню уже сейчас, от кого он поступил и кому он был направлен, но к нам в наше бюро он поступил только для принятия к сведению. Таким образом мы сами ничего не должны бы и предпринимать в связи с этим приказом.

Судья БИДДЛ: Известно ли вам, имелась ли копия этого приказа в полиции ?

ВИСТОФЕР: Я прошу еще раз повторить вопрос.

Судья БИДДЛ: Имела ли полиция Вены копию этого приказа?

ВИСТОФЕР: Этого я не знаю.

Судья БИДДЛ: Вы когда-нибудь знали Гиммлера ?

ВИСТОФЕР: Я его видел.

Судья БИДДЛ: Давал ли он вам какие-либо инструкции ?

ВИСТОФЕР: Нет.

Судья БИДДЛ: Вы получали какие-либо инструкции от СС ?

ВИСТОФЕР: В каком направлении ?

Судья БИДДЛ: Получали ли вы какие-либо инструкции непосредственно от СС, когда вы работали в управлении фон Шираха?

ВИСТОФЕР: Нет.

Судья БИДДЛ: Вы не получали никаких инструкций ?

ВИСТОФЕР: Вообще никаких. Я не могу вспомнить о таковых.

Судья БИДДЛ: Мне кажется, вы однажды сказали, что Ширах направил специальную команду для оказания помощи и для охраны приземлившихся американских летчиков от толпы, не так ли ? Вы понимаете меня?

ВИСТОФЕР: Да, я понимаю и это я говорил.

Судья БИДДЛ: Какие другие меры предпринимал фон Ширах для того, чтобы охранить союзных летчиков от возможных действий со стороны толпы ? Предпринимал ли он какие-либо меры в этом направлении ?

ВИСТОФЕР: Да.

Судья БИДДЛ: Давал ли он какие-либо указания полиции по этому поводу и беседовал ли лично с представителями полиции?

ВИСТОФЕР: Мнение господина фон Шираха было известно. В кругах ...

Судья БИДДЛ: Я не спрашиваю вас о его мнении. Давал ли фон Ширах какие-либо указания полиции и беседовал ли с представителями полиции по этому поводу ?

ВИСТОФЕР: Об этом я ничего не помню.

Судья БИДДЛ: Если бы он это делал, то вам бы было об этом известно, не так ли ?

H1204-0169

H1204 – 0170

ВИСТОФЕР: Если бы я присутствовал в тот момент, когда он давал такие приказы, я бы об этом знал, но, возможно, он говорил об этом в моем отсутствии.

Судья БИДДЛ: Вы кажется сказали, что имели доступ к секретным архивам.

ВИСТОФЕР: Да.

Судья БИДДЛ: Что содержалось в этих секретных архивах ?

ВИСТОФЕР: Я не понял вопроса.

Судья БИДДЛ: Я спрошу вас, какого рода документы хранились в этих секретных архивах ?

ВИСТОФЕР: Имелись секретные документы, которые поступали от высшего партийного руководства. Имелись секретные документы, которые приходили из министерства внутренних дел. В них содержались такие вещи, что зачастую приходилось удивляться, почему на них стоял гриф: "Секретно". Но подробностей я сегодня не могу припомнить по поводу этих документов.

Судья БИДДЛ: Я полагаю, что все документы или отчеты, на которых имелась пометка "секретно", хранились в этом секретном архиве, не так ли ?

ВИСТОФЕР: Наши отчеты в высшие инстанции.

Судья БИДДЛ: Я говорю об отчетах, которые поступали к вам.

ВИСТОФЕР: Они отдавались в секретную регистратуру.

Судья БИДДЛ: А секретные отчеты СС также поступали в секретный архив, не правда ли ?

ВИСТОФЕР: Секретные отчеты СС к нам не поступали, потому что у нас не было служебной инстанции СС.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Заутер, если у вас больше нет вопросов, то свидетеля можно увести.

/ Свидетеля уводят/.

ЗАУТЕР: Господин председатель, в книге документов Шираха содержатся еще некоторые документы, которые до сих пор здесь не представлялись. Однако я думаю, что не следует эти документы оглашать полностью. Я, для того, чтобы сэкономить время, только сошлюсь на эти документы. Я попрошу вас принять к сведению эти документы и, в частности, письменные показания, данные под присягой г-жей Хеккен, которые представлены в книге документов под № 3. Эти показания были уже пред"явлены один раз.

Господин председатель, я хотел бы еще дать весьма краткие об"яснения относительно одного документа. В книге документов под № 118 А содержится прощальное письмо путешественника доктора Колина Росса. Я повторяю, эта книга документов Шираха под № 118 А. При рассмотрении документов господин обвинитель сказал относительно доктора Колина Росса, что труп доктора Колина Росса не был найден. В первый момент это меня, конечно, озадачило. Я навел справки, что произошло с трупом и установил, что 30 апреля 1945 г. за день до вступления американских войск трупы доктора Колина Росса и его жены были найдены в доме подсудимого Шираха в Урфельде около озера Вальхензее. Они оба приняли сначала яд и для того, чтобы действовать более уверенно, доктор Колин Росс сначала застрелил свою жену, а потом застрелился сам. Немецкие солдаты, которые находились тогда в Урфельде в качестве пациентов, похоронили оба трупа в тот же самый день возле дома подсудимого фон Шираха. Осенью американский генерал-губернатор распорядился, чтобы трупы были перевезены и похоронены на кладбище. Но затем он отменил свой приказ и разрешил, чтобы трупы остались там, где они

H1204 – 0171

H1204 – 0172

были похоронены сначала.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Заутер, можете ли вы указать, каким образом вы намерены представлять этот документ, если он не имеет отношения к делу ? Мы ознакомились с этим документом и считаем, что он не имеет непосредственного отношения к делу.

ЗАУТЕР: Господин председатель ! Мы представили этот документ потому, что он должен доказать, что подсудимый фон Ширах вместе с доктором Колин Россом постоянно прилагал все усилия к поддержанию мира и уже во время войны прилагал все усилия к тому, что в войну не были втянуты и другие страны. Таким образом я пред"явил этот документ для иллюстрации стараний подсудимого фон Шираха, направленных к сохранению мира.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Но в этом документе, насколько я могу судить, совершенно не упоминается фон Ширах и не говорится о том, что он защищал дело мира.

ЗАУТЕР: В этом документе говорится, что: "Мы сделали все, что было в наших силах для того, чтобы предотвратить эту войну".

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Заутер ! Под словом "Мы" подразумеваются, очевидно, те люди, которые написали: "Мы оставляем этот мир по собственному желанию", т.е. доктор Колин Росс и его жена. Это ни в коем случае не относится к фон Ширахуу.

ЗАУТЕР: Этого мы не знаем. Почему это не должно относиться также и к г-ну фон Ширахуу ?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Потому что на свете существует такая вещь, как грамматика. Документ начинается словами: "Мы покидаем этот мир по своей собственной воле".

ЗАУТЕР: да, господин председатель. Однако, я должен

напомнить, что доктор Колин Росс упоминался очень часто уже ранъше на процессе в связи с упоминанием о стремлениях подсудимого фон Шираха поддержать мир. Упоминалось также, что он вместе с женой жил в доме фон Шираха, когда они покончили самоубийством.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Очень хорошо, доктор Заутер. Если вы хотите обратить наше внимание на этот документ, то вы вправе это сделать.

ЗАУТЕР: Пожалуйста, господин председатель! Это письмо не было предназначено для общественности. Оригинал этого письма д-р Колин Росс оставил, а ряд других экземпляров разослал своим личным друзьям. Таким путем до нас и дошло это письмо доктора Колин Росса. Мне кажется, что мне больше нечего добавить.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: С моей стороны не было никакой критики по поводу этого письма. Если вы хотите зачитать некоторые цитаты из этого письма, вы можете это сделать, если нет - мы примем этот документ без доказательства. Как я вам сообщал мы уже ознакомились с этим письмом.

ЗАУТЕР: Хорошо.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я не запрещаю вам зачитать какую-либо фразу из этого письма, если вы хотите это сделать.

ЗАУТЕР: Пожалуй это не является необходимым, тем более, что вы примите к сведению содержание этого письма.

Больше у меня нет никаких дополнений и я могу на этом закончить представление доказательств по делу подсудимого фон Шираха.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Заутер, вы представили в качестве доказательства все документы, которые имеются в ваших ки-

H1204 - 0173

H1204 – 0174

гах документов ?

ЗАУТЕР: Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: В таком случае они будут иметь те же номера, под которыми они имеются в ваших книгах документов ?

ЗАУТЕР: Да, да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Очень хорошо. В таком случае мы примем все эти документы без доказательства.

Г-н ДОДД: Господин председатель, я считаю, что следует обратить внимание на решение Трибунала по поводу письменного показания, данного под присягой Юберрейтером. Подсудимому фон Ширахту было сообщено, что если желает, то он может использовать письменные показания, данные под присягой свидетелем Юберрейтером Свидетеля Юберрейтера в суд не вызвали, однако, его письменные показания, данные под присягой, представляются в качестве доказательства. Мы настаиваем на том, чтобы Юберрейтер был вызван в суд в качестве свидетеля, если его письменное показание будет представляться в качестве доказательства.

ЗАУТЕР: На аффидевит Юберрейтера я не ссылаюсь и от допроса свидетеля Юберрейтера я отказываюсь.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Очень хорошо, доктор Заутер.

Г-н ДОДД: В таком случае это письменное показание не будет представляться в качестве доказательства ?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Нет, оно не будет представляться.

Г-н ДОДД: Оно находится на странице 135.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Следовательно это письменное показание не будет представляться и мы сейчас об"являем перерыв.

/ Об"является перерыв до 14.00 /.

ов

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 28 мая 1946 года

/Вечернее заседание/.

Встать! Суд идет!

Г-н ДОДД: Господин председатель, во время представления дела подсудимого Функа имелся целый ряд документов, которые мы в то время не представили в качестве доказательств, и я просил разрешения Трибунала сделать это несколько позже. Я готов сделать это сейчас, если Трибунал ничего не имеет против этого.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да, я думаю, что сейчас это будет наиболее удобно.

Г-н ДОДД: Очень хорошо, сэр.

Прежде всего я хочу уточнить один вопрос в отношении протокола заседания в связи с документом 2828-ПС. Этот документ уже был представлен в качестве доказательства как США-654. Отрывок или выдержки из этого документа, которые мы зачитывали перед Трибуналом, находятся на странице 105 этого документа. Во время представления мы ошибочно сослались на другую страницу. Ссылка на этот документ США-654 находится на странице 9071 протокола судебных заседаний.

Нами был также представлен наш документ ЕЦ-440, который представляет собой заявление, сделанное подсудимым Функом, и мы процитировали одну фразу с 4-й страницы этого документа. Я хочу представить его как доказательство США-674.

Далее, документ 3952-ПС представляет собой протокол

H1204-0175

H1204-0176

допроса подсудимого Функа от 19 октября 1945 г. Мы хотим представить этот документ под № США-875.

Я хочу напомнить Трибуналу, что отрывок из этого протокола допроса, зачитанный здесь, касался заявления подсудимого Функа относительно того, что подсудимый Гесс сообщил ему о предстоящем нападении на Советский Союз. Этот отрывок был переведен на все четыре языка, и Трибунал поэтому без затруднения может ознакомиться с ним.

Далее имеется еще один протокол допроса от 22 октября 1945 года. Из этого протокола допроса зачитывались выдержки со страниц 15 и 16, как это зафиксировано на 9169 странице протокола судебного заседания от 7 мая. Это документ № 3953-ПС. Мы представляем его как доказательство США-876.

Далее я обращаюсь к следующему документу № 3894-ПС - протоколу допроса Ганса Поссе. Мы представили его в качестве доказательства США-843 в свое время, как это видно на странице 9093 протокола судебного заседания от 6 мая. Я тогда заявил Трибуналу, что мы представим этот допрос полностью на французском, русском, английском и немецком языках. Мы сейчас готовы это сделать и представляем этот документ Трибуналу на всех четырех языках.

Далее, документ 3954-ПС. Это письменное показание Франца Б. Вольфа, одного из редакторов "Франкфуртер Цейтунг". Ссылка на этот документ имеется на странице 9082 протокола судебного заседания, причем мы заявили, что у нас имеется еще материал по вопросу о причинах сохранения старого штата издательства "Франкфуртер Цейтунг". Этот документ - 3954-ПС также сейчас передается Трибуналу на французском, русском, немецком и английском языках; мы представляем его под № США-877.

12040

Далее, господин председатель, во время перекрестного допроса подсудимого Функа был показан фильм. Трибунал спросил нас, можем ли мы представить письменные показания, указывающие источник получения этого фильма и дающие другие подобные сведения. Мы сейчас готовы это сделать. Во-первых, мы представляем письменные показания капитана Сэма Харриса, который организовал эту с"емку. Мы представляем его, как доказательство Соединенных Штатов № 876.

Второе письменное показание дано кинооператором, который лично снимал этот фильм. Мы представляем его под номером США-879.

И в заключение мне хотелось бы раз"яснить еще один вопрос. 25 марта во время перекрестного допроса свидетеля Боле, являющегося свидетелем защиты подсудимого Гесса, полковник Эймен цитировал протокол допроса фон Штрумпель, как это видно в протоколе судебного заседания, начиная со страницы 6482. Мы организовали перевод соответствующих выдержек на все четыре языка, на которых происходит заседание Трибунала, и мы просим, чтобы этот протокол допроса, которому присвоен наш номер 3800-ПС, был принят в качестве документального доказательства, как США-880.

Господин председатель, я думаю, что таким образом я охватил все документы, которые до настоящего времени не были представлены официально, с соблюдением всех необходимых формальностей.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Защитник подсудимого Заукеля.

/К микрофону подходит доктор Сервациус/.

СЕРВАЦИУС: С разрешения Трибунала я вызвал в качестве свидетеля подсудимого Заукеля.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Конечно.

/Подсудимый Эрнст Фридрих Кристоф Заукель занимает место за свидетельским пультом/.

H1204-0177

H1204 – 0178

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Назовите Ваше имя и фамилию.

ЗАУКЕЛЬ: Эрнст Фридрих Кристоф Заукель.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Повторяйте за мной слова присяги.

"Клянусь Богом, всемогущим и всеведущим, что я буду говорить только правду, ничего не утаю и ничего не прибавлю".

/Свидетель повторяет слова присяги/.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы можете сесть.

СЕРВАТИУС: Господин свидетель, расскажите Трибуналу Вашу биографию.

ЗАУКЕЛЬ: Я родился в Гавафурте на Майне, расположенном вблизи города Бамберга. Я был единственным ребенком почтальона Фридриха Заукеля. Я посещал в Швейнфурте народную школу, а затем гимназию.

СЕРВАТИУС: Сколько лет Вы учились в гимназии?

ЗАУКЕЛЬ: Я учился в гимназии пять лет. Посещение гимназии стало для меня возможным благодаря моей матери, которая была швеей. Положение моего отца было весьма скромным. Когда моя мать тяжело заболела/она была сердечнобольной/, я понял, что я не могу учиться дальше из-за семейного положения. Я добился разрешения отправиться в море, чтобы продолжать там мою жизнь и итти вперед в своем развитии.

СЕРВАТИУС: Вы пошли в торговый флот? Или куда Вы пошли?

ЗАУКЕЛЬ: Да, я пошел сначала в норвежский, а затем в шведский торговый флот, чтобы согласно старому методу обучения матросов познать жизнь матроса до основания на больших парусных судах и клиперах.

СЕРВАТИУС: Сколько Вам тогда было лет?

ЗАУКЕЛЬ: Пятнадцать с половиной.

СЕРВАТИУС: Сколько Вы зарабатывали?

ЗАУКЕЛЬ: При бесплатном питании я получал пять крон, будучи юнгой на норвежском парусном судне.

СЕРВАТИУС: Где Вам пришлось побывать во время Вашей матросской службы?

ЗАУКЕЛЬ: За время моего обучения и службы, которую я продолжал на германских парусных судах, я побывал во всех частях света и на всех морях.

СЕРВАТИУС: Приходилось ли Вам сталкиваться с семьями, живущими в других государствах?

ЗАУКЕЛЬ: Через "Христианский союз молодых людей" мне пришлось столкнуться в Австралии, Северной Америке и Южной Америке с семьями, живущими в этих государствах.

СЕРВАТИУС: Где Вас застала первая мировая война?

ЗАУКЕЛЬ: Я вместе с германским парусным судном, следовавшим в Австралию, был на море совершенно неожиданно захвачен в французский плен.

СЕРВАТИУС: Сколько времени Вы были в плену?

ЗАУКЕЛЬ: Пять лет, до ноября 1919 года.

СЕРВАТИУС. А затем Вы вернулись домой?

ЗАУКЕЛЬ: Да, после этого я вернулся домой.

СЕРВАТИУС: А чем Вы занялись в последующее время?

ЗАУКЕЛЬ: Я, правда, закончил свое обучение и морскую подготовку, какую следовало пройти матросу, но ввиду того, что те сбережения, которые мне удалось скопить в бытность мою матросом, потеряли цену в результате инфляции в Германии, я не смог держать экзамены и отправиться затем в море. Германских судов было мало, безработных же среди немецких матросов было очень много, так что я решил стать рабочим на одной из фабрик моего родного

12003

H1204 – 0179

H1204 – 0180

города Шеффурт.

СЕРВАТИУС: Вы остались в своем родном городе?

ЗАУКЕЛЬ: Да, сначала я остался в своем родном городе и учился на токаря и рабочего по машиностроителя на шарикоподшипниковом заводе Фишера. Я делал это для того, чтобы накопить денег и пойти затем учиться в техническую школу, в школу инженеров.

СЕРВАТИУС: Занимались ли Вы в /то время политической деятельностью?

ЗАУКЕЛЬ: Когда я был матросом, то я презирал всякую политическую деятельность, я любил свою профессию матроса и люблю ее до сих пор. Но обстоятельства заставили меня столкнуться с политическими проблемами. Никто из тех, кто был в то время в Германии, не мог остаться в стороне от них. Несколько лет назад я покинул Германию цветущей страной, а народ германский - богатым народом. Возвратившись через шесть лет, я застал страну совершенно другой, взволнованной, в страшной экономической нужде и в тяжелом положении с моральной точки зрения.

СЕРВАТИУС: Вступили ли Вы в какую-нибудь партию?

ЗАУКЕЛЬ: Нет. Я работал на фабрике, которая слыла в моем родном городе "ультра красной" фабрикой. Я работал в инструментальной мастерской, справа и слева от меня работали/среди них был также мой теперешний тесть/ социал-демократы, коммунисты, социалисты, анархисты и другие люди. Во время перерывов все время шли дискуссии, так что независимо от желания приходилось принимать участие в обсуждении социальных вопросов того времени.

СЕРВАТИУС: Вы здесь говорили о Вашем тесте. Вы тогда уже были женаты?

12064

ЭЛЬКЕЛЬ: Я женился в 1923 году на дочери немецкого рабочего, с которой я тогда познакомился и с которой я до сих пор жил в счастливом браке, имея 10 детей.

СЕРВАТИУС: Когда Вы вступили в партию?

ЭЛЬКЕЛЬ: Формально я стал членом партии в 1923 году, хотя и до того времени меня уже связывали симпатии к ней.

СЕРВАТИУС: А что послужило поводом к этому?

ЭЛЬКЕЛЬ: В те дни я услышал речь Гитлера. В этой речи он говорил о том, что немецкий фабричный рабочий и немецкий ремесленник должны об"единиться с людьми интеллектуального труда. Противоречия между пролетарской и буржуазной природой должны быть преодолены путем такого об"единения, изучения друга друга и взаимопонимания. В результате всего этого будет создан народ, зиждящийся на общности интересов всех его слоев. Только такое наличие общности интересов, которая возвышается над стремлениями отдельных партий и слоев народа, могло бы обеспечить германскому народу успех в борьбе с общим тяжелым положением того времени, с расколом германского народа на всевозможные партии. Это выступление Гитлера страшно захватило меня. Идея его выступления, а именно возможность уравнивания внешне якобы неразрешимых противоречий покорила меня настолько, что я посвятил этой идее свою жизнь. Я это сделал еще с большим удовольствием, если так можно выразиться, потому, что я сознавал, что немецкий народ по своей сущности склонен к крайностям. Я должен был очень много бороться сам с собой, чтобы найти правильный путь без чьей-либо указки. Как я уже сказал ранее, я почти не занимался политикой. Мои честные родители, которых сейчас уже нет в живых,

12065

H1204 – 0181

H1204 – 0182

всегда воспитывали меня в строго христианском духе и в духе любви к отечеству. Моя дальнейшая жизнь на море протекала в обществе матросов. Я грузил селитру в Чили и Канаде, выполнял в Квебеке лесные работы. Я не раз побывал около Мыса Рога. Я всегда выполнял тяжелую работу. Я кончу...

СЕРВАТИУС: Возвратитесь все-таки к вопросу о партии.

ЭЙКЕЛЬ: Да, но я же и говорю сейчас о партии, мы все должны же как-то обосновать свой приход в партию. Я должен сказать...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Сервatиус, в начале представления доказательств в защиту подсудимых я заявил, что Трибунал уже выслушал сведения по этим вопросам от подсудимого Геринга и что мы не намереваемся снова слушать то же самое от двадцати подсудимых. Мне кажется, почти каждый подсудимый навязывает нам обсуждение этих вопросов.

СЕРВАТИУС: Я думаю, господин председатель, что, пожалуй, важно составить себе некоторое впечатление о самом подсудимом. Одни и те же факты, если смотреть на них с разных точек зрения, могут выглядеть по разному. Сейчас я вкратце...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Это совершенно правильно, доктор Сервatиус, но мы уже слушали это в течение почти получаса.

СЕРВАТИУС: Я сейчас ограничу подсудимого в выступлении. В 1923 году партия была распущена и создана вновь в 1925 году. Вы опять вступили в нее в это время?

ЭЙКЕЛЬ: Да.

СЕРВАТИУС. Являлись ли Вы только членом партии или Вы занимались активной политической деятельностью?

ЭЙКЕЛЬ: С 1925 года я активно занимался политической деятельностью.

СЕРВАТИУС: Какую должность вы занимали?

ЗАУКЕЛЬ: Я был в то время управляющим делами в гау Тюрингия.

СЕРВАТИУС: Заняли ли Вы эту должность для того, чтобы получить работу или для того, чтобы добиться порядочного заработка? Почему Вы заняли эту должность?

ЗАУКЕЛЬ: Будучи управляющим делами в гау Тюрингии, я получал там 150 марок. Я бы мог получать больше на другой должности и мог бы также устроиться на любую другую работу.

СЕРВАТИУС: Когда Вы познакомились с Гитлером?

ЗАУКЕЛЬ: Я познакомился с Гитлером лично в 1925 году, но наше знакомство было весьма мимолетным.

СЕРВАТИУС: Когда Вы стали гаулейтером?

ЗАУКЕЛЬ: Я стал гаулейтером в 1927 году.

СЕРВАТИУС: Как Вы были назначены на эту должность?

ЗАУКЕЛЬ: Я получил назначение на эту должность в письменной форме.

СЕРВАТИУС: Получили ли Вы особые инструкции, в которых речь шла о тайных целях партии?

ЗАУКЕЛЬ: В то время нас строго воспитывали в духе того, что партийная жизнь не должна ни при каких обстоятельствах быть засекреченной, что в партии не должно быть никаких секретов, что вся ее жизнь должна протекать перед главами общественности.

СЕРВАТИУС: Кто был Вашим предшественником?

ЗАУКЕЛЬ: Моим предшественником был доктор Динтер.

СЕРВАТИУС: Почему он был снят с этой должности?

ЗАУКЕЛЬ: Д-р Динтер был снят с этой должности из-за того, что он хотел создать новое религиозное движение внутри самой партии.

12 067

H1204 – 0183

H1204 – 0184

СЕРВАТИУС: В 1929 году Вы стали членом Тюрингского ландтага.

ЗАУКЕЛЬ: Да.

СЕРВАТИУС: Вы были туда избраны?

ЗАУКЕЛЬ: Да, я был избран в ландтаг путем обычных выборов в парламент.

СЕРВАТИУС: Существовало ли уже тогда диктаторское правление?

ЗАУКЕЛЬ: Нет, это было совершенно невозможно. Тюрингия управлялась согласно конституции земли Тюрингии.

СЕРВАТИУС: В течение какого времени Вы были членом ландтага?

ЗАУКЕЛЬ: Я был членом ландтага до последних дней его существования, т.е. до мая 1933 года.

СЕРВАТИУС: Как был распущен ландтаг?

ЗАУКЕЛЬ: Он был распущен законом имперского правительства.

СЕРВАТИУС: В 1932 году Вы были членом правительства земли Тюрингии. Как Вы попали на эту должность?

ЗАУКЕЛЬ: В июне 1932 года состоялись новые выборы в Тюрингский ландтаг. Национал-социалистская германская рабочая партия получила из 60 мандатов 26.

СЕРВАТИУС: Говорилось ли в то время о том, что следует стремиться к диктатуре?

ЗАУКЕЛЬ: Нет, новое правительство было выбрано на парламентской основе.

СЕРВАТИУС: Итак, Вы составляли большинство в тюрингском правительстве и могли оказывать свое влияние?

ЗАУКЕЛЬ: Да, было избрано национал-социалистское правительство в союзе с буржуазными партиями, причем

национал-социалисты имели в новом правительстве абсолютное большинство членов.

СЕРВАТИУС: Что произошло со старыми чиновниками. Они были освобождены от своих должностей?

ЗАУКЕЛЬ: Я сам стал главой правительства и министром внутренних дел. Старые чиновники все без исключения остались на своих местах.

СЕРВАТИУС: Чем же занималось это первое национал-социалистское правительство в области внутренней политики?

ЗАУКЕЛЬ: Что касается внутренней политики, то в то время в области внутренней политики существовал лишь один вопрос - преодоление невероятной нужды, которая не идет в сравнение лишь с нуждой сегодняшнего дня.

СЕРВАТИУС: Господин председатель, в этой связи я хочу представить Вам два правительственных отчета. Я хотел бы вкратце сослаться на два места в этих документах. В первом отчете - это документ 96, - говорится о деятельности правительства, о борьбе с социальной нуждой. Уже при беглом рассмотрении документа становится ясно, что существенным моментом в этом отчете является то, что в нем ничего не говорится о каких-либо военных вопросах, что речь идет исключительно о преодолении нужды. Существенное значение имеет также проведенная работа. Это изложено ~~также~~ в документе 97. На странице 45-й говорится о работе, проведенной новым правительством: строительство мостов, дорог и т.д. Эта работа не имеет ничего общего с военными целями. Далее я представляю документ 95, который относится к тому же самому времени. Этот документ представляет собой книгу "Боевые речи

H1204-0185

H1204 – 0186

Заукеля". Эта книга замечательна в том отношении, что в ней ничего не говорится о военных целях, а в ней говорится лишь о борьбе с нуждой. Из отдельных глав, которые представляют собой речи, произнесенные Заукелем в ходе нескольких лет, становится весьма ясным, что именно беспокоило Заукеля. Книга начинается с выступления в 1932 году, в котором Заукель говорил о существующей нищете. В конце этого выступления Заукель вновь возвращается к вопросу о борьбе с социальной нуждой и о сохранении мира. Суд сможет познакомиться с этими речами с помощью книги документов, где они помещены. В 1933 году Вы стали наместником Тюрингии. Как получилось, что Вы были назначены на эту должность?

ЗАУКЕЛЬ: Я был назначен имперским наместником Тюрингии тогдашним имперским президентом фельдмаршалом Гинденбургом.

СЕРВАТИУС: Какие указания Вы получили при назначении на эту должность?

ЗАУКЕЛЬ: При назначении меня имперским наместником я получил указание создать новое тюрингское правительство, так как имперский наместник должен был бы оставаться в стороне от управления той или иной землей Германии?

СЕРВАТИУС: Вам не следует вдаваться в технические подробности. Когда я Вам задал вопрос, то я имел в виду следующее: какое поручение политического характера получили Вы?

ЗАУКЕЛЬ: Мне, как имперскому наместнику, было дано следующее поручение политического характера: опекать Тюрингию в рамках имперских законов и существовавшей в то время имперской конституции и обеспечить единство империи.

12070

СЕРВАТИУС: Следовало ли понимать под словами "обеспечить единство империи" применение какого-то насилия над другими и, в частности, над властями Тюрингии?

ЗАУКЕЛЬ: Нет, эти власти продолжали свое существование.

СЕРВАТИУС: В Ваших руках были об"единены должность гаулейтера и должность имперского наместника. Для какой цели это было сделано?

ЗАУКЕЛЬ: Эти две должности имели при себе свой собственные аппараты. В аппарате имперского наместника служили чиновники, в аппарате гаулейтера работали лица, посланные туда партией. Эти две инстанции руководились строго раздельно, как это имеет место в каждом государстве, где наряду с партийными должностями те или иные члены партии выполняют также другие функции.

СЕРВАТИУС: Следовательно, Вам не было поручено руководить так, чтобы одна инстанция впитала бы в себя, поглотила другую инстанцию?

ЗАУКЕЛЬ: Нет, такое поручение мне дано не было. Задачи этих инстанций были совершенно различными.

СЕРВАТИУС: Вы были членом СА?

ЗАУКЕЛЬ: Я сам никогда не был членом СА, я был почетным обергруппенфюрером СА.

СЕРВАТИУС: Каким образом Вы получили этот чин?

ЗАУКЕЛЬ: Я не знаю, каким образом я получил этот чин, я получил, очевидно, его почета ради.

СЕРВАТИУС : Вы были произведены Гиммлером в обергруппенфюреры?

ЗАУКЕЛЬ: Нет. Я был произведен в обергруппенфюреры почета ради фюрером. Каких-либо функций я не имел и ника-

H1204 – 0187

H1204 – 0188

кого денежного вознаграждения не получал.

СЕРВАТИУС: Вы были членом рейхстага?

ЗАУКЕЛЬ: Да, с 1933 года.

СЕРВАТИУС: Вы как член рейхстага были осведомлены заранее о начале войны?

ЗАУКЕЛЬ: О начале войны и о всяких других политических вопросах я никогда заранее не уведомлялся. Я припоминаю только, что мы очень неожиданно были вызваны в Берлин на заседание рейхстага. Это было приблизительно между 24 августа и концом августа. Это заседание было отменено, а мы, все рейхслейтеры и гаулейтеры, были вызваны к фюреру. Правда, явились не все, так как часть уже раз"ехалась. Беседа с Гитлером или, вернее, его выступление было весьма кратким. Он сказал приблизительно следующее: "Заседание рейхстага не может состояться, так как события все еще продолжают развиваться." Он сказал, что он убежден в том, что дело не дойдет до войны. Он надеялся, что этот вопрос будет разрешен в иной плоскости. Насколько я его понял, он имел в виду решение вопроса без возвращения потерянных частей Верхней Силезии. Я совершенно точно помню, как он сказал, что Данциг станет немецким и что кроме того Германия получит многоколейную железнодорожную линию, а также дорогу наподобие имперской автостраде, которая будет охраняться патрулями с обоих сторон. Мы должны были раз"ехаться по домам после этого и готовиться к имперскому дню партии/рейхспартайтаг/, на котором мы вновь встретимся с фюрером.

СЕРВАТИУС: У Вас были близкие отношения с фюрером?

ЗАУКЕЛЬ: Я очень уважал фюрера таким, каким я его знал. Но у меня с ним не было никаких более близких отношений, которые можно было бы назвать отношениями личного порядка. Я присутствовал на ряде бесед, во время которых обсуждались вопросы, относящиеся к руководству моим гау, и в частности - к дальнейшему поощрению развития культуры в таких городах, как Веймар, Эйзенах, Мейнинген и другие. Позднее, когда я был генеральным уполномоченным по использованию рабочей силы, я встречался с фюрером чаще для обсуждения вопросов по мобилизации и использованию рабочей силы.

СЕРВАТИУС/перебивая/: Этого мы коснемся позднее. Какие у Вас были связи с рейхслейтерами?

ЗАУКЕЛЬ: Связи с рейхслейтерами были такие же, как и с фюрером, т.е. чисто партийного и служебного порядка. Я не могу сказать, что у меня были какие-то личные отношения с рейхслейтерами.

СЕРВАТИУС: А каковы были Ваши связи с имперскими министрами?

ЗАУКЕЛЬ: Эти связи с имперскими министрами носили чисто служебный характер, причем сталкиваться с министрами мне приходилось редко.

СЕРВАТИУС: А как обстоит дело с вооруженными силами?

ЗАУКЕЛЬ: Я не имел чести быть немецким солдатом во время первой мировой войны из-за того, что я попал в плен. Во второй мировой войне фюрер отказал мне в возможности выполнить свой долг солдата.

СЕРВАТИУС: Господин свидетель, Вы занимали ряд руководящих постов. Вы были знакомы с имперскими министрами и рейхслейтерами. Об"ясните, пожалуйста, почему Вы вдруг попали на подводную лодку!

12073

H1204 – 0189

H1204 – 0190

ЗАУКЕЛЬ: Я неоднократно просил фюрера в письменной форме разрешить мне пойти в армию простым солдатом. Он отказал мне в этой просьбе. Но я тайным образом упорядочил вопрос о своем заместителе и пробрался на подводную лодку капитана Вармана с разрешения последнего. Как бывший матрос и занимавшее высокую политическую должность в то время лицо, я хотел показать нашим бравым подводникам пример товарищества и сознания своего долга. Кроме того, у меня было десять детей, которых я как отец должен был уметь защищать.

СЕРВАТИУС: Я хотел бы затронуть ряд вопросов, связанных с Вашей деятельностью. Вы были членом профсоюза?

ЗАУКЕЛЬ: Нет.

СЕРВАТИУС: Вам известны цели германских профсоюзов?

ЗАУКЕЛЬ: Да, они мне известны.

СЕРВАТИУС: Это были цели экономического или политического характера?

ЗАУКЕЛЬ: Цели германских профсоюзов были, насколько я их знаю, как рабочий, целями политического характера. Существовал целый ряд профсоюзов с различными политическими платформами. Я всегда рассматривал этот факт как большое несчастье. Я сам, будучи рабочим в одной из мастерских, мог наблюдать за теми разногласиями, которые существовали между христианско-социальными и красными профсоюзами, между синдикалистскими, анархистскими и красными профсоюзами.

СЕРВАТИУС: В Вашем гау профсоюзы были распущены. Были ли арестованы руководители профсоюзов?

ЗАУКЕЛЬ: Нет.

СЕРВАТИУС: Вы одобрили роспуск профсоюзов?

ЗАУКЕЛЬ: Роспуск профсоюзов в то время висел, так сказать, в воздухе. Этот вопрос долго дискутировался в самой партии. Единства в вопросе положения, необходимости и целесообразности существования, а также характера профсоюзов не было, но нужно было найти какое-то решение, так как профсоюзы, которые распускались нами, а также фюрером и доктором Леем, имели различные политические установки. К тому времени в Германии существовала лишь одна партия. Поэтому необходимо было принять единое решение относительно задач профсоюзов. Я полностью признаю, что профсоюзы имеют свои насущные задачи, разрешение которых необходимо для людей всякой профессии и в особенности для всех рабочих.

СЕРВАТИУС: Не преследовал ли роспуск профсоюзов цель, заключающуюся в устранении противников, которые хотели выступать против развязывания агрессивных войн?

ЗАУКЕЛЬ: Я с чистой совестью могу сказать, что в те годы ни у кого из нас не было мысли о войне. Мы должны были бороться с такой страшной нуждой, что самым большим счастьем для нас было восстановить в мирной обстановке экономическую жизнь Германии и предоставить вновь немецкому рабочему, на которого падала вся тяжесть страшной депрессии тех лет, опять работу, а вместе с ней и хлеб.

СЕРВАТИУС: Потерпели ли члены профсоюзов имущественный ущерб из-за роспуска профсоюзов?

ЗАУКЕЛЬ: Нет, ни в коей мере. Мой тесть, который был членом профсоюза и является им до сих пор, является

12075

H1204 – 0191

H1204 – 0192

примером этому. Я часто беседовал с ним по этим вопросам. Я никогда не уговаривал его вступить в НСДАП. Сам он был социал-демократом. Он так и не вступил в НСДАП. Когда он постарел и потерял работоспособность, он подтвердил мне, что германский рабочий фронт, с одной стороны, выполнил по отношению к нему в полной мере все обязательства, на которые он имел право как старый член профсоюза. С другой стороны, германское государство полностью гарантировало ему его права и выплачивало все полагающиеся, так как в Германии страхование на случай инвалидности, страхование на случай старости и страхование от несчастных случаев было организовано и обеспечено самим государством.

СЕРВАТИУС: В Вашем гау все коммунисты были арестованы после того, как партия пришла к власти?

ЗАУКЕЛЬ: Нет, насколько мне известно, в моем гау были арестованы только те коммунисты, которые активно работали против государства.

СЕРВАТИУС: Ну, а что с ними произошло?

ЗАУКЕЛЬ: Государственная полиция арестовала их, допросила, а потом их или держали в заключении соответственно решению полиции или отпускали.

СЕРВАТИУС: Были ли в Вашем гау такие крейслейтеры, которые раньше были членами враждебных вам партий?

ЗАУКЕЛЬ: Партия за все время своего существования старалась привлечь на свою сторону людей самых различных взглядов и в особенности же своих политических противников. Я очень горд тем, что в моем гау очень много рабочих - бывших коммунистов и социал-демократов пришло к нам и стало местными руководителями/ортсгруппенфюрер/. Некоторые из них заняли и другие партийные должности.

СЕРВАТИУС: Не были ли Вами назначены два крейслейтера из крайних левых?

ЗАУКЕЛЬ: Крейслейтером был назначен один человек из крайних левых. Наряду с целым рядом других руководящих должностей, на должность руководителя предприятий в гау от германского рабочего фронта был назначен член партии с большим стажем крайне левого направления.

СЕРВАТИУС: А как Вы сами поступали с Вашими политическими противниками?

ЗАУКЕЛЬ: В моем гау не трогали тех политических противников, которые не работали активно против государства.

СЕРВАТИУС: Знаете ли Вы депутата от социалистической партии Фрейлиха?

ЗАУКЕЛЬ: Депутат от социалистической партии Август Фрейлих был моим самым сильным и последовательным противником. Он был руководителем тюрингских социал-демократов и долголетним министр-президентом земли Тюрингии от социал-демократической партии. Его как противника я глубоко уважал. Он был честен и добропорядочен. 20 июля 1944 года он был освобожден из заключения благодаря моей личной инициативе. Он стоял в списке замешанных в событии 20 июля лиц. Но я лично настолько уважал его, что, несмотря на этот факт, просил освободить его и добился этого.

СЕРВАТИУС: Поступали ли Вы с другими противниками также?

ЗАУКЕЛЬ: Я освободил также из тюрьмы одного известного мне члена партии центра из моего родного города Швейнфурт.

СЕРВАТИУС: В Вашем гау находился концентрационный лагерь Бухенвальд. Он был создан Вами?

12077

H1204 – 0193

H1204 – 0194

ЗАУКЕЛЬ: Лагерь Бухенвальд возник следующим образом. Фюрер, который часто посещал Веймар из-за Веймарского театра, предложил разместить в Веймаре батальон из полка личной охраны. Так как этот полк личной охраны считался отборным полком, то я не только был согласен с размещением этого батальона, но и был очень рад этому. В таком городе, как Веймар, радуются, если в него вводится гарнизон. Земля Тюрингия, вернее тюрингское правительство, предоставило по просьбе фюрера участок в Экерсбургском лесу, к северу от самого города Веймара. Через некоторое время Гиммлер известил меня, что он не может ввести в Веймар один батальон из полка личной охраны и что он не может расчленить этот полк. Он сообщил мне, что в Веймар будет приведено вновь сформированное соединение "Мертвая голова"/"Тотенкопф"/ и что это равнозначно первому варианту. Некоторое время спустя, когда земельный участок был уже предоставлен в распоряжение империи, Гиммлер заявил, что он вместе с соединением "Мертвая голова" должен создать на этом весьма подходящем участке нечто похожее на концлагерь. Я сначала возражал против этого, так как я считал несовместимым с традициями города Веймара создание такого концентрационного лагеря по близости от него. Но Гиммлер, сославшись на свое положение, отклонил всякую дискуссию по этому поводу. Вот так, на горе мне и населению Веймара, был создан этот лагерь.

СЕРВАТИУС: Имели ли Вы какое-нибудь отношение к управлению лагерем в последующее время?

ЗАУКЕЛЬ: Я никогда не имел никакого отношения к управлению этим лагерем. Тюрингское правительство попы-

талось в то время оказать влияние на составление планов строительных работ: Оно хотело это сделать следующим образом: тюрингская полиция должна была представить свой план искусственных насаждений в этом лагере. Гиммлер отклонил всякую помощь и ответил, что у него есть свое собственное бюро и что этот участок теперь принадлежит империи.

СЕРВАТИУС: Вы когда-нибудь посещали этот лагерь?

ЗАУКЕЛЬ: Насколько я помню, я посещал и осматривал этот лагерь один единственный раз вместе с итальянской комиссией в конце 1937 года или начале 1938 года.

СЕРВАТИУС: Могли ли Вы там наблюдать какие-нибудь неполадки?

ЗАУКЕЛЬ: Я не видел там никаких неполадок. Я посмотрел бараки. Я ведь сам был пять лет в плену и поэтому интересовался такого рода вещами. Я должен признать, что в то время не было никаких поводов возражать против порядка, существовавшего в лагере. Там были дневные и ночные бараки. Кровати были накрыты голубовато-белым бельем. Кухни, помещения для стирки были в безупречном состоянии, так что даже итальянские офицеры, которые вместе со мной осматривали этот лагерь, сказали, что их собственные солдаты живут в Италии не в лучших условиях.

СЕРВАТИУС: Узнали ли Вы в последующее время о том, что происходило в этом лагере и о чем говорилось здесь?

ЗАУКЕЛЬ: Я ничего не узнал о том, что происходило в этом лагере и о чем говорилось здесь.

СЕРВАТИУС: Имели ли Вы какое-нибудь отношение к эвакуации лагеря в конце войны, перед тем, как к вам вступили американские войска?

12.079

H1204 – 0195

H1204 – 0196

ЗАУКЕЛЬ: Когда обербургомистр Веймара сообщил мне, что существует намерение произвести эвакуацию лагеря, а охрану лагеря использовать в боях с американскими частями, я выступил самым резким образом против этих мероприятий. Я не имел никакой власти издавать приказы для этого лагеря, с Гиммлером же я не хотел разговаривать, так как у меня с ним по другой должностной линии были большие разногласия. Я позвонил в Берлин, на квартиру к фюреру и попросил, чтобы эвакуация лагеря ни в коем случае не проводилась. Я заявил ему, что отход заключенных к востоку от реки Заале является бессмыслицей, что невозможно обеспечить этот отход ввиду недостатка продовольствия. Я потребовал, чтобы этот лагерь был передан по всем правилам американским войскам. Я получил ответ, что фюрер даст распоряжение Гиммлеру удовлетворить мою просьбу. Я сообщил об этом вкратце некоторым моим сотрудникам и обербургрмистру и затем покинул Веймар.

СЕРВАТИУС: Свидетель доктор Блаха заявил, что Вы осматривали также концлагерь Дахау.

ЗАУКЕЛЬ: Нет, я не был в концлагере Дахау. Как припоминаю, я не принял участия в посещении Дахау гаулейтерами в 1935 году. Я никогда не принимал участия в осмотре лагеря Дахау вопреки показаниям д-ра Блаха. Вследствие этого я также не мог осматривать те места, где работали заключенные.

СЕРВАТИУС: Разве Вы, будучи гаулейтером, не получали служебных сообщений относительно событий в концлагерях? Я имею в виду приказы, которые шли через руководство гау в высшие инстанции, и, наоборот, те, которые исходили от высших инстанций и шли в лагерь?

ЗАУКЕЛЬ: Нет, что касается лагеря Бухенвальд, то я не получал никаких докладов, касавшихся его, и не мог давать никаких указаний. Мое личное мнение и мнение старых опытных гаулейтеров заключалось в том, что с административной точки зрения тот факт, что Гиммлер еще в 1934/35 г. перешел к отделению исполнительной власти от общей внутренней администрации, принесет за собой величайшее несчастье. Многие гаулейтеры и администрации германских земель постоянно жаловались в связи с этим. Эти жалобы успеха не имели, так как в конце концов Гиммлер ввел в состав полиции даже общинные пожарные команды.

СЕРВАТИУС: Были ли у Вас в Веймаре какие-либо личные отношения с полицией и СС?

ЗАУКЕЛЬ: Нет. У меня не было никаких личных связей с полицией и СС. У меня были лишь служебные связи, постольку, поскольку профессиональная и общинная полиция мелких общин остались еще в администрации.

СЕРВАТИУС: Не помещалось ли управление полиции в Веймаре недалеко от Вас?

ЗАУКЕЛЬ: Нет. Это и было той бессмысленностью в тогдашнем устройстве/об этом я говорил однажды с фюрером/, что в нашем государстве, где существовала единая партия, а также земли и провинции, отдельные ведомства вносили путаницу. Имперские министерства сильно разрослись, их ведомственные границы обрисовывались достаточно ясно. Отдельные же местные ведомства различных администраций не всегда совпадали с ними. До 1934 года министерство внутренних дел Тюрингии имело свое собственное самостоятельное полицейское управление. Начиная с

H1204-0197

H1204 – 0198

этого времени, местопребывание высшего СС и полицайфюрера находилось в Касселе, так что Гиммлер в противоположность остальному государственному устройству и партийному устройству создал новые области для деятельности своей полиции, придав этому следующий вид: так, например, в средней Германии высший СС и полицайфюрер Веймара и Тюрингии находился в Касселе, высший СС и полицайфюрер в прусской части гау Тюрингия, т.е. в Эрфурте, который расположен в 20 километрах от Веймара, так же как и провинциальное управление находилось в Магдебурге. Совершенно ясно, что мы, представлявшие инстанции гау, были полностью не согласны с таким положением и что среди опытных администраторов царило большое недовольство.

СЕРВАТИУС: Вопрос заключается в том, сотрудничали ли Вы с этими инстанциями или нет, общались ли Вы с соответствующими чиновниками в достаточной мере и должны ли Вы были вследствие этого знать, что происходит, например, в Бухенвальде?

ЗАУКЕЛЬ: Совершенно напротив, между нами была постоянная борьба. Отдельные организации существовали сами по себе. Такое устройство в период сложного мирового развития явилось в высшей степени неудачным, для самого германского народа невыгодным, а для успешной деятельности администрации вредным.

СЕРВАТИУС: Имели ли место в Вашем гау преследования евреев?

ЗАУКЕЛЬ: Нет.

СЕРВАТИУС: Как обстояло дело с законами против евреев и с проведением их в жизнь?

ЗАУКЕЛЬ: Законы об евреях были провозглашены в

Нюрнберге, а в самой Тюрингии было мало евреев.

СЕРВАТИУС: Имели ли место какие-либо перегибы в этой области? Я имею в виду известные события, которые здесь неоднократно обсуждались и которые произошли в Германии после убийства посла в Париже.

ЗАУКЕЛЬ: Я не припоминаю отдельных событий в Тюрингии. Я уже сказал, что в Тюрингии было мало евреев. Гауляйтеры находились в то время в Мюнхене и таким образом не могли оказать какого-либо влияния на развитие событий. Как известно, все бесчинства произошли в ту ночь, когда все гауляйтеры были в Мюнхене.

СЕРВАТИУС: Мой вопрос заключается в следующем: что произошло в Вашем гау Тюрингия и какие меры вы приняли впоследствии?

ЗАУКЕЛЬ: В некоторых местах Тюрингии может быть и повыбивали несколько оконных стекол или что-нибудь в этом духе. Я не могу сейчас об этом рассказать подробно, больше того, я не могу даже сказать, были ли в Тюрингии синагоги или нет.

СЕРВАТИУС: Теперь один вопрос относительно Вашего состояния. В день вашего пятидесятилетия Вы получили от фюрера дотацию. Как велика была сумма этой дотации?

ЗАУКЕЛЬ: В октябре 1944 года, в день моего пятидесятилетия я совершенно неожиданно получил от фюрера письмо через его ад"ютанта. В этом письме находился чек на сумму 250 тысяч марок. Я сказал ад"ютанту, что я не могу принять это, поскольку это для меня большая неожиданность. Ад"ютант фюрера/это был маленький Борман, старый Борман, т.е. не рейхслейтер Борман/ сказал мне, что

12083

H1204 – 0199

H1204 – 0200

фюреру доподлинно известно, что у меня нет никакого состояния и никакого ремельного участка. Эта дотация могла явиться поддержкой для моих детей. Ад"ютант сказал, что я не должен обижать фюрера. После того как он очень быстро ушел, я вызвал к себе одного моего сотрудника и друга президента государственного банка Тюрингии Демме. К сожалению, ходатайство о вызове его свидетелем было отклонено из-за того, что его показания не могут относиться к делу...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я думаю, что будет достаточно, если мы узнаем, принял ли он, в конце концов, этот чек или нет.

СЕРВАТИУС: Давайте оставим этот вопрос. Где остались эти деньги?

ЗАУКЕЛЬ: Через президента государственного банка я положил эти деньги на особый счет в Тюрингском государственном банке.

СЕРВАТИУС: Каковы были Ваши доходы, когда Вы занимали эти должности?

ЗАУКЕЛЬ: На своих должностях мой доход сводился всего лишь к жалованию имперского наместника.

СЕРВАТИУС: А каков это было жалованье?

ЗАУКЕЛЬ: Я не могу сейчас Вам точно сказать, так как я не интересовался этим. Но жалованье имперского министра составляло приблизительно 30 тысяч марок.

СЕРВАТИУС: Каким состоянием Вы располагаете теперь, помимо этой дотации, положенной на особый счет?

ЗАУКЕЛЬ: Я никогда не накапливал никакого состояния и не имел никакого состояния.

СЕРВАТИУС: Господин председатель, теперь я закончил вопросы общего характера и намерен сейчас перейти к

вопросам, связанными с функциями Заукеля, как уполномоченного по использованию рабочей силы.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Мы об"являем перерыв.

/Перерыв на 10 минут/.

Встать. Суд идет!

СЕРВАТИУС: Ради оказания помощи Суду я составил план руководства ведомством по использованию рабочей силы. Этот план должен помочь понять, каким образом сотрудничали друг с другом отдельные инстанции и как было создано ведомство по использованию рабочей силы. Я в основном буду заниматься вопросом покрытия спроса, т.е. вопросом о том, каким образом обеспечивалось должное количество рабочих рук. Что касается вопроса использования рабочей силы и вопроса относительно запроса на рабочую силу промышленностью, то ими я буду заниматься уже меньше, поскольку они являются делом защиты подсудимого Шпеера. Защитник же Шпеера не совсем согласен с моим изложением. Но все эти мелочи, в которых я допустил ошибку, так как во время составления этого плана я не так точно проследил за этим процессом. Что касается основных вопросов, то тут между нами никаких разногласий нет.

Сейчас я хотел бы перейти к об"яснению этого плана.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Одну минуту. Наверху красным цветом представлен фюрер, под ним ведомство уполномоченного по четырехлетнему плану, а под этим ведомством, как составная его часть, представлено ведомство Заукеля, генерального уполномоченного по использованию рабочей силы, и подчиненного непосредственно ведомству по четырехлетнему плану. Он получал все приказы и распоряжения от фюрера через ведомство по четырехлетнему плану или же подчас непосредственно от самого фюрера, что было обычным для последнего.

СЕРВАТИУС:

12085

H1204 – 0201

H1204 – 0202

Ведомство Заукеля представляет собой имперское министерство труда. Налево вниз от обозначенного коричневым цветом бюро Заукеля идет этот большой комплекс, изображенный желтым цветом. Здесь дело обстоит следующим образом: Заукель включается в имперское министерство труда, в котором в его распоряжение были предоставлены некоторые учреждения. Имперский министр труда продолжал исполнение своих функций, имперское министерство труда также продолжало существовать. С течением времени положение Заукеля укрепилось после того, как к нему присоединились еще некоторые управления и он сам получил полномочия в вопросе распределения кадров. Но, как известно, имперское министерство труда продолжало существовать до самого конца. Сейчас я хотел бы об"яснить, как было создано ведомство Заукеля. В связи с начавшейся войной с Россией и большими потерями, которые понесла Германия в первую зиму, потребовалось вновь 2.000.000 солдат. Вооруженные силы, изображенные зеленым цветом, и ОКВ, изображенное также зеленым цветом, и представленное наверху рядом с фюрером, требуют солдат. Эти будущие солдаты должны оставить свои предприятия. Они представлены здесь зелеными графами, которые находятся под ОКВ и идут вниз. Эта линия слева внизу ведет к предприятиям, которые изображены цифрой 30 миллионов, что означает 30 миллионов рабочих. Вооруженные силы изымают оттуда два миллиона рабочих, но они могут сделать это только после того, как эти предприятия будут пополнены новыми силами. Как раз в это время в общее дело включается Заукель, для того, чтобы обеспечить пополнение рабочих рук.

Размер потребностей в рабочей силе был установлен

в высших инстанциях, так называемыми требующими инстанциями. Они изображены наверху желтым цветом. Эти высшие инстанции-министерства вооружения, авиационной промышленности, сельского хозяйства, судоходства, транспорта и т.д. Эти высшие инстанции сообщают о своих потребностях фюреру, который определяет, что же следует предпринять.

Поручение, данное Заукелю, выполняется следующим образом. Возвратимся опять к коричневым квадратам. Как гласят указания ведомства по четырехлетнему плану, Заукель обращается к графе справа, где находятся голубые квадраты. Эти квадраты означают высшие инстанции в оккупированных областях, так /например, для восточных (как,
областей это министерство по делам восточных оккупированных территорий, т.е. Розенберг. Далее здесь представлены военные инстанции. Поскольку в различных странах поступали по разному, отдельные страны, как-то Бельгия, Северная Франция, Голландия и т.п., изображены здесь желтым цветом. Эти инстанции получают приказ - обеспечить рабочую силу. Они по линии своего аппарата передают (этот) приказ нижним инстанциям, подведомственным им. Последней самой нижней инстанцией, получающей этот приказ, являются биржи труда, которые подчиняются своим руководителям областей/гебитсфюрер/. Отсюда рабочие руки поступают на предприятия. Это - резервуар рабочей силы, которую черпали заграницей.

Наряду с этим имеются еще два источника для получения рабочей силы. Первый источник является главным резервуаром немецких рабочих рук. Он обозначен голубым цветом внизу, слева. Наконец, источник, который представляли собой военнопленные.

Этими тремя источниками занимался Заукель. Сейчас

12087

H1204 – 0203

H1204 – 0204

я поставлю подсудимому ряд соответствующих вопросов. Этот план я привел для того, чтобы освежить память подсудимого и иметь возможность контролировать мои и его высказывания. Остальные схемы я представлю позднее. На одной из них представлены лица, занятые в ведомстве Заукеля. Я это сделал для того, чтобы знать, куда следует относить то или иное лицо. На другой схеме будут предствалены те инспекции и контрольные органы, которые существовали при ведомстве Заукеля.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Сервациус, Вы, несомненно, спросите свидетеля, знаком ли он с этой схемой и соответствует ли она действительности.

СЕРВАТИУС: Господин свидетель, Вы видели эту схему. Все ли на этой карте правильно? Признаете ли Вы, что она соответствует действительности?

ЗАУКЕЛЬ: Да, я убежден/и моя память подсказывает мне также/, что эта схема правильна, и я признаю ее достоверной.

СЕРВАТИУС: 21 марта 1942 года Вы были назначены генеральным уполномоченным по использованию рабочей силы. Почему именно Вы были назначены на эту должность?

ЗАУКЕЛЬ: Причины, по которым именно я был назначен на эту должность, мне не были известны и неизвестны мне до сих пор. Занимаясь техническими вопросами, а также и по роду своей деятельности должности, я сталкивался с вопросами трудовых систем; но я не знаю, послужило ли это обстоятельство причиной моего назначения.

СЕРВАТИУС: Не были ли Вы назначены на эту должность по рекомендации Шпеера?

ЗАУКЕЛЬ: Рейхслейтер Борман в своем указе опубли-

ковал это в качестве преамбулы. Истинных взаимосвязей я сам не знаю.

СЕРВАТИУС: Я хочу обратить Ваше внимание на документ № 7, который находится в первой книге документов на странице 5.

ЗАУКЕЛЬ: Я хотел бы еще сказать, что назначение на эту должность было для меня полной неожиданностью, что я не предпринимал никаких шагов для того, чтобы получить эту должность, как это всегда имело место в моей жизни со всеми остальными должностями.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Какой номер Вы присвоили этому документу

СЕРВАТИУС: Этот документ № 7, находится в первой книге документов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я имею в виду схему - какой номер Вы присвоили этой схеме?

СЕРВАТИУС: Это будет документ № 1.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да, понимаю... и документ 7 на 5-й странице.

СЕРВАТИУС: Да. Этот документ представляет собой преамбулу указа, которая была составлена рейхслейтером Борманом и из которой ясно вытекает, что Заукель был рекомендован на эту должность Шпеером. Скажите, таким образом это ведомство, руководство которым было вручено Вам, было совершенно новым?

ЗАУКЕЛЬ: Нет, ведомство по использованию рабочей силы было уже предусмотрено в четырехлетнем плане. В то время на этой должности был министериаль-директор д-р Мансфельд. О том, что и до меня эта должность имела наименование генерального уполномоченного, мне стало известно только на процессе.

12089

H1204 – 0205

H1204 – 0206

СЕРВАТИУС: Не беседовали ли Вы при вступлении на эту должность с Вашим предшественником доктором Мансфельдом?

ЗАУКЕЛЬ: Я не видел его и не говорил с ним. При своем вступлении на должность я не получил от него в преемственном порядке никаких материалов.

СЕРВАТИУС: В какой степени Ваше должностное положение отличалось от положения, предшествовавшего Вам генерального уполномоченного?

ЗАУКЕЛЬ: Мое должностное положение было другим, поскольку было распущено управление в ведомстве по 4-летнему плану. Я уже не имел в своем распоряжении этого управления. Я привлек к своей работе некоторые управления из имперского министерства труда, так как там сидели выдающиеся специалисты.

СЕРВАТИУС: Что было причиной такой реорганизации этого ведомства?

ЗАУКЕЛЬ: Причиной реорганизации этого ведомства была противоречивость интересов, которая на 3-м году войны очень давала себя знать между становящимся с каждым днем злободневнее вопросом рабочего потенциала, который имел равное значение для всех ведомств, и политическими, государственными, внутренне-административными, экономическими и партийными инстанциями, которые, руководствуясь своими узко ведомственными интересами, сопротивлялись должному разрешению вопроса о рабочем потенциале.

СЕРВАТИУС: Господин свидетель, постарайтесь говорить более короткими фразами. Мне кажется, что переводчики будут Вам благодарны за это. Господин свидетель, каковы были Ваши задачи, каков круг деятельности Вам был предоставлен?

ЗАУКЕЛЬ: Основной областью моей деятельности было управление и руководство германской рабочей силой.

СЕРВАТИУС: Какое же поручение Вам было дано?

ЗАУКЕЛЬ: Мне было поручено следующее: обеспечить подходящую замену тем рабочим, которые вследствие мобилизации их в состав вооруженных сил уходили с экономических предприятий Германии. Затем с этим же кругом вопросов был связан учет новой рабочей силы для новых пущенных в ход военно-промышленных предприятий. Я здесь имею в виду военно-промышленные предприятия в области пищевой промышленности, а также, само собой разумеется, в области производства вооружения.

СЕРВАТИУС: Это поручение было твердо сформулировано

ЗАУКЕЛЬ: Нет, это поручение вначале вовсе не было твердо сформулировано. В то время я должен был правильно использовать 23-24 миллиона человек, имевшихся в империи, но не занятых еще всех в военной экономике.

СЕРВАТИУС: Как вы рассматривали свое поручение? Рассматривали ли Вы его как постоянное?

ЗАУКЕЛЬ: Нет, я не мог рассматривать его как постоянное.

СЕРВАТИУС: Почему?

ЗАУКЕЛЬ: Поскольку кроме меня существовал имперский министр труда со своими статс-секретарями. Само же имперское министерство труда продолжало существовать как единое целое.

СЕРВАТИУС: Какие же источники находились в Вашем распоряжении для обеспечения этой рабочей силой?

ЗАУКЕЛЬ: Вначале в моем распоряжении находилась имевшаяся в империи рабочая сила, состоявшая из представителей самых различных профессий, которая, как я уже

H1204 – 0207

H1204 – 0208

указал, еще не была занята в военной экономике, т.е. не использовалась необходимым для ведения войны образом. Затем у меня в распоряжении находилось также то количество военнопленных, которое было предоставлено мне определенными военными инстанциями.

СЕРВАТИУС: Если я Вас правильно понял, то первейшее значение придается правильному распределению, экономному использованию германской рабочей силы?

ЗАУКЕЛЬ: Когда мне было дано поручение, я...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Подсудимый, я не понимаю немецкого языка, но мне кажется, что если бы Вы не делали пауз после каждого слова, то Ваши предложения были бы короче, а пауза делалась бы в конце предложения. Это было бы гораздо удобнее для переводчика. Я не знаю, прав я или нет, но создается такое впечатление. Вы делаете паузы после каждого слова, поэтому, я полагаю, весьма трудно понять смысл предложения.

ЗАУКЕЛЬ: Прошу прощения, милорд.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Продолжайте, доктор Серватиус.

СЕРВАТИУС: Что же Вы стали предпринимать для выполнения поставленных перед Вами задач?

ЗАУКЕЛЬ: Я позволю себе повторить еще раз. Поскольку я не получил никаких особых директив, я рассматривал свои задачи следующим образом: заполнить существующие пробелы и недостатки в рабочей силе с помощью самого рационального и наиразумнейшего с хозяйственно-экономической точки зрения использования. рабочей силы.

СЕРВАТИУС: В чем состояла Ваша задача? Какое количество людей Вы должны были добыть?

ЗАУКЕЛЬ: На этот вопрос очень тяжело ответить, так

Как соответствующие поручения я стал получать лишь в последующем ходе войны. Труд и экономика не представляют собой чего-то застывшего, это что-то постоянно меняющееся, даже неуловимое. Когда война затянулась, мне было поручено обеспечить замену солдатам германских вооруженных сил, которые составляли потенциал хозяйства Германии в мирное время.

СЕРВАТИУС: Вами, как известно, была составлена программа. Что предусматривалось этой программой?

ЗАУКЕЛЬ: Господин доктор, я составил две программы. Первая программа была составлена мной, когда я только что вступил в свою должность. В этой программе рассматривался вопрос массового использования германских женщин и молодежи, а также вопрос о правильном использовании рабочей силы с хозяйственно-технической точки зрения.

СЕРВАТИУС: Эта программа была принята?

ЗАУКЕЛЬ: После того как я по долгу службы представил эту программу фюреру, а также всем заинтересованным в правильном использовании рабочей силы имперским инстанциям и экономическим институтам, она была отклонена фюрером.

СЕРВАТИУС: Почему?

ЗАУКЕЛЬ: Фюрер вызвал меня тогда к себе и во время нашей длительной беседы он обрисовал мне тогдашнее положение в германской военной промышленности и общее экономическое положение. Он сказал, что против самой программы у него никаких бы возражений не было, если бы в его распоряжении было время. Но, учитывая обстановку, он не может согласиться ждать, пока будут обучены и соответствующим образом подготовлены немецкие женщины. В то время уже работало 10 миллионов немецких женщин, которые

H1204 – 0209

H1204 – 0210

до этого никогда не производили каких-либо механических работ, которые не работали до этого в промышленности. Далее. Он не может, затем, принять мои предложения относительно рационализации трудовых процессов, которые представляли собой разумное смешение методов работы Форда и Тэйлора...

СЕРВАТИУС: Одну минуту~~чку~~, господин свидетель. Переводчикам совершенно невозможно правильно переводить Ваши длинные фразы. Вы должны строить короткие фразы и делить периоды на простые фразы, иначе Вас никто не будет понимать. Ваша защита будет страдать от этого. Учтите, пожалуйста, это.

ЗАУКЕЛЬ: Относительно моего предложения, заключавшегося в проведении рационализации трудовых процессов по системе Форда и Тэйлора, фюрер сказал мне, что он не может ждать так долго.

СЕРВАТИУС: Что же он Вам предложил?

ЗАУКЕЛЬ: Я прошу разрешить мне передать эту имеющую решающее значение мотивировку фюрера. Он обрисовал мне ту обстановку, которая сложилась после зимы 41-42 г.г. Много сотен немецких паровозов, почти все механическое оружие, танки, самолеты пришли в негодность в результате такой катастрофически тяжелой зимы. Сотни тысяч германских солдат глубоко пострадало от морозов той зимой, многие дивизии поплатились своим вооружением и снаряжением. В связи с этим фюрер заявил, что если теперь мы не одержим победы в соревновании с противником по производству нового оружия, новых боеприпасов и по формированию новых воинских частей, то Советы в следующую зиму будут стоять у Ламанша. Взывая к моему чувству долга и указывая

на необходимость отдать все мои силы ради успеха дела, он поручил мне использовать иностранных рабочих в германской военной промышленности.

СЕРВАТИУС: Не возникло ли у Вас никаких опасений по поводу того, что это может явиться нарушением международных норм?

ЗАУКЕЛЬ: Фюрер изложил мне свои соображения по этому вопросу так подробно и доказал всю необходимость таких мероприятий так ясно, что после всего им сказанного у меня уже не могло возникнуть никаких опасений в связи с использованием иностранных рабочих.

СЕРВАТИУС: Вы также вели переговоры и с другими инстанциями. В то время в империи уже были рабочие. Что Вам было сказано этими инстанциями?

ЗАУКЕЛЬ: Ни одна из высших инстанций военного или гражданского характера не выразила каких-либо опасений в связи с этим.

Я позволю себе добавить еще то, что мне было сказано в то время фюрером. В основном фюрер обходился со мной очень любезно, но при разрешении этого вопроса он был очень строгим. Он сказал мне: "Я отпустил на свободу и отправил на родину половину французской армии, я освободил из плена большую часть бельгийской армии и полностью голландскую армию". Он заявил мне далее, что при определенных условиях он, исходя из военных соображений, должен будет вновь собрать этих военнопленных. В интересах всей Европы и Запада, как выразился он, выиграть эту войну с большевизмом. Но эту войну единая Европа выиграет тогда, когда вопрос о рабочей силе будет разрешен в масштабах всей единой Европы.

12045

H1204-0211

H1204 – 0212

СЕРВАТИУС: Вы знали положения, изложенные в Гаагских правилах ведения сухопутной войны?

ЗАУКЕЛЬ: Я сам во время первой мировой войны был пленным матросом и я был знаком с правилами обращения с военнопленными.

СЕРВАТИУС: Не заявляли ли Вам заграничные инстанции /в первую очередь я здесь думаю о Франции/, что использование такой рабочей силы является нарушением гаагских правил ведения сухопутной войны.

ЗАУКЕЛЬ: Нет. Во Франции я по поводу мобилизации рабочей силы вел переговоры только с французским правительством через посредство военного командующего и под председательством германского посла в Париже. Я был убежден в том, что для разрешения вопроса о мобилизации рабочих рук во Франции мы можем подписать договор соответствующие договоры с французским правительством. Такие же переговоры велись с генеральным секретарем в Бельгии.

СЕРВАТИУС: Как известно, большую часть, приблизительно 1/3 часть иностранных рабочих составляли восточные рабочие. Что Вам было заявлено по поводу этих рабочих?

ЗАУКЕЛЬ: Относительно использования восточных рабочих мне было заявлено, что Россия не примкнула к Женевской конвенции и что поэтому Германия в войне с Россией не является связанной положениями женевской конвенции. Мне также было заявлено, что Советская Россия занимала в своих интересах рабочих или население в Прибалтийских странах и других районах также и что в Советской России работало кроме того приблизительно три миллиона китайцев.

СЕРВАТИУС: А что Вы скажете относительно Польши?

ЗАУКЕЛЬ: Относительно Польши мне заявили то же самое, что и относительно других стран. т.е. что Польша

полностью капитулировала и что Германия в силу этого обстоятельства имеет право издавать свои распоряжения на территории данной страны.

СЕРВАТИУС: Вы считали возможность учета иностранных рабочих состоятельной с точки зрения общего характера?

ЗАУКЕЛЬ: Учет иностранных рабочих таким, как я его представлял и осуществлял в своей области деятельности, я считал необходимым при тогдашнем положении. Я был немцем и ко всем этим вопросам я относился как немец.

СЕРВАТИУС: Г-н Заукель, Вы должны строить по другому фразы. Переводчики не могут переводить таких фраз. Вы не должны так нагромождать друг на друга фразы, не закончив их. Таким образом, Вы считали этот учет допустимым при применении тех принципов, которые Вы хотели применить и, как Вы сказали, которые Вы реализовали в своей области деятельности?

ЗАУКЕЛЬ: Да.

СЕРВАТИУС: Не думали ли Вы о тех тяжелых последствиях, к которым приводила такая мобилизация самих рабочих и их семей?

ЗАУКЕЛЬ: Я знаю по своему собственному опыту, как тяжела для сердца разлука, если даже добровольно отправляешься в чужие страны, как тяжело членам семьи расставаться друг с другом. Но в данном случае я думал также о немецких семьях, о немецких солдатах и о многих сотнях тысяч немецких рабочих, которые также должны были отправиться в другие страны.

СЕРВАТИУС: Ведь было сделано предложение, заключающееся в следующем: производить работу в оккупированных областях. Ведь в этом случае вовсе не было необходи-

H1204 – 0213

H1204 – 0214

мо вывозить рабочих. Почему же это предложение не было реализовано?

ЗАУКЕЛЬ: В первую минуту такое предложение может показаться соблазнительным. Если бы это для меня оказалось возможным, то я бы с удовольствием реализовал это предложение, сделанном г-ном Функом и другими инстанциями и поддержанное позднее Шпеером. Это бы очень упростило мою работу. Но, с другой стороны, в этих институтах имелись крупные управления, которые должны были снабжать хозяйственные отрасли германской экономики, а также давать им заказы. Я, как уполномоченный по использованию рабочей силы, не мог же перевести германское сельское хозяйство с его полями и германское серийное производство современных машин в чужие страны. Я не имел никаких полномочий на это. Соответствующие же инстанции бешено наступали на меня с требованием замены тех сельскохозяйственных и промышленных рабочих, тех ремесленников, которые были мобилизованы в армию и места которых в германском сельском хозяйстве и промышленности остались свободными.

СЕРВАТИУС: Вы перед этим сказали, что Вы организовали процесс использования рабочей силы таким образом, что ее можно было обеспечить заменой. Какие основные идеи относительно использования рабочей силы господствовали при вашем обеспечении рабочей силой?

ЗАУКЕЛЬ: Когда фюрер, метко обрисовав тогдашнюю ситуацию, поручил мне доставить в Германию иностранных рабочих, я ясно понял все трудности, связанные с выполнением этих задач. Я попросил его согласиться с моим предложением, которое я рассматривал как единст-

венно возможное для обеспечения выполнения моего задания. Ведь я сам прошел жизненный путь рабочего...

СЕРВАТИУС: Не руководствовали ли Вы тем принципом, что иностранные рабочие должны были подвергнуться экономической эксплоатации?

ЗАУКЕЛЬ: Использование рабочей силы не имеет ничего общего с эксплоатацией. Использование рабочей силы представляет собой экономический процесс, заключающийся в предоставлении и расстановке рабочей силы.

СЕРВАТИУС: Вы в своих речах и при других обстоятельствах неоднократно говорили, что самым важным является наилучшее использование этих рабочих рук с экономической точки зрения. Вы говорили о машине, с которой нужно правильно обращаться. Не заключается ли в этом мысль об экономической эксплоатации?

ЗАУКЕЛЬ: Всем временам свойственно то обстоятельство, что любой режим, независимо от его отдельных особенностей, может успешно осуществлять производство товаров лишь тогда, когда при нем имеет место экономическое использование рабочей силы, т.е. использование рабочей силы в хозяйстве. Масштабы этого использования не должны быть не слишком велики, но и не слишком малы. Я считаю такую установку единственно приемлимой с экономической точки зрения.

СЕРВАТИУС: В одном из пред"явленных здесь документов, это французский документ РФ-22/, который представляет собой правительственный отчет, говорится, что преследовались цели биологического уничтожения других народов. В других правительственных отчетах также идет речь о том, что одной из целей, которые преследовались, явля-

12029

H1204 – 0215

H1204 – 0216

лось биологическое уничтожение других народов. Что вы можете заявить по этому поводу?

ЗАУКЕЛЬ: Я могу здесь самым категорическим образом заявить следующее: о каком-либо биологическом уничтожении со мной никогда не говорили. Я мог считать себя самым счастливым человеком, когда у меня были рабочие. Я предполагал, что война будет длиться дольше, чем это было предусмотрено. Требования, поступавшие в мое ведомство, были такими большими, что я всегда радовался, когда люди жили благополучно и дальше, а не когда они уничтожались.

СЕРВАТИУС: Каково было общее отношение к вопросу относительно иностранных рабочих до того, как Вы заняли свою должность? Какое настроение умов застали Вы при занятии своей должности?

ЗАУКЕЛЬ: Во время моего вступления на должность в Германии имелось в наличии около двух миллионов иновемных рабочих, прибывших из нейтральных и союзных государств, а также из оккупированных восточных и западных территорий. Эти рабочие прибыли в империю самым неупорядоченным образом. Многие предприятия избегали того, чтобы различные инстанции, занимающиеся вопросами труда, вмешивались в разрешение этих вопросов, поскольку считали сидящих там людей нерадивыми бюрократами. Противоречия в интересах были громадными. Основной тон задавала во всем точка зрения полиции, как мне кажется.

СЕРВАТИУС: А как обстояли дела с пропагандой? Какую позицию занимала пропаганда в вопросе относительно восточных рабочих?

ЗАУКЕЛЬ: Пропаганда занималась лишь вопросами войны на Востоке. Когда я говорил о поручении фюрера, то

Вы меня прервали. Но я еще не все сказал. Я хотел бы добавить, что я в категорической форме потребовал от фюрера, чтобы с рабочими, которые были заняты на работе в Германии, не обращались больше как с врагами. Я также пытался оказать влияние на пропаганду в этом направлении.

СЕРВАТИУС: Что Вы предприняли еще, после того как Вы столкнулись с таким положением?

ЗАУКЕЛЬ: В конце концов я получил от фюрера согласие по поводу моей второй программы. Эта программа была пред"явлена здесь в качестве документального доказательства. Я должен и я хочу отвечать за эту программу.

СЕРВАТИУС: Она была уже пред"явлена. Это - документ ПС-016. Это программа использования рабочей силы, составленная 20 апреля 1942 года. Она также была представлена под № США-168.

В этой программе Вы изложили свои принципиальные установки. Я прошу передать Вам сейчас этот документ. /Передает документ Заукелю/. Прошу Вас высказаться относительно вопросов общего порядка, но не по отдельным пунктам. К последней части был добавлен еще один раздел: "Военнопленные и иностранные рабочие". Вы нашли абзац, который начинается словами: "Военнопленные и иностранные рабочие..."?

ЗАУКЕЛЬ: Да.

СЕРВАТИУС: Если Вы просмотрите третий абзац, то Вы найдете там то, относительно чего Вам хотелось бы дать раз"яснения.

ЗАУКЕЛЬ: Я хотел бы здесь заметить следующее. Эту программу я разработал и составил самостоятельно в 1942 году, после того, как фюрер поручил мне эту тяжелую

H1204 – 0217

H1204 – 0218

задачу. Тогда мне было совершенно ясно, при каких условиях можно было использовать иностранных рабочих в Германии. Я записал все эти положения. Эта программа была послана в германские учреждения, которые занимались этими вопросами. Я цитирую: "Со всеми этими людьми следует обращаться таким образом, а также снабжать их и разместить так, чтобы они при самом экономном использовании их могли бы работать с максимальной производительностью." Когда я здесь говорил "самое экономное использование", то я здесь имел в виду экономное использование по системам Тейлора и Форда, которые я изучил самым тщательным образом. "Для нас, немцев, является само собой разумеющейся вещью, что если мы также хотим вправе ожидать от побежденного врага, который мог бы даже быть нашим самым страшным и непримиримым врагом, производства полезного труда, то мы должны обращаться с ним корректно и по-человечески, воздерживаться от всяких жестокостей и мелочных придирок". Вместо словечка "также" должно значит "если".

СЕРВАТИУС: Отложите, пожалуйста, этот документ. Какие полномочия Вам были предоставлены для осуществления Ваших задач?

ЗАУКЕЛЬ: Для претворения в жизнь моего поручения ведомством по четырехлетнему плану мне было предоставлено право давать распоряжения в рамках четырехлетнего плана. В мое распоряжение/но не в мое подчинение/ были предоставлены управления 5-е и 3-е имперского министерства труда.

СЕРВАТИУС: Чем занимались эти учреждения?

ЗАУКЕЛЬ: Они занимались вопросами зарплаты и

использования рабочей силы.

СЕРВАТИУС: Вы могли давать директивы и распоряжения?

ЗАУКЕЛЬ: Да, я мог давать этим учреждениям директивы и распоряжения делового порядка.

СЕРВАТИУС: Могли ли Вы самостоятельно вести переговоры с заграницей?

ЗАУКЕЛЬ: Переговоры с заграницей я мог вести только через министерство иностранных дел или с разрешения последнего. Такие переговоры я вел вместе с соответствующими послами или посланниками, т.е. под их руководством.

СЕРВАТИУС: Вы могли самостоятельно издавать свои распоряжения или Вам для издания таких распоряжений нужно было получать чье-то согласие, устанавливать с кем-то контакт?

ЗАУКЕЛЬ: Моя область деятельности, как и любая другая большая административная отрасль, требовала согласования и обсуждения вопросов со смежными ведомствами. Я был обязан делать это согласно полученным указаниям.

СЕРВАТИУС: С кем Вы должны были согласовывать вопросы помимо ведомства по 4-летнему плану, которому Вы были подчинены?

ЗАУКЕЛЬ: Во-первых, я должен был согласовывать эти вопросы с ведомствами, от которых я получал запросы, затем с партийной канцелярией и канцелярией г-на имперского министра Ламмерса, т.е. с имперской канцелярией. Далее с ведомством имперской железной дороги, с имперским продовольственным ведомством и имперским министерством обороны.

СЕРВАТИУС: Эти переговоры проходили всегда гладко или возникали отдельные трудности?

12103

H1204 – 0219

H1204 – 0220

ЗАУКЕЛЬ: Постоянно возникали очень большие трудности.

СЕРВАТИУС: Имели Вы какое-нибудь отношение к Гиммлеру?

ЗАУКЕЛЬ: К Гиммлеру я имел отношение только в такой степени, в какой он давал указания. Ведь он был имперским министром и ответственным за безопасность лицом, как он это говорил.

СЕРВАТИУС: Не имел ли он отношение к вопросу относительно обращения с рабочими, который был для Вас так важен?

ЗАУКЕЛЬ: В первую неделю или в первый месяц, после того, как я получил свое поручение, меня вызвали к господину Гейдриху. Господин Гейдрих в весьма определенных выражениях изложил мне, что мою программу в том виде, в каком она была одобрена фюрером, он считает фантастической. Он заявил мне, что я должен себе уяснить следующее. Мои требования устранить колючую проволоку и другие подобные заграждения вокруг трудовых лагерей очень усложняют его работу. Далее он заявил мне в краткой форме, что я должен понять следующее. Если на мне лежит ответственность за использование рабочей силы, то он отвечает за безопасность. Вот что он сказал мне тогда.

СЕРВАТИУС: Удовольствовались ли Вы все-таки тем, что проводились такие строгие полицейские меры?

ЗАУКЕЛЬ: Благодаря непрерывным стараниям мне постоянно удавалось ограничить распространение этих полицейских мероприятий на тех рабочих, которые прибывали на работу в Германию через мое ведомство.

СЕРВАТИУС: Что составляло содержание Вашего права давать указания? Вы могли издавать приказы или Вы должны были вести переговоры с соответствующими инстанциями?

Как это практически проводилось?

ЗАУКЕЛЬ: Право издавать указания, которое я получил, уже с самого начала было весьма сомнительным, так как мне было запрещено в силу недостатка в людях и других особенностей, вызванных войной, создавать какие-либо собственные новые управления. Свои распоряжения я мог препровождать в другие инстанции только после переговоров и соглашения, достигнутого с высшими имперскими учреждениями. Эти распоряжения носили чисто деловой характер, я ведь не мог вмешиваться во внутренние дела других управлений.

СЕРВАТИУС: В чем заключалось Ваше право издавать указания по отношению к высшим инстанциям в оккупированных областях?

ЗАУКЕЛЬ: Что касается высших инстанций в оккупированных областях, то там с правом издавать указания дела обстояли таким же образом, т.е. им давались указания чисто делового характера. Я не делал ничего иного, как передавал им поручения фюрера. Эти инстанции имели свои собственные аппараты, которые и выполняли эти поручения.

СЕРВАТИУС: Могли ли Вы давать какие-нибудь указания военным инстанциям, которые должны были непременно выполняться. Так, например, могли ли Вы давать указания экономической инспекции на Востоке?

ЗАУКЕЛЬ: Нет, существовало строгое указание фюрера, что в зоне военных действий такого рода указания мог давать только командующий, причем после тщательной проверки военной обстановки, а также и общей ситуации. В этом указании также говорилось о том, что в зоне военных

12105

H1204 – 0221

H1204 – 0222

действий все мероприятия должны сообразовываться с теми необходимостями, которые имелись у данных высших военных инстанций.

СЕРВАТИУС: Существовало ли такое же положение во Франции, – я имею в виду главнокомандующего во Франции, – или вы могли там действовать непосредственно?

ЗАУКЕЛЬ: Само собой разумеется, что во Франции я действовал таким же образом, как и везде. Я сообщал главнокомандующему о тех указаниях, которые я получал сам. Он подготавливал затем с германским посольством почву для переговоров с французским правительством. После этого под председательством посла и с авторитетным участием военного главнокомандующего происходили переговоры с французским правительством.

СЕРВАТИУС: А как обстояло дело с министерством по делам оккупированных восточных областей?

ЗАУКЕЛЬ: С министерством по делам оккупированных восточных областей дело обстояло следующим образом. Свои поручения я должен был передавать имперскому министру по делам оккупированных восточных областей и затем обсуждать с ним эти поручения. Мне и имперскому министру Розенбергу всегда удавалось урегулировать эти вопросы так, как мы оба считали это правильным. Но на Востоке, на Украине имелся рейхскомиссар, который сам имел очень близкие отношения с главной ставкой, который, как это общеизвестно, действовал очень самостоятельно. Он не только так действовал, но и требовал, чтобы никто не препятствовал этой его самостоятельности.

СЕРВАТИУС: Как отнеслись с самого начала эти инстанции в оккупированных областях к Вашей деятельности?

ЗАУКЕЛЬ: Само собой разумеется, что в начале к моей деятельности отнеслись недоброжелательно, поскольку я принес в эти оккупированные области новые задачи, новые трудности. А ведь не всегда было легко сглаживать противоречия двух сторон.

СЕРВАТИУС: Не существовало ли опасений, что Вы начнете управлять этими областями?

ЗАУКЕЛЬ: Я по своим личным убеждениям совершенно воздерживался от такого рода управления, неоднократно подчеркивая это для того, чтобы рассеять сомнения такого рода. Я сам там не управлял, но в этих областях имело часто место самоуправство.

СЕРВАТИУС: При случае мы коснемся и этой темы. Вначале я хотел бы Вас спросить о следующем: у Вас были свои уполномоченные по использованию рабочей силы? Когда они были предоставлены в Ваше распоряжение?

ЗАУКЕЛЬ: Эти уполномоченные по оккупированным областям были предоставлены в мое распоряжение после личного указа фюрера, который, насколько я помню, был издан 30 сентября 1942 г.

СЕРВАТИУС: Что послужило поводом к этому?

ЗАУКЕЛЬ: Поводом к предоставлению в мое распоряжение таких уполномоченных было следующее обстоятельство было необходимо устранить имевшиеся трудности и дать единое направление всей работе в области использования рабочей силы в этих областях.

СЕРВАТИУС: В этой связи я ссылаюсь на документ №12. Это - "Указ фюрера о проведении в жизнь декрета о назначении генерального уполномоченного по использованию рабочей силы". Простите, это не то. Я сейчас имею

H1204-0223

H1204 – 0224

в виду документ № I3. "Указ о положении уполномоченных". Это находится на странице I3-й английской книги документов, так же как и документ № I2, который был уже пред"-явлен под № I903-ПС и США-706. Не имелось ли у Вас два рода уполномоченных ? Ведь до Вашего вступления в должность в этих областях имелись уже уполномоченные?

ЗАУКЕЛЬ: Еще до меня имелись уполномоченные от имперского министерства труда, которые были приданы германским посольствам в союзных и нейтральных странах. Этих уполномоченных следует отличать от тех уполномоченных, которые находились при начальниках германской военной и гражданской администрации в оккупированных областях.

СЕРВАТИУС: Каково было положение этих уполномоченных в оккупированных областях?

ЗАУКЕЛЬ: Эти уполномоченные в оккупированных областях занимали одновременно две должности. Они были начальниками управления труда в местных областных администрациях, что очень мешало моей работе, и одновременно моими уполномоченными, которые должны были следить за единым проведением в жизнь принципов использования рабочей силы, выдвинутых мной.

СЕРВАТИУС: У Вас имелась собственная организация, во главе которой стоял бы такой уполномоченный или организацией на местах являлась областная администрация?

ЗАУКЕЛЬ: У меня не было собственной организации. Областная администрация представляла собой самостоятельные управления с начальником администрации во главе. Эти управления воплощали в себе отдельные ведомства.

СЕРВАТИУС: Сколько таких уполномоченных было в каждой оккупированной области?

ЗАУКЕЛЬ: В самых различных странах у меня было по одному уполномоченному при высших инстанциях.

СЕРВАТИУС: Каков был круг задач этого уполномоченного?

ЗАУКЕЛЬ: Как я уже сказал, эти уполномоченные должны были гарантировать законный характер проведения в жизнь распоряжений с германской стороны и как члены администрации данной области регулировать все вопросы труда, возникшие в этих областях.

СЕРВАТИУС: А какие задачи имелись у Вас в связи с удовлетворением интересов империи и распределением рабочей силы на месте и по империи?

ЗАУКЕЛЬ: Этим уполномоченным было со всей ясностью заявлено, что они должны были добиться разумного соотношения в использовании рабочей силы на местах и в империи, считаясь при этом с местными условиями. Кроме того, в их задачу входило заботиться о соблюдении на практике моих принципов в вопросе обращения и снабжения рабочих из оккупированных областей. По этому вопросу уполномоченные имели твердое указание.

СЕРВАТИУС: Не имелись ли у Вас собственные вербовочные комиссии?

ЗАУКЕЛЬ: Таких вербовочных комиссий, как об этом неоднократно упоминалось здесь в документах, не было. В данном случае можно говорить лишь о группе специалистов, которых администрация в той или иной оккупированной стране использовала для проведения в жизнь этих задач.

СЕРВАТИУС: Какие инструкции получали эти вербовочные комиссии?

12109

H1204 – 0225

H1204 – 0226

ЗАУКЕЛЬ: Эти комиссии получали инструкции, которые неоднократно находят свое прямое отражение в моих распоряжениях. Поскольку эти распоряжения имеются в наличии, я не собираюсь упоминать этих инструкций здесь еще раз.

СЕРВАТИУС: Я сейчас хочу сослаться на документ за № 15. Этот документ был уже пред"явлен здесь под № 3044-ПС, США-206 и СССР-384. Это - распоряжение от 7 мая 1942 года. В этом распоряжении в принципе регулируются все важные вопросы и даются нужные директивы относительно вербовки рабочей силы уполномоченными.

Всегда ли данные Вами директивы выполнялись?

ЗАУКЕЛЬ: Данные мною директивы не всегда неукоснительно выполнялись так, как я этого требовал. Но все свои силы я приложил к тому, чтобы с помощью непрерывного поучения, наказаний и распоряжений претворить в жизнь эти директивы в такой форме, в какой они давались мною.

СЕРВАТИУС: Действовали ли Вы со всей серьезностью, когда издавали свои распоряжения. Здесь французское обвинение зачитало один из правительственных отчетов, где упоминается одна из Ваших речей, произнесенная в Познани. Утверждают, что с помощью этой речи Вы хотели испросить извинения. Я спрашиваю Вас, относились ли Вы со всей серьезностью к уважению выдвинутых Вами принципов или же Вы выдвигали эти принципы только для внешней видимости, поскольку Вы сами не верили в то, что Ваши принципы можно будет провести в жизнь в таком виде, в каком они были письменно Вами изложены?

ЗАУКЕЛЬ: Я хотел бы подчеркнуть, что я сам в своей жизни работал так много в очень тяжелых условиях, что данные распоряжения представляют собой ничто иное, как

мое глубокое убеждение в необходимости издания таких распоряжений. Я прошу допросить по этому вопросу свидетелей, которые покажут, какого мнения я придерживался в этом вопросе и что я предпринимал для претворения моих распоряжений в жизнь.

СЕРВАТИУС: Наталкивались ли Ваши принципы на несогласие с ними со стороны кого-либо?

ЗАУКЕЛЬ: Я уже говорил, что некоторые инстанции рассматривали мои принципы усложняющим дело германской безопасности обстоятельством. Они также находили их легкомысленными, если рассматривать интересы германской безопасности. В связи с тем, что я подвергался нападкам из-за этого, я после издания целого ряда распоряжений гауляйтерам составил для высших германских правительственных учреждений манифест.

СЕРВАТИУС: Я хотел бы здесь заметить, что этот документ находится в третьей книге документов на странице 215 под № 3-84. Я передаю этот документ еще раз суду на немецком языке из-за формы, в которой составлен этот документ. Тот документ, в котором делались настойчивые предупреждения, был отослан затем всем учреждениям.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Это документ № 84?

СЕРВАТИУС: Да. Господин свидетель, на одном из заседаний центрального бюро...

ЗАУКЕЛЬ: Простите, господин доктор. Я хотел бы сказать несколько слов относительно этого манифеста.

СЕРВАТИУС: Да, пожалуйста.

ЗАУКЕЛЬ:

Когда я издал этот манифест, то мне пришлось главным образом столкнуться с возражениями доктора Геббельса, который заявил мне, что манифест может издавать собственно только фюрер, а не какое-то подчиненное ведомство, кото-

H1204 – 0227

H1204 – 0228

рым руководил я. Я в последующее время установил, что при печатании этого манифеста мне был создан целый ряд препятствий. После того как я уже напечатал 150.000 экземпляров для всех руководителей предприятий, для всех германских экономических инстанций и для всех заинтересованных учреждений, я отдал его в печатание еще раз в этой демонстративной форме, после чего лично разослал этот манифест с соответствующими сопроводительными письмами всем вышеперечисленным инстанциям. В этом манифесте, несмотря на все те трудности, с которыми мне пришлось столкнуться, я особенно энергично заявлял о том, что в оккупированных областях с рабочими следует обращаться согласно моим принципам и в соответствии с моими директивами и распоряжениями. Я прошу суд разрешить мне огласить некоторые строки из этого манифеста.

"Поэтому я распорядился, чтобы по вопросу обращения, снабжения, размещения и вознаграждения иностранным рабочим были изданы соответствующие предписания и директивы. Эти директивы должны быть подобны изданным в самой империи. Они должны соответствовать местным условиям и находить разумное применение. В целом ряде восточных областей местные гражданские рабочие и работницы, занятые на работах для германских воинских частей или же германской военной промышленности, недоедают. В неотложных интересах самой германской военной экономики следует устранить в этих областях существующее опасное и тормозящее производительность труда положение. Необходимо обеспечить дополнительное снабжение этих рабочих и их семей. К этому следует стремиться всеми возможными средствами. Дополнительное снабжение должно даваться исклю-

чительно по принципу производительности рабочего. Только с помощью заботливого отношения и удержания всего европейского контингента рабочих, с одной стороны, и с помощью максимального учета/ я имею в виду организационный учет/, управления и руководства, с другой стороны, текучесть рабочей силы в империи и в оккупированных областях может быть сведена до минимума и достигнута постоянная и нужная нам производительность труда на долгое время".

Я хотел бы огласить еще одно предложение. "Иностранные рабочие, которые находятся на работе в империи, а также население оккупированных областей, занятое на работах для германской военной промышленности, должны проникнуться чувством, что в их собственных интересах лойяльно работать для Германии, что в этом одном они видят и действительно находят истинное обеспечение своей жизни".

Я позволю себе огласить еще одну фразу из следующего абзаца.

"Они должны полностью проникнуться верой в справедливость германских учреждений и своих немецких работодателей".

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я полагаю, что не следует более подробно останавливаться на этом документе. Могли бы Вы нам сейчас указать, сколько еще времени Вы предполагаете занять допросом этого подсудимого?

СЕРВАТИУС: Завтра мне потребуется, вероятно, еще целый день.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Господин Додд, было бы удобным для Вас в любое время заняться документами остающихся подсудимых?

H1204 - 0229

H1204 – 0230

Г-н ДОДД: Да, господин председатель, в любое время, какое Вы пожелаете.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вам известно, очевидно, в каком положении находятся переговоры и как обстоит дело с договоренностью в отношении документов.

Г-н ДОДД: О некоторых я знаю, но не обо всех.

Я могу установить все это сегодня вечером или завтра до утреннего заседания и доложить Трибуналу на утреннем заседании завтра.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да, и Вы сообщите нам завтра, в какое время Вам будет удобнее заняться этими документами?

Г-н ДОДД: Да, сэр.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал об"являет перерыв.

/Об"является перерыв до 10 час. 29/У/.

ня.-

СТЕНОГРАММА

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 29 мая 1946 года

Утреннее заседание.

Встать! Суд идет!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Трибунал об"являет, что сегодня перерыва будет в 4 часа, затем состоится закрытое заседание Трибунала.

Г-н ДОДД. Господин председатель, позавчера Трибунал просил нас выяснить и подтвердить, были ли документ № Д-880 представлен в качестве доказательства. Этот документ состоит из отрывков показаний адмирала Редера. Мы установили, что он уже представлялся под № ВВ-463. Этот документ был пред"явлен свидетелю при перекрестном допросе, производившемся г-ном Эльвином Джонсом и был представлен в качестве доказательства.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Благодарю Вас.

Г-н ДОДД. Так как это касается запроса Трибунала в отношении положения других подсудимых и состояния их документов, то сегодня утром мы можем заявить, что документы подсудимого Иодля в настоящее время переводятся и размножаются и нет необходимости заслушивать их перед Трибуналом. Документы Зейсс-Инкварта уже заслушивались и в данное время они переводятся и размножаются.

Относительно документов фон Папена вопрос урегулирован и разногласий между Обвинением и подсудимым фон Папеном нет. Они также находятся в переводе и размножаются.

В отношении документов подсудимого Шпеера, мы считаем,

H1204-0231

H1204-0232

что не будет никакой необходимости их заслушивать и я думаю, что в конце сегодняшнего дня они будут переданы в отдел переводов и на ротатор. Документы подсудимого фон Нейрата еще не были представлены Обвинению подсудимым. Что касается подсудимого Фриче, то наши русские коллеги смогут дать нам более точные сведения в течение дня. Я думаю, что я смогу поставить в известность Трибунал о положении с делом подсудимого Фриче до окончания сегодняшнего заседания.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Это исчерпывает все вопросы, связанные со свидетелями?

Г-н ДОДД. Мне кажется, да. Во всяком случае, у нас нет никаких возражений против вызова каких-либо свидетелей.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Очень хорошо. В таком случае на открытом заседании больше не будут заслушиваться вопросы по делам подсудимых Иодля, Зейсс-Инкварта, фон Папена и Шпеера, до тех пор, пока не начнется фактическое представление их дел.

Г-н ДОДД. Да, сэр.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Благодарю Вас.

СЕРВАТИУС. Господин председатель, у меня сейчас будет вопрос технического порядка. Вчера прибыл свидетель Хильденбрандт, но это опять не тот Хильденбрандт. Таким образом, в этой комедии ошибок появляется уже третий свидетель. Этот третий свидетель также не тот, как и первые два. Но он знает, где находятся нужные мне свидетели. Эти свидетели уже получили известие о том, что их ждут в Нюрнберге. Они прибыли в Берлин и находятся там сейчас в районе Лихтерфельде. Может быть, окажется возможным доставить сюда этих двух свидетелей. Свидетель Хильденбрандт будет давать показания по вопросам, поднятым здесь фран-

цузским обвинением, поэтому для меня его показания являются весьма важными. И я очень заинтересован в его появлении в зале суда.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Имя этого свидетеля было точно передано Генеральному секретарю?

СЕРВАТИУС. Да, его фамилия была сообщена правильно. Фамилия другого была также Хильденбрандт, но имя его было не Губерт, а Генрих. Этот последний был также министериальдиректором.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я имею в виду не только фамилию, но и полное его имя.

СЕРВАТИУС. Имя одного - Генрих, а другого Губерт. Когда были даны сокращенные имена, то в обоих случаях имелось сокращение "Г", д-р Г.Хильденбрандт. Очевидно, поэтому и произошла ошибка.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да, я хочу сказать, что в будущем следует давать имена всех свидетелей полностью, не ограничивалсь одними инициалами.

СЕРВАТИУС. Я сообщил его имя полностью. Что касается врача Егера, о вызове которого я ходатайствовал, то сегодня утром я узнал его частный адрес. Он сейчас не арестован. Как известно, он выступал в качестве свидетеля от Обвинения. Сейчас он (проживает) в Эссене, на Фихофплатц. Сейчас он находится там.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Мне кажется, что вам лучше разобраться во всех этих подробностях с Генеральным секретарем. Он окажет Вам необходимое содействие.

СЕРВАТИУС. Я хотел бы сделать перед Судом еще одно замечание относительно дела подсудимого Заукеля. Суду со стороны Обвинения было пред"явлено около 150 документов.

H1204 - 0233

H1204 – 0234

Часть из них имеет очень отдаленное отношение к Заукелю. В Суде не было пред"явлено досье по делу Заукеля, здесь также не имело места устное выступление по пред"явлению индивидуального обвинения против Заукеля, так что я не могу сейчас точно установить, какая ответственность возлагается на подсудимого Заукеля. Его дело содержалось в той части выступления Обвинения, которая преподносилась под названием "рабский труд". Таким образом, у защиты весьма нетвердая почва. Я сейчас вовсе не собираюсь рассматривать все эти 150 документов, но я хочу оставить за собою право рассмотрения этих документов в последующее время в том случае, если это окажется необходимым. Я хотел бы остановиться сейчас только на самых важных документах, чтобы возвратиться затем к ним вновь в дальнейшем ходе процесса. Во всяком случае я прошу не рассматривать всего так, будто я признаю все эти документы, если я даже сейчас и не возражаю против некоторых.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. В подобных случаях документы допускаться не будут. Д-р Серватиус, сейчас передо мной лежит документ, представленный французским Обвинением против подсудимого Заукеля. Вы, очевидно, хотели сказать, что этот документ, досье, озаглавленный "индивидуальная ответственность" не относится к каждому из этих 150 документов?

СЕРВАТИУС. Американским Обвинением здесь было пред"явлено досье под названием "Рабский труд", но не "Заукель". Поэтому я не могу сказать, какие части в этом досье имеют непосредственное отношение к Заукелю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да, но там сказано, "таким образом особая ответственность, которую несут подсудимые Заукель и Шпеер". Это американская книга документов. Там действительно упоминается Заукель.

СЕРВАТИУС. Да, это так.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. И имеется также другое досье, представленное г-ном Монье от имени французской делегации, которое также несомненно направлено против подсудимого Заукеля. Но нет сомнения в том, что это не определяет все эти 150 документов, о которых вы говорите.

СЕРВАТИУС. Да, это так. Г-н свидетель, вчера в конце заседания мы говорили о манифесте. Этот манифест был предназначен для того, чтобы напомнить соответствующим инстанциям еще раз об их обязанности, а также об обязанности выполнять Ваши указания. Этот манифест предназначался также для того, чтобы устранить существовавшие в этих учреждениях неполадки. Вы, однако, сами высказались таким образом, что эти ваши высказывания трудно совместить с Вашими директивами. Во всяком случае, таково внешнее впечатление. Я представляю Вам сейчас документ Р-124. Этот документ представляет собой протокол заседания центрального бюро планирования от 1.3.1944 г. На этом заседании вы сказали следующее по поводу вербовки: "Следовало бы опять применить шанхайскую систему, как это было раньше распространено при доставке рабочих". Вы также сказали: "Я пошел по пути создания для себя штаба агентов. Агентами этого штаба являются усмиренные французы и француженки, которые выходят на ловлю людей. Они уговаривают последних, одурманивая их водкой, отправиться в Германию". Вы нашли это место.

ЗАУКЕЛЬ. Да, я нашел.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Где, примерно, это находится в документе № 124?

СЕРВАТИУС. Это документ Р-124.

H1204 – 0235

H1204 – 0236

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да, но это очень длинный документ.

СВЕРВАТИУС. Это страница 1770-я.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ, Да, он у меня имеется.

ЗАУКЕЛЬ. Здесь, насколько я вижу, находится отчет или протокол заседания бюро центрального планирования, состоявшегося весной 1944 года. В том году мне стало очень тяжело удовлетворять требования об"единившихся в бюро центрального планирования потребителей. Я никогда не давал каких-либо распоряжений и рекомендаций для насильственного набора. Я лишь по матросской привычке пытался защищаться от тех лиц, которые требовали от меня поставки рабочей силы, и я употребил это слово для того, чтобы показать этим лицам, как тяжело стало мне справляться со своими задачами в 1944 году. В действительности же этому соответствует весьма сходное событие. Согласно германским трудовым законам и по-моему собственному убуждению, доставка рабочей силы /старое выражение для мобилизации рабочей силы/ являлась правом государства, и у нас было запрещено пользоваться частными методами доставки рабочих рук. В 1944 году министр-президент Лаваль, глава французского правительства, заявил мне, что он сталкивается с большими трудностями при проведении в жизнь трудовых законов среди своих рабочих. После этого, с согласия одного из моих сотрудников /д-ра Дидьера/, в германском посольстве происходили переговоры с руководителем коллаборационистских союзов. /Мне кажется, что свидетель Хильденбрандт сможет дать показания по этому вопросу лучше, чем я/. Эти союзы имели своими членами французов и француженок. Они существовали на основе сотрудничества с немцами. Представители этих союзов во время переговоров в германском посольстве заявили, что, по их мнению, официальная вербовка стала во Франции иметь не-

благоприятные результаты. Они заявили также, что они хотят выделить из числа своих членов вербовщиков, а также людей, которые хотят уехать добровольно в Германию. Эта вербовка должна была производиться не официальными учреждениями. Она должна производиться в кафе. Конечно, в таких кафе производились расходы, на которые нужно было отпускать деньги. Для вербовщика должна быть назначена премия или же ему необходимо заплатить за труды рюмкой вина или несколькими рюмками водки.

Конечно, мне лично такой метод казался очень несимпатичным. Но там я находился в очень затруднительном положении в силу поставленных передо мной требований, я согласился и на такой метод, хотя я вовсе и не намеревался применять шанхайских методов со всеми их перипетиями.

СЕРВАТИУС. Это предложение исходило от французов или оно было сделано вами?

ЗАУКЕЛЬ. Как я уже сказал, это предложение было сделано руководителем французских коллаборационистских союзов.

СЕРВАТИУС. Если Вы прочтете еще несколько строчек, то Вы увидите, что там речь идет о собственной исполнительной власти, которую Вы хотели обеспечить ведомству по использованию рабочей силы. Там говорится помимо этого следующее: "Я поручил отдельным, особенно энергичным людям, обеспечить исполнительную власть для ведомства по обеспечению рабочей силы. Я под эгидой высшего СС и полицай-фюрера обучил и вооружил определенное количество местных солдат. Теперь я должен был обратиться к министерству вооружения с просьбой предоставить оружие для этих людей". Что вы скажете по поводу этой цитаты?

ЗАУКЕЛЬ. Это я также могу раз"яснить в связи с только

H1204 – 0237

H1204 – 0238

что описанными событиями. В то время имели место частые нападения на германские учреждения, а также и на смешанные французско-германские учреждения ведомства по использованию рабочей силы. Начальник управления по использованию рабочей силы, при командующем войсками во Франции, доктор Риттер, был убит. Значительное число учреждений, занимавшихся вербовкой рабочей силы подверглось нападению и было в результате его разрушено. По этой причине те союзы, которые существовали на основе сотрудничества с немцами, внесли предложение о создании охраны из вербовщиков для защиты своих собственных членов. Само собой разумеется, что я сам этого сделать не мог, поскольку у меня не было на это ни полномочий, ни необходимого аппарата. Все это должно было быть проведено согласно предписанию командующего войсками во Франции, причем или самим высшими СС и полицайфюрером или под его надзором. Все было осуществлено совместно с министром внутренних дел Франции Дарнаном.

Я же должен был защищаться от упреков членов бюро центрального планирования. Насколько мне известно, перечисленные теоретические предложения не были осуществлены на практике.

СЕРВАТИУС. Кто осуществлял на практике учет иностранных рабочих?

ЗАУКЕЛЬ. Учет иностранных рабочих осуществлялся на практике германскими учреждениями при командующих войсками в той или иной стране, или же подобными им гражданскими германскими учреждениями.

СЕРВАТИУС. Таким образом, Вы издали приказ о доставке добрвольцев рабочих в Германию? Каковы были результаты вербовки добровольцев?

ЗАУКЕЛЬ. Вербовка добровольцев была возведена в принцип мобилизации рабочей силы. В Германию на добровольных началах прибыло несколько миллионов иностранных рабочих.

СЕРВАТИУС. На одном из заседаний бюро центрального планирования, - об этом заседании говорилось выше, - Вы сделали замечание, которое противоречит этим Вашим словам. Это находится на странице 67 немецкой фотокопии, и на 1827 стр. английского текста. Я хочу прочитать Вам одну фразу. Это говорит Керль: "За все это время посредством вербовки добровольцев,в Германию прибыло большое число французов".

Затем идет реплика Заукеля,"Также и с помощью насильственной вербовки". Оратор продолжает: "Насильственная вербовка началась тогда, когда вербовка добровольцев не приносила достаточных результатов". Далее следует замечание, по поводу которого Вы должны сейчас высказаться.

Это Ваш ответ. "Из пяти миллионов иностранных рабочих, прибывших на работу в Германию, меньше чем 200 тысяч рабочих приехали добровольно".

Я прошу Вас об"яснить эти противоречия.

ЗАУКЕЛЬ. Я вижу по документу, что это была моя реплика, которой я хотел сказать господину Керлю, утверждавшему, что все рабочие прибыли в Германию на добровольных началах, что это не совсем правильно. Соотношение же цифр, которое записал стенограф или ведущий протокол, совершенно неправильно. Каким образом вкралась эта ошибка, - я не знаю. Я никогда не видел этого протокола. Об этом, очевидно, будет говорить мой свидетель Тимм или же другие свидетели.

СЕРВАТИУС. Я ссылаюсь на документ З-15. Это - распоряжение № 4, которое уже здесь цитировалось. В нем говорится о мероприятиях по вербовке и о том, какие мероприятия были

H1204 – 0239

H1204 – 0240

уже проведены по вербовке. Документ этот был уже представлен под № ПС-3044.

Почему же Вы отказались от принципа добровольности в вербовке?

ЗАУКЕЛЬ. По мере затягивания войны противной стороной проводились, конечно, широкие контрмероприятия. Тяжелое положение в области мобилизации рабочей силы в самой Германии еще более ухудшилось. В то время французская, голландская и бельгийская стороны высказывали пожелание о том, чтобы в интересах улучшения экономического состояния этих областей перейти к так называемой трудовой повинности. Тем самым пропагандитский нажим противной стороны будет ослаблен, а бельгийцы, голландцы и французы смогут говорить, что они отправляются в Германию не на добровольных началах, а на основании существующих законов о трудовой повинности.

СЕРВАТИУС. Не влияла ли близость фронта на то обстоятельство, что люди не хотели больше добровольно отправляться в Германию?

ЗАУКЕЛЬ. Я, конечно, чувствовал это. Данный факт легко об"ясним. Шансы победителя и побежденного всегда сильно волновали рабочих. Дела на фронте играли, конечно, важную роль.

СЕРВАТИУС. Не послужили ли соображения чисто военного порядка поводом к введению...

СУДЬЯ БИДДЛ /Трибунал/. Доктор Серватиус. Может быть, Вы спросите свидетеля, что он подразумевает под законом о трудовой повинности. Он имеет в виду закон, действующий в Германии или закон, действующий в оккупированных странах?

СЕРВАТИУС. Г-н свидетель, Вы слышали уже сейчас этот вопрос. Имели ли Вы в виду германские законы или законы властей оккупированных стран?

ЗАУКЕЛЬ. Не ~~везде~~ везде дело обстояло одинаково. Имперским правительством в отдельных странах были введены законы, которые соответствовали действующим в Германии законам. Эти законы не я издавал, они издавались по указанию германского правительства начальниками администраций этих стран или же правительствами этих стран. Во Франции такие законы издавались правительством Лаваля после согласования их с маршалом Петэном, в Бельгии - после согласования их с генеральными секретарями или с генеральными директорами, или же с министерствами.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы хотите сказать, что это претворялось в действительность в других странах германским правительством или представителями германского правительства? Вы говорили только о...

ЗАУКЕЛЬ. Распоряжение о введении в оккупированных областях германских трудовых законов было издано по указанию фюрера. Закон о трудовой повинности был введен и провозглашен начальниками администраций этих областей, которые были назначены фюрером. Я же сам не мог издавать каких-либо законов, постановлений, распоряжений...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Продолжайте.

СЕРВАТИУС. Как проводились в жизнь эти законы?

ЗАУКЕЛЬ. Эти законы опубликовывались в бюллетенях распоряжений, в вестниках законов, в печати. В оккупированных странах вывешивались такие плакаты, в которых были опубликованы эти законы.

СЕРВАТИУС. Я имею в виду практическое проведение в жизнь этих законов. Как это происходило? Как эти люди

H1204 - 0241

H1204 – 0242

отправлялись в Германию?

ЗАУКЕЛЬ. Это происходило административным порядком, посредством вывоза этих людей в местные биржи труда, где в основном работали местные ~~люди~~ наёмники. В согласии с моими предписаниями, которые будут представлены в качестве доказательств, (отдельные) случаи подлежали проверке. С особо тяжелыми случаями, как например там, где семейные обстоятельства не допускали отлучки какого-либо члена семьи, следовало считаться. После этого обычным порядком, существовавшим и в самой Германии, отдельные рабочие или призванные на основании закона о трудовой повинности отправлялись в Германию.

СЕРВАТИУС. Вы сами были когда-нибудь свидетелем такого рода событий? Могли ли вы лично наблюдать, как происходит отправка?

ЗАУКЕЛЬ. Да, я мог наблюдать это сам в отдельных городах в России, во Франции и в Бельгии и убедился в том, что это проводилось в соответствии с имевшимися распоряжениями.

СЕРВАТИУС. Какие насильственные мероприятия проводились в тех случаях, когда необходимо было применять принуждение?

ЗАУКЕЛЬ. Вначале проводились такие насильственные мероприятия, какие проводятся в любом упорядоченном административном деле гражданских властей и которые являются справедливыми и необходимыми.

СЕРВАТИУС. А если это оказывалось неудовлетворительным?

ЗАУКЕЛЬ. Тогда отдельные лица вызывались.

СЕРВАТИУС. Таким образом, это были законные мероприятия?

ЗАУКЕЛЬ. Да, по моему убеждению, - это были законные мероприятия.

СЕРВАТИУС. Вы неоднократно говорили в тех документах, которые здесь пред"являлись, что следует оказывать определенный нажим. Что Вы понимали под этим нажимом?

ЗАУКЕЛЬ. Под любым административным мероприятием я понимаю определенный нажим, который оказывается на свой народ или на какой-либо другой на основании государственных законов или повинностей.

СЕРВАТИУС. Не применялись ли какие-нибудь мероприятия, которые привели бы к коллективному насилию?

ЗАУКЕЛЬ. Я всегда отрицательно относился к мероприятиям, которые могли привести к коллективному насилию. Отрицательное отношение к коллективному насилию находит свое выражение также и в распоряжениях, изданных другими имперскими учреждениями.

СЕРВАТИУС. Не предлагалось ли деревням на востоке поставить определенное количество людей?

ЗАУКЕЛЬ. На востоке в силу большой территории решение вопроса очень затруднялось. В низших инстанциях должности занимали исключительно представители из местного населения. Возможно, что какому-нибудь бургомистру давалась разверстка, отобрать из своей деревни или своего местечка некоторое число людей для работы в Германии.

СЕРВАТИУС. Это не одно и то же, что и коллективное насилие, когда из-за неявки одного человека наказывалась вся деревня?

ЗАУКЕЛЬ. Я отрицательно относился к таким мероприятиям, т.к. я не мог и не хотел поставлять для работы в германской хозяйстве людей, доставленных таким образом в Германию, что пребывание и работа в Германии были для них с самого начала ненавистными.

12127

H1204 – 0243

H1204 – 0244

СЕРВАТИУС. Какие полицейские средства находились в Вашем распоряжении?

ЗАУКЕЛЬ. У меня в распоряжении не было никаких полицейских средств.

СЕРВАТИУС. А кто же оказывал этот полицейский нажим?

ЗАУКЕЛЬ. Полицейский нажим в оккупированных областях мог оказываться по распоряжению или по соответствующему указанию областных начальников высших СС и полицайфюрером.

СЕРВАТИУС. Таким образом, Вы не были компетентны применять непосредственное насилие?

ЗАУКЕЛЬ. Нет.

СЕРВАТИУС. Но, может быть, Вы оказывали косвенное насилие с помощью ограничения продовольствия и т.д.?

ЗАУКЕЛЬ. После Сталинграда имперский министр пропаганды д-р Геббельс в Берлине коснулся во время об"явления тотальной войны всех этих вопросов очень подробно. В своем выступлении он говорил о том, что в случае настойчивого отказа или сопротивления, следует оказывать нажим, ~~[illegible]~~ как-то - отказывать в дополнительных прибавках или же совсем не предоставлять продовольственных карточек.

Что касается меня, то я в высшей степени отрицательно относился к таким методам, т.к. мне было очень хорошо известно, что в западных странах так называемая продовольственная карточка играла подчиненную роль и что снабжение движения сопротивления и его сторонников было настолько хорошо поставлено, что такие мероприятия никакого успеха иметь не могли. Таким образом, эти мероприятия проводились не по моей инициативе и не на основании моих распоряжений.

СЕРВАТИУС. На заседании бюро центрального планирования 1 марта 1944 г. Вы заявили: "Если исполнительная власть

французов бездействует, то нужно поставить к стенке какого-нибудь префекта". Такую меру Вы считали допустимым в рамках закона насилием?

ЗАУКЕЛЬ. Это такое же смелое высказывание, как и приведенное выше. Но за ним не последовало никакого служебного распоряжения. Я также не пытался оказывать какого-нибудь влияния в этом направлении. В данном случае дело обстояло следующим образом. Мне было сообщено, что в отдельных департаментах Франции ответственные префекты и начальники очень поддерживают движение сопротивления. В то время имело место несколько взрывов мостов и железнодорожных насыпей. С моей стороны это высказывание явилось лишь реакцией на эти события. Но мне кажется, что и в этом случае я требовал проведения вполне законного мероприятия, т.к. во французских законах была предусмотрена смертная казнь за участие в актах саботажа.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Это содержится в документе Р-124?

СЕРВАТИУС. Это на странице 1767. Здесь сказано, что на основании законных материалов в таких случаях необходимо ставить к стенке бургомистра. Знаете ли вы о том, что во Франции существовали законы относительно вынуждения к сотрудничеству французских властей?

ЗАУКЕЛЬ. Да, такие законы во Франции существовали.

СЕРВАТИУС. Относительно практического осуществления нажима поступил целый ряд отчетов. Здесь были представлены некоторые из них. В частности те из них, где говорится о всяких злоупотреблениях и неслыханных случаях, происшедших при наборе людей такими методами. Что Вы можете сказать по этому поводу в общих чертах?

ЗАУКЕЛЬ. Я не расслышал всего Вашего вопроса.

H1204 – 0245

H1204 – 0246

СЕРВАТИУС. Относительно практического осуществления нажима Суду был представлен ряд документов. Вы знаете эти документы. В них говорится о методах набора, которые должны отвергаться любым человеком. Я имею в виду сжигание деревень, расстрел людей и т.д. Что Вы скажете по этому вопросу в общих чертах?

ЗАУКЕЛЬ. Все эти методы противоречат тем распоряжениям и указаниям, которые исходили от меня. В то время мною было издано большое количество распоряжений. Многие из них были представлены Суду. В данном случае я должен сослаться... Во всех этих документах описываются методы, с которыми бы я самым энергичным образом боролся, если бы что-нибудь узнал о них.

СЕРВАТИУС. Кто несет непосредственную ответственность за подобные вещи?

ЗАУКЕЛЬ. За них несут ответственность местные инстанции, которые применяли такие методы.

СЕРВАТИУС. Имелись ли кроме этих местных инстанций, какие-нибудь другие учреждения, которые бы занимались учетом рабочих?

ЗАУКЕЛЬ. Я с самого начала боролся против этой неразберихи в организации учреждений, которые занимались вербовкой этих рабочих при использовании диких методов и нажима. Я всегда старался уничтожить эту неразбериху в такой организации. Это составляло одну из порученных мне задач.

СЕРВАТИУС. Что это были за учреждения? Это были местные учреждения?

ЗАУКЕЛЬ. Это были учреждения самого различного характера. Об этих учреждениях я впервые узнал главным образом здесь.

СЕРВАТИУС? Как обстояло дело с организацией Тодт?

ЗАУКЕЛЬ. Организация Тодт сама занималась вербовкой рабочей силы в течение долгого времени. Она также сама и использовала их в различных областях.

СЕРВАТИУС. Ведомство по вопросам трудовой повинности имело что-нибудь общее с этим?

ЗАУКЕЛЬ. Вы имеете в виду ведомство Хирля?

СЕРВАТИУС. Да.

ЗАУКЕЛЬ. Этого я не могу сказать. Это была немецкая военная организация для трудового воспитания.

СЕРВАТИУС. Использовали ли рабочих вооруженные силы в своих интересах?

ЗАУКЕЛЬ. Группы войск/ строительные саперные батальоны/, конечно, использовали для выполнения задая на местах, которых я не мог ни знать, ни контролировать, рабочих из этих областей. В частности, в тех случаях, когда эти задачи должны были быть срочно выполнены. Строительство дорог...

СЕРВАТИУС. А как обстояло дело с имперской железной дорогой?

ЗАУКЕЛЬ. Имперская железная дорога производила ремонт путей своими собственными силами. Для этих целей она вербовала нужное ей количество рабочих.

СЕРВАТИУС. Эти учреждения вам не подчинялись?

ЗАУКЕЛЬ. Нет.

СЕРВАТИУС. Исполняли ли вы их распоряжения или они должны были следовать вашим указаниям?

ЗАУКЕЛЬ. Они не должны были следовать моим указаниям. Как раз по этой причине я разослал манифест в такой демонстративной форме. Об этом манифесте мы вчера уже говорили.

H1204-0247

H1204 – 0248

Но так, как у меня не было собственного надзора над исполнительными учреждениями, я должен был представить самим этим учреждениям обращать должное внимание на мои распоряжения.

СЕРВАТИУС. Большое количество рабочих учитывалось таким образом?

ЗАУКЕЛЬ. Да.

СЕРВАТИУС. Имперские инстанции занимались также вопросом о рабочих. Что Вы можете сказать относительно депортаций, которые производились Гиммлером? Вы имеете какое-нибудь отношение к ним?

ЗАУКЕЛЬ. По поводу депортаций я могу сказать лишь то, что я с этим не имел ничего общего. Я в силу своих личных взглядов и убеждений, воспитанных во мне всей моей жизнью, никогда бы не одобрил того факта, что заключенные и лица, отбывающие наказание, использовались на работах. Я об этом вообще ничего не знал. Я также твердо убежден в том, что из-за моих демонстративных высказываний и поведения, весь этот комплекс вопросов старательно держался в секрете от меня. Ведь такие действия не могли быть совместимы с моей точкой зрения на труд и на рабочих. Я часто говорил о том /в представленных документах это можно найти/, что я хочу привлечь иностранных рабочих на сторону Германии, а не оттолкнуть их от нее.

СЕРВАТИУС. Таким образом, эти различные учреждения и представляют собой те учреждения, которые наряду с Вами занимались учетом рабочих?

ЗАУКЕЛЬ. Я хотел бы сделать еще одно краткое заявление: слово "депортация" я слышал несколько раз в Германии. Я отнесся к этому крайне отрицательно, т.к. я не был знаком

со всем этим. Я понимаю под словом "депортация" в немецком языке - угон заключенных и таких лиц, которые в чем-то провинились перед государством. Я, в силу своего понимания этики труда, никогда не проводил депортаций. Все иностранные рабочие, которые отправлялись в Германию через мое ведомство, подписывали договора, имеющие законную силу. Этого права для них я добился от фюрера в первые же дни после того, как мне было дано это поручение. Надо сказать, что это мне стоило многого. Таким образом, все иностранные рабочие, независимо от того, прибывали они на работу в Германию добровольно или же на основании закона о трудовой повинности, подписывали такой договор. Они должны получать такое же снабжение и такую же зарплату, как и германские рабочие. С ними должны были обращаться так же, как и с германскими рабочими. Поэтому депортация не могла быть приемлема мною для программы и методов работы. Я не имел никакого отношения к этой депортации, которая производилась, как я узнал на этом процессе, в страшных масштабах. С эшелонами депортированных я также никогда не имел ничего общего; об этом я свидетельствую сейчас по чистой совести.

СЕРВАТИУС. Вы неоднократно подчеркивали, что эти рабочие должны были быть во что бы то ни стало доставлены в Германию, что следует поступать беспощадно и что совершенно необходимо обеспечить это количество рабочей силы. Разве это не говорит о том, что вы были согласны с проведением всех этих мероприятий?

ЗАУКЕЛЬ. Я хотел бы указать здесь на следующее обстоятельство. В многочисленных документах были представлены мои распоряжения и указания. Я мог издавать только распоряжения и указания, так как я не имел собственной исполнительной власти или же собственного аппарата такого

H1204 – 0249

H1204 – 0250

рода. Во всех моих распоряжениях предписывается справедливое и законное отношение к иностранным рабочим. Правильно, я употребил выражение "во что бы то ни стало", т.е. при любых обстоятельствах доставить эту рабочую силу. Это выражение было употреблено фюрером. Правильно, я употребил слово "беспощадно". Это все правильно. Но я имел в виду не беспощадное отношение к рабочим, а беспощадное преодоление всех разногласий и самоуправства в отдельных германских инстанциях. Мне приходилось вести жестокую борьбу с ними. Они большей частью не понимали значения использования рабочей силы, как необходимого эмономического мероприятия во время войны. Военные инстанции, и в частности, командующие армией говорили мне, что бессмысленно посылать людей в Германию. Ведь существует армия Власова. Будет лучше, если эти русские рабочие вступят в армию Власова. Я боролся против этого, так как я считал такое решение вопроса неправильным и не весьма надежным. Вот те моменты, с которыми я беспощадно боролся в германских учреждениях.

СЕРВАТИУС. Существовали ли какие-нибудь другие обстоятельства, которые приводили к отправке людей в Германию?

ЗАУКЕЛЬ. Да, существовали и другие обстоятельства, которые находились не в непосредственной, а косвенной связи с моим ведомством. Очень часто они меня захватывали врасплох. В данном случае имеется в виду эвакуация военных зон. Так, например, иногда весьма неожиданно выходил приказ об эвакуации отдельных областей. В ходе проведения эвакуации на местное учреждение по вопросам труда возлагалась задача предоставить эвакуированному населению работу в областях, располоденных в тылу, или же отправить в Германию, если среди них имелись рабочие, пригодные для работы в Германии. Этот вид поставки рабочей силы принес для меня много трудностей. Среди эвакуированных находились

жены и дети, которых также нужно было разместить. Очень часто русские отцы и матери высказывали желание взять с собой своих детей. Это вполне понятная вещь. Этого не случалось не потому, что я этого не хотел, а потому, что это было неизбежно.

СЕРВАТИУС. Вы всегда производили учет этих рабочих рук или только в определенных случаях?

ЗАУКЕЛЬ. В основном учет этих рабочих рук производился местными властями в той или другой стране. Они были заняты на работах в промышленности, в сельском хозяйстве, на строительстве дорог, мостов.

СЕРВАТИУС. Вы имели какое-нибудь отношение к переселению?

ЗАУКЕЛЬ. Нет, я никогда не имел никакого отношения к переселению. Решение всех этих вопросов было предоставлено рейхсфюреру СС, согласно декрету фюрера.

СЕРВАТИУС. Вам Розенберг никогда не докладывал о тех неполадках, которые имели место у него в министерстве?

ЗАУКЕЛЬ. Да. Я беседовал с Розенбергом по его просьбе около четырех раз. Розенберг докладывал мне о всех неполадках. У меня не было никаких сомнений в том, что эти неполадки заслуживают самого строго осуждения.

СЕРВАТИУС. Он говорил о Кохе?

ЗАУКЕЛЬ. В основном весь разговор касался имперского комиссариата на Украине. Между министром по делам восточных оккупированных областей Розенбергом и имперским комиссаром Кохом имели место большие разногласия.

СЕРВАТИУС. Вы были в состоянии что-нибудь предпринять против Коха?

H1204-0251

H1204 - 0252

ЗАУКЕЛЬ. Кох не подчинялся мне ни непосредственно, ни косвенно. Я не мог ему давать указаний по таким вопросам. Я в самом начале довел до его сведения, что я никогда не соглашусь с такими методами, о которых мне стало известно через Розенберга. Кох же защищал ту точку зрения /об этом он говорил в своих письмах Розенбергу/, что он один управляет своей областью. Это он подчеркивал и передо мной.

СЕРВАТИУС. Не усматривал ли Розенберг причину такого положения в том, что Вы ставили слишком большие требования?

ЗАУКЕЛЬ. Об этом я также говорил с Розенбергом. Я лично защищал ту точку зрения, что при должном распределении разверсток, при надлежащей вербовке контингенты могут быть обеспечены. В конце концов, и я ведь получал приказы и распоряжения такого содержания от фюрера и бюро центрального планирования.

СЕРВАТИУС. Вы никогда не беседовали на эту тему, какие именно методы должны были применяться в то время.

ЗАУКЕЛЬ. Относительно методов, которые должны применяться, мы беседовали очень часто. Но этого мало. Эти методы были изложены мною в моих многочисленных письменных распоряжениях. Я зашел так далеко, что разослал свой манифест низшим инстанциям через голову этого учреждения, чтобы низшие инстанции ориентировались в своей работе моими распоряжениями. Но я должен подчеркнуть, что все эти события, о которых здесь говорят, имели место до того, как я энергично начал выступать со своими распоряжениями и вообще до моего назначения.

СЕРВАТИУС. Я пред"являю Вам документ № 018-ПС. Это - находится на стр. 10 досье под заглавием "Рабский труд".

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Это номер 10, а не страница 10.

СЕРВАТИУС. Это документ - США- № 186. В досье, представ-

ленным английским обвинением, под заглавием "Рабский труд", это документ № 10. Данный документ представляет собою письмо от 22 декабря 1942 года. Если Вы просмотрите этот документ, то Вы увидите, что Розенберг жалуется на методы, которые использовались Вашими агентами и Вашими сотрудниками. Скажите, что это за учреждения, за деятельность которых на Вас в этом письме возлагается ответственность?

ЗАУКЕЛЬ. В этом письме Розенберг сделал ошибку, так как у меня не было там учреждений. Учреждения были у имперского комиссара.

СЕРВАТИУС. Таким образом, Вы хотите сказать, что он обратился не к тому лицу?

ЗАУКЕЛЬ. Да.

СЕРВАТИУС. Тогда я попрошу Вас отложить документ в сторону.

ЗАУКЕЛЬ. Розенберг пишет здесь на стр.2: "..я уполномочил имперского комиссара на Украине".

СЕРВАТИУС. Таким образом, Вы предполагаете, что автор этого письма сам не уяснил себе, как обстояло дело с распределением полномочий в сфере его деятельности?

ЗАУКЕЛЬ. Да, я считаю это вполне возможным.

СЕРВАТИУС. После этих сообщений Розенберга Вы что-нибудь предприняли?

ЗАУКЕЛЬ. После этого письма Розенберга у меня с ним была беседа. Это было как раз незадолго до Рождества, приблизительно числа 21-го декабря 1942 г. Я по телеграфу назначил в Веймаре служебное совещание на 6 января, куда должны были быть приглашены представители соответствующих учреждений из восточных областей. Я пригласил на это совещание также господина имперского министра Розенберга. На этом совещании я совершенно ясно обязал эти учреждения при-

H1204 – 0253

H1204 - 0254

менять законные методы.

СЕРВАТИУС. В этой связи я хотел бы обратить Ваше внимание на документы 3-82. Это - третья книга документов Заукеля, страница 207. Я пред"являю сейчас этот справочник Суду. Я хочу процитировать одно предложение из выступления Заукеля перед 800 сотрудниками из ведомства по использованию рабочей силы. В этом выступлении он говорит о принципах вербовки.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы сказали 800?

СЕРВАТИУС. Это страница 206,

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. В моей копии 8000? Разве не 8000?

СЕРВАТИУС. Это третья книга документов, страница 206, документ № 82.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я смотрю на документ 82. Мне показалось, что Вы сказали, что использовали 800 человек. Я смотрю на начало документа 82.

СЕРВАТИУС. Это начинается на стр.204. Он выступал перед 800 человек, не перед 8.000. В документе должно быть сказано 800. Эта ошибка, очевидно, вкралась при переводе документа.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Очень хорошо.

Сервациус! Здесь говорится следующее: "Принципы нашей вербовки: 1/ Там, где ничего нельзя сделать на добровольных началах (а опыт показывает, что на этих началах нельзя ничего сделать), начинает действовать трудовая повинность". Я пропускаю несколько строчек. "Горько отрывать людей от их родины, от их детей, но мы не хотели войны. Немецкий ребенок, который теряет на фронте своего отца, немецкая женщина, оплакивающая своего убитого мужа, страдают гораздо

больше. Поклянемся же, что мы не будем больше питать никаких ложных чувств".

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы выпустили часть документа. Не так ли?

СЕРВАТИУС. Я не совсем понял.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы выпустили часть документа.

СЕРВАТИУС. Да, я выпустил несколько ~~мало~~ фраз. Я уже сказал об этом, господин председатель, но я могу зачитать и все.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я имею ввиду только на странице 206, я не имел в виду весь документ. На странице 206 вы выпустили только два предложения.

СЕРВАТИУС. Здесь у меня имеются четыре фразы. Я могу еще раз их огласить. "Там, где ничего нельзя сделать на добровольных началах, начинает действовать трудовая повинность". Две следующих фразы я выпустил. Но я сейчас оглашу их. "Железный закон 1943 года в использовании рабочей силы таков, что в течение ближайших недель во всех оккупированных областях должна действовать трудовая повинность!.."

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Разве вы также не пропустили слова: "Опыт показывает, что это нигде не удается"?

СЕРВАТИУС. Я уже это зачитывал в прошлый раз. Я просто хотел сэкономить время.

"Мы стряхнем с себя последние остатки сентиментальности. Каждая лишняя пушка, которую мы для себя сделаем, приближает нас к победе. Горько отрывать людей от их родины, от их детей. Но мы не хотели войны. Немецкий ребенок, который теряет на фронте своего отца, немецкая женщина, оплакивающая своего убитого мужа, страдают гораздо больше. Поклянемся же, что мы не будем больше питать ни-

H1204 – 0255

H1204 – 0256

каких ложных чувств".

Мы должны руководствоваться тем положением, что от иностранных рабочих можно требовать только в том случае работы, если они будут довольны своей судьбой. Я не потерплю, чтобы с этими людьми плохо обращались.

Третье. Вам запрещается, будучи членами комиссии по вербовке за пределами империи, обещать то, что согласно существующим директивам и указаниям является невозможным и невыполнимым в военное время. Гораздо лучше приступить к осуществлению трудовой повинности и сказать: "Это Вы должны взять на себя. Взамен этого вам предоставляются права занятых на работах в Германии рабочих. Кто работает в Германии, тот имеет право на существование в Германии, даже если он и большевик. Мы будем строго следить затем, чтобы имя Германии не было покрыто позором. Вы можете в своей области требовать от меня всякой защиты, но Вы не получите ее на покрытие преступлений. Имя нашей нации священно. Впервые в германской истории Вы представляете принципы германского труда. Это сознание всегда должно быть с Вами". /Конец цитаты./

Кроме сообщений Розенберга, к Вам поступали еще какие-нибудь донесения относительно методов вербовки?

ЗАУКЕЛЬ. Кроме сообщений Розенберга и писем, ко мне непосредственно никаких жалоб не поступало. Я самым строжайшим образом распорядился, чтобы все жалобы, которые поступали ко мне, направлялись в соответствующие имперские учреждения для расследования, вынесения соответствующего наказания и ликвидации сделанных ошибок.

Г-н доктор, я хотел бы здесь также заявить следующее.

В мое бюро поступало большое количество жалоб по вопросам, за которые я нес ответственность. Но в этих жалобах говорилось о том, что я поставляю слишком мало рабочих. Я же не был ответственен за устранение всех неполадок в области административного разрешения вопросов, за отмену неправедливых мероприятий, проводимых в различных областях или отдельными ведомствами. За это отвечали имперские учреждения.

СЕРВАТИУС. Но Вас должно было очень интересовать, что там происходило. Неужели Вам никогда ничего не докладывали о происшедшем? Ни об одном случае?

ЗАУКЕЛЬ. Что это меня интересовало с чисто человеческой стороны доказывает тот факт, что я заботился о них, хотя это и не входило в круг моих вопросов.

СЕРВАТИУС. Вы здесь рассказывали об одном случае. Я имею в виду тот случай, когда Вам было донесено об оцеплении здания кинотеатра. Вы помните этот случай?

ЗАУКЕЛЬ. Во время посещения меня фельдмаршалом Клюге, последний рассказал мне, что он слышал следующее: в районе нахождения его армии было оцеплено здание кинотеатра. Находившиеся там люди были отправлены на работу. После того, как мне это было сообщено, я немедленно взялся за расследование этого случая, которое проводилось в течение 3-х месяцев. Мои свидетели будут говорить об этом в своих показаниях. Я установил в результате расследования следующее: эти люди не были отправлены на работу в Германию. Они представляли собой группу строителей, которые производили работу вблизи Ровно. В здании кино они производили окончание каких-то строительных работ. В это время этой группе людей поступило еще одно задание. Задание заклю-

12141

H1204-0257

H1204 – 0258

чалось в производстве работ на другом месте. Предприниматель в весьма резкой форме прервал торжество, распорядившись перед полицейским отрядом о немедленной доставке этих людей к месту работы. Но все это происшествие не имело никакого отношения к кругу моих задач и к моему ведомству. Но мне потребовалось три месяца, чтоби установить истинное положение вещей, о которых говорил мне фельдмаршал Клюге. Во всяком случае те жалобы, которые поступали ко мне, я всегда рассматривал и принимал необходимые меры.

СЕРВАТИУС. Мы сейчас оставим вопрос вербовки и перейдем к вопросу отправки этих людей в Германию. Кто был ответственен за их отправку?

ЗАУКЕЛЬ. За отправку рабочих в Германию была ответственная германская имперская железная дорога и учреждения, которым я поручил дело отправки в своем 4-м распоряжении. Я имею в виду областные учреждения - управления по вопросам труда. При вступлении в должность я сразу же начал вести подробные переговоры с господином имперским министром путей сообщения, доктором Дорпмюллером и его тогдашним статс-секретарем д-ром Ганценмюллером и д-ром Клейнмюллером. Я согласовал с ними вопрос о том, что отправка эшелонов с рабочими в Германию будет производиться в полном порядке, что эти эшелоны будут получать провиант во время пути. Если в эти эшелоны будут брать русских, то вагоны ни при каких обстоятельствах не должны перегружаться. По возможности для эшелонов должны использоваться пассажирские вагоны. Имперский министр путей сообщения обещал мне обеспечить все это, сделав следующее замечание: "Я не могу перевозить этих людей в лучших условиях, чем немецких солдат. Но я

гарантирую вам, что вагоны не будут переполнены".

СЕРВАТИУС. Хорошо, Вы видели ноту Молотова. Это документ СССР-51. Вы знаете ее содержание. В ней, наряду со всем остальным, говорится об условиях перевозки. Там сказано, что вагоны были переполнены, что умерших выбрасывали и они лежали около железнодорожной насыпи, что родившиеся дети сразу же умирали. Вам о таких вещах сообщали, когда - нибудь было ли Вам об этом известно?

ЗАУКЕЛЬ. Мне о таких вещах никогда не сообщали. Не может быть, чтобы эти эшелоны с рабочими имели отношение к моему ведомству.

СЕРВАТИУС. А что же это были за эшелоны?

ЗАУКЕЛЬ. Насколько я могу судить по материалам процессе, это, очевидно, были эшелоны с заключенными из концентрационных лагерей, которые эвакуировались. Я этого не знаю. Я не могу об"яснить по другому, т.к. я никогда ничего не знал о таких вещах, а если бы узнал, то я не потерпел бы их. Такие действия нам только бы вредили.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Где находится этот документ СССР-51?

СЕРВАТИУС. Это документ СССР № 51, это официальный отчет, который имеется у меня в печатном виде. У меня имеется печатный экземпляр на немецком языке. Это СССР-51. Я надеюсь, что этот документ уже пред"явлен суду. Если это не так, то я пред"являю его сам.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Раз у документа есть номер СССР-51, значит он представлен Трибуналу. Это номер документа. Я хочу знать - есть ли какой-нибудь другой номер у этого документа, по которому его можно было бы определить?

H1204 - 0259

H1204-0260

СЕРВАТИУС. Обвинение представило мне документ 054-ПС. Это США-198. Он находится в досье под заглавием "Рабский труд" и имеет № 13.

Там на странице четвертой говорится об обратных перевозках, во время которых имели место самые ужасные события. Вы нашли это место? Оно начинается так: "На настроение рабочих-специалистов и население весьма угнетающим образом действуют прежде всего лица, прибывшие обратно из Германии, которые стали непригодными или же которые и были нетрудоспособными при первой отправке".

ЗАУКЕЛЬ. Здесь речь идет, очевидно, о...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Мы еще не слышали вопроса. Очевидно, он не был переведен.

СЕРВАТИУС. Я еще раз поставлю вопрос. В этом документе говорится об обратной отправке из Германии на восток. Упоминаются два эшелона, в которых по пути произошли катастрофические случаи. Я хотел бы сейчас процитировать отдельные места этих документов. "На настроение рабочих-специалистов и население весьма угнетающим образом действуют прежде всего лица, прибывшие из Германии обратно, которые стали непригодными или же те, которые и были нетрудоспособными при первой отправке. Уже несколько раз эшелоны с рабочими-специалистами, которые отправляются в Германию, сталкивались с эшелонами, в которых возвращаются домой ставшие непригодными рабочие. Оба эшелона в течение продолжительного времени стояли рядом друг с другом. Недостаточная забота об эшелонах с возвращающимися из Германии людьми /в большинстве случаев 50-60 человек в одном вагоне, почти что все больные или слабые; весьма частое явление, что в течение нескольких дней не дают достаточного количества

продуктов, т.к. сопровождающих обычно всего 3-4 человека/. Очень нехорошие, конечно, сильно преувеличенные рассказы об обращении в Германии и в пути, зрелище, представившееся глазам едущим в Германию, все это вызвало у них сильное чувство страха. Отдельные начальники эшелонов, в частности, начальник [redacted] 62 и 63 эшелонов сообщили обо всем этом детально. В одном случае начальник эшелона с рабочими-специалистами, едущими в Германию, видел собственными глазами, как выносили из вагона с возвращающимися из Германии на родину умершего от голода человека. /Старший лейтенант Гофман, 63-й эшелон, станция Дарница./ В другой раз было сообщено, что команда, сопровождавшая эшелон...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Д-р Сервatиус, я не думаю, что Вам нужно зачитывать все это подсудимому. Он, очевидно, все это знает и может дать ответ по этому поводу.

СЕРВАТИУС. Вы видите о каком сообщении в этом документе идет речь. Я прошу вас высказаться по этому поводу.

ЗАУКЕЛЬ. Об этом сообщении я могу сказать следующее. Эти ужасные события должны были расследоваться местными учреждениями. Отчет о результатах этого расследования не поступил ко мне, он и не должен был поступить ко мне. В данном случае я позволю себе указать на то, что я запретил самым строжайшим образом привозить в Германию больных и нетрудоспособных. Это было бы преступлением и обременением экономики. Кто доставлял эти эшелоны обратно, я не могу сказать. Ведь точно не установлено, что это были за эшелоны. В этом отчете сообщается о событиях, которые имели место до того времени, как я вступил в свою должность.

Я хотел бы указать на то, что я сам издал распоряжения,

12145

H1204-0261

H1204 – 0262

в которых говорится, что больные и беременные женщины... Я сам издал распоряжение, в котором говорится, что при обратном перевозе больных, если это вызывается необходимостью, эшелоны вплоть до их места назначения должны сопровождать представители Красного Креста. Эти распоряжения содержатся в сборниках законов. Таким образом, такая ужасная небрежность и преступность противоречат тем ясным условиям, которые выдвигались германскими учреждениями по вопросам труда.

СЕРВАТИУС. Не отвели ли Вы для больных, которые не могли возвратиться домой, курорт "Франкенталь"?

ЗАУКЕЛЬ. В моем собственном гау я предоставил в распоряжение больных советских рабочих не курорт "Франкенталь", а курорт "Франкенхаузен", расположенный вблизи Кифгейзера. Помимо этого я отвел для больных тифом и русских военнопленных школу со 100 койками в деревне Эдендорф, расположенной вблизи Веймара. Таким образом, я по своей собственной инициативе сделал все возможное для того, чтобы оказать помощь больным. Мною было также запрещено отправлять людей обратно в больном состоянии.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Сейчас мы об"явим перерыв.

/Перерыв./

Встать! Суд идет!

СЕРВАТИУС. Когда рабочие прибывали в Германию...

ЗАУКЕЛЬ. Позвольте мне, г-н доктор, сделать еще одно очень важное заявление по поводу документа 054-ПС?

СЕРВАТИУС. Какого документа?

ЗАУКЕЛЬ. 054-ПС.

СЕРВАТИУС. Пожалуйста.

ЗАУКЕЛЬ. Я хотел бы указать на фразу, которая находится в середине пятой страницы. Этот документ представляет собой отчет военной инстанции. Эти вопиющие случаи с эшелонами в первые месяцы, не повторялись больше летом, как нам известно. Я хочу сказать, что первые месяцы 1942 года я совсем не был на своей должности. Моя программа стала действовать лишь с мая, и летом, как это правильно здесь говорится, такие случаи прекратились. Затем я хочу указать на то, что в том же документе 054-ПС на странице десятой, есть копия одной жалобы. Там говорится о том, о чем я сообщал в своем письме от 20 апреля 1942 года. Из этой жалобы явствует, что те события, о которых говорит автор, произошли до того, как я вступил на свою должность.

СЕРВАТИУС. Итак, я спрашивал Вас о прибытии рабочих в Германию. Что же происходило после того, как эшелон с рабочими прибывал в Германию?

ЗАУКЕЛЬ. Эшелон должен был быть принят в Германии по всем правилам, все находившиеся в этом эшелоне должны были пройти врачебный осмотр в пересыльном лагере. Следует сказать, что врачебный осмотр должен был также производиться во время вербовки в том месте, где рабочие вербовались и на предписанном месте до переезда через границу. Таким образом, с момента вербовки и до начала работы на предприятиях, рабочие должны были, согласно моим письменным распоряжениям, трижды пройти медицинский осмотр.

СЕРВАТИУС. Что собой представляли пересыльные лагери?

ЗАУКЕЛЬ. Эти пересыльные лагери были местом сбора эшелонов до переезда границы. Там эти эшелоны регистрировались и производился врачебный осмотр рабочих.

СЕРВАТИУС. Я пред"являю Вам документ УК-39.

H1204 – 0263

H1204 – 0264

ЗАЙЦЕВ. Я хотел бы указать на фразу, которая находится в середине 5-й страницы. Этот документ представляет собой от военной инстанции. Эти вопиющие случаи с эшелонами. "В первые месяцы

H1204 – 0265

ЗАУКЕЛЬ. Я не знаю номера этого документа как доказательства.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Это документ Великобритании?

СЕРВАТИУС. Я до сих пор не установил, имеет ли этот документ номер доказательства. Мне был передан этот документ и я должен установить, есть ли у него номер.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы назвали номер СК-39?

СЕРВАТИУС. УК-39.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Это должен быть номер британского доказательства, не так ли?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Этот документ не входит в серию доказательств Великобритании. Наша серия "ВБ". Этот документ относится к ранним сериям документов, которые были нами подготовлены. Однако мы постараемся это установить.

СЕРВАТИУС. Если Вы посмотрите на этот документ, Вы увидите, что это сообщение от 18 января 1943 г., поступившее из главного имперского управления безопасности. В нем говорится о концентрационном лагере Герцогенбуш. Там сказано: "Этот лагерь будет оборудован под пересыльный лагерь". Скажите, сюда попадали рабочие, прибывавшие в Германию?

ЗАУКЕЛЬ. Ведомство по использованию рабочей силы не имело никакого отношения к этим лагерям. Здесь же, в этом документе говорится, очевидно, о пересыльном лагере для заключенных из концентрационных лагерей, но не о пересыльном лагере моего ведомства. Об этих лагерях я ничего не знал. Я никогда не занимался подобного рода эшелонами и лагерями. Я бы никогда и не стал заниматься такими вопросами.

СЕРВАТИУС. Есть французское правительственное сооб-

щение УК-78, французский документ ФР-274. Он озаглавлен: "Третье сообщение". Это очень большое сообщение. Я цитирую по своим записям. Там говорится, примерно, следующее:

"Как только рабочие прибывают, их отправляют на рынки рабов, на так называемые сортировочные пункты. Условия жизни там совершенно жалкие".

Скажите, это Ваши так называемые пересыльные лагеря, которые здесь описываются?

ЗАУКЕЛЬ. Нет, это совершенно не так. У нас этого вообще не существовало.

СЕРВАТИУС. Как проводилось на практике распределение рабочих? Я опять ссылаюсь на сообщение Молотова СССР-51. Советское Обвинение говорит, что именно под этим номером представлялся этот документ. Так сказано, что рабочие попадали на рынки рабов и продавались по цене 15-20 марок. Что Вы можете сказать по этому поводу?

ЗАУКЕЛЬ. Я думаю, что каждый руководитель производства, будь то сельскохозяйственное производство или промышленное производство, может засвидетельствовать, что такого положения никогда не существовало. Ведь руководители предприятий получали этих рабочих, и они знают, как обстояли дела.

Имперское министерство труда никогда не создавало таких рынков рабов! Эти рабочие, которые попадали в Германию через мое ведомство, находились в таких же условиях, как и немецкие рабочие, с некоторым лишь изменением. Они подписывали такие же трудовые договоры, как и немецкие рабочие. Никогда не было того, чтобы с ними обращались, как с бесправными рабами, не обеспечивая им договора, зарплаты, страхования на случай болезни и страхования от несчастных

H1204 – 0266

H1204 – 0267

случаев. Это ясно вытекает из многочисленных распоряжений и постановлений министерства труда и моего ведомства.

СЕРВАТИУС. Каковы были условия жизни иностранных рабочих в Германии?

ЗАУКЕЛЬ. Условия жизни иностранных рабочих, которые попадали в Германию через мое ведомство, были такие же как и жизненные условия немецких рабочих, которые находились в лагерях. Жизненный уровень был обусловлен войной. По сравнению с мирным временем жизненный уровень был не таким высоким. Что касается немецкого населения, то оно находилось в таком же положении.

В общем, выступавший вчера здесь адъютант фон Шираха из Вены, фамилию которого я лично не знаю, рассказал, каково было положение в других городах Германии.

СЕРВАТИУС. Каково было положение с мерами по безопасности в лагерях?

ЗАУКЕЛЬ. В самих лагерях?

СЕРВАТИУС. Нет, вообще.

ЗАУКЕЛЬ. Все мероприятия по безопасности проводились полицией и не входили в мои задачи. Сами лагери подчинялись предприятиям и германскому трудовому фронту.

СЕРВАТИУС. Я пред"являю Вам документ ЕЦ-68. Это - постановление крестьянского совета в Бадене об обращении с поляками в Германии. Это - документ США-205. Это - документ областной организации крестьян. Я прочту Вам начало этого документа. Там сказано:

" Официальные учреждения имперского управления заготовок, областная организация крестьян в Бадене с удовлетворением встретили результаты переговоров у высшего руководителя СС и полиции, происходивших 14 февраля 1941 г. в Штутгарте. Соответствующие справки уже переданы районным организациям крестьян. Дополнительно довожу до сведения отдель-

ные постановления, принятые на основе этих переговоров и подлежащие выполнению:

"1. Сельскохозяйственные рабочие польской национальности принципиально не имеют больше права подавать жалобы. Соответственно этому ни одно учреждение не может принимать жалобы от этих рабочих;

2. Сельскохозяйственные рабочие польской национальности не могут больше отлучаться из населенных пунктов, куда они присланы на работу" и т.д.

Я здесь выпускаю несколько строчек и цитирую только важнейшие пункты.

"5. Посещение театральных представлений, кино и других культурных заведений запрещается сельскохозяйственным рабочим польской национальности".

Далее здесь говорится о запрещении пользования железными дорогами. Затем - пункт 12-й, это весьма важный пункт.

"Право телесного наказания предоставляется каждому предпринимателю в отношении сельскохозяйственных рабочих польской национальности" и т.д.

Выскажетесь, пожалуйста, по поводу этого документа.

ЗАУКЕЛЬ. Я хотел бы в отношении этого документа прежде всего указать на то, что он составлен 6 марта 1941 г., т.е. больше чем за год до того времени, как я вступил на свою должность. Во время моей служебной деятельности я никогда ничего не слышал о таком глупом и невероятном распоряжении. Поскольку я только сейчас узнаю о существовании таких документов или же узнал о них только здесь, на процессе, я прошу позволить мне ссылаться на мои собственные распоряжения, которые я издавал, совершенно не считаясь с теми, которые были изданы до меня. Посредством этих своих распоря-

12151

H1204 – 0268

H1204 – 0269

жений я автоматически лишал силы распоряжения, изданные до того, как я стал уполномоченным. Чтобы лишить имперские учреждения возможности пользования этими, лишенными всякого смысла распоряжениями, я собрал свои постановления в справочнике и издал этот справочник. В этом справочнике... Из-за отсутствия времени и уважения к Суду, я не могу требовать, чтобы Суд познакомился со всем этим справочником. Но те распоряжения, которые помещены в самом справочнике, находятся в вопиющем противоречии с содержанием только что оглашенного документа. Я прошу позволить мне огласить лишь одну фразу из упомянутого здесь уже манифеста, в которой как раз запрещается подобное злоупотребление рабочей силой. В манифесте предписывается выполнять мои распоряжения по поводу справедливого обращения. В нем сказано:"Областные трудовые бюро должны, по крайней мере, один раз в три месяца настойчиво напоминать предприятиям и начальникам лагерей иностранных рабочих, а также обслуживающему составу предприятий о том, что они должны придерживаться этих распоряжений и директив, а также всех изданных к ним дополнений. Необходимо постоянно следить за их практическим выполнением".

СЕРВАТИУС. Этим манифест заканчивается?

ЗАУКЕЛЬ. Это один абзац из манифеста. В нем делается ссылка на изданные мной распоряжения о необходимости справедливого и гуманного отношения к рабочим, обеспечения должного количества продовольствия, правильного распределения свободного времени и т.д.

СЕРВАТИУС. Вы издали целый ряд распоряжений. Вы наблюдали несогласие с Вашими основными принципами, изложенными в этих распоряжениях? Что Вы предпринимали в таких случаях?

ЗАУКЕЛЬ. Как только я замечал какое-либо сопротивление, я подчеркивал еще раз необходимость выполнения моих распоряжений, ссылаясь на тот факт, что они были одобрены фюрером в ответ на сделанные мной у него представления.

СЕРВАТИУС. В области обеспечения особое влияние имел Германский трудовой фронт? Какова была задача Германского трудового фронта?

ЗАУКЕЛЬ. Германский трудовой фронт должен был заботиться и защищать интересы немецких рабочих. В качестве организации с такими задачами Германский трудовой фронт, естественно, должен был заботиться также и об иностранных рабочих. Это было его естественной задачей. Одновременно он должен был корректировать государственное управление труда, как это в других странах делают профсоюзы.

СЕРВАТИУС. Каковы были задачи руководителей предприятий /бетрибсфюрер/?

ЗАУКЕЛЬ. Руководители предприятий должны были регулировать общее производство продукции на своих предприятиях. Само собой разумеется, что они несли полную ответственность за своих рабочих и за выделенных им иностранных рабочих.

СЕРВАТИУС. А кто был ответственен в первую очередь: Германский трудовой фронт или руководители предприятий?

ЗАУКЕЛЬ. В первую очередь были ответственны руководители предприятий, согласно германскому закону о регулировании труда.

СЕРВАТИУС. В основном рабочие размещалась в лагерях. Кто наблюдал за устройством лагерей?

12153

H1204 – 0270

H1204 – 0271

ЗАУКЕЛЬ. За устройством лагерей наблюдала в качестве последней инстанции - германская инспекция по надзору за ремесленным хозяйством. Эта инспекция подчинялась в свою очередь г-ну имперскому министру труда. Инспекция по надзору за ремесленным хозяйством располагала средствами принуждения, а также полномочиями оказывать на руководителей предприятий, не выполнявших распоряжений имперского министра труда, определенное давление.

СЕРВАТИУС. А Вы сами издавали какие-нибудь распоряжения относительно лагерей?

ЗАУКЕЛЬ. Я сам издавал некоторые распоряжения относительно лагерей. Но они должны были контролироваться имперским министром труда.

СЕРВАТИУС. Все эти вопросы относились к учреждению и устройству лагерей. Как протекала жизнь в этих лагерях? Кто был за них ответственен?

ЗАУКЕЛЬ. В самих лагерях ответственным лицом был руководитель лагеря, так называемый, "лагерфюрер". Руководитель лагеря назначался по согласованию руководителя предприятия с Германским трудовым фронтом. Насколько мне известно /это уже не относилось к кругу моих задач/, он должен был быть утвержден управлением безопасности.

СЕРВАТИУС. Вы говорите здесь об управлении безопасности. В какой степени участвовала полиция в наблюдении за лагерем и поддержании дисциплины?

ЗАУКЕЛЬ. Наблюдение за лагерем и поддержание дисциплины в нем было задачей руководителя лагеря, и полиция вначале не имела никакого отношения к этому. Полиция имела право /по моему мнению, такое положение существует во всех государствах/ осуществлять надзор и контроль в отно-

H1204 – 0273

шении шпионажа, а также должна была обеспечить засекречивание предприятия. Других задач у полиции безопасности в лагере не было.

СЕРВАТИУС. Лагери были изолированы от внешнего мира? Как обстояло дело в этом отношении в то время, когда Вы заняли свою должность?

ЗАУКЕЛЬ. Когда я занял свою должность, лагери, причем главным образом, лагери восточных рабочих, были совершенно изолированы и обнесены колючей проволокой. Я считал такое положение вещей несовместимым с теми принципами, которые я выдвинул для обеспечения плодотворной и добровольной работы. Я со всей свойственной мне энергией выступил против того, чтобы обносить лагери колючей проволокой и так изолировать их, и добился положительных результатов. Я ликвидировал распоряжения, ограничивающие возможность выхода за территорию лагеря. В результате всего этого положение стало таким, каким его описывали вчера. Изоляция же не могла быть совместима с той волей к труду, которой я хотел добиться.

СЕРВАТИУС. Итак, я перехожу к вопросу о питании. Как обеспечивались иностранные рабочие в этой области?

ЗАУКЕЛЬ. Снабжение иностранных рабочих производилось на той же основе, что и снабжение германского народа. Рабочие тяжелого физического труда и рабочие, работавшие сверхурочно, получали дополнительные пайки.

СЕРВАТИУС. Такое положение существовало также и в тот момент, когда вы вступили на эту должность?

ЗАУКЕЛЬ. После того, как я вступил на эту должность и получил приказ фюрера доставить в империю новые контингенты иностранных рабочих, первое что я сделал, было следующее: Я тотчас же отправился для переговоров к импер-

12155

H1204 – 0272

H1204 – 0273

скому министру снабжения. Для меня было совершенно ясно, что вопрос о доставке иностранных рабочих в империю был в первую очередь неразрывно связан с вопросом их продовольственного снабжения, т.к. те рабочие, которые плохо снабжаются продовольствием, не могут даже, если они хотят, производить нужное количество работы. Я, ссылаясь на распоряжения фюрера и рейхсмаршала, в ходе подробных переговоров добился от него установления соответствующих норм питания и оформления этих норм в законном порядке. Конечно, это было крайне сложно, так как положение с питанием в Германии было очень напряженным, но иначе мне было бы невозможно выполнить приказ фюрера о ввозе новых рабочих в Германию.

СЕРВАТИУС. Да, но здесь в связи с вопросом о продовольственном снабжении затрагивались такие вещи, на основании которых можно с полным правом предположить, что с питанием иностранных рабочих дела обстояли весьма плохо? Вам ничего об этом не сообщалось? Сами Вы об этом так ничего и не узнали?

ЗАУКЕЛЬ. Мне никогда ничего не сообщалось катастрофического по вопросу продовольственного снабжения иностранных рабочих, находившихся в трудовых лагерях. Я всегда сам особенно упирал на то, чтобы именно этот вопрос подвергался постоянному контролю. Руководители предприятий сами относились со всей серьезностью к вопросу о продовольственном снабжении рабочих.

СЕРВАТИУС. Не обращались ли Вы к гаулейтерам и областным бюро по вопросам труда с письмом о том, что с иностранными рабочими следует хорошо обращаться?

ЗАУКЕЛЬ. После того как я вступил в свою должность и гаулейтеры были назначены уполномоченными по вопросам рабочей силы

H1204 – 0274

в своих гау, я обратил их внимание на вопрос продовольственного снабжения иностранных рабочих и размещения их. Я узнал, что в двух гау к моим распоряжениям не отнеслись со всей серьезностью. Один случай произошел в Эссене. Я поехал сейчас же в Эссен и сам лично устранил существовавшие неполадки. Вопрос шел о заграждениях из колючей проволоки. Во втором случае я также лично вмешался. Это было в баварской Австрии. Кроме того, я использовал эти два случая, чтобы направить гаулейтерам, правительствам земель и провинций письмо, в котором я просил соблюдать мои распоряжения.

СЕРВАТИУС. Я ссылаюсь на документ № 19, это в первой английской книге документов, на стр.54, документ Заукеля № 19.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Это № 19?

СЕРВАТИУС. Да. Это на стр.54 , документ - Заукель № 19. Это первая книга документов Заукеля. Но в ней помещена лишь часть подлинного документа. Это циркуляр Заукеля, разосланный всем гаулейтерам и бюро по вопросам труда в гау. В нем сказано следующее:

"В одном из округов некоего гау недавно было сделано следующее заявление: "Если этой зимой в гау кто-то должен замерзать, то пусть в первую очередь мерзнут русские". /Имеются в виду русские гражданские рабочие, занятые на работах в этом гау/. Из этого высказывания ~~ено~~ ясно видно, что в данном гау контакт между управлением по вопросам использования рабочей силы и соответствующими политическими инстанциями не является достаточно тесным. Одной из важнейших задач ведомства по использованию рабочей силы и одной из ваших важнейших задач, как уполномоченных по использованию рабочей силы в своих гау, является забота о том, чтобы ино-

H1204-0274

H1204 – 0275

странные рабочие, занятые на работах в германской военной промышленности и пищевой промышленности, содержались в таких условиях, которые бы обеспечивали им возможность работать с максимальной производительностью". Поэтому нельзя ни-в коем случае допускать того, чтобы только немецких рабочих проявлялась забота в тех случаях, когда необходимо устранить те или иные недостатки. Нельзя необдуманно мириться с недостаточным продовольственным снабжением иностранных рабочих. Наоборот, необходимо всегда помнить, что для достижения победы следует требовать максимума производительности не только от немецких рабочих, но и от иностранных рабочих. Было бы безумием доставить иностранных рабочих в Германию, истратив на это большие деньги, а затем допустить снижение их трудоспособности из-за недостаточного питания или, может быть, даже обречь их на гибель". В конце следует напоминание о необходимости выполнения его распоряжений. Какое было положение с одеждой для иностранных рабочих?

ЗАУКЕЛЬ. Одежда для иностранных рабочих из западных стран относительно мало беспокоила нас, т.к. у этих людей была одежда и мы могли дать им дополнительно кое-что. Намного хуже было положение с восточными рабочими. Я ходатайствовал перед имперским министром экономики о предоставлении мне одежды. Я ходатайствовал о заготовке полного комплекта нижней и верхней одежды для 1.500.000 восточных рабочих. Чтобы заготовить такое количество одежды, потребовалось 10.000 рабочих и 30.000 тонн сырья. Итак, для того, чтобы обеспечить рабочих одеждой, было сделано все возможное. Одежда им была предоставлена.

H1204 – 0276

СЕРВАТИУС. Французская делегация представила документ РФ-5. Этот документ имеет следующее заглавие: "Европа работает в Германии". Я также представил этот документ Трибуналу и Трибунал принял его. Я еще раз представляю этот документ и ссылаюсь на три фотографии, которые имеются в этом документе. На первой фотографии показано, что восточные рабочие, которые прибыли в Германию, идут босиком, а на следующих фотографиях показаны эти же рабочие в Германии, которые вполне хорошо одеты. На этих фотографиях видно, насколько лучше стали одеваться эти рабочие в Германии.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Это документ "Заукель 5"?

СЕРВАТИУС. Нет, это документ французской делегации РФ-5.

Как обстояло дело с рабочим временем, кто регулировал этот вопрос?

ЗАУКЕЛЬ. Рабоче время устанавливалось на основании декретов фюрера, совета министров и позднее имперского министра Геббельса. Проведение в жизнь их распоряжений лежало на мне.

СЕРВАТИУС. Какова была продолжительность рабочего дня в среднем?

ЗАУКЕЛЬ. Трудно говорить о средней продолжительности рабочего дня в Германии во время войны. По закону рабочий день должен продолжаться восемь часов. Затем были сверхурочные часы, они оплачивались особо. В 1943 году было установлено, что в неделю должно быть 54 рабочих часа, в последующее время, когда в этом возникла необходимость, эта цифра была увеличена на 10 часов. Когда имперский министр,д-р Геббельс, был назначен имперским уполномоченным по тотальной мобилизации, он, вопреки моим возражениям и возражениям других инстанций, ввел,

H1204 – 0276

H1204 – 0277

пользуясь своими полномочиями десятичасовой рабочий день для всех учреждений и для всех предприятий. Но этого в действительности нельзя было осуществить, так как работа на многих предприятиях и во многих учреждениях зависела от наличия сырья и рабочих. Во всем этом чувствовался недостаток, поэтому часто возникали трудности. Но в некоторых особых случаях, которые были нередким явлением, если этого требовали интересы производства, работали по 11-12 часов. Немецкие рабочие также работали больше положенного времени, за что и получали соответствующее денежное вознаграждение.

СЕРВАТИУС. Я ссылаюсь сейчас на документ французской делегации РФ № 22. Там, на стр.101 немецкого текста сказано следующее: "Из допросов возвратившихся на родину рабочих, угнанных в свое время в Германию, которые производились во французском министерстве по делам военнопленных, следует, что в неделю они работали в среднем по меньшей мере 72 часа". Далее здесь говорится об источнике этих сведений. Но в данный момент нас это не интересует. Нередко работали 64 часа. Были случаи, когда работали по 100 часов, причем в этих случаях люди работали сразу по 30-36 часов без перерыва".

Что Вы можете сказать по этому поводу: было ли Вам известно об этом?

ЗАУКЕЛЬ. Я не могу высказаться по поводу этих сообщений, т.к. я не знаю, идет ли здесь речь о людях, которые были в концентрационных лагерях, или здесь речь идет о тех людях, которыми распоряжался я,- т.е. о гражданских рабочих. Правильно, что были периоды и отдельные случаи, когда рабочие работали на предприятиях больше положенного времени. Вопрос об удлиненном рабочем дне

решался самим предприятием. Решение его было обязательным и для немецких рабочих. Но между отдельными днями, в которые работали больше обычного, рабочие отдыхали. Обычно такая работа была в те дни, когда выполнялись важные заказы. Но я на основании этих допросов не могу заключить, где работали эти рабочие. Поэтому я не могу дать точных об"яснений.

СЕРВАТИУС. А как дело обстояло со свободным временем?

ЗАУКЕЛЬ. Свободное время имелось у рабочих.

СЕРВАТИУС. А кто определял это свободное время?

ЗАУКЕЛЬ. Всеми вопросами, связанными с регулированием свободного времени, занимался Германский трудовой фронт.

СЕРВАТИУС. Использовались ли на работах дети и подростки?

ЗАУКЕЛЬ. Согласно имперскому закону, детям в возрасте до 11 лет, а также подросткам в возрасте до 14 лет, запрещается работать. Детям в возрасте до 14 лет разрешается лишь работать в сельском хозяйстве, причем рабочий день должен быть очень непродолжительным.

СЕРВАТИУС. Вы издавали какие-нибудь распоряжения о рабочем дне для детей?

ЗАУКЕЛЬ. Я издавал распоряжения, или вернее утверждал те, которые уже существовали ранее.

СЕРВАТИУС. Я представляю Вам документ 345-ПС; это - письмо имперского министра Розенберга к Ламмерсу от 20 июля 1944 года.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Был ли он представлен ранее? Этот документ представлялся ранее в качестве доказательства?

СЕРВАТИУС. Этот документ был представлен при перекрестном допросе. Я только что получил его. Сейчас я собираюсь лишь повторить содержание этого документа. В нем речь

H1204 – 0278

H1204 – 0279

идет о вербовке молодежи в возрасте от 15 до 20 лет для работы на военных предприятиях Германии. Далее делается ссылка на перевоз подростков в возрасте от 10 до 14 лет на территорию Германии. Это так назыв. "хойакцион". Далее там сказано: "Цель, которая преследуется этим мероприятием, состоит в дальнейшей заботе о детях с привлечением к этому имперского руководства молодежи и в обучении их для использования в германской экономике. Это уже было проведено успешно на известном белорусском заводе, где работает молодежь, с согласия генерального уполномоченного по использованию рабочей силы, т.е. с Вашего согласия". Выскажетесь, пожалуйста, по этому поводу. Не по Вашему ли распоряжению было проведено это мероприятие?

ЗАУКЕЛЬ. Нет, я не имел никакого отношения к этому мероприятию. Моего адреса в списке адресатов не имеется. Я не знаком со всем этим.

СЕРВАТИУС. Следовательно, Вы не нарушали своих предыдущих распоряжений какими-либо другими указаниями?

ЗАУКЕЛЬ. Нет, я еще раз повторяю, что я не имел никакого отношения к этому мероприятию.

СЕРВАТИУС. Сейчас я предоставляю Вам документ, который был представлен Обвинением по делу Ширака. Это документ 1137-ПС. Письмо от 19 октября 1944 года. На стр.3 этого письма сказано: "Кроме этих рабочих, в распоряжение германской военной промышленности были уже до этого предоставлены рабочие, а именно :3.500 юношей и 500 девушек были отправлены на заводы Юнкерса, 2.000 юношей и 700 девушек были отправлены на...

Таким образом из оккупированных восточных областей учреждения, возглавляемые руководством гитлеровской молодежи

- я выпускаю сейчас то, что нас не интересует, - предоставили в распоряжение германской военной промышленности 5.500 юношей и 1.200 девушек".

Вы были инициатором этих пополнений, имели ли вы ко всему этому какое-нибудь отношение?

ЗАУКЕЛЬ. Нет.

СЕРВАТИУС. Как эти люди попали в военную прмышленность?

ЗАУКЕЛЬ. Я лично не могу сейчас этого об"яснить. Это было сделано по согласованию с министерством по делам восточных оккупированных областей или же хауптманнфюрером Никель. Я только здесь, на процессе, услышал о том, что эти подростки были не в том возрасте, когда работа сама по себе им запрещается. Я слышал, что...

СЕРВАТИУС. Это известно.

ЗАУКЕЛЬ. Через мои руки этот документ, как и вообще все дело, не проходило. То же самое я должен сказать и о всех своих учреждениях.

СЕРВАТИУС. А как обстояли дела с использованием на работах иностранных работниц?

ЗАУКЕЛЬ. Эти женщины, вывозимые из других государств, использовались на таких же работах, как и немецкие женщины.

СЕРВАТИУС. Здесь был представлен документ № 025-ПС. Это - США-698. Этот документ был представлен совсем недавно. В книгах документов его нет. Он представляет собой запись совещания, состоявшегося у вас. На этом совещании вы говорили об использовании вывезенных из других стран женщин. Там, в третьем абзаце сказано:

H1204 – 0280

H1204 – 0281

"Фюрер распорядился о том, чтобы с Украины были тотчас же доставлены 400.000-500.000 восточных работниц в возрасте от 15 до 35 лет, поручив проведение этого мероприятия в жизнь генеральному уполномоченному по использованию рабочей силы. Данное мероприятие должно быть проведено в три месяца". Далее здесь сказано: "Желание фюрера заключалось в том, чтобы максимальное число из этих девушек, которые покажут себя достойными этого, было германизировано".

Выскажетесь по этому поводу?

ЗАУКЕЛЬ. Да, это распоряжение представляет собой распоряжение фюрера о том, чтобы в Германию было доставлено 400.000-500.000 восточных работниц для работы по хозяйству в немецких семьях и для облегчения положения жен немецких крестьян. Я хотел бы сказать, что эта запись была сделана не мною и не моим учреждением. Эти записи были, вероятно, сделаны каким-нибудь господином на основании тех, которые он сделал во время совещания.

Относительно этих 500-500 тысяч домашних работниц следует сказать, что они должны были прибывать в Германию исключительно по своей доброй воле. В действительности, было привезено в империю лишь 13-15 тысяч.

Здесь говорится о германизации. Это понятие включает в себя добровольное согласие остаться в последующее время в Германии.

СЕРВАТИУС. Каково было медицинское обслуживание иностранных рабочих? Здесь говорилось об этом очень много. Например, говорилось, что в том случае, если рабочий не может больше работать, о нем нечего заботиться. Это было якобы Ваш принцип. Далее сказано, например, что ра-

бота, снабжение и оплата должны находиться в определенном соотношении. Если рабочий не может больше работать, он является баластом. Что Вы можете ответить на эти обвинения?

ЗАУКЕЛЬ. Я прошу, чтобы Вы показали мне, где это сказано. Когда я это говорил? Что-то я об этом ничего не знаю.

СЕРВАТИУС. Это - из стенограммы заседания. Это стр. 2789 немецкой стенограммы. Там сказано: "Если рабочий не может больше работать, не следует о нем и заботиться". Вы придерживались такого принципа?

ЗАУКЕЛЬ. Наоборот, я издал сотни распоряжений и указаний, совершенно точного содержания. Все они собраны в имперском вестнике законов, в специальных печатных изданиях для предприятий и для управлений по вопросам труда и в специальных сборниках. Во всех этих распоряжениях говорится о том, что иностранные рабочие, занятые на работах в империи, должны иметь такое же медицинское обслуживание, какое имеют и германские рабочие, согласно германским законам. Они должны иметь право застраховывать...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Др Серватиус, Вы представили подсудимому документ, где говорится о том, что он сказал, что после того как они не способны были работать, их судьбой уже не интересовались. Этот документ Вы предъявили ему?

СЕРВАТИУС. Этот документ представлялся здесь в связи с вопросом о работницах. Обвинение утверждало, что Заукель якобы сказал, что они должны подвергнуться германизации. От этого документа я перешел к вопросу о медицинском обслуживании.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы хотите сказать, что это было в документе 025-ПС, США-698.

12165

H1204 - 0282

H1204 – 0283

СЕРВАТИУС. Этот документ 025 относится только к вопросу о работницах. Этот вопрос уже закончен. Я теперь перешел к вопросу о медицинском обслуживании всех рабочих, а не только работниц.

Скажите, Вы получали какие-нибудь сообщения и доклады о катастрофическом положении в деле медицинского обслуживания иностранных рабочих и о плохом состоянии здоровья этих рабочих?

ЗАУКЕЛЬ. Нет. О здоровьи иностранных рабочих и о проведении гигиенических мероприятий заботились не только немецкие врачи на ~~[illegible]~~ предприятиях и в лагерях. О здоровьи иностранных рабочих заботились также врачи, которые были присланы в Германию с родины этих рабочих. Эти врачи и прочий медицинский персонал также работали в лагерях.

СЕРВАТИУС. Как Вы проверяли выполнение своих распоряжений и какие контролирующие инстанции существовали?

ЗАУКЕЛЬ. Существовали следующие учреждения, занимавшиеся контролем.

СЕРВАТИУС. Одну минуту. Я хочу сослаться сейчас на документ № 2. Там я составил план существовавших контрольных инспекций, которые должны были следить за выполнением ваших распоряжений. Это показано на схеме. Это документ 2-й. Я хочу коротко пояснить это Вам. В средине ~~[illegible]~~ имперское министерство труда, министр Зельте. Внизу под ним изображено контрольное учреждение в мирное время, это профессионально-контрольное управление с его полицией. Это единственное учреждение, которое имеет полицейские полномочия, т.е. оно может действовать против существовавшего сопротивления в отношении выполнения этих распоряжений. Наряду с этим был

создан ряд инстанций, которые также занимались вопросами обслуживания рабочих. Во-первых - это Германский трудовой фронт. Он представлен на правой стороне. В нем об"единяются интересы работодателей, рабочих и промышленности. Это " в некотором роде инстанция, замещающая профсоюзы. Оттуда обеспечение рабочих идет по самим заводам. Здесь было создано собственное инспекционное управление: имперское инспекционное управление германского трудового фронта. Далее изображается инстанция по делам иностранных рабочих. У нее имеются свои собственные представители на предприятиях, которые принимают все жалобы. Работающие на предприятиях иностранцы могут со своей стороны также докладывать о положении дел. Далее, с правой стороны, идет имперское министерство продовольствия. Это министерство непосредственно знакомиться с положением дел в области продовольственного снабжения через управления по вопросам продовольствия в землях и провинциях. Сообщения, поступающие к министру иностранных дел дипломатическим путем, идут в конце концов к Заукелю. Затем Вы увидите особое учреждение при министерстве Розенберга, это так называемое центральное учреждение по вопросам народов Востока. Тот последний документ, который был здесь представлен, составил, очевидно, сотрудник этого учреждения Розенберга, который присутствовал там. Это центральное учреждение по вопросам народов Востока имеет на предприятиях своих доверенных лиц, которые непосредственно занимаются этими сообщениями. Все эти сообщения поступали к Заукелю. Я перехожу теперь к левой стороне схемы. Заукель сам создал в целях инспекции собственный рабочий штаб, члены которого все время посылались в инспекторские поездки. Мы уже слышали от некоторых свидетелей о посещении этих инспек-

H1204 – 0284

H1204 – 0285

торов и об их усилиях. Кроме того, Заукель создал собственное управление: "имперская инспекция". В эту имперскую инспекцию поступали жалобы от германского трудового фронта и других инстанций. Если Заукель говорит, что он тотчас же препровождал все жалобы в соответствующие инстанции, то это значит, что эти жалобы поступали в управление имперской инспекции, которая информировала соответствующие инстанции. Имперская инспекция в своей деятельности пользовалась мерами принуждения, полномочия на применение которых имелись у имперского министерства труда. За выполнением постановлений Заукеля следили также гауляйтеры. Те свидетели, которые в прошлом были гауляйтерами, показали, что они в действительности контролировали использование рабочей силы в качестве уполномоченных Заукеля. Далее, посмотрите немного влево. Там сказано о работе имперского министерства народного просвещения и пропаганды. Это министерство также следило за трудовыми лагерями. Слева в конце представлены вооруженные силы, располагавшие собственным контрольным аппаратом и инспекторами, которые сами по себе заботились о военнопленных и следили за выполнением положений международных конвенций. Все это стекалось к Заукелю. Заукель показал здесь, что ему не сообщали о катастрофическим беспорядках, что он мог добиваться положительных результатов лишь с помощью своих распоряжений.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Др Серватиус, не спроите ли Вы подсудимого, является ли заявление по поводу об"яснения таблицы правильным?

СЕРВАТИУС. Г-н свидетель, правилна ли эта таблица и то, что я сейчас здесь излагал по поводу этой таблицы?

ЗАУКЕЛЬ. Да, правильно.

СЕРВАТИУС. Правильно?

ЗАУКЕЛЬ. Да.

СЕРВАТИУС. Не могли ли бы Вы теперь высказаться по поводу деятельности гаулейтеров на должностях Ваших уполномоченных? Как Вы контролировали гаулейтеров?

ЗАУКЕЛЬ. Самих гаулейтеров я не мог контролировать, так как они не подчинялись мне ни в дисциплинарном, ни в служебном отношении. Но сотрудники моего рабочего штаба по моему приказанию посещали все гау один раз в три месяца. Во время этих посещений они выслушивали жалобы гаулейтеров. Затем они совместно посещали предприятия и лагери, контролируя при этом, в какой степени были выполнены мои распоряжения. Я позволю себе заметить, что они не могли инспектировать концентрационных лагерей и положение работавших там людей. Это было для них недоступно. Этот комплекс концентрационных лагерей был в ведении обергруппенфюрера Поля. Я не имел никакого права и никакой возможности ознакомиться с положением в этих лагерях.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Сейчас мы сделаем перерыв.

/Об"является перерыв до 14.00/

12169

H1204 – 0286

H1204 – 0287

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 29 мая 1946 года

Вечернее заседание

Встать! Суд идет!

КУБУШОК. Я прошу разрешить мне, чтобы подсудимый фон Папен завтра не присутствовал на утреннем и вечернем заседаниях. Для подготовки к защите его дела мне необходимо иметь с ним продолжительную беседу, которая в противном случае не может состояться. Его интересы будут представлены на заседаниях д-ром Флекенером.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да.

КОМЕНДАНТ СУДА. Господа судьи! Подсудимый Геринг отсутствует на этом заседании.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Как я сказал сегодня утром, открытое заседание Трибунала закончится в 16.00.

СЕРВАТИУС. Мы остановились на вопросе о контроле, инспекциях. Я хотел бы, однако, предварительно вернуться к одному вопросу, который мы уже разбирали. Вы сказали, что руководитель предприятия отвечал за рабочих. Это относится также к лагерям военнопленных и концлагерям ?

ЗАУКЕЛЬ. Нет, для лагерей военнопленных такой инстанцией являлась армия или та воинская часть, в подчинении которой они находились. Насколько я знаю, за заключенных концлагерей также и в тех случаях, когда они работали, отвечали концлагери.

СЕРВАТИУС. Вы учредили отдел 9-й, отдел инспекции в

имперском министерстве труда ?

ЗАУКЕЛЬ. Да.

СЕРВАТИУС. Какие особые задачи имела эта инспекция ?

ЗАУКЕЛЬ. Я учредил эту инспекцию, которой раньше не было в министерстве труда, вследствие того, что на всей территории империи и на территории оккупированных областей, где имелись немецкие предприятия и существовали трудовые договоры, необходимо было обеспечить унификацию этих договоров и проверять их выполнение, а также проверять общие административные мероприятия; кроме того, нужно было проверять, выполняются ли мои указания в отношении снабжения продовольствием, расквартирования рабочих и обслуживания их, а также, в какой мере необходимы изменения в этих указаниях. Обо всем этом говорилось в инструкции, которую я составил для этой инспекции.

СЕРВАТИУС. Какое место занимала центральная инспекция Немецкого трудового фронта по обслуживанию иностранных рабочих ?

ЗАУКЕЛЬ. Центральная инспекция трудового фронта имела задачей в лагерях Германии проверять обслуживание иностранных рабочих, а также проверять, получают ли они установленные нормы продовольствия и т.д.

СЕРВАТИУС. Были ли вскрыты какие-либо злоупотребления и, если были, сообщала ли инспекция об этом Вам или, возможно, другому лицу ?

ЗАУКЕЛЬ. Между руководителем Немецкого трудового фронта д-ром Леем и мною существовало соглашение, текст которого находится в дополнении к постановлению о создании цент-

H1204 – 0288

H1204 – 0289

ральной инспекции. Там говорилось, что в отношении условий в лагерях эта центральная инспекция должна связаться непосредственно с соответствующими центральными учреждениями империи, а также в некоторых случаях - с отделом контроля промышленности при министерстве труда, для исправления замеченных недостатков, в то время как донесения о недостатках в области использования рабочей силы, например, имеется ли достаточное количество рабочих или нет, должны были поступать непосредственно ко мне.

СЕРВАТИУС. Таким образом, на основании этого соглашения, Ваши права были ограничены ?

ЗАУКЕЛЬ. Да.

СЕРВАТИУС. Документ 1913-ПС, который был здесь предъявлен, это соглашение между Заукелем и д-ром Леем от 20.IX-43 г. Это также документ США-227, в английской книге документов это № 41. Я только сослался на этот документ и не буду больше на нем останавливаться.

Какие контрольные инстанции существовали, кроме того? Я имею здесь в виду французских рабочих.

ЗАУКЕЛЬ. После моего вступления на данный пост был создан институт доверенных лиц от иностранных рабочих, которые по соглашению с органами Немецкого трудового фронта имели право посещать лагери для того, чтобы выслушивать жалобы рабочих.

Французское правительство заключило особое соглашение с министерством иностранных дел Германии.

СЕРВАТИУС. Это документ "Заукель-31" в книге документов

№ 1, на стр. 79 английского текста: "Французское учреждение по обслуживанию французских рабочих, работающих в Германии". "Циркуляр Заукеля от 30 апреля 1942 г.". Я передаю этот документ суду, он находится в сборнике. Я цитирую:

"Имперское правительство сделало французскому правительству сообщение о том, что оно согласно со следующим урегулированием вопроса об обслуживании французских рабочих, добровольно отправившихся в Германию:

1. Под руководством посла Скапини в Берлине, наряду с уже существующим учреждением по делам военнопленных, создается учреждение по делам французских гражданских рабочих. Имперское правительство предоставляет для размещения этого учреждения специальное здание. Это учреждение может создать филиалы в четырех других немецких городах. В круг обязанностей этого учреждения входит обслуживание французских рабочих в Германии. Оно осуществляет контроль над соблюдением заключенных трудовых договоров. Это учреждение может принимать ходатайства рабочих и довести их до сведения соответствующих инстанций, а также способствовать устранению недостатков.

Оно может выдавать рабочим справки и удостоверения для предоставления их французским властям".

Я пропускаю один абзац.

"Руководителю общего французского представительства, помимо этого, для осуществления его задач будут даны дипломатические права неприкосновенности личности, а также он будет освобожден от несения ответственности перед

12173

H1204 – 0290

H1204 – 0291

германским судом и полицейскими властями". /Конец цитаты/.

СЕРВАТИУС. Как практически сотрудничало с Вами это учреждение ?

ЗАУКЕЛЬ. Это учреждение практически работало во взаимодействии с немецким трудовым фронтом и со мной. Представитель этого учреждения участвовал в переговорах во Франции с французским правительством. Это учреждение впоследствии было реорганизовано и освобождено от работы по обслуживанию гражданских рабочих. Этим стал ведать господин Брунцо вместо г-на Скапини, за которым сохранились только военнопленные.

СЕРВАТИУС. Таким образом, произошла только смена лиц ?

ЗАУКЕЛЬ. Да. Только смена лиц. Я часто говорил с этими господами и соответствующим образом рассматривал их желания.

СЕРВАТИУС. Чем занималась Центральная инспекция по делам народов Востока ?

ЗАУКЕЛЬ. Центральная инспекция по делам народов Востока являлась учреждением рейхскомиссара восточных областей.

СЕРВАТИУС. А чем она занималась ?

ЗАУКЕЛЬ. Она занималась тем же, чем, как я говорил, занималось французское учреждение. Разница состояла лишь в том, что во главе этой инспекции стоял представитель немецкой власти и что она имела структуру немецкого учреждения. Она пользовалась доверием восточных рабочих, которые работали с нами как союзники.

СЕРВАТИУС. Поступали ли от нее жалобы ?

ЗАУКЕЛЬ. Кроме тех случаев, о которых я говорил с гос-

пцином Розенбергом и о которых я уже показывал, других случаев не было. Все обычно урегулировалось.

СЕРВАТИУС. Я перехожу теперь к вопросу о поддержании трудовой дисциплины. Каковы были инструкции о поддержании трудовой дисциплины, т.-е. об аккуратности и своевременном выполнении заданий и т.д. ? Какие имелись инструкции по этому вопросу ?

ЗАУКЕЛЬ. В Германии инструкции о трудовой дисциплине являлись делом самих предприятий. Для каждого предприятия имелось положение о трудовой дисциплине, которое в обычное время вырабатывалось по согласованию с руководителем предприятия заводским советом и представителем рабочих. Заводской совет имел возможность налагать дисциплинарные взыскания в форме денежных штрафов.

Во время войны вопрос о трудовой дисциплине приобрел большое значение, так как не было возможности, вследствие нехватки рабочей силы, разрешить бесконтрольно увольнять рабочих или увольнять их по их собственному желанию. Таким образом, немецкий рабочий и его жизнь на предприятии подчинялись постановлениям и законам военного времени. Для того, чтобы выполнять эти законы, позже, по указанию совета министров по имперской обороне, я издал директиву № 13. Эта директива была пред"явлена; она содержит целую шкалу взысканий за нарушение трудовой дисциплины, за опоздания и самовольную отлучку с предприятия.

СЕРВАТИУС. Это документ № 23 из книги документов Заукеля. Английская книга документов № 1, страница 62 английского текста. Свидетель изложил в основном содержание этого документа, поэтому я в настоящий момент ограничиваюсь

12175

H1204 – 0292

H1204 – 0293

ссылкой на него.

ЗАУКЕЛЬ. Эти мероприятия внутризаводского характера для поддержания трудовой дисциплины включали в себя наказания, начиная от выговора и кончая денежным штрафом, суммой дневного заработка, а иногда и недельного заработка.

СЕРВАТИУС. Что происходило в случаях грубых нарушений трудовой дисциплины ?

ЗАУКЕЛЬ. В случаях грубых нарушений, если невозможен был разбор этих дел судами чести трудового фронта, о них сообщалось в полицию.

СЕРВАТИУС. Этот закон относился как к иностранным, так и к немецким рабочим ?

ЗАУКЕЛЬ. Да, он относился как к иностранным, так и к немецким рабочим.

СЕРВАТИУС. А как обстояло дело в случае уголовных преступлений ?

ЗАУКЕЛЬ. Об этих случаях также сообщалось полиции. Органы трудового фронта не имели никаких полномочий для разбора уголовных и т.п. дел.

СЕРВАТИУС. Куда поступали жалобы в тех случаях, если распорядок на предприятиях применялся неправильно, например, если вместо денежных штрафов производилось наказание плетьми ?

ЗАУКЕЛЬ. В этих случаях жалобы поступали к Трудовому фронту или к доверенным лицам от иностранных рабочих.

СЕРВАТИУС. Вам сообщалось о таких случаях ?

ЗАУКЕЛЬ. Нет, о таких случаях мне не сообщалось, поскольку я этим не ведал.

12176

H1204 – 0294

СЕРВАТИУС. Что представляют собой лагери трудового воспитания ?

ЗАУКЕЛЬ. Эти лагери трудового воспитания были организованы по решению рейхсфюрера СС.

СЕРВАТИУС. Кто попадал в эти лагери ?

ЗАУКЕЛЬ. В такие лагери попадали лица, виновные в нарушении трудовой дисциплины, проступки которых не могли быть наказаны в рамках внутризаводских дисциплинарных взысканий.

СЕРВАТИУС. Эти лагери были аналогичными концентрационным лагерям ?

ЗАУКЕЛЬ. Нет. С моей точки зрения нет. Эти лагери трудового воспитания рабочих не подчинялись ни мне, ни министру труда. Это - полицейское учреждение.

СЕРВАТИУС. Здесь, на процессе выявилось, что целый ряд рабочих действительно попадал в концентрационные лагери. Как Вы это об"ясните ?

Я пред"являю Вам документ 1063. Это отношение от 17 декабря 1942 года, доказательство США-219. Английская книга документов № 28, книга о рабском труде.

/Заукелю пред"являют документ/.

Это отношение начальника полиции безопасности и СД, секретное отношение. Оно было направлено всем органам СС, во всяком случае - не Вам.

Я цитирую:

"Исходя из военных причин, которые здесь не следует подробно упоминать, рейхсфюрер СС и начальник немецкой полиции 14 декабря 1942 года приказал, чтобы не позже конца января 1943 года по крайней мере 35 тысяч трудо-

H1204 – 0294

H1204 – 0295

способных рабочих были направлены в концентрационные лагери. Для того, чтобы обеспечить такое количество рабочих, следует провести следующее мероприятие: 1/ немедленно, первоначально до 1 февраля 1943 года, восточные и другие иностранные рабочие, совершившие побег или нарушившие договоры, в кратчайший срок должны быть отправлены в ближайший концлагерь".

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Возможно, свидетель знаком с этим документом ?

СЕРВАТИУС. Знаете ли Вы этот документ ?

ЗАУКЕЛЬ. Я впервые увидел этот документ здесь.

СЕРВАТИУС. Вы его еще не просмотрели ?

ЗАУКЕЛЬ. Я в Нюрнберге увидел впервые выдержку из этого документа.

СЕРВАТИУС. Тогда я обращу Ваше внимание на наиболее важные места. Прочитайте, во-первых, в конце первой страницы. Там написано следующее:

"В случае необходимости каждое из этих мероприятий должно изображаться для третьих инстанций как весьма важное полицейское мероприятие и обосновываться конкретными фактами с тем, чтобы избежать жалоб. В любом случае этим жалобам не следует давать хода".

Что Вам было известно об этом распоряжении ?

ЗАУКЕЛЬ. Об этом распоряжении я ничего не знал. Теперь оно об"ясняет мне многое, над чем мы тогда ломали голову. Мне кажется, что это - письмо группенфюрера Мюллера и, к моему удивлению, оно ясно свидетельствует о том, что по отношению к третьим инстанциям,- а здесь могли иметься в виду только мое ведомство или ведомство Шпеера, -

эти мероприятия об"являлись необходимыми с полицейской точки зрения. Это было сплошным обманом и ввергло нас в заблуждение.

СЕРВАТИУС. Что Вы понимаете под ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Прежде, чем Вы перейдете дальше, к другому документу, я хочу выяснить один вопрос. Я понял, что подсудимый сказал, что рабочих направляли в трудовые лагери за нарушение правил труда. Вы действительно так сказали, не правда ли ?

ЗАУКЕЛЬ. Если рабочие, несмотря на неоднократные предупреждения и наложение дисциплинарных взысканий на самих предприятиях, не исправлялись и продолжали нарушать дисциплину, то само производство, а не я, докладывало о них соответствующему полицейскому органу. Этот полицейский орган, насколько мне известно, имел договоренность с имперским министерством юстиции, по которой ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я спросил, действительно ли, как Вы сказали, их направляли в трудовые лагери за нарушения установленных правил труда, а не по какой-либо другой причине Ведь Вы это говорили ?

ЗАУКЕЛЬ. Да, других причин не существовало: за нарушение или за уголовное преступление.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Как же Вы об"ясните последнюю фразу первого абзаца этого документа: "В настоящее время все восточные рабочие должны быть направлены в ближайшие концентрационные лагери" ?

ЗАУКЕЛЬ. Здесь, в немецком тексте, Ваша честь, написано следующее: "Немедленно, первоначально до 1 февраля 1943 года, восточные и другие иностранные рабочие, которые

12179

H1204-0296

H1204 – 0297

совершили побег или нарушили договоры и не принадлежат к нашим союзным государствам, при соблюдении положений, указанных в параграфе 3-м, должны быть в кратчайший срок направлены в ближайшие концентрационные лагеря".

Это распоряжение представляет собой самовольное распоряжение учреждения, к которому я не имею никакого отношения и о котором я ничего не знал.

СЕРВАТИУС. Что Вы понимаете под "уничтожением путем труда"?

ЗАУКЕЛЬ. Я в первый раз услышал здесь, в зале суда, это выражение: "уничтожение путем труда". Эта точка зрения, безусловно, совершенно противоречила интересам моей работы.

СЕРВАТИУС. Вы занимались вопросом использования на работе заключенных концентрационных лагерей?

ЗАУКЕЛЬ. Я не имел ничего общего с этим вопросом об использовании заключенных концентрационных лагерей. Я давал указания своим сотрудникам о том, что мы не должны заниматься их использованием на работах. Я вообще не занимался наказаниями.

СЕРВАТИУС. Кто же использовал тогда заключенных концентрационных лагерей на работе на военных предприятиях?

ЗАУКЕЛЬ. Я лично об этом не осведомлен и не могу ничего сказать, так как никогда не занимался этими проблемами и меня никогда не привлекали к решению подобных вопросов.

СЕРВАТИУС. Здесь говорилось о том, что Вы также использовали приказ "Ночь и туман" для того, чтобы получить ра-

бочих для Германии.

ЗАУКЕЛЬ. Я никогда лично не знал этого приказа "Мрак и туман" и узнал о нем лишь здесь. Этот приказ не имел никакого отношения к моим функциям по использованию рабочей силы.

СЕРВАТИУС. Как обстояло дело с использованием евреев на работах ?

ЗАУКЕЛЬ. Я не имел ничего общего с использованием евреев на работе. Это было задачей рейхсфюрера СС.

СЕРВАТИУС. Я пред"являю Вам документ Р-91. Это доказательство США № 241, а также РФ-347. В книге документов этот документ не содержится. Этот документ представляет собой письмо начальника полиции безопасности и СД Мюллера рейхсфюреру СС в полевой штаб от 16.XII-1942 года. Там сказано. Я цитирую:

"В ходе мероприятий, проводимых до 30.1.1943 года, обеспечивающих усиленный набор рабочей силы в концентрационные лагери /"КЛ" здесь должно обозначаться как "КЦ"/, еврейский сектор может дать следующее. Общее количество 45.000 евреев..." Затем идет более подробное перечисление, а в конце говорится: "3.000 евреев из оккупированных областей: Голландии ... " И дальше: "В число 45.000 рабочих входят лица нетрудоспособные".

Какое Вы имеете отношение к этому письму ?

ЗАУКЕЛЬ. Я только что здесь впервые о нем узнал. Раньше я о нем не слышал, и могу лишь подчеркнуть, что эти транспорты рабочих и эти методы ни в коей мере не были идентичны с моими задачами и я никогда не занимался этими

12181

H1204 – 0298

H1204 – 0299

вопросами.

СЕРВАТИУС. Затем здесь пред"являлся документ Л-61, это доказательство США-177 в книге документов английского обвинения "Рабский труд" - № 6. Этот документ находится в первом списке документов, который был передан защите, он представляет собой оригинал письма Заукеля, в котором разрешается угон евреев. Просмотрите это письмо и скажите, в какой степени Вы занимались увозом евреев. Я коротко изложу содержание этого документа.

Это письмо от 26 ноября 1942 г. В нем написано: "По согласованию с начальником полиции безопасности и СД с настоящего времени евреи, используемые еще на работах, должны быть эвакуированы с территории империи и заменены поляками, которые переселяются с территории генерал-губернаторства."

Это письмо кончается следующим: "Вышеприведенную копию я пересылаю Вам для ознакомления. Поскольку в круг Ваших задач входит переселение используемых на работах евреев, я прошу действовать по согласованию с соответствующими инстанциями начальника полиции безопасности и СД." Внизу: "Подпись Фриц Заукель".

Я прошу Вас высказаться по поводу этого письма.

ЗАУКЕЛЬ. Я хотел бы по поводу этого документа заметить следующее. На предварительном следствии этот документ уже пред"являлся мне. В моем распоряжении тогда было мало времени. При повторном пред"явлении этого документа на предварительном следствии я установил, что здесь речь

ицет не об оригинале документа, который был подписан мною. Моя подпись здесь напечатана на пишущей машинке. Во-вторых, мне кажется весьма странным, что это письмо, которое якобы подписано мной, не было отправлено моей канцелярией. Моя канцелярия, как это вытекает из других многочисленных документов, находилась на Мореллштрассе. Этот же документ помечен исходящим Саарландштрассе. Что касается самого содержания письма, то я должен заметить, что я никогда не договаривался о сотрудничестве с СД и полицией безопасности в том смысле, как это предусматривается письмом. Я совершенно ничего не знал ранее об этом письме и теперь его не припоминаю. Здесь, в письме, правильно только то, что я считал своим долгом заменять рабочих, которые уходили с предприятия, были ли это евреи или солдаты или другие, требующие замены. Я должен был заменять их в течение 14 дней. Весьма возможно, что это письмо с Саарландштрассе было составлено подчиненной мне инстанцией. Ничего другого я по этому поводу не могу сказать.

СЕРВАТИУС. Как же об"яснить, что в конце написано: "Подписано Заукель" ? Это внизу, под письмом.

ЗАУКЕЛЬ. Мне лично это тоже непонятно. Письмо, если оно было настоящей копией, должно быть подписано лично.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Имеется ли у Вас подлинник этого документа ?

СЕРВАТИУС. Нет, у меня нет подлинника. Этот документ был пред"явлен обвинением, об этом говорит его номер.

12183

H1204 – 0300

H1204-0301

ЗАУКЕЛЬ. В приложении к этому документу, трактующему о вышеизложенном, говорится также о событиях, которые имели место до вступления на мою должность здесь, следовательно, до того, как я работал в данной инстанции.

СЕРВАТИУС. Вы не знали о том, что должно было произойти с этими евреями ?

ЗАУКЕЛЬ. Вы имеете в виду ...

СЕРВАТИУС. Развязку.

ЗАУКЕЛЬ. Нет, я ничего не знал об этом. Моя задача была бы этим значительно облегчена. У меня было бы гораздо меньше затруднений, если бы все эти люди, поскольку они были тоже работоспособными, использовались бы разумно на трудовых работах. Это окончательное разрешение проблемы было мне неизвестно и полностью противоречило моим интересам.

СЕРВАТИУС. По вопросу о жаловании. Кто отвечал за урегулирование вопроса о жаловании ?

ЗАУКЕЛЬ. В тот период, когда я занимал соответствующий пост, я отвечал за это.

СЕРВАТИУС. Какое жалование выплачивалось ? Вначале не касайтесь вопроса о восточных рабочих ?

ЗАУКЕЛЬ. Принцип по отношению ко всем иностранным рабочим был на основании договоров с представительством и правительствами. Им выплачивалась зарплата, которая вообще была предусмотрена законом в Германии, то-есть зарплата, которая выплачивалась на основании законов определенной области Германии.

СЕРВАТИУС. Как обстояло дело с так называемыми восточ-

ными рабочими ?

ЗАУКЕЛЬ. Когда я вступил на свой пост, я столкнулся с вопросом о восточных рабочих, так как получил распоряжение об удержании большей части зарплаты на нужды империи. Это делалось на основе постановления совета министров по обороне империи.

СЕРВАТИУС. Вы на этом успокоились или приняли меры к улучшению ?

ЗАУКЕЛЬ. Это видно из документов, то-есть из тех распоряжений, которые я подписал, находясь на своем посту. Я постепенно, насколько мне удавалось преодолеть сопротивление, отменил этот невыносимый для меня порядок, так что к 1944 г. восточные рабочие обеспечивались в той же степени, как и немецкие рабочие. Первое повышение было предпринято уже в июне 1942 г. на 100%. Второе - в 1943 году и последнее - в марте 1944 года. Это директива № 11.

СЕРВАТИУС. Я ссылаюсь здесь на следующие документы, которые я не буду оглашать. Это документы: Заукель- 50 в книге документов П, на странице 134. Затем документ Заукель-17 в книге документов № П, на странице 137...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Это на странице 17 ?

СЕРВАТИУС. Документ „Заукель-17" в книге документов № П, на странице 137.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Понятно, очень хорошо.

СЕРВАТИУС. Следующий документ Заукель-52, книга документов № П, на странице 143. Следующий документ Заукель-58, книга документов П, стр. 156 и, наконец, документ № 58-А в книге документов П, на странице 161. Я перехожу

12785

H1204 – 0302

H1204 – 0303

оригинал в сборнике "Условия использования восточных рабочих".

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Серватиус, мне кажется, что подсудимый только что сказал, что этот документ Л-61 был составлен до того, как он стал ответственным за использование рабочей силы.

СЕРВАТИУС. Все относится к событиям, которые имели место до вступления его в свою должность и были установлены к тому моменту, когда было составлено это отношение, т.-е. данное положение вещей уже имело место.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Однако, в документе не имеется на это никаких указаний, не правда ли ?

СЕРВАТИУС. Это видно из даты.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Дата - 26 ноября 1942 года.

СЕРВАТИУС. В начале приложения ссылка на указ от 27 марта 1942 года. Второе приложение, если иметь целое назад, приложение от 21 января 1942 года, также занимается этим вопросом. То письмо, о котором здесь говорилось - это только последнее заключительное письмо.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Понятно, но, повидимому, у нас нет этого документа полностью.

СЕРВАТИУС. Я его передам. К вопросу о жаловании восточных рабочих: восточные рабочие, помимо этого жалованья, получали еще какое-нибудь вознаграждение ?

ЗАУКЕЛЬ. Восточные рабочие, по моему указанию, получали вознаграждение в форме премий за производительность труда, рождественские награды так же, как и немецкие рабочие, и, кроме того, имелось соглашение с министерством по делам Востока. На основе соглашения члены семей этих

H1204 – 0304

рабочих на Востоке получали ежемесячно 130 рублей по своему хозяйству.

СЕРВАТИУС. Я здесь ссылаюсь на несколько документов. Это документ № 22 в английской книге документов, том 1, страница 59. Затем распоряжение, документ № 54 о премиях, книга документов № П, на странице 151. Потом документ № 57 по вопросу об единовременном рождественском вознаграждении во П-й книге документов, стр. № 155. Какое же жалованье практически оставалось у восточных рабочих ?

ЗАУКЕЛЬ. Восточные рабочие практически получали наличными, когда я вступил в мою должность /т.-е. перед распоряжением, которое я дал/, после удержания расходов по расквартированию и снабжению продовольствием 4 марки 60 пфеннигов в неделю, в то время как почасовая оплата среднего рабочего в германской промышленности составляла в основном 60 пфеннигов. Эта сумма, выдаваемая на руки, так называемый "фрейбетраг", в июне 1942 года повысилась для тех же категорий рабочих на 100%, на 9-10 марок, т.-е. тогда, когда мне представилась первая возможность разобраться в этом деле. Я хочу заметить в связи с этим, что немецкие рабочие, оплачиваемые по тому же тарифу, при учете его личных специальных взносов и налогов, его квартплаты и платы за отопление, а также платы за продукты, ни при каких обстоятельствах реально не получали больше жалованья. Это основное положение надо было взять за основу при оплате используемой рабочей силы, согласно указанию совета министров по обороне империи. Я поступал при этом не по собственной инициативе. Однако уже в марте

12187

H1204 – 0304

H1204 – 0305

или в апреле 1943 года жалованье русских рабочих увеличилось на основании моей директивы примерно до 12 марок, а весной 1944 года оно еще раз повысилось примерно до 18 марок.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я не думаю, что мы нуждаемся в подобных детальных пояснениях. Я не думаю, что перед подсудимым было поставлено обвинение в том, что он совершенно не платил рабочим.

СЕРВАТИУС. Господин председатель, здесь говорилось о рабском труде, а это, как правило, совершенно неоплачиваемая работа. Во французском отчете РФ-22 указывается, что Франция потерпела ущерб в 74 миллиарда исключительно в результате использования ее рабочих. Поэтому интересно было бы услышать ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я указал Вам только на то, что мы не хотим этого выслушивать в деталях, подробно.

СЕРВАТИУС. Как обстояло дело с переводом этого жалованья на родину рабочим ?

ЗАУКЕЛЬ. Возможность перевести жалованье должна была быть создана мною, так как единственным разумным стимулом для того, чтобы иностранный рабочий работал в Германии, было то, чтобы он мог обеспечивать свою семью на родине, пересылая ей часть своего жалованья. Это происходило на основании соглашения, которое было заключено с президентом германского рейхсбанка. Он сам уже давал показания по этому вопросу.

СЕРВАТИУС. По вопросу о жаловании я ссылаюсь на документ 021-ПС. Он был пред"явлен под № Ф-44 и не находится в книгах документов. Документ был изъят 2 апреля

1943 года. Это разработка с расчетом жалования и калькуляция, свидетельствующая об увеличении жалования восточных рабочих. Я не хочу говорить о ней в деталях. Однако, изучение этого документа показывает, что здесь предпринимались серьезные усилия для того, чтобы улучшить положение рабочих.

На какой срок заключались трудовые договоры ?

ЗАУКЕЛЬ. Срок трудовых договоров зависел от соглашения, которое было заключено соответствующими правительствами. В западных и южных странах договоры заключались на полгода, на три четверти года и на год. Относительно восточных стран и советских рабочих к моменту моего вступления в должность уже существовало правило, чтобы договоры заключались на неопределенный срок. Так как я считал необходимым более детальное урегулирование, несмотря на большие расстояния, я добился того, что эти договоры ограничивались двухгодичным сроком.

СЕРВАТИУС. Должно ли было использование рабочей силы оставаться и после войны в таком же положении, т.-е. должны ли были рабочие оставаться на территории Германии? Я спрашиваю в связи с тем, что французское обвинение зачитало выдержку из книги "Европа работает в Германии". Это РФ-5, на стр. 23. Там сказано: "Большой процент иностранных рабочих даже после победы останется на нашей территории для того, чтобы затем принимать участие в восстановительных работах и закончить то, чему помешала война, закончить те проекты, которые до сих пор набросаны лишь на бумаге и ждут осуществления". На основании этого

12189.

H1204 – 0306

H1204 – 0307

документа делался вывод, что принудительное использование рабочих в Германии будет продолжаться также и после войны ?

ЗАУКЕЛЬ. Это частично или, вернее, целиком мнение автора данной статьи. Однако мне кажется, здесь указывается, что возвращающиеся рабочие могут вернуться на родину и там использовать те знания и навыки, которые они получили в Германии на новых работах, на пользу своей собственной родине. Я ни в коем случае не намеревался в какой бы то ни было форме оставлять иностранных рабочих в Германии после войны. Я этого и вообще-то сделать не мог. Наоборот, я отдал распоряжение о том, чтобы была заведена картотека иностранных рабочих, центральная картотека, в которую тщательно бы все заносили. На основании этой картотеки при благоприятном исходе войны можно было бы добросовестно возвратить этих рабочих на родину и наблюдать за тем, чтобы все были возвращены.

СЕРВАТИУС. Я Вас правильно понял. Речь идет не о том, чтобы принудительно удерживать рабочих в Германии, а о том, чтобы удержать их на основании договоров ?

ЗАУКЕЛЬ. Да, но мне не сообщалось, что большая часть иностранных рабочих по своему желанию хотела бы оставаться в Германии. Таким образом, это является гипотезой.

СЕРВАТИУС. Как обстояло дело с принудительным заключением обязательств ? На какой срок заключались договоры ?

ЗАУКЕЛЬ. Между добровольными обязательствами, как мы это называли в немецких распоряжениях, служебными обязательствами, не делалось никакой разницы ни в смысле срока, ни в смысле зарплаты. Так же было и в отношении других

стран. Если француз давал служебное обязательство о том, что он будет работать полгода или три четверти года, то он имел право возвратиться через три четверти года на родину, как добровольно нанявшийся рабочий. Однако имелась также возможность продлить срок договора.

СЕРВАТИУС. В каких случаях продлевался срок договора ?

ЗАУКЕЛЬ. Срок договора продлевался в тех случаях, когда рабочий добровольно желал продолжать работать, или в тех случаях, когда предприятие чрезвычайно нуждалось в рабочем или выбыли рабочие. Подобная обстановка на предприятиях оправдывала продление срока договора. Продление срока согласовывалось с представителями рабочих.

СЕРВАТИУС. Использовались ли в Германии, наряду с германскими рабочими, и военнопленные ? Какое отношение Вы имели к использованию военнопленных ?

ЗАУКЕЛЬ. Использование военнопленных представляет собой весьма сложную проблему, так как оно должно было происходить по согласованию с генеральным уполномоченным по делам военнопленных. При этом трудность состояла для меня в так называемой технике перевозок при использовании военнопленных. Я бы хотел пояснить это понятие следующим образом. Имелись Женевская, а также Гаагская конвенции и, согласно этим конвенциям, военнопленные не должны были использоваться на предприятиях для изготовления вооружения и боеприпасов. Если, однако, несмотря на это, говорилось, что "военнопленных использовали в военной промышленности", то это означало, что определенное количество немецких женщин или рабочих перевозилось на предприятия, на которых, согласно Женевской конвенции, запрещалось работать военнопленным, а на их место направлялся военнопленный. Это происходило по

H1204 – 0308

H1204 – 0309

согласованию с генеральным уполномоченным по делам военнопленных.

СЕРВАТИУС. А кто проверял соблюдение конвенций ?

ЗАУКЕЛЬ. Генеральный уполномоченный по делам военнопленных, мы сами, а также управления по использованию рабочей силы придерживались точки зрения соблюдения Женевской конвенции и для соблюдения этих правил составило каталог всех предприятий, на которых военнопленные могли работать. Этот каталог в период моей работы в 1942 и 1943 гг. был изъят отдельной книгой и имеется также в так называемой "Синей книге".

СЕРВАТИУС. Знали ли Вы о случаях, когда военнопленные работали на предприятиях, вопреки условиям Женевской конвенции ?

ЗАУКЕЛЬ. В этих случаях заключались специальные соглашения, например, с французским правительством, поскольку речь шла о добровольцах, а частично и о восточных рабочих.

СЕРВАТИУС. Кто отвечал за размещение, обслуживание и снабжение продовольствием иностранных рабочих ?

ЗАУКЕЛЬ. Этим занималась инстанция, подчиненная генеральному уполномоченному по использованию военнопленных.

СЕРВАТИУС. Известно ли Вам, что миллионы военнопленных погибли в тот период, когда Вы находились на своем посту?

ЗАУКЕЛЬ. До того, как я занял свою должность, мне стало известно, что в так называемых боях на окружение на Востоке очень много военнопленных погибло в результате того, что они вследствие большой длительности этих боев были крайне истощены и остались на поле боя, а для нас

H1204 – 0310

также создавались большие трудности при отправке этих военнопленных. Более подробно я об этом ничего не знаю.

СЕРВАТИУС. В начале Вашей деятельности Вы имели отношение только к использованию военнопленных на работах ? Что Вы установили при этом ? Или Вы что-либо предприняли?

ЗАУКЕЛЬ. Я при этом установил, что часть русских военнопленных была чрезвычайно истощена.

Сервациус: Какие меры вы предприняли?

ЗАУКЕЛЬ. Я совместно с генеральным уполномоченным по делам военнопленных отдал распоряжение о том, чтобы все эти военнопленные /их было в империи, насколько я помню, тогда только 70 тысяч/ были размещены у немецких крестьян. Мы назвали это специальным термином "ауфпеппельн" - вскармливание. При этом "ауфпеппельн" крестьяне должны были в течение не менее четверти года кормить этих военнопленных, не заставляя их работать. За это крестьянину обеспечивалось, что по окончании войны эти восстановившие здоровье и поправившиеся военнопленные должны будут оставаться у него на работе.

СЕРВАТИУС. Что во время войны военнопленные превращались в свободных рабочих ?

ЗАУКЕЛЬ. Да. Использование французских рабочих, в особенности со стороны моего учреждения, проводилось на основании соглашений с французским правительством. Эти соглашения происходили под председательством немецкого посла в Париже. Переговоры в отношении этих контингентов рабочих велись согласно поручениям, которые давал мне фюрер, и по поручениям рейхсмаршала. В первом случае говорилось о 250 тыс. французских рабочих и 150 тысячах специалистов. В качестве возмещения за предоставление этого количества рабочих,- я подчеркиваю, добровольцев,- должны были быть и были

12193

H1204 - 0310

H1204 – 0311

возвращены французскому правительству около 50 тысяч французских военнопленных, которые были крестьянами, для того, чтобы они могли улучшить условия обработки земли во Франции, на ее полях и угодьях. Это было первое соглашение.

СЕРВАТИУС. Что такое "релэв" ?

ЗАУКЕЛЬ. "Релэв" представлял собой соглашение между французским правительством и моим учреждением, которое заключалось в том, что взамен трех французских рабочих, которые прибыли в Германию, один французский военнопленный освобождался фюрером и, таким образом, возвращался на родину.

СЕРВАТИУС. По чьему распоряжению было заключено это соглашение ?

ЗАУКЕЛЬ. Это соглашение было заключено на основании переговоров между французским премьер-министром и мной. Я сам весьма положительно относился к этому, потому что во время первой мировой войны я сам в течение пяти лет находился за колючей проволокой.

СЕРВАТИУС. Это было облегчением для военнопленных ? Они же попадали на родину ?

ЗАУКЕЛЬ. Да, они попадали на родину.

СЕРВАТИУС. А как принимало их гражданское население, главным образом, рабочие, которые направлялись в Германию.

ЗАУКЕЛЬ. Это было товарищеским актом. Насколько я могу судить по сообщениям, которые я получал, отношение было весьма благоприятное.

СЕРВАТИУС. Таким образом, вместо одного военнопленного благодаря этому три французских рабочих попадали в плен ?

ЗАУКЕЛЬ. Нет, эти рабочие ~~имели~~ Вновь право свободного пере-

12124

движения по Германии точно так же, как и остальные французские рабочие, как и немцы.

СЕРВАТИУС. Они попадали в Германию на неопределенный срок ?

ЗАУКЕЛЬ. Нет, согласно договору, как и другие рабочие.

СЕРВАТИУС. Какой был в среднем срок договора ?

ЗАУКЕЛЬ. Три четверти года.

СЕРВАТИУС. Таким образом, по истечении трех четвертей года как военнопленные, так и рабочие могли снова возвратиться на родину.

ЗАУКЕЛЬ. Да. Этот постоянный обмен создавал все новые переговоры и соглашения с французским правительством потому, что их необходимо было все время заменять.

СЕРВАТИУС. Эти переговоры велись под некоторым давлением ?

ЗАУКЕЛЬ. Нет. Я прошу, и это лучше всего, заслушать по этому вопросу свидетелей. Все это проводилось на основании дипломатических переговоров.

СЕРВАТИУС. В каком об"еме проводился этот "развоз" - на широкой основе или на весьма узкой основе ?

ЗАУКЕЛЬ. Он проводился на той основе, что 250.000 рабочих должны были попасть в Германию.

СЕРВАТИУС. Французское обвинение в своем правительственном отчете указывает, что во Францию посылались только больные и слабые люди, которые так или иначе не могли работать. Как обстояло с этим дело ?

ЗАУКЕЛЬ. Насколько я знаю, французские военнопленные солдаты посылались обратно на родину. Отправкой и отбо-

12195

H1204-0312

H1204 – 0313

ром этих солдат вещал не я, а генеральный уполномоченный по делам военнопленных. Я считаю вполне возможным, что, естественно, таким образом посылали также и больных солдат на родину по их желанию. Однако не имелось определенного намерения посылать только больных солдат или только солдат старшего возраста. Речь шла о солдатах вообще, на этом основывался договор.

СЕРВАТИУС. Далее, здесь говорилось о другом методе, о так называемом облегченном положении. Французы называли его "трансформацией". Что это означало ?

ЗАУКЕЛЬ. "Облегченное положение" представляло собой третье соглашение, которое заключалось в следующем. В Германии французские военнопленные ставились в такое же положение, как и другие французские гражданские рабочие, которые попадали в Германию.

СЕРВАТИУС. Если в Германию прибывал новый французский рабочий, таким образом, отношение было 1 : 1 ?

ЗАУКЕЛЬ. Да, 1 : 1.

СЕРВАТИУС. Этот французский рабочий должен был заключать договор на неопределенный срок или же и здесь сроки были ограничены ?

ЗАУКЕЛЬ. Положение было таким же, как и при "релев".

СЕРВАТИУС. Французские солдаты одобряли это соглашение или считали его неправильным ?

ЗАУКЕЛЬ. Нет, его не считали неправильным. Его одобряли, однако, в зависимости от точки зрения отдельных солдат. Значительная часть солдат отвергла его, другая часть охотно приняла, так как это было связано с тем,

12196

что они получали большое жалованье и всю полноту свободы, выйдя из-за колючей проволоки, и т.п. Я сам видел, как целый лагерь военнопленных присоединился к этому соглашению. Немедленно после этого колючая проволока вокруг лагеря и охрана были сняты, тюремный устав отменен и они стали жить на свободе.

СЕРВАТИУС. Могли ли эти военнопленные, которые стали рабочими, возвращаться на родину ?

ЗАУКЕЛЬ. Это вытекает из моих документов, что они могли ехать домой.

СЕРВАТИУС. Они получили отпуск ?

ЗАУКЕЛЬ. Да, они получили отпуск. Значительная часть вернулась затем на работу в Германию и столь же значительная часть не вернулась.

СЕРВАТИУС. Я при этом ссылаюсь на документ РФ-22, в немецком тексте страница 70-я французского правительственного отчета, в котором это признается. Там написано, что военнопленные получили отпуск на родину в начале этого обмена, а затем дословно:

"Но несчастные, однако, не возвращались назад и поэтому эта практика прекратилась".

Вы слышали такое выражение: косвенный принудительный труд ?

ЗАУКЕЛЬ. Нет, я прошу мне его раз"яснить.

СЕРВАТИУС. Это выражение было употреблено в правительственном отчете Франции относительно тех рабочих, которые работали во Франции на военных заводах, т.-е. работали фактически на Германию. К этому Заукель не имеет никакого отношения. В этом французском отчете, в

H1204 – 0314

H1204 – 0315

котором очень подробно говорится об экономической стороне использования рабочей силы, указывается, что якобы существовала очень хорошо продуманная, взвешенная система, согласно которой, во-первых, вначале с рабочим обращались мягко, а затем отношение становилось все более и более строгим, в зависимости от поведения. Были ли здесь определенные планы ? Должны ли Вы были выполнять какие-либо распоряжения по этому вопросу и чья система применялась ?

ЗАУКЕЛЬ. Я хотел бы высказаться по этому вопросу. Никогда не существовало плана такого рода, каким Вы его здесь рисуете. Единственно, что существовало - это моя программа, которую я составил и которая представлена суду. Я признаю эту программу со всеми вытекающими из нее последствиями, касающимися меня, и принимаю ответственность за нее и за своих подчиненных. Эту программу я изложил в своих распоряжениях, все они здесь полностью имеются.

Эту программу я провозил.

Развитие войны не позволило мне, следовательно, размышлять так, как это делается теперь, пост-фактум. Мы сами были захвачены ходом войны и имели мало времени для того, чтобы размышлять.

СЕРВАТИУС. Какие предприятия во Франции назывались закрытыми и особыми предприятиями ?

ЗАУКЕЛЬ. Закрытыми предприятиями являлись те, о которых имелась договоренность между имперским министром Шпеером и, кажется, французским министром экономики Бишлоном. Следовательно, это были предприятия, которые частично ра-

72198

ботали на вооружение Германии, частично на снабжение немецкого населения и которые в компетенцию моего учреждения не входили.

СЕРВАТИУС. Какова была общая численность рабочих, привезенных в Германию из-за границы ?

ЗАУКЕЛЬ. Число рабочих, привезенных из-за границы в Германию, на основании тщательных подсчетов и регистрации, составляет, по исчислениям статистического управления имперского министерства труда, круглым счетом 5 миллионов человек.

СЕРВАТИУС. Вы сами определяли, сколько рабочих необходимо было использовать и сколько еще необходимо было привезти в Германию ?

ЗАУКЕЛЬ. Нет, я этого не мог определять, так как я не распоряжался всей германской экономикой и не мог установить об"ем производства и сельскохозяйственную программу в Германии.

СЕРВАТИУС. Наряду с этой текущей потребностью в рабочей силе, которая должна была быть покрыта, существовали также так называемые программные требования фюрера. Так ли это ?

ЗАУКЕЛЬ. Да, фюрер, насколько я знаю, составлял сам программу вооружения.

СЕРВАТИУС. Вы здесь говорили о четырех программах, я оглашаю числа, может быть, Вы их подтвердите.

Первая программа в апреле 1942 года. Требовалось 1,6 миллиона и такое же количество, 1,6 миллиона, было прислано, среди них иностранных рабочих также 1,6 миллиона.

Вторая программа - в сентябре 1942 года. Требовалось

12129

H1204 – 0316

H1204 – 0317

2 миллиона, прислано – 2 миллиона, из них один миллион иностранцев, т.-е. только половина.

Затем в 1943 году. Заявка подана на 1 миллион рабочих, 1 миллион рабочих прислан. Иностранных рабочих – 1 миллион.

Затем последняя программа от 4 января 1944 г. Фюрер потребовал 4 миллиона рабочих, прислано 0,9 миллиона рабочих

ЗАУКЕЛЬ. Разрешите уточнить. Цифры указаны здесь неправильно. Здесь должно стоять – прислано 3 миллиона рабочих.

СЕРВАТИУС. Требовалось 4 миллиона. Прислано – 3 миллиона. Сколько из них иностранцев ?

ЗАУКЕЛЬ. 0,9 миллиона.

СЕРВАТИУС. Из них 0,9 миллиона иностранных рабочих. Сколько из этих рабочих прибыло с Востока, сколько с Запада, сколько из других мест ?

ЗАУКЕЛЬ. Конечно, я не могу без документов и статистических вычислений указать точные числа. Однако, я могу сказать, что в среднем на каждую ~~производственную~~ группу приходится по 30%. Может быть, на Восток приходится немного больше

СЕВАРТИУС. Как определялась потребность в рабочей силе?

ЗАУКЕЛЬ. Потребность определялась на основании заявок потребителей.

СЕРВАТИУС. Какие это потребители ?

ЗАУКЕЛЬ. Потребителями были министерство экономики, министерство вооружения, сельского хозяйства, ремесла, пути сообщения, горное дело и т.п.; все крупные отрасли хозяйства.

СЕРВАТИУС. Кому подавались эти заявки ?

ЗАУКЕЛЬ. Эти заявки обычно одновременно направлялись фюреру и мне, а также бюро по сбору заявок, которые имелись при управлении по четырехлетнему плану.

СЕРВАТИУС. Это в том случае, когда речь шла о покрытии потребности в рабочей силе, или это были первичные заявки ?

ЗАУКЕЛЬ. Я уже говорил, что здесь дело обстояло различно. Заявки поступали ко мне, но также почти всегда они одновременно поступали к фюреру. Фюрер должен же был их утверждать.

СЕРВАТИУС. Какую роль играло центральное управление по планированию ?

ЗАУКЕЛЬ. Центральное управление по планированию представляло собой учреждение, в котором, насколько я знаю, главным образом, устанавливалось количество необходимого сырья : однако, оно ведало также вопросами о рабочих и использовании рабочей силы.

СЕРВАТИУС. Могли ли Вы получать распоряжения от этого управления ?

ЗАУКЕЛЬ. Да, я должен был рассматривать те требования, которые я получал от этого управления,как приказы, так как фюрер возложил на меня обязанность выполнить требования военной экономики.

СЕРВАТИУС. Вы сами входили в центральное управление по планированию ?

ЗАУКЕЛЬ. Нет, я лишь привлекался к работе этого управления, когда там обсуждались вопросы об использовании рабочей силы.

СЕРВАТИУС. В каких отношениях находилось Ваше ведомство

12207

H1204 – 0318

H1204 – 0319

с ведомством Шпеера ?

ЗАУКЕЛЬ. Отношения между моим ведомством и ведомством Шпеера были таковы, что мы должны были выполнять заявки Шпеера.

СЕРВАТИУС. У Шпеера был собственный аппарат по использованию рабочей силы ?

ЗАУКЕЛЬ. Да, он должен был иметь такой аппарат в составе своего министерства и имел его. Это очень важно.

СЕРВАТИУС. Могли ли Вы удовлетворить все заявки, которые Вам подавались ?

ЗАУКЕЛЬ. Нет.

СЕРВАТИУС. Были ли исчерпаны резервы рабочей силы ?

ЗАУКЕЛЬ. Насколько я знаю - да, уже в 1943 году. Это явилось одной из причин моего обращения, в котором я указал на это положение, так как необходимо было особо учитывать также экономические потребности оккупированных областей, которые также надо было обеспечить и урегулировать. К ним также нельзя было относиться с пренебрежением.

СЕРВАТИУС. Какие резервы рабочей силы имелись в самой Германии ?

ЗАУКЕЛЬ. С 1943 года в Германии не имелось сколько-нибудь значительных резервов рабочей силы. Этот вопрос неоднократно обсуждался. Однако, главная потребность в рабочей силе была в отношении квалифицированных рабочих, горняков и рабочих вредных производств.

СЕРВАТИУС. Каковы были резервы рабочей силы во Франции, которые Вы хотели использовать ?

ЗАУКЕЛЬ. Я должен сказать, что с нашей точки зрения, согласно нашим хозяйственным подсчетам и подсчетам рабочей

силы в оккупированных областях, имелись весьма богатые резервы рабочей силы.

СЕРВАТИУС. Вы имеете в виду то, что экономическая мощь Германии была относительно значительно более истощена, чем экономическая мощь оккупированных областей ?

ЗАУКЕЛЬ. Я хотел бы проиллюстрировать это путем сравнения с положением, существовавшим в первую мировую войну. Во время первой мировой войны в немецкой промышленности использовались от 10 до 12 миллионов немцев. В эту мировую войну-около 25 миллионов немцев, как мужчин, так и женщин, из них больше половины женщин. Я хотел бы здесь также заметить, что при исчислении используемой рабочей силы не учитывались все те женщины, которые постоянно работали в организациях Красного Креста и в других благотворительных организациях, в народных благотворительных обществах. Они не могли быть учтены моими статистическими органами. В других странах они учитывались.

СЕРВАТИУС. У меня к Вам последний вопрос. Как Вы сегодня рассматриваете Вашу деятельность в качестве уполномоченного по использованию рабочей силы ? Как Вы вообще рассматриваете вопрос об использовании иностранных рабочих ?

ЗАУКЕЛЬ. На этот вопрос мне крайне трудно ответить. Я сам и весь немецкий народ стояли и должны были стоять на той точке зрения, что он этой войны не желал и ее не развязывал. Я хочу сюда причислить во имя правды также и партию. Мы стояли на точке зрения выполнения нашего долга во имя нашего народа.

12203

H1204 – 0320

H1204 – 0321

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Г-н доктор Сервациус ...

СЕРВАЦИУС. Вы не должны делать никаких широковещательных заявлений. Вы должны лишь рассмотреть вопрос об использовании рабочей силы. Считаете ли Вы сами в данный момент свои действия правильными или нет ?

ЗАУКЕЛЬ. С точки зрения военного и экономического положения Германии, а также исходя из того, как я понимал и пытался провоцить использование рабочей силы, я считаю свои действия правильными и, во всяком случае, безусловно необходимыми, так как оккупированные нами области и сама Германия в экономическом отношении представляли собой единое целое. Мы не могли просуществовать в Германии, ни одного дня без привлечения к работе этих восточных и западных рабочих. Сам немецкий народ использовался на работах до крайних пределов.

СЕРВАЦИУС. Я закончил допрос подсудимого в качестве свидетеля.

ТОМА /доктор Тома, защитник Розенберга/.

Господин свидетель, пытались ли неоднократно министерство по делам Востока добиться снижения требуемых Вами контингентов рабочей силы ?

ЗАУКЕЛЬ. Это пыталось сделать не только министерство по делам Востока. Я сам пытался очень настойчиво добиться этого как от фюрера, так и от всех подававших заявки.

ТОМА. Я хотел бы поставить несколько вопросов по документу 054-ПС, в котором говорится о недостатках при вербовке и при транспортировке восточных рабочих. Вы лично выступали против этих недостатков ?

ЗАУКЕЛЬ. Да, естественно. Я прошу заслушать моих сви-

цателей по этому вопросу.

ТОМА. Бросилось ли Вам в глаза, что этот отчет относится к городу Харькову и Харьковской области на Украине и знаете ли Вы, что вся эта область никогда не находилась в ведении гражданской администрации министерства по делам Востока.

ЗАУКЕЛЬ. Да, это я знаю. Я уже показывал здесь, что это отчет, направленный военной инстанции, а не мне. Военные инстанции имели свои собственные отделы по использованию рабочей силы, которые непосредственно ей подчинялись.

ТОМА. Вам в этом отчете бросился в глаза следующий абзац, именно на первой странице:

"А/ "За небольшими исключениями украинцы, которые используются на работе в империи не группами, а поодиночке, например, на небольших ремесленных предприятиях, в качестве сельскохозяйственных рабочих..."

ЗАУКЕЛЬ. Я прошу указать, где это написано ?

ТОМА. Это на странице 1, последний абзац.

"На основании обзора переговоров с господами и отчетов можно установить в общем следующее ...

ЗАУКЕЛЬ. Какой документ ? Здесь много документов.

ТОМА. Конечно, я имею в виду документ 054.

ЗАУКЕЛЬ. Какой ?

ТОМА. Я думаю, это первый, второй, третий абзац. Второй абзац.

ЗАУКЕЛЬ. Да, я нашел это место.

ТОМА. Здесь написано, что "украинцы, которые исполь-

12205

H1204 – 0322

H1204 – 0323

зуются в империи на работе поодиночке, весьма довольны существующими условиями".

2/ "Имеется много жалоб со стороны украинцев, размещенных в общих лагерях". Это правильно ?

ЗАУКЕЛЬ. Да, я в отчете цитировал это. Автор письма также устанавливал, что такое положение имелось в первые месяцы. Я немедленно приказал провести контроль лагерей и предпринять улучшения. Я даже зашел в этом отношении так далеко, что обратился к имперскому министру труда с тем, чтобы он установил новый порядок работы в лагерях-все с целью устранить эти жалобы.

ТОМА. Вы часто бывали лично в оккупированных восточных областях, например: В Риге, Ковно, Житомире. Говорили Вы там с руководителями административных органов ?

ЗАУКЕЛЬ. Я говорил не только с руководителями административных органов, но я также в России составил этот манифест и издал его; в этом же направлении я послал указания соответствующим инстанциям.

ТОМА. Да, но правильно ли, что Вы там подчеркивали срочность выполнения задач, которые поставил фюрер ?

ЗАУКЕЛЬ. Особая срочность выполнения заданий фюрера - это было моей обязанностью. Я за тем и находился на своем посту.

ТОМА. С правовой точки зрения это не совсем правильно, так как Вы непосредственно подчинялись Герингу, как уполномоченному по четырехлетнему плану.

ЗАУКЕЛЬ. Да, это правильно, таковы и была служебная иерархия: фюрер, Геринг - уполномоченный по четырехлетнему плану. Таков был порядок подчинения.

12206

ТОМА. Хорошо. Но если Вы всегда говорили о поручении фюрера, Вы хотели оказать этим особое давление ?

ЗАУКЕЛЬ. Нет. Я это совсем не имел в виду. Фюрер поручил мне, господин доктор, чтобы я возместил тот убыток, который был нанесен в результате ухода рабочих в армию. Это были поручения, которые давал мне непосредственно фюрер или Геринг, на основании поступивших заявок на рабочую силу.

ТОМА. Получали ли Вы письменные распоряжения ?

ЗАУКЕЛЬ. Да.

ТОМА. Лично от Гитлера ?

ЗАУКЕЛЬ. Да, лично от Гитлера и от Геринга. От обоих.

ТОМА. Не помните ли Вы, что Вы заключили с Розенбергом соглашение о том, что восточным рабочим в Германии после их возвращения на родину будут предоставлены земельные участки для того, чтобы они не находились в худшем положении по сравнению с оставшимися на родине ?

ЗАУКЕЛЬ. Да, такое соглашение было заключено между мной и Розенбергом. Это правильно.

ТОМА. И оно было осуществлено ?

ЗАУКЕЛЬ. В отношении того, насколько оно было осуществлено, я сказать не могу. Это было задачей министерства по делам Востока. Я думаю - осуществлено по возможности.

ТОМА. Не можете ли Вы вспомнить о том, что Розенберг неоднократно выступал за отмену так называемого "Восточного знака" для восточных рабочих ?

ЗАУКЕЛЬ. За отмену "восточного знака" выступал не только Розенберг, но и я. Имеется письмо райхсфюрера СС, в котором он отклонил наше предложение. Затем, мне это по-

H1204 – 0324

H1204 – 0325

подлинно известно, в конце 1943 года или в начале 1944 года удалось отменить этот "восточный знак" и заменить его национальным знаком так же, как и у других иностранцев.

ТОМА. Почему надо было отменить "восточный знак" ?

ЗАУКЕЛЬ. Надо было отменить этот знак, исходя из различных соображений. Однако, главным образом, для того, чтобы отсутствовала дискриминация в моральном отношении для восточных рабочих благодаря тому, что они здесь должны были носить особые отличительные знаки.

ТОМА. У меня последний вопрос. Вы сказали, что Вы не помните, чтобы кроме жалоб, о которых Вы говорили с Розенбергом, Вы получили еще другие жалобы. Однако, имеется большое количество жалоб, которые пересылались центральному управлению восточных национальностей и рассматривались немецким трудовым фронтом. Немецкий трудовой фронт сообщал Вам об этом ?

ЗАУКЕЛЬ. Немецкий трудовой фронт сообщил мне, что в духе моих распоряжений он устранил все ненормальности и недоразумения, которые встречались. Это было его обязанностью. Однако для того, чтобы устранить эти ненормальности, он должен был обращаться не ко мне, а в производственную инспекцию при министерстве труда, которая ведала этими вопросами.

ТОМА. Вы проверяли, устраняла ли производственная инспекция эти ненормальности ?

ЗАУКЕЛЬ. Да, я учредил там свою собственную инспекцию, о которой здесь говорил господин доктор Сервати ус. Однако производственная инспекция была единственным авторитетным

учреждением, которое имело законные полномочия со своей стороны применять принудительные меры. Она подчинялась министру труда, который был в этой области компетентен.

ТОМА. У меня больше нет вопросов. Благодарю Вас.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ /обращаясь к Заукелю/. Что это за восточный знак, о котором Вы спрашиваете ?

ЗАУКЕЛЬ. Восточный знак состоял из четырехугольника, окаймленного синей полосой с синей надписью: "ОСТ". На основании распоряжения рейхсфюрера СС этот знак должен был сначала носиться на правой стороне груди, а затем - на рукаве. Позже, по моему распоряжению, он был заменен национальным значком. Мне кажется, синий цвет или подобный ему цвет русского флага, как того желали эти люди.

/К микрофону подходит д-р Нельте, защитник Кейтеля/.

НЕЛЬТЕ. Господин Заукель, подсудимый Кейтель и ОКВ в документах Обвинения обвиняются в угоне гражданских лиц для использования их на работах в Германии. Вы лично перед началом процесса были также допрошены относительно того, принимали ли ОКВ и Кейтель, как начальник ОКВ, участие в доставке, вербовке и мобилизации людей в оккупированных областях.

Целый ряд неясностей, которые содержатся относительно этого в протоколе допроса, уже раз"яснены благодаря Вашему прямому допросу. В особенности на последний вопрос моего коллеги доктора Тома Вы ясно ответили, что организационно путь отдачи приказов был таков: генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы, управление по 4-летнему плану - Геринг и фюрер. Это правильно ?

12209

H1204 – 0326

H1204 – 0327

ШАУКЕЛЬ. Да, в общем это правильно.

НЕЛЬТЕ. Для меня важно установить, имели ли какое-либо отношение в отдаче приказов ОКВ или фюрер в качестве главнокомандующего вооруженными силами ?

ЗАУКЕЛЬ. Я сам не был солдатом и в деталях не знаю организации ОКВ, ОКХ /главного командования сухопутных сил/. Трудно было для профана в этой области разобраться в подобных вещах. Правильно то, что для вербовки рабочих в оккупированных областях отдельные фронты имели соответствующие органы и командование сухопутными силами ведало этими органами. Таким образом, распоряжения относительно вербовки рабочей силы в оккупированных областях, которые находились в подчинении военной администрации, отдавались генеральным штабом сухопутных сил.

НЕЛЬТЕ. Вы, очевидно, имеете в виду генерал-квартирмейстера сухопутных сил ?

ЗАУКЕЛЬ. Генерал-квартирмейстер, насколько я знаю, подчинялся главнокомандующему сухопутными силами.

НЕЛЬТЕ. Таким образом, Вы хотите сказать, что ОКВ и подсудимый Кейтель не ведали вопросами поставки, вербовки и мобилизации рабочей силы в оккупированных областях ? Они не имели соответствующих полномочий ?

ЗАУКЕЛЬ. Он не имел соответствующих полномочий. Я установил связь с фельдмаршалом Кейтелем в результате того, что фюрер неоднократно давал мне поручения попросить фельдмаршала Кейтеля передать его распоряжение командующим фронтами по телефону или путем дачи соответствующих указаний.

НЕЛЬТЕ. Как обстояло дело с использованием рабочих ?

ОКВ и в особенности подсудимый Кейтель в качестве начальника ОКВ имел какие-либо функции в отношении использования рабочей силы в Германии ?

ЗАУКЕЛЬ. Нет, так как использование рабочей силы производилось в тех отраслях промышленности, которые подавали заявки на рабочую силу, и ОКВ не имело ничего общего с этим вопросом.

НЕЛЬТЕ. Благодарю Вас.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Желают ли представители Обвинения подвергнуть свидетеля перекрестному допросу ?

/К микрофону подходит представитель французского обвинения г-н Эрзог/.

ЭРЗОГ. Подсудимый Заукель, Вы вступили в национал-социалистскую партию в 1925 году ? Правильно ли это ?

ЗАУКЕЛЬ. Я впервые вступил в ряды национал-социалистской партии в качестве простого члена уже с 1923 г. и в 1925 г. при реорганизации партии я вновь вступил в нее.

Г-н ЭРЗОГ. Но с 1921 г. Вы поддерживали политику, проводимую национал-социалистами ?

ЗАУКЕЛЬ. С 1921 г. я поддерживал немецкую национальную политику. Я в 1921 г. еще не состоял в партии. Я был знаком с ее идеями и симпатизировал им, вот правильный ответ.

Г-н ЭРЗОГ. Начиная с этого времени, Вы стали произносить речи в пользу национал-социализма ?

ЗАУКЕЛЬ. Я примерно с середины 1921 г. выступал с речами в пользу Германии, а не исключительно партии. Это происходило на небольших собраниях и я высказывал там то, что думал.

H1204 – 0328

H1204 – 0329

Г-н ЭРЗОГ. Вы были гаулейтером, членом ландсрата, министром внутренних дел и наместником Тюрингии ? Правильно ли то, что, занимая эти должности, Вы провоцили нацификацию в Вашем гау ?

ЗАУКЕЛЬ. Я был премьер-министром Тюрингии с 1932 г. /с августа/ и одновременно министром внутренних дел.

Г-н ЭРЗОГ. Я повторяю свой вопрос. Правильно ли то, что в качестве гаулейтера и имперского наместника Тюрингии Вы осуществляли нацификацию подведомственного Вам гау ?

ЗАУКЕЛЬ. Нацификация - это понятие, которое не было мне тогда известно и которое я не считаю правильным. Я выступал за национал-социалистскую партию Германии и говорил в ее пользу.

Г-н ЭРЗОГ. Вы были обергруппенфюрером СС ?

ЗАУКЕЛЬ. Я не понял Вашего вопроса, СС?

Г-н ЭРЗОГ. Вы были обергруппенфюрером организации СС ?

ЗАУКЕЛЬ. Я уже во время допроса показал, что я был почетным обергруппенфюрером СС. Я сам никогда не входил в состав СС и не выполнял ее поручений.

Г-н ЭРЗОГ. Начиная с какого времени Вы были обергруппенфюрером СС ?

ЗАУКЕЛЬ. Насколько я помню, я был обергруппенфюрером СС с 1934 г.

Г-н ЭРЗОГ. И до каких пор Вы оставались им ?

ЗАУКЕЛЬ. До конца.

Г-н ЭРЗОГ. В одном из документов, который представлен в пред"явленной Вами книге документов, а именно в документе Заукель-95, на странице 252, во французском переводе я читаю следующую выдержку:

"Дорогие соотечественники! Наши великолепные СА и СС, подвергавшиеся гонениям и преследованиям в течение более чем 10 лет как отбросы германского народа, провели эту революцию, поддержали ее и вели себя с непоколебимым сознанием дисциплины..."

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Из какого документа Вы это зачитываете ?

Г-н ЭРЗОГ. Это - документ 95 из книги документов подсудимого, господин председатель. Документ Заукель-95 был представлен вчера уважаемым господином защитником/страница 252 французского перевода. Это - в третьей книге документов подсудимого/.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Хорошо, продолжайте.

Г-н ЭРЗОГ. Я вновь читаю это место: "Дорогие соотечественники, великолепные организации СА и СС, подвергавшиеся гонениям и преследованиям в течение 10 лет как отбросы германского народа, провели эту революцию, поддерживали ее и вели себя с сознанием непоколебимой дисциплины".

Подтверждаете ли Вы это заявление ?

ЗАУКЕЛЬ. Я прошу пред"явить мне этот документ для того, чтобы я мог высказаться по поводу него во время перекрестного допроса.

Г-н ЭРЗОГ. Это выдержка из книги документов, которая была пред"явлена Вами самим.

ЗАУКЕЛЬ. Да, этот документ мне хорошо известен.

Г-н ЭРЗОГ. Соответствовали ли Вашим личным убеждениям нюрнбергские законы относительно евреев ?

ЗАУКЕЛЬ. На законодательство в духе нюрнбергских законов я не оказывал никакого влияния. Мои убеждения состоят в

12213

H1204 – 0330

H1204 – 0331

том, что каждый народ и каждая раса имеют право существовать, пользоваться уважением со стороны других наций и охранять себя законами. Я требовал и требую того же для моего собственного народа.

Г-н ЭРЗОГ. Проявляли ли Вы заботу о том, чтобы нюрнбергские законы полностью провоцились в жизнь в гау Тюрингия?

ЗАУКЕЛЬ. Нюрнбергские законы могли применяться в Тюрингии лишь в той степени, поскольку они относились к существу вопроса об увольнении и назначении чиновников; я, естественно, согласно немецкому закону и своему долгу, обязан был провоцить эти законы в жизнь. В законе не говорилось, что я должен истязать евреев или совершать какие-либо другие бесчеловечные действия.

Г-н ЭРЗОГ. Одобряли ли Вы гитлеровскую теорию жизненного пространства, теорию "лебенсраум"?

ЗАУКЕЛЬ. Относительно "жизненного пространства" писал фюрер в своей книге. В какой степени я был согласен с этой теорией, или не согласен с ней, по моему, неважно для моего дела на настоящем процессе, так как я не имел никакого влияния на то, как фюрер толковал этот термин "жизненное пространство".

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Трибунал считает, что Вы должны ответить - одобряете ли Вы или нет доктрину "жизненного пространства"?

ЗАУКЕЛЬ. Высказывания фюрера о понятии „жизненного пространства" - прошу мне простить - я теперь не помню полностью. Я хотел бы категорически подчеркнуть, что я никогда мысленно не связывал понятия "жизненное пространство" с

вещизм войн и войн агрессивных. Я также никогда не говорил об этом в своих речах. Понятие "жизненное пространство" для нас, возможно, состояло в том факте, что европейское население в последние сто лет увеличилось в три раза - со 150 миллионов до 450 миллионов.

Г-н ЭРЗОГ. Я повторяю свой вопрос - одобряли ли Вы или нет теорию „жизненного пространства" ? Ответьте - да или нет ?

ЗАУКЕЛЬ. Я не поддерживал теории "жизненного пространства" в том смысле, что речь шла об агрессивных войнах.

Г-н ЭРЗОГ. Одобряли ли Вы гитлеровскую теорию "высшей расы" ?

ЗАУКЕЛЬ. Я мог бы многократно доказать, что я лично всегда отрицал выделение "расы господ". Я лично придерживаюсь точки зрения способности расы, а не господства расы.

Г-н ЭРЗОГ. Таким образом, Вы не считали, что внешняя политика Германии должна опираться этими двумя теориями - теорией „жизненного пространства", с одной стороны, и теорией „высшей расы" - с другой ?

ЗАУКЕЛЬ. Я уже говорил своему защитнику о том, что я не занимался внешней политикой и не был информирован о ней, так как я не являюсь деятелем в области внешней политики.

Г-н ЭРЗОГ. Вы не одобряли мероприятия, проводимые в области внешней политики Гитлером, и Вы не участвовали в проведении этих мероприятий ?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Сейчас лучше будет об"явить перерыв, а завтра Вы сможете повторить свой вопрос.

/Об"является перерыв до 10 часов утра 30 мая/

12215

Т Н.

H1204 – 0332

H1204 – 0333

СТЕНОГРАММА

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 30 мая 1946 г.

Утреннее заседание

Встать! Суд идет!

ЭКСНЕР /защитник подсудимого Иодля/. Г-н председатель, у меня имеется следующая просьба: мой клиент ввиду предстоящей защиты просит разрешить ему отсутствовать на заседании сегодня после обеда и завтра с утра, чтобы иметь возможность подготовиться к защите.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да, пожалуйста.

ЭКСНЕР. Большое спасибо.

КОМЕНДАНТ СУДА. Господа судьи, я сообщаю, что подсудимый фон Папен отсутствует на данном заседании Трибунала.

Г-н ЭРЗОГ. Подсудимый Заукель, вчера я Вас спросил, считали ли Вы, что внешняя политика Германии должна определялся гитлеровской теорией жизненного пространства и теорией высшей расы.

ЗАУКЕЛЬ. Могу ли я попросить повторить вопрос. Я не слышал немецкого перевода.

Г-н ЭРЗОГ. Вчера я Вас спросил, считаете ли Вы, что внешняя политика Германии должна была определяться двумя гитлеровскими теориями: теорией жизненного пространства и теорией высшей расы?

ЗАУКЕЛЬ. Я понял это следующим образом: была ли внешняя политика Германии построена на принципах "высшей расы" и "жизненного пространства"? Правильно я Вас понял?

Г-н ЭРЗОГ. Да, я прошу Вас ответить, считали ли Вы,

что это должно было быть именно так?

ЗАУКЕЛЬ. Не на принципе "высшей расы". Я прошу разрешить мне дать об"яснение по этому поводу. Я лично никогда не соглашался с высказываниями некоторых национал-социалистских ораторов относительной "высшей расы" - "расы господ". Я сам этого никогда не высказывал. В юные годы я много странствовал. В Австралии и в Америке я бывал в семьях различных национальностей и это лучшие воспоминания моей жизни. Но я любил мой народ и стремился добиться равноправия для моего народа. Да, за это я выступал. Я не приветствовал господство одной расы, но я считал, что необходимо добиться равноправия.

Д-р ЭРЗОГ. Таким образом, Вы, следовательно, не одобряли мероприятия Гитлера во внешней политике и не сотрудничали в проведении этих мероприятий?

ЗАУКЕЛЬ. Отвечая на вопрос моего защитника, я уже говорил о том, что я никогда не чувствовал себя призванным заниматься внешней политикой и не считал себя политическим деятелем.

Г-н ЭРЗОГ. Припоминаете ли Вы заявление, которое Вы сделали 4 сентября 1945 года двум офицерам американской армии. Это показание является документом 3057-ПС, оно было пред"явлено Трибуналу под № США-223. Вы показали следующее:

"1. Я был убежденным национал-социалистом, начиная с 1921 года, и на 100% примкнул к программе Адольфа Гитлера". Я активно работал в этом направлении, и в течение периода, с 1921 г. вплоть до взятия власти в 1933 году, произнес около 500 речей, которые по смыслу и содержанию являлись выражением национал-социалистских воззрений. Вот почему я испытываю глубокое удовлетворение благодаря тому, что я возвысил гау Тюрингия, придав ему доминирующее положение

H1204 - 0334

H1204 – 0335

в сфере национал-социалистской идеологии. В моем уме не рождалось никаких сомнений, т.к. я никогда не оспаривал и не обсуждал правление Гитлера, вплоть до самого разгрома, я всегда слепо подчинялся его приказам".

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы говорите несколько быстро. Эта выдержка уже была оглашена, г-ном Эрзог, я не думаю, что Вам есть необходимость вновь оглашать все это.

Д-р ЭРЗОГ. Итак, я Вас спрашиваю, подсудимый Заукель, подтверждаете ли Вы показания, которые Вы дали под присягой добровольно и без принуждения 4 сентября 1945 года, показания, которые противоречат тем заявлениям, которые Вы делали вчера и которые Вы мне сделали сегодня?

ЗАУКЕЛЬ. Я подтверждаю, что под этим документом имеется моя подпись. Я прошу суд разрешить мне сказать, при каких обстоятельствах я подписал этот документ. Этот документ был представлен мне при допросе в готовом виде. Я после этого просил о том, чтобы мне разрешили в моей камере в Оберурзеле прочесть и обдумать этот документ, прежде чем я его буду подписывать. В этом мне отказали. В разговоре был упомянут офицер /мне говорили, что он русский или поляк/. Итак, мне было сказано, что, если я слишком долго буду медлить и не буду подписывать этот документ, то я буду передан русским властям. Затем вошел этот польский или русский офицер и спросил: "Где находится семья Заукеля? Мы, конечно, знаем этого Заукеля; давайте возьмем его с собой, и семью его надо тоже взять; ее также надо будет переселить в русскую зону". Я отец 10 детей. Я не обдумал этого документа, а только подумал о своей семье и подписал. Возвратясь в свою камеру, я письменно обратился к начальнику лагеря и попросил его выслушать меня лично без свидетелей. Но это было

уже невозможно, т.к. меня вскоре перевели в Нюрнберг.

Г-н ЭРЗОГ. Имеется ли Ваша подпись в конце этого документа, в котором Вы заявили, что Вы дали показания добровольно и без принуждения?

ЗАУКЕЛЬ. Это правильно, но в той ситуации...

Г-н ЭРЗОГ. Мне кажется, что это теперь достаточно выяснено.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Не спросите ли Вы свидетеля, ознакомился ли он с этим отрывком и отвечает ли этот отрывок действительности?

Г-н ЭРЗОГ. Я Вас только что спросил и повторяю - готовы ли Вы подтвердить, что эти показания правильны?

ЗАУКЕЛЬ. Эти показания в отдельных пунктах неправильны и я хочу сказать, что я просил дать мне возможность исправить эти ошибки, но, как я убежден, мне просто не предоставили такой возможности. Перед самым от"ездом мне сказали, что я смогу это сделать в Нюрнберге. Я это сообщил допрашивавшему меня здесь американскому офицеру.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Г-н ЭРЗОГ, ~~оглашался~~ оглашался ли этот документ на суде во время представления материалов Обвинения?

Г-н ЭРЗОГ. Г-н председатель, он был представлен под № США-223.

СЕРВАТИУС. Г-н председатель, насколько я помню, именно этот документ не был представлен. Я тогда говорил с представителем американского Обвинения и указал ему на эти обстоятельства, после чего он на заседании отказался от представления этого документа, учитывая эти возражения. Когда г-н председатель в конце заседания спросил, будет ли этот документ представляться, американский Обвинитель

H1204 - 0336

H1204 – 0337

ответил, что после обсуждения этого вопроса с защитой, он отказывается от представления этого документа.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Таким образом, Вы говорите, что этот документ на суде не оглашался?

СЕРВАТИУС. Во всяком случае я возражаю против представления этого документа в качестве доказательства, потому что он получен путем принуждения.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. В таком случае, господин Эрзог, Вы можете подвергать свидетеля перекрестному допросу в той мере, в какой Вам это покажется необходимым по всем пунктам документа. Я приостановил оглашение Вами этого документа лишь потому, что у Трибунала сложилось впечатление, будто бы этот документ уже оглашался.

Г-н ЭРЗОГ. Во втором пункте Вы заявили, что "после вступления в силу нюрнбергских законов, я следил, в соответствии с моими личными убеждениями, чтобы эти законы полностью проводились в жизнь в гау Тюрингии". "Я был согласен со всеми решениями, которые были приняты Гитлером и национал-социалистской партией в вопросе об использовании средств и методов для достижения желаемых целей и активно участвовал в выполнении этого плана".

Я спрашиваю Вас лишь...

ЗАУКЕЛЬ. Я не слышал конца вопроса.

Г-н ЭРЗОГ. Я перечитываю:

"Я был согласен со всеми решениями, которые были приняты Гитлером и национал-социалистской партией в вопросе об использовании средств и методов для достижения желаемых целей и активно участвовал в выполнении этого плана".

Я прошу Вас подтвердить, что такое заявление было сделано

ЗАУКЕЛЬ. Таких заявлений, т.е. заявлений в такой форме я не сделал бы, если бы я действовал добровольно.

Г-н ЭРЗОГ. Трибунал учтет этот ответ. Правильно ли, что Вы были назначены...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ /прерывая/. Г-н Эрзог, Трибунал считает, что свидетель располагает этим документом, Вы должны попросить его указать, в каком отношении он считает этот документ неправильным.

Г-н ЭРЗОГ. Вы слышали вопрос, господина председателя, подсудимый Заукель. Вы утверждаете, что этот документ не соответствует действительности. Не можете ли Вы сказать Трибуналу, в чем Вы видите здесь несоответствие?

ЗАУКЕЛЬ. Я хочу ответить по каждому пункту. Я был на 100 процентов согласен с социальной программой. Это я уже сказал, когда меня допрашивал мой защитник.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подсудимый, Трибунал желает, чтобы Вы взяли документ в руки и предложение за предложением указали, что в этом документ является неправильным.

ЗАУКЕЛЬ. В параграфе 1 - неправильный год - 1921 г. Я стал членом партии, как это указывается в моей членской карточке лишь с 1923 года или точнее с 1925 г., а с 1923 г. я начал симпатизировать партии. С программой Адольфа Гитлера согласен на 100%. Это следует понимать так, что я был согласен с этой программой постольку, поскольку эта программа казалась мне законной и справедливой с точки зрения конституции, справедливой с точки зрения морали и человечности. Сколько собраний я провел, я не могу сказать точно, т.к. это было очень давно. Мои речи и доклады основывались на моем жизненном опыте, т.к. только об этом я мог говорить. Я говорил о примирении всех сословий в Германии и людей

H1204 – 0338

H1204 – 0339

разных профессий на почве национал-социалистской идеологии.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подсудимый, я уже указал Вам на желание Трибунала, заключающееся в том, чтобы вы взяли документ в руки и указали, какие предложения в нем являются неверными. Вам не следует произносить здесь речей.

ЗАУКЕЛЬ. Я считаю, что все пункты являются неправильными. Я бы так не сформулировал ни одно из этих предложений, если бы я мог их сам сформулировать. В такой формулировке я оспариваю все эти пункты. Я их не составлял, меня не спрашивали об этом. Мне этот документ был представлен в окончательной редакции.

СЕРВАТИУС. Г-н председатель, я прошу разрешить мне дать раз"яснения по этому вопросу. Эти показания представляют собой, собственно говоря, резюме всех допросов. По различным пунктам даны показания в соответствии с Обвинительным заключением. Таким образом, подсудимому нечего бы было сказать в свою защиту, если бы все это было правильно. Но ввиду того, что это резюме содержит определенные выводы, подсудимому должна быть дана возможность опровергнуть эти выводы, а для этого необходимо дать обстоятельное пояснение. Это ведь не определенные факты, на которые можно отвечать "да" или "нет".

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подсудимый только что сказал, что весь документ является неправильным. Он также заявил, что документ был получен от него с помощью принуждения. Поэтому нет никакой нужды останавливаться на нем в деталях. Однако, Трибунал пожелал бы выслушать, что может сказать по этому поводу американское обвинение.

Г-н ДОДД. У меня нет копии этого документа на английском языке, но я...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ /прерывая/. Видите ли, г-н Додд, господин Эргоз заявил, что этот документ был представлен в качестве документального доказательства под номером США-223.

Г-н ДОДД. Насколько я припоминаю - я сейчас проверю по стенограмме, г-н председатель,- насколько я помню, во время представления материалов по вопросу угона в рабство мы включили этот документ в нашу книгу документов, но не представили его в качестве документального доказательства. Мне кажется, я во время заявил Трибуналу, что мы решили не представлять этот документ в качестве документального доказательства. Он был отпечатан и включен в книгу документов.

Может быть память мне изменяет, но, насколько я помню, председатель Трибунала обратился ко мне с вопросом, намереваюсь ли я пред"являть этот документ, и я заявил, что мы обдумали этот вопрос и решили его не использовать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я не понимаю, почему появился у этого документа номер документального доказательства, если он не пред"являлся в качестве доказательства.

Г-н ДОДД. Я тоже не понимаю этого. Я думаю, что это ошибка.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Хорошо. Г-н Додд, известно ли Вам, является ли этот документ резюме или суммарным отчетом целого ряда допросов, снятых с этого подсудимого?

Г-н ДОДД. Нет, напротив, я думаю, что эти показания были сняты до того, как подсудимый Заукель прибыл в Нюрнберг, и до того, как следственным отделом американского обвинения начали проводиться какие-либо допросы.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы учитываете тот факт, что д-р Серватиус возражал против этого документа на том основании, что он был получен под принуждением?

H1204 – 0340

H1204 – 0341

Г-н ДОДД. Насколько я помню, д-р Серватиус представлял какие-то возражения во время представления документальных доказательств по вопросу о рабском труде. Я думаю, что именно в результате этих возражений поэтому сейчас встал этот вопрос и именно мы и не использовали этого документа.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Очень хорошо. В таком случае лучше оставить этот документ.

Г-н ЭРЗОГ. Хорошо. Вы были назначены уполномоченным по использованию рабочей силы приказом от 21 марта 1942 года?

ЗАУКЕЛЬ. Да, это правильно.

Г-н ЭРЗОГ. Правильно ли то, что этот приказ был подписан также подсудимым Кейтелем?

ЗАУКЕЛЬ. Насколько я помню, этот приказ имел три подписи. Я думаю, что да. Но я не могу сейчас сказать Вам точно чьи это подписи.

Г-н ЭРЗОГ. Не можете ли Вы изложить Трибуналу те обстоятельства, при которых состоялось Ваше назначение?

ЗАУКЕЛЬ. Я уже вчера ответил на этот вопрос моему защитнику. Это было для меня неожиданностью.

Г-н ЭРЗОГ. Подсудимый Шпеер, имперский министр вооружения и боеприпасов, имел отношение к Вашему назначению?

ЗАУКЕЛЬ. Я этого не могу сказать, так как я это не знаю, но кажется, в официальном сообщении Бормана было сказано, что Шпеер внес такое предложение. Но я не знаю этого и не могу сказать точно.

Г-н ЭРЗОГ. Помните ли Вы, что по этому вопросу Вы дали показания на допросе 12 сентября 1945 года?

ЗАУКЕЛЬ. Я сейчас точно не могу вспомнить эти показания.

Г-н ЭРЗОГ. 12 сентября 1945 г. во время допроса,

произведенного майором Монинганом,-Трибунал найдет эти показания на первой странице выдержки из протокола допроса, который я пред"являю,- Вы заявляли:

"В марте 1942 г. я совершенно неожиданно был вызван к министру вооружения Шпееру, который был назначен незадолго до этого. Шпеер мне заявил, что необходимо в настоящий момент...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. ~~Послушайте,~~ Может быть, Вы уберете все бумаги, которые закрывают от Вас лампочку, потому что вы не видите, как ежеминутно загорается свет.

/Г-н Эрзог убирает папки с документами с пульта./

Г-н ЭРЗОГ. "Шпеер мне заявил, что в настоящий момент мне необходимо взять на себя новые функции в области использования рабочей силы. Несколько дней спустя он пригласил меня отправиться вместе с ним в ставку Гитлера. Меня ввели к фюреру, который мне заявил, что я должен непременно принять эту новую должность".

Подтверждаете ли Вы вышеизложенные показания?

ЗАУКЕЛЬ. Да, это правильно. Я только не могу сейчас сказать, состоялось ли мое назначение до этого разговора по чьей-либо инициативе. Но в общем это правильно.

Г-н ЭРЗОГ. Вы подтверждаете, что подсудимый Шпеер, министр вооружения и боеприпасов, вместе с Вами отправился в ставку Гитлера во время Вашего назначения?

ЗАУКЕЛЬ. Да., это правильно.

Г-н ЭРЗОГ. Вчера Ваш защитник пред"явил схематическую таблицу, в которой указана общая организация подведомственного Вам управления, а также показано, как Ваше управление было связано с другими управлениями империи. Вы заявили, что эта таблица правильная. Подтверждаете ли Вы сделанное

H1204-0342

H1204 – 0343

заявление? Я Вас спрашиваю, подтверждаете ли Вы, что Вы считаете настоящую схему правильной. Да или нет?

ЗАУКЕЛЬ. Да, насколько я помню, это было так.

Г-н ЭРЗОГ. Имеется ли в настоящий момент перед Вами эта схема?

ЗАУКЕЛЬ. Нет, у меня ее нет.

Г-н ЭРЗОГ/обращаясь к Членам Трибунала/. Имеется в виду документ, который был вчера пред"явлен защитником подсудимого, документ, в котором показаны различные управления империи.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Какой номер у этой таблицы?

Г-н ЭРЗОГ. Это таблица 1, в которой указывается, каким образом управления Заукеля были связаны с различными другими министерскими управлениями. /Обращаясь к подсудимому./ Обратитесь, пожалуйста, к шестой колонке слева. Наверху этой колонки имеется фамилия подсудимого Функа? Нашли Вы это место?

ЗАУКЕЛЬ. Да.

Г-н ЭРЗОГ. Смотрите, в колонке ниже, третий квадрат, в нем указаны инспекторы по вооружению. Правильно ли, что эти инспекторы по вооружению, согласно этой таблице, находились в подчинении министра Функа.

ЗАУКЕЛЬ. Какая колонка? Там,где упоминается Функ? Это не совсем правильно и должно быть несколько вынесено в сторону.Это находилось позднее в ведении Шпеера. Здесь сказано: "Автострада. Дорожная инспекция". Она не была подчинена Функу. Это - ошибка.

Г-н ЭРЗОГ. Далее, Вы видите квадрат, который находится рядом и который соединяет Управление автострад и Главное управление по набору рабочей силы? Это - квадрат, который

находится направо, ниже двух других. Разве он должен соединяться с управлением имперской автострады? Скорее он должен соединяться с нижним квадратом, обозначающим Инспекцию вооружения?

ЗАУКЕЛЬ. Мне непонятно, как можно допустить подобную ошибку. Я сейчас впервые вижу этот чертеж. Мне его раньше не показывали. Это ошибка. Этого я не знал.

Г-н ЭРЗОГ. И Вы подтвердили его правильность, ни разу не видев чертеж предварительно?

ЗАУКЕЛЬ. Я считал, что это тот же самый чертеж, который мне в готовом виде был представлен.

/К микрофону подходит защитник Серватиус:/

СЕРВАТИУС. Г-н председатель. Еще вчера, при представлении этой схемы, я сказал, что на одной странице имеются неточности, которые, может быть, были допущены при ее изготовлении.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Д-р Серватиус, при повторном допросе подсудимого Вы сможете, если захотите, поставить Вашему подзащитному любые вопросы. Сейчас же нет никаких оснований выступать с возражениями против задаваемых ему вопросов. Все эти вопросы вполне допустимы.

Г-н ЭРЗОГ. Подсудимый, Вы участвовали в совещаниях управления по четырехлетнему плану?

ЗАУКЕЛЬ. Только иногда, когда обсуждались вопросы относительно рабочей силы.

Г-н ЭРЗОГ. Не покажете ли Вы Трибуналу, кто из Ваших сотрудников сопровождал Вас или представлял Вас на этих совещаниях?

ЗАУКЕЛЬ. Это были различные люди: д-р Тимм, д-р Гильдебрандт, д-р Штотфанг.

12 227

H1204 – 0344

H1204 – 0345

Г-н ЭРЗОГ. Кто из других подсудимых участвовал в этих совещаниях? Не можете ли вы их указать?

ЗАУКЕЛЬ. Я помню хорошо, что из подсудимых г-н Шпеер участвовал в этих совещаниях. Участвовал ли в них господин Функ, я сейчас при всем желании не могу точно припомнить. Это возможно и невозможно в одно и то же время. Я не могу этого сказать по памяти.

Г-н ЭРЗОГ. А подсудимый Геринг?

ЗАУКЕЛЬ. На заседаниях управления центрального планирования я лично не видел рейхсмаршала, но я не знаю, может быть, у него лично имели место совещания, имеющие отношение к планированию и к этому учреждению; я не знаю были ли эти совещания, в которых он принимал участие, совещаниями управления центрального планирования.

Г-н ЭРЗОГ. Но когда подсудимые Геринг и Функ не участвовали в этих совещаниях, - были ли они кем-нибудь представлены в этом случае?

ЗАУКЕЛЬ. Представителем рейхсмаршала был г-н фельдмаршал Мильх. Я не помню присутствовал ли на этих совещаниях представитель имперского министра Функа. Я сейчас по памяти не могу этого сказать. Может быть, его представителем был г-н Керрль или кто-либо другой. Там было много людей. Я не был знаком со всеми.

Г-н ЭРЗОГ. Правильно ли то, что на этих совещаниях управления по четырехлетнему плану разбирали и устанавливали общую программу использования рабочей силы по согласованию со всеми лицами, которые участвовали в этих совещаниях или имели на них своих представителей?

ЗАУКЕЛЬ. В управлении центрального планирования не принимались окончательные развернутые решения. Там говорилось

о пред"явленных требованиях и заказах и ввиду того, что это были всегда спорные вопросы, их следовало разрешать в высших инстанциях, ~~что у~~ часто у самого фюрера.

Г-н ЭРЗОГ. Управление центрального планирования установило контакт между вами и другими подсудимыми, которые принимали участие в совещаниях?

ЗАУКЕЛЬ. Контакт этот был установлен не там, потому что эти вопросы обсуждались еще до того, как было создано управление центрального планирования. Там также обсуждались эти вопросы и составлялись и обсуждались требования.

Г-н ЭРЗОГ. Я попрошу Вас обратиться к документу Р-124, который уже был пред"явлен под № США-179. В этом документе имеется запись заявления, сделанного Вами на совещании 1-го марта 1944 г. Я оглашаю: "Мой долг по отношению к фюреру..."

ЗАУКЕЛЬ. Скажите, пожалуйста, какая это страница.

Г-н ЭРЗОГ. Это - страница 1780; там должно быть отмечено это место: "Мой долг по отношению к фюреру, рейхсмаршалу, министру Шпееру, по отношению ко всем Вам, господа, совершенно ясен, я его выполню. Первый шаг уже сделан. Уже 262 тысячи новых рабочих прибыли, и я убежден, что можно обеспечить большую часть всех запросов. Каким образом будет распределяться рабочая сила,- будет решено в зависимости от потребностей всей германской экономики, и я всегда готов поддерживать тесный контакт с Вами, господа, и способствовать обеспечению рабочей силой, полностью сотрудничая с Вами. Если будет существовать такое сотрудничество, то ~~всвое~~ все будет в порядке".

Вы не опровергаете того, что в управлении центрального планирования установилось сотрудничество между различными

H1204 – 0346

H1204 – 0347

учреждениями, участвовавшими в наборе рабочей силы, постольку, поскольку Вы лично призывали к такому сотрудничеству?

ЗАУКЕЛЬ. Я не оспариваю того, что существовало такое сотрудничество, оно необходимо при любом режиме и при любой системе. Здесь речь идет не только об иностранной рабочей силе, но, главным образом, о немецких рабочих в тот период. Я не оспариваю того, что там велась определенная работа, но я хотел бы сказать, что там не принимались окончательные решения. Вот, что я хотел сказать.

Г-н ЭРЗОГ. Правильно ли то, что Вы назначили своих уполномоченных, которые должны были быть Вашими представителями при различных германских учреждениях?

ЗАУКЕЛЬ. Заместителей в различных административных управлениях у меня не было.

Г-н ЭРЗОГ. Не имелось ли у Вас такого связного при министре вооружения и боеприпасов, подсудимом Шпеере?

ЗАУКЕЛЬ. Человек, который все время находился у Шпеера не был уполномоченным. Это был человек, который обсуждал с министром вопросы, связанные с предоставлением необходимой рабочей силы. Это был, насколько я помню, некий г-н Берк.

Г-н ЭРЗОГ. А при имперском министре труда имелся у Вас такой человек?

ЗАУКЕЛЬ. При имперском министре труда я не имел уполномоченного, но в министерстве труда было два управления, на которые были возложены эти задачи.

Г-н ЭРЗОГ. Во время Вашего допроса 12 сентября 1945 г. Вы показали нижеследующее. /Трибунал найдет это на стр.6 и 7 протокола допроса, который был мной представлен./

"Кроме того, у меня было два советника, которые служили связующим звеном между министром Шпеером и военной

промышленностью.

Эти лица поддерживали связь между Вашим управлением и министром Шпеером, а также министром труда?

ЗАУКЕЛЬ. На какой это странице?

Г-н ЭРЗОГ. Это на страницах 4 и 5. Вы нашли это место?

ЗАУКЕЛЬ. Да.

Г-н ЭРЗОГ/читает/: "Между мной и министром Шпеером, а также между мной и министром труда..."

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Это, очевидно, на странице 6-й, не так ли? Вы назвали страницы 4 и 5. Это ведь страница 6-я, не так ли?

Г-н ЭРЗОГ. Я имею ввиду немецкий текст, г-н председатель.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да, хорошо.

Г-н ЭРЗОГ. "Между мной и министром Шпеером, а также между мной и министром труда были два советника - доктор Штотфанг и ландсрат Берк, которые были юристами и специалистами в области народного хозяйства. Штотфангу, в основном, было поручено поддерживать связь с министерством труда".

Почему Вы сказали, что у Вас не было связи с министерством труда?

ЗАУКЕЛЬ. Я уже совершенно ясно сказал, что было два управления в министерстве труда - управление 3-е и 5-е, и министериальный советник д-р Штотфанг был раньше личным референтом статс-секретаря Сюрупа и в исключительных случаях по моему поручению он беседовал со статс-секретарем Сюрупом. Это правильно, но это не имеет значения, так как с министерством труда связь осуществлялась непосредственно через управления.

12231

H1204 - 0348

H1204 – 0349

Г-н ЭРЗОГ. Таким образом, Вы подтверждаете, что у Вас был уполномоченный при министерстве труда и другой уполномоченный при министре Шпеере?

ЗАУКЕЛЬ. Я подтверждаю, что я посылал туда иногда своих представителей на совещания, но эти люди работали в управлениях в качестве моих личных референтов, т.е. они работали у меня и не сидели в тех министерствах. Я также не могу сказать - правильно ли в данном случае сделан перевод. Я этого не помню, но в принципе это правильно; эти референты сидели у меня, а не у этих министров.

Г-н ЭРЗОГ. Не скажете ли Вы Трибуналу, что представляли из себя "штабсбешпрехунгэн" /штабные совещания/?

ЗАУКЕЛЬ. Штабные совещания-это были совещания, на которых обсуждались специальные вопросы и на которых присутствовали представители от министерств или потребители из отдельных областей хозяйства, т.е. те, кто затребовал рабочих. На этих совещаниях обсуждались все те моменты, которые необходимо было учитывать, т.к. я, как Вы здесь слышали, не мог действовать самостоятельно.

Г-н ЭРЗОГ. Кто установил порядок созыва этих совещаний, кто созывал эти штабные совещания?

ЗАУКЕЛЬ. Эти штабные совещания я ввел для того, чтобы иметь возможность надлежащим образом обсуждать и выяснять эти вопросы, потому что ни при одном правительстве мира нельзя действовать в безвоздушном пространстве.

Г-н ЭРЗОГ. Таким образом вы подтверждаете, что это в различных формах выраженная система связи налагает общую ответственность за решения, принятые каждым из Вас по вопросу об использовании и наборе рабочей силы?

ЗАУКЕЛЬ. Этот вопрос с технической и с административной

точки зрения мне неясен. Я сам ничего не мог делать с рабочими. Я должен был передавать их другим учреждениям и я должен был обсуждать различные способы вербовки. Но эти совещания не были заговором, имеющим своей целью совершение преступлений. Это были точно такие же совещания, как и раньше, я участвовал в парламентарных правительствах и эти вопросы там разрешались точно так же.

Г-н ЭРЗОГ /перебивая/. Я спрашиваю Вас не об этом. Я спрашиваю Вас, подтверждаете ли Вы, что существование подобного рода офицеров связи при министре Шпеере и министре труда, с одной стороны, и существование этого нового органа, который Вы создали, с другой стороны, налагают общую ответственность за решения, принятые по вопросу о рабочей силе подсудимым Шпеером, министром труда и Вами?

ЗАУКЕЛЬ. Я не могу ответить на этот вопрос с уверенностью -"нет", потому что ко мне поступали требования на рабочих, которые я, будучи немецким чиновником, должен был выполнять, а для того, чтобы это сделать, я должен был созывать совещания. Иначе нельзя было поступать, потому что не я требовал рабочих и не я их использовал, они использовались в хозяйстве, будь то немецкие или какие-либо другие рабочие. Так это было и в обычное время.

Г-н ЭРЗОГ. Правильно ли то, что после приказа о Вашем назначении Вам было разрешено иметь представителей в различных отделах гражданской и военной администрации на оккупированной территории в лице особых уполномоченных.

ЗАУКЕЛЬ. Начиная примерно с 30 октября /я не могу назвать точной даты/, по инициативе фюрера мною были назначены уполномоченные при правительствах в оккупированных странах. Об этом уже говорил мой защитник вчера.

H1204 – 0350

H1204 – 0351

Г-н ЭРЗОГ. 30 октября? – Я полагаю, что Вы хотели сказать 30 сентября 1942 г. Вы допустили ошибку. Это приказ от 30 сентября.

ЗАУКЕЛЬ. Извините, я точно не могу назвать даты.

Г-н ЭРЗОГ. Правильно ли, что уполномоченные, которые были назначены в соответствии с этим приказом, подчинялись непосредственно Вам?

ЗАУКЕЛЬ. Поскольку они были моими уполномоченными и должны были выполнять поставленные мною задачи, они были мне подчинены.

Г-н ЭРЗОГ. Правильно ли то, что им разрешалось давать директивы гражданским и военным властям на оккупированных территориях?

ЗАУКЕЛЬ. Это правильно только в отношении требований на рабочую силу, а не в общем.

Г-н ЭРЗОГ. Кто был Вашим уполномоченным при оккупационных властях во Франции?

ЗАУКЕЛЬ. Уполномоченным при оккупационных властях во Франции был сначала президент Ритер. Он был убит в Париже, а после него был Глатцель.

Г-н ЭРЗОГ. Был ли у Вас уполномоченный в Бельгии?

ЗАУКЕЛЬ. В Бельгии у меня был уполномоченный при главноначальствующем, по фамилии Шульце.

Г-н ЭРЗОГ. А в Голландии?

ЗАУКЕЛЬ. В Голландии были различные лица. Сначала некий г-н Шмидт, и еще другой, а затем, кажется, Риттербуш, я не помню точно его фамилии.

Г-н ЭРЗОГ. Была ли одобрена эта система назначения уполномоченных при оккупационных властях подсудимым Шпеером?

ЗАУКЕЛЬ. Эта система была введена по инициативе фюрера. Я предполагаю, что Шпеер был согласен с этим, он, насколько мне известно, также советовал сделать это.

Г-н ЭРЗОГ. Известно ли Вам, что ему принадлежала инициатива в издании декрета, который и был в связи с этим издан фюрером?

ЗАУКЕЛЬ. Да, он при этом присутствовал, и также давал подобные советы.

Г-н ЭРЗОГ. Во время Вашего допроса, говоря об этих уполномоченных, вы показали: "В 1941 г. или в 1942 г. Шпеер создал институт этих уполномоченных по вопросам рабочей силы". Трибунал найдет это заявление на стр.9 протокола допроса. Что хотели Вы сказать этой фразой?

ЗАУКЕЛЬ. Я не понял Вас.

Г-н ЭРЗОГ. Я оглашу выдержку из протокола Вашего допроса 8 октября 1945 года:

"Вопрос. В чем заключалась миссия Ваших представителей в управлениях труда при военной и гражданской администрациях? Должны ли они были давать лишь технические советы, которые можно было бы и не принимать, или же эти представители были уполномочены давать указания и директивы военным руководителям по техническим вопросам?"

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. На какой это странице?

Г-н ЭРЗОГ. Это 9-я страница, г-н председатель.

"Ответ. В 1941 г. или в 1942 г. Шпеер учредил институт представителей по вопросу рабочей силы".

Я просто спрашиваю Вас, что Вы подразумевали под этой фразой. Что Вы хотели этим сказать: "Шпеер в 1941 или в 1942 гг. учредил институт представителей по вопросу рабочей силы"?

H1204 – 0352

H1204 - 0353

ЗАУКЕЛЬ. Я должен сказать, что я после допроса не видел больше протокола и не могу сейчас сказать, сказал ли я: "1941 или 1942 гг."?

Г-н ЭРЗОГ. Трибунал учтет данный Вами ответ.

Правильно ли то, что помимо Ваших уполномоченных при военной и гражданской оккупационных властях, на оккупированных территориях Вы создали учреждения, занимающиеся вопросом использования рабочей силы?

ЗАУКЕЛЬ. Это неправильно. Они существовали и ранее.

Г-н ЭРЗОГ. Таким образом, Вы подтверждаете, что наряду с уполномоченными, которые представляли Вас на оккупированных территориях, существовали учреждения по набору рабочей силы?

ЗАУКЕЛЬ. Да, на оккупированной территории при каждой гражданской или военной администрации имелись управления, занимающиеся вопросом использования рабочей силы. Эти управления были созданы при администрации и были ей подчинены.

Г-н ЭРЗОГ. Можете ли Вы указать численность штатов этих различных учреждений на оккупированных территориях?

ЗАУКЕЛЬ. Вы имеете в виду в общей сложности? Я сейчас не могу сказать по памяти, сколько служащих было в администрации, я этих цифр вообще никогда не знал наизусть.

Г-н ЭРЗОГ. Не припоминаете ли вы совещание, которое состоялось 15 и 16 июля 1944 г. в Зальцбурге, на котором вы председательствовали и где присутствовали лица, возглавлявшие региональные отделы труда, и генеральные уполномоченные оккупированных областей в Европе. 13 июля 1944 г. государственный советник Бергнер на вечернем заседании привел цифры этих штатов /это французский документ 810, который я представляю Трибуналу под № РФ-1507/.

Я оглашаю 20-ю страницу:

"Государственный советник Бергнер заявил: "За пределами германской империи управление по использованию рабочей силы насчитывает 4.000 сотрудников, а именно: в восточной зоне - 1.300, во Франции - 1.016, в Бельгии и на севере Франции - 429, в Нидерландах - 194".

Подтверждаете ли Вы это заявление государственного советника Бергнера?

ЗАУКЕЛЬ. Да, в основном это правильно.

Г-н ЭРЗОГ. Помимо Ваших уполномоченных и помимо учреждений, о которых мы только что с Вами говорили, Вы создали во Франции комиссии из специалистов, которым было поручено организовать использование рабочей силы по германскому образцу? Будьте добры мне ответить.

ЗАУКЕЛЬ. Я не совсем понял Ваш вопрос. Прошу повторить его.

Г-н ЭРЗОГ. Хорошо, я повторяю: Помимо Ваших уполномоченных, помимо учреждений, о которых мы только что говорили, Вы создали, в частности во Франции, комиссии из специалистов, которым было поручено организовать набор и использование рабочей силы по германскому образцу.

ЗАУКЕЛЬ. Я вчера говорил моему защитнику о сотрудничестве с французскими...

Г-н ЭРЗОГ. Я не это имею в виду. Я говорю о комиссиях специалистов. Не припоминаете ли Вы, что в целях обеспечения набора рабочей силы во Франции, Вы создали систему, заключавшуюся в том, что два французских департамента прикреплялись к каждому германскому гау?

ЗАУКЕЛЬ. Я сейчас припоминаю то, о чем Вы говорите. Очевидно, вы имеете ввиду создание по "согласованию с французскими властями так назыв."шефов". Это были промежуточные

H1204 - 0354

H1204 – 0355

учреждения, которые осуществляли связь между немецкими гау и французскими департаментами. В задачи этих учреждений входило следующее: они должны были ознакомить рабочих, которые направлялись в Германию, с условиями на чужбине и, кроме того, должны были обсуждать положение рабочих на совещаниях вместе с хозяйственным отделом департамента.

Г-н ЭРЗОГ. Я пред"являю Трибуналу документ 1293-ПС за № РФ-1508. Здесь имеется в виду письмо с Вашей подписью, датированное 14 августа 1943 года, Берлин. Я оглашу Вам выдержки из этого письма. Трибунал найдет его в книге документов, которую я передал в начале этого заседания. Я оглашу вначале последний абзац на первой странице.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Боюсь, что у меня нет этого документа. Это номер 1293?

Г-н ЭРЗОГ. Г-н председатель, документы, которые фигурируют в предъявленной мною сегодня утром книге документов, расположены в том порядке, в котором я намереваюсь их использовать. Если там есть некоторые отступления, то я заранее прошу извинить меня. Г-н председатель, я позволю себе указать, что документы, которые я наметил...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я нашел такой документ. Это номер 1293, не так ли?

Г-н ЭРЗОГ. Г-н председатель, я позволю себе указать Трибуналу, что документы, которые я использую, расположены в том порядке, в котором я их намереваюсь пред"являть. Я сделал закладки только для тех документов, которые я предполагаю оглашать несколько раз. Таким образом, для Трибунала будет легче найти их. Могу ли я начать оглашать документ, г-н председатель?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я очень сожалею, но эти документы вообще

не были мне переданы. Мне не передали ни один из этих документов.

Г-н ЭРЗОГ. Я оглашаю конец первой страницы:

"Осуществление этих двух миссий, которое возложено на управление по использованию рабочей силы требует, чтобы была создана и расширена организация по вопросам труда, более сильная и более твердая. Она должна быть снабжена всеми необходимыми средствами. Осуществление этого возможно при помощи образования так наз. "патенгау" /шефские области/. Франция разделена приблизительно на 80 департаментов. Великая германская империя разделена на 42 гау в политическом отношении и на 42 округа по набору рабочей силы. Каждый из этих округов возьмет под свое шефство приблизительно два французских департамента. Каждый такой германский округ командирует в свои департаменты комиссии специалистов, наиболее способных и испытанных. Эти комиссии будут организовывать использование рабочей силы по германскому образцу."

Я пропускаю страницу и оглашаю конец второй страницы французского текста, страница 3 в немецком тексте.

"Не вызывает никакого сомнения тот факт, что с созданием проектируемой системы шефских гау для использования французской рабочей силы в Германии, и в особенности для превращения французских гражданских рабочих в работающих для германской военной промышленности во Франции, превращения, необходимого для интересов Германии, такой порядок имеет колоссальные выгоды".

Я делаю пропуск и перехожу к концу третьей страницы французского текста. Я оглашаю выдержку под рубрикой "А":

"Германское центральное управление по вопросам труда в Париже, т.е. представитель уполномоченного по использованию

H1204 – 0356

H1204 – 0357

рабочей силы и его служба"..."

Вы только что мне показали, что германские управления по набору рабочей силы на оккупированных территориях не находились под Вашим руководством, как уполномоченного по использованию рабочей силы, а зависели от местных властей. Как Вы в таком случае можете об"яснить оглашенную фразу?

ЗАУКЕЛЬ. Это очень просто об"ясняется. Эти лица в управлении труда подчинялись главноначальствующим. Они были откомандированы из немецкого управления труда и подчинялись военной администрации.

Г-н ЭРЗОГ. Вы говорите: "Германское центральное управление по вопросам труда в Париже, т.е. представитель уполномоченного по использованию рабочей силы и его служба..." Следовательно, германское центральное управление по вопросам труда в Париже представляло Вас?

ЗАУКЕЛЬ. Немецкое центральное управление труда входило в гражданскую администрацию в Париже, которая, в свою очередь, была подчинена главноначальствующему. К сожалению, в этом предложении это не об"ясняется, потому что предполагается, что гаулейтеры знают это. Это совершенно верная картина.

Г-н ЭРЗОГ. Я продолжаю оглашать документ: "Германское центральное управление в Париже, т.е. представитель уполномоченного по использованию рабочей силы и его служба, таким образом будет располагать во всей Франции прочным и надежным аппаратом, который облегчит им разрешение французской проблемы, несмотря на пассивное сопротивление, которое, возможно, даже определенно, будет оказано французскими чиновниками самых различных слоев".

Я пропускаю две строки: "Поэтому я поручил начальникам, т.е. главным комиссарам отделов труда вновь созданных гау

создать соответствующую организацию в доверенных им департаментах и,по соглашению с членом партии Борманом, я прошу Вас, как моего заместителя по вопросам рабочей силы, поддержать и благоприятно воспринять новую задачу, которая ложится на отдел труда вашего гау. Начальник или главный комиссар Вашего отдела труда в гау должен детально информировать Вас и держать Вас в курсе проведения этих мероприятий".

Разве эти мероприятия не представляли собой попытку осуществить административное подчинение французской территории в вопросах труда властям германских территорий?

ЗАУКЕЛЬ. Да. Однако, я должен попросить Вас и Высокий Суд разрешить мне дать дополнительное раз"ясиение. На первой странице, в абзаце первом сказано, /я цитирую третью строчку/:

"С согласия фюрера я приказал во Франции при переговорах начальника французской администрации с немецкими учреждениями",/это особенно важно. Здесь имеются ввиду главноначальствующие, которым были подчинены учреждения,ведающие рабочей силой/ принимать необходимые меры в самом широком масштабе". И кроме того, я хочу прочитать на четвертой странице цитату об этих учреждениях, которые осуществляли шефство. Эти учреждения ведь не должны были вызывать вражду. Итак, я цитирую на странице 4 немецкого текста пункт А:

"Предубеждение, недоверие, ошибки, допускаемые в системе снабжения, выяснение и удовлетворение жалоб /здесь имеются ввиду жалобы рабочих/, вообще все то, что мешает использованию рабочей силы в Германии, может быть устранено с помощью этих шефских учреждений в гау и в департаменте".

Затем я читаю пункт Б:

"Каждый французский рабочий в таком департаменте хорошо знает, где и в каких условиях он должен будет работать в

H1204-0358

H1204 – 0359

Германии. Он получает раз"яснения, пользуясь материалами немецкой пропаганды, по всем тем вопросам, которые его интересуют, а также и сведения о той местности, в которой он будет работать".

Вот каковы были цели этого учреждения, т.е. это было как раз нечто благоприятное для французских рабочих; соблюдались интересы рабочих.

Г-н ЭРЗОГ. Ответьте мне, являлись или не являлись эти мероприятия попыткой административного присоединения французских департаментов к германским гау в области использования рабочей силы. Я прошу Вас ответить "да" или "нет".

ЗАУКЕЛЬ. Я должен ответить нет, но я хотел бы дать пояснение. Эта организация имела целью разрешение всех неясных вопросов, возникающих между французским правительством, французскими департаментами, французскими промышленниками и предприятиями, с одной стороны, и между предприятиями и учреждениями в Германии, которые использовали французских рабочих, с другой. Вот каковы были действительные цели. Нужно было выяснить жалобы и устранять недоверие.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Сейчас мы об"явим перерыв.

/Перерыв на 10 минут./

Встать! Суд идет!

/К микрофону подходит господин Эрзог./

Г-н ЭРЗОГ. Подсудимый, правильно ли то, что подсудимый Геринг отдал под Ваш контроль все учреждения центрального управления по 4-х летнему плану, которые занимались вопросом набора рабочей силы?

ЗАУКЕЛЬ. Организации, которые находились в распоряжении управления по 4-х летнему плану и занимались вопросами

рабочей силы, были распущены и эти вопросы стали рассматриваться только в 5-м и 6-м управлениях имперского министерства труда.

Г-н ЭРЗОГ. Правильно ли то, что Вам были переданы полномочия министерства труда в вопросе о рабочей силе и что в результате этого Вы осуществили законодательные и регламентарные функции?

ЗАУКЕЛЬ. Это относится только к 5-му и 6-му управлению, т.к. их задачи совпадали и были связаны с моими. Все остальные отделы министерства труда продолжали существовать самостоятельно и были подчинены имперскому министру труда.

ЭРЗОГ. Но в области использования рабочей силы Вы еще до своего назначения имели полномочия имперского министра труда, т.е. в своем учреждении в качестве генерального уполномоченного по использованию рабочей силы Вы имели такие полномочия?

ЗАУКЕЛЬ. В рамках моего ведомства, будучи генеральным уполномоченным по использованию рабочей силы, я имел отношение к этим управлениям, но эти управления не находились у меня в подчинении. Я это должен особо подчеркнуть. Они просто находились в моем распоряжении и, как известно, в то время на это обстоятельство обращалось особое внимание. Управления эти сами по себе остались в министерстве труда.

Г-н ЭРЗОГ. Следовательно, при такой ситуации Вы имели автономную административную власть в области рабочей силы?

ЗАУКЕЛЬ. Ни о какой автономии не могло быть и речи. Речь идет только о согласованности. Я не мог издавать каких-либо декретов. Я мог издавать только распоряжения, причем с согласия и после обсуждения их с административными управлениями и имперскими министерствами. Кроме того, я должен был получить согласие фюрера или вышестоящего учреждения.

12243

H1204 – 0360

H1204 – 0361

Г-н ЭРЗОГ. Фюрер Вам предоставил полную свободу действий в области набора и использования рабочей силы?

ЗАУКЕЛЬ. Не в области набора и использования рабочей силы, а в области общего руководства ими. Как известно, человек, который проводит набор рабочих, практически не использует их, т.е. не дает им работу, рабочие получают работу на заводе, а не у того, кто их вербует.

Г-н ЭРЗОГ. Но в вопросе набора рабочей силы Вам была предоставлена Гитлером полная свобода действий?

ЗАУКЕЛЬ. Я действовал не один, а с согласия и одобрения местных властей, в особенности за границей. Так во Франции я не мог проводить вербовку рабочих, не получив на это согласия французского правительства и без сотрудничества с французским министерством.

Г-н ЭРЗОГ. Подсудимый Заукель, Вы неоднократно ссылались на те соглашения и обязательства, которые были заключены Вами во Франции с теми, кого Вы сами называли коллаборационистами. Вам лучше чем кому-либо другому известно, что коллаборационисты, склонившиеся к сотрудничеству с врагом во Франции, отвечают лишь за себя и их действия никогда не были поддержаны французским народом. Кроме того, эти коллаборационисты, в показаниях которых Вы не можете усумниться, сами рассказали о том давлении, которое было оказано на них с Вашей стороны. Сейчас мы остановимся на этом вопросе.

Правильно ли, что 16 апреля 1942 г. примерно, меньше, чем через месяц после Вашего назначения, Вы получили письмо от подсудимого Розенберга, в котором содержится Ваша программа /это письмо было представлено вчера/, включая набор иностранных рабочих. Это входило в Вашу программу эксплоатации рабочей силы?

ЗАУКЕЛЬ. Я протестую против слова "эксплоатация". Я, следуя категорическому распоряжению фюрера, должен был изложить в своей программе то, как должна производиться вербовка иностранных рабочих.

Г-н ЭРЗОГ. Правильно ли то, что Вы включили набор иностранных рабочих в Вашу программу использования рабочей силы, в программу от 16 апреля 1942 г.? Вчера Вы признали это. Я сейчас прошу Вас лишь подтвердить это еще раз.

ЗАУКЕЛЬ. Да, это правильно, но я подчеркиваю, что я сделал это по приказу.

Г-н ЭРЗОГ. Правильно ли, что эта программа, разработанная примерно через три недели после Вашего назначения 16 апреля 1942 г., уже содержала принцип насильственной мобилизации рабочей силы?

ЗАУКЕЛЬ. Да, это предусматривалось в соответствии с категорическим приказом фюрера, на тот случай, если вербовка на добровольных началах не принесла бы нужных результатов. Я вчера уже говорил об этом своему защитнику.

Г-н ЭРЗОГ. Припоминаете ли Вы распоряжение, которое было издано Вами 22 августа 1942 г.? В этом распоряжении главный упор делался на использование рабочей силы с оккупированных территорий. Это распоряжение генерального уполномоченного по использованию рабочей силы № 10 по вопросу использования рабочей силы оккупированных территорий. Этот документ представлен Трибуналу под № РФ-17. Припоминаете ли Вы его?

ЗАУКЕЛЬ. Да, я помню это распоряжение № 10.

Г-н ЭРЗОГ. И этот приказ был проведен в жизнь на оккупированных территориях, на территориях, где власть осуществлялась германской администрацией?

H1204 – 0362

H1204 – 0363

ЗАУКЕЛЬ. Насколько я помню /я сейчас точный текст отдельных параграфов не припоминаю, т.к. у меня нет этого распоряжения/, но, по-моему, это распоряжение было издано в целях улучшения условий работы на предприятиях некоторых немецких фирм в целях устранения беспорядков.

Г-н ЭРЗОГ. Правильно ли то, что Вы были в командировке в Париже в августе 1942 года?

ЗАУКЕЛЬ. Да, это возможно, но в деталях я этого не помню.

Г-н ЭРЗОГ. Правильно ли то, что Вы были также в Париже в январе 1943 г.?

ЗАУКЕЛЬ. Да, это тоже возможно, это вполне вероятно.

Г-н ЭРЗОГ. Правильно ли то, что Вы совершили поездку в Париже в январе 1944 года?

ЗАУКЕЛЬ. Это тоже вполне вероятно. Я не помню точно всех этих дат.

Г-н ЭРЗОГ. Таким образом, Вы совершали поездки в Париж до того, как тогдашние французские власти опубликовали законодательные акты от 4 сентября 1942 г., 16 февраля 1943 г. и 1-го февраля 1944 года. Правильно ли это?

ЗАУКЕЛЬ. Я не совсем понял Ваш вопрос.

Г-н ЭРЗОГ. Я спрашиваю Вас, правильно ли то, что до того, как тогдашние французские власти опубликовали три закона по вопросу о принудительных работах: от 4 сентября 1942 года, от 16 февраля 1943 г. и от 1 февраля 1944 г., Вы совершали поездки во Францию, в Париж?

ЗАУКЕЛЬ. Я ездил в Париж только для того, чтобы вести переговоры с французским правительством. И по этому вопросу я хотел бы сказать, что для меня...

Г-н ЭРЗОГ. Признаете ли Вы, что во время этих поездок

Вы навязали французским властям принятие законов по вопросу о принудительном труде?

ЗАУКЕЛЬ. Нет, это неверно.

Г-н ЭРЗОГ. Таким образом, Вы оспариваете тот факт, что законы о принудительном труде были изданы под Вашим давлением?

ЗАУКЕЛЬ. Я оспариваю Ваше выражение относительно давления Я вел с французским правительством безупречные переговоры до того, как были изданы эти законы. Я категорически протестую против слов: "под давлением".

Г-н ЭРЗОГ. Припоминаете ли Вы телефонный разговор с подсудимым Шпеером из ставки Гитлера 4 января 1943 года?

ЗАУКЕЛЬ. Очень может быть, что такие разговоры с Шпеером имели место, но я не знаю, какую именно беседу Вы сейчас имеете ввиду.

Г-н ЭРЗОГ. Не припоминаете ли Вы то сообщение, которое было отправлено Вами в Ваше управление в результате этого телефонного разговора от 4 января 1943 года?

ЗАУКЕЛЬ. Да, я делал различные записи для себя, так как это было необходимо в том случае, если по телефону мне давалось какое-либо задание.

Г-н ЭРЗОГ. Я пред"являю Вам документ № 556-ПС, который был пред"явлен Трибуналу под № США-194 и РФ-62. Я оглашаю этот документ или, по крайней мере, первый абзац из него:

"4 января 1943 г., в 8 часов вечера министр Шпеер позвонил из ставки Гитлера и сообщил, что в соответствии с решением, принятым фюрером, нет необходимости в будущем при найме квалифицированных и подсобных рабочих во Франции, обращаться с французами особо. И в названной стране возможно оказывать давление и использовать наиболее суровые меры для того, чтобы получить необходимую рабочую силу".

H1204 – 0364

H1204 – 0365

Я спрашиваю Вас, подсудимый: что Вы имели ввиду, когда Вы говорили, что нет необходимости обращаться с французами особо?

ЗАУКЕЛЬ. Это решение я не принимал сам. Это было сообщением из главной ставки фюрера, которое было сделано на основании решения фюрера. Я сейчас хотел бы категорически заявить, что я не изменил своего отношения к французскому правительству, этого нет в протоколе; я, как и раньше, так и впоследствии, продолжал корректно вести переговоры с французским правительством. Я прошу суд разрешить мне сделать по поводу этих переговоры с французским правительством следующее заявление:

Г-н ЭРЗОГ. Вы сможете сделать его в ходе Вашего допроса. Помните ли Вы беседу в германском посольстве в Париже 12 января 1943 г. с представителями французских властей?

ЗАУКЕЛЬ. В германском посольстве в Париже, насколько я помню, я вел переговоры лишь с французскими министрами.

Г-н ЭРЗОГ. Это именно то, о чем я Вас спрашиваю. Помните ли Вы о беседе, которая состоялась в германском посольстве в Париже 12 января 1943 года с представителями французского правительства?

ЗАУКЕЛЬ. Во всех подробностях я не помню, но что я вел переговоры в то время, это вполне возможно.

Г-н ЭРЗОГ. Вы помните, кто именно присутствовал во время этих переговоров?

ЗАУКЕЛЬ. Обычно на этих беседах присутствовал французский премьер-министр, французский министр труда, министр Бишелон. С немецкой стороны присутствовали: посол, представитель от главноначальствующего д-р Фишер и от меня, наверное, д-р Гильдебрандт или кто-нибудь другой.

Г-н ЭРЗОГ. Вы припоминаете, что Вам сказал Лаваль во время этих переговоров 12 января 1943 г.?

ЗАУКЕЛЬ. Во время этих переговоров обсуждались подробно многие вопросы. Я не знаю, что Вы имеете ввиду?

Г-н ЭРЗОГ. Я передаю Вам отчет об этом совещании - документ 809, который я пред"являю Трибуналу под " РФ-1509". В ходе этих переговоров Лаваль сделал пространное заявление, или, вернее, он сделал несколько заявлений.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Где мы найдем этот отрывок?

Г-н ЭРЗОГ. Он находится в пред"явленной мною книге документов, г-н председатель. Там должна быть закладка.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да, да, я нашел это.

Г-н ЭРЗОГ. Я прежде всего оглашу страницу 7-ую французского текста , та же страница и в немецком тексте:

"Гаулейтер Заукель требует еще 250 тысяч новых рабочих. Гаулейтер Заукель прекрасно знает /его учреждения достаточно его информируют о б этом/ о трудностях, которые испытывает французское правительство, уже выполнившее программу прошлого года. Гаулейтер должен отдавать себе отчет в том, что, учитывая число военнопленных и рабочих, которые уже отправлены в Германию, отправка новых 250 тысяч рабочих еще более усугубит тяжелое положение французского правительства. Я не буду скрывать эти трудности от гаулейтера, поскольку они очевидны, и немцы, которые находятся в Париже, достаточно хорошо знают об этих трудностях. И если гаулейтер возражает мне, что в Германии пришлось преодолевать подобные трудности и что теперь настала очередь французской промышленности преодолеть их, я полагаю, что я могу напомнить, что Германия не только требует от Франции рабочих, но начинает вывозить машины с заводов и переправляет их на свою территорию. Если во Франции не остается ничего другого, то,

H1204 - 0366

H1204 – 0367

по крайней мере, до сих пор у нее оставались ее средства производства. Если ее лишат и этого, то она потеряет всякую возможность производить какие-либо работы. Я делаю все для того, чтобы облегчить германскую победу. Вы видите, полсудимый, что Вам не приходится подозревать в чем-нибудь Лаваля,- но я должен, однако, отметить, что германские политические деятели предъявляют мне с каждым днем все более тяжелые требования, так что их невозможно даже осуществить в рамках какой угодно политики. Гаулейтер Заукель может сказать германским рабочим, что они должны работать для Германии. Я не могу сказать, что французы работают для Франции. Я вижу, что во многих областях французское правительство не может действовать. Может показаться, что германская сторона не придает никакого значения доброй воле, проявляемой французами, и склоняется к тому, чтобы установить во всей Франции германскую администрацию. Поэтому моя деятельность с каждым днем все более затрудняется. Правда, я не отчаиваюсь, но в то же время считаю своим долгом напомнить гаулейтеру о серьезности франко-германских отношений и о том, что невозможно продолжать политику в том же направлении. Больше уже не может быть речи о политике сотрудничества. Со стороны французов - это политика самопожертвования, с германской стороны - политика принуждения".

Я перехожу к следующей, 11-й странице:

"Состояние умов во Франции в настоящее время, неуверенность в тех средствах, которыми располагает французское правительство, полузависимое положение его не позволяют мне дать немедленный ответ гаулейтеру Заукелю. Мы не можем ничего сделать. Мы не можем изменять зарплату. Мы не можем бороться с черным рынком. Мы не можем предпринимать никаких

политических мероприятий, чтобы не наткнуться повсюду на германские власти, которые подменяют собой нас. Я не могу давать гарантий по поводу тех мероприятий, которые я не предпринимал. Я убежден в том, что фюреру неизвестно, что французское правительство не может действовать. В одной стране не могут существовать два правительства, занимающиеся вопросами, которые не относятся непосредственно к обеспечению безопасности оккупационной армии".

Я пропускаю две страницы. На 18 странице я оглашаю следующую фразу:

"Я не могу быть лишь простым старостой при осуществлении принудительных мероприятий немцев".

Вот этот документ я пред"являю Ва[illegible], подсудимый. В связи с этим документом я хочу поставить Вам два вопроса. Во-первых, что Вы ответили Лавалю на это его заявление; во-вторых, не считаете ли Вы, что это заявление свидетельствует об оказании давления, а это вы отвергаете?

ЗАУКЕЛЬ. Сначала, если суд разрешит, я должен буду огласить свой ответ президенту Лавалю. Это доказывает, что я вел с ним переговоры в самой корректной форме. И, несмотря на то, что мне было дано указание не вести никаких политических переговоров, а вести только переговоры в своей области, т.е. по специальным вопросам, я всегда докладывал фюреру; это всегда подтверждал Лаваль и я думаю, что тон моего ответа безупречен. Это были переговоры, которые...

Г-н ЭРЗОГ. Мой вопрос заключался не в этом. Я спросил, что Вы ему ответили на это заявление, когда он сказал Вам, например, что он не может просто быть старостой при осуществлении принудительных мероприятий немцев?

ЗАУКЕЛЬ. Тогда я должен буду прочесть мой ответ. Я се час его уже не помню.

H1204 – 0368

H1204 – 0369

Г-н ЭРЗОГ. Следовательно, Вы оспариваете, что в данном случае оказывалось давлением?

ЗАУКЕЛЬ. Президент Лаваль в данном случае жаловался не на меня, а вообще на условия, существовавшие тогда во Франции. Это ведь был период оккупации. Во Франции находились немецкие оккупационные власти, была война.

Г-н ЭРЗОГ. Хорошо, я в таком случае ознакомлю Вас с документом.

/К микрофону подходит защитник Серватиус./

СЕРВАТИУС. Г-н председатель, что касается этих записей, то я хотел бы указать на одну ошибку в переводе, которая и привела к недоразумениям. Здесь сказано следующее: "Вербовку можно будет произвести энергично и применить более строгие методы..." Слово "нахдрук" /энергично/ в английском тексте переведено словом "нажим" /т.е. оказать нажим/. Но здесь речь идет не об этом. Здесь не сказано "нажим", а сказано "энергично" / не "друк", а "нахдрук"/, т.е. это значит, что можно действовать эффективно, энергично.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Мне сообщили, что в нашем переводе сказано именно "энергично".

СЕРВАТИУС. Нет "нажим".

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Мне сообщили, что в переводе сказано "энергично". Да, да, здесь определенно сказано "энергично". В английском переводе этого документа сказано "энергично".

СЕРВАТИУС. У меня французский перевод, вот в чем дело.

Г-н ЭРЗОГ. Я передам Вам документ.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ /прерывая/. Этот документ относится к серии документов ПС?

Г-н ЭРЗОГ. Нет, г-н председатель, это новый документ,

который я пред"являю. Это - французский документ под № РФ-1509.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Откуда доставлен этот документ?

Г-н ЭРЗОГ. Этот документ исходит, г-н председатель, из архивов "Мажестик." "Мажестик" - это отель в Париже, в котором находилось германское управление во Франции. Несколько месяцев тому назад эти архивы были обнаружены в Берлине, и оттуда мы извлекли документы Заукеля. Я пред"являю аттестат о подлинности документов, а также те документы, которые я намереваюсь использовать в ходе производимого мною перекрестного допроса. Этот документ на французском языке, и поэтому, быть может, Трибунал захочет, чтобы я огласил его?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да, зачитайте его, пожалуйста.

Вы говорили об этом в протоколе. Что это за протокол? Кем он заверен?

Г-н ЭРЗОГ. Этот протокол заверен двумя должностными лицами: майором Анри, который является французским офицером связи при американском отделе документации в Берлине и моим коллегой, г-ном Жертофером, который вместе с майором Анри из"ял этот документ из архивов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Может быть, Вам лучше было бы зачитать это удостоверение в подлинности, чтобы оно попало в протокол заседания.

Г-н ЭРЗОГ. "Я, Шарль Жертофер, заместитель председателя суда в департаменте Сены, представитель Обвинения в Международном Военном Трибунале по делу главных военных преступников, находясь в "Министериаль коллекшен сентер" /МКС/ в Берлине, получил от майора Анри, руководителя французской делегации, с разрешения полковника американской армии, начальника отдела документации № 6889, "Берлинер коллекшей сентер" Хельма 7 папок из архивов военной германской администрации во

H1204-0370

H1204 – 0371

Франции с документами, касающимися управления трудовой повинности, зарегистрированными в МИС за следующими № №: 3ДС - документы от 1 до 213; 4ДС - документы от 1 до 230; 5ДС - документы с 1 до 404 и 2 приложения; 6ДС - документы от 1 до 218; 7ДС - документы от 1 до 118 и одно приложение; от 1 до 121; 50ДС - документы от 1 до 55; 712С - от 1 до 40,

Мы заявляем майору Анри, что указанные документы взяты нами для предъявления Международному Военному Трибуналу по делу главных военных преступников с целью использования их во время следствия и что они будут затем вручены французскому министерству юстиции, собственностью которого они остаются.

Составлено в пяти экземплярах, из которых - один будет служить удостоверением для предъявления Международному Военному Трибуналу по делу главных военных преступников.

Подписи:

"Ортодер, Анри".

Этот документ является подтверждением подлинности самих документов. У меня есть второе удостоверение в подлинности...

ЗАУКЕЛЬ. Разрешите мне сделать некоторые замечания. Это протокол...

Г-н ЭРЗОГ. Я Вас попросил бы не прерывать меня.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Г-н Эрзог, эти документы, очевидно, доставлены из отеля "Мажестик"?

Г-н ЭРЗОГ. Да, г-н председатель.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Отель "Мажестик" является местом, где...

Г-н ЭРЗОГ. Помещались учреждения военного командования и различные германские оккупационные учреждения во Франции. Эти документы, которые исчезли после освобождения, были вновь

обнаружены в Берлине в "Министериаль коллекшен сентер".

Документ, который только что был мною пред"явлен, - является удостоверением в подлинности всех папок. У меня есть удостоверения о подлинности для каждого документа, который взят из папок и который я готов огласить Трибуналу, если он того пожелает.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Отель "Мажестик" является местом, где находилось германское военное правительство в Париже. Не так ли?

Г-н ЭРЗОГ. Да, г-н председатель, если я не ошибаюсь, это так. Желает ли Трибунал, чтобы я огласил хотя бы отрывок из другого аттестата, удостоверяющего подлинность самого документа?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я думал, что Вы уже зачитали это место.

Г-н ЭРЗОГ. Нет, г-н председатель. Я пред"являю Трибуналу два удостоверения в подлинности: первое то, которое было мною сейчас оглашено, и удостоверяет подлинность 7 папок, в которых содержатся многочисленные документы. Из этих 7 папок мы отобрали ряд документов, которые мы представляем в Трибунале. Поэтому после пред"явления удостоверения в подлинности этих папок, я считаю удобным пред"явить удостоверение в подлинности самих документов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Во втором документе сказано только, что те документы, которые Вы представляете, были извлечены из архивов.

Г-н ЭРЗОГ. Да, г-н председатель.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Сами архивы были доставлены из отеля "Мажестик", откуда осуществлялось управление германской военной администрацией. Этот второй документ Вы также хотите занести в протокол?

Г-н ЭРЗОГ. Я пред"являю оба документа.

H1204-0372

H1204 – 0373

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы пред"являете в качестве доказательства оригиналы немецких документов?

Г-н ЭРЗОГ. Да, г-н председатель. /Обращается к подсудимому Заукелю/. Поскольку Вы до сих пор оспариваете, что Вы оказывали давление на правительство, я представлю еще документ 1342-ПС.

ЗАУКЕЛЬ. Мне кажется, что здесь была сделана ошибка в переводе. Я понял вопрос так: оспариваю ли я то, что я оказываю давление на Трибунал. Однако, я слишком уважаю Трибунал для того, чтобы ~~xxxxxxxxxxxx~~ оказывать на него давление. Я не понимаю вопроса. Я понял вопрос так, что я оказал давление на Трибунал. На этот вопрос я отвечаю отрицательно.

Г-н ЭРЗОГ. Я сказал, что, поскольку Вы оспариваете то, что Вы оказывали давление на французское правительство, я пред"явлю Вам новый документ, этот документ 1342-ПС, который был уже пред"явлен Трибуналу под № РФ-63. Это отчет о совещании, которое состоялось 11 января 1943 г. в Париже, на котором Вы председательствовали и где присутствовали представители различных германских оккупационных властей. Не припоминаете ли Вы, что Вы сделали заявление о Ваших отношениях с правительством Виши? Я оглашу это заявление. Оно находится на 4-й странице французского и немецкого текста.

Я оглашаю это заявление: "Французское правительство..." /это предпоследний абзац на 4-й странице/ - "французское правительство целиком состоит из людей, мастерски умеющих затягивать время. Если бы первые 250 тысяч рабочих прибыли во-время..."

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Этот абзац начинается словами: "К сожалению..."?

Г-н ЭРЗОГ. Это предпоследний абзац. Я оглашаю со второй фразы:

"Французское правительство целиком состоит из людей, мастерски умеющих затягивать время. Если бы первые 250 тысяч рабочих прибыли в Германию во-время, т.е. до наступления осени /переговоры с французским правительством начались еще прошлой весной/, то, возможно, мы смогли бы мобилизовать специалистов-техников гораздо раньше, а это дало бы нам новые дивизии и не произошло бы окружения в Сталинграде. Во всяком случае фюрер в настоящее время полон решимости управлять, в случае необходимости, Францией и без французского правительства..."

Когда Вы делали это заявление, не являлось ли оно проявлением того давления, которое Вы оказывали на французское правительство?

ЗАУКЕЛЬ. Это же не совещание с французским правительством, это просто констатация фактов.

Г-н ЭРЗОГ. Я Вам не сказал, что это была беседа с французским правительством. Я прошу Вас ответить, можно ли говорить об оказании давления, если Вы заявили, что Гитлер намеревается , в случае необходимости, управлять Францией даже без французского правительства?

ЗАУКЕЛЬ. Это заявление фюрера, за которое я не отвечаю и которое в данном случае было мною передано, но это никогда не было реализовано.

Г-н ЭРЗОГ. Но почему Вы сообщили о нем представителям оккупационных властей во Франции на совещании по вопросу о наборе рабочей силы?

12287

H1204 – 0374

H1204 – 0375

ЗАУКЕЛЬ. Так как я был обязан изложить им положение вещей, таким, каким я его находил.

Г-н ЭРЗОГ. Не думаете ли Вы, что, сообщая им это заявление фюрера, Вы использовали его как один из приемов для оказания давления?

ЗАУКЕЛЬ. Я не могу оказать этим никакого давление, т.к. в данном случае я просто описывал существовавшее положение. Но я же никогда не говорил французскому правительству: фюрер хочет Вас сместить и поэтому Вы должны сделать то - то и то-то.

Г-н ЭРЗОГ. Но Вы ведь сказали на совещании и я прошу Вас подтвердить это,- что фюрер был полон решимости в случае необходимости править во Франции даже без французского правительства. Вы это сказали? Я прошу Вас ответить: да или нет?

ЗАУКЕЛЬ. Да, я передал им это, но я не намеревался осуществлять это.

Г-н ЭРЗОГ. Припоминаете ли Вы совещание, которое состоялось 14 января 1944 г. в Париже между Вами и различными германскими должностными лицами?

ЗАУКЕЛЬ. Возможно, что я участвовал в этом совещании, но я не помню, что там обсуждалось.

Г-н ЭРЗОГ. Вы не помните более точно совещания, которое состоялось 14 января и не помните, кто из германских высших должностных лиц участвовал в этом совещании?

ЗАУКЕЛЬ. В это время имело место несколько совещаний, так что я не помню, какое Вы имеете в виду. Я не помню также о чем там шла речь.

Г-н ЭРЗОГ. 14 января 1944 г. происходило совещание в Париже между Вами, Абетцом, фон Штюльпнагелем, Обергом и

Блюментриттом. Не припоминаете ли Вы, что в ходе этого совещания Вы изложили Вашим слушателям проект закона, который был Вами составлен и который Вы намеревались продиктовать французским властям?

ЗАУКЕЛЬ. Я не хотел навязывать этот проект, я просто хотел его обсудить. Я не продиктовал его, я вел переговоры. Это ясно показывают сами протоколы. Сам протокол свидетельствует об этом.

Г-н ЭРЗОГ. Вы оспариваете, что Вы лично выработали проект закона, который Вы вручили французскому правительству?

ЗАУКЕЛЬ. Нет, я не оспариваю то, что я действительно разработал и представил им законопроект. Этого я не оспариваю, но это необходимо для ведения любых переговоров.

Г-н ЭРЗОГ. Таким образом Вы признаете, что Вы лично выработали проект закона?

ЗАУКЕЛЬ. Да, но я сейчас не могу сказать, какой именно закон Вы имеете ввиду.

Г-н ЭРЗОГ. Я пред"являю Вам французский документ под № 813, который я пред"являю Трибуналу под номером РФ-1512. Это протокол совещания, состоявшегося 14 января 1944 г. Это - документ Ф-813. Протокол подписан Абетцом, фон Штюльпнагелем, Оберге (Блюментриттом и Вами. Я оглашаю...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Можете Вы сказать, где этот документ находится в Вашем досье? В моем досье он не отмечен.

Г-н ЭРЗОГ. Это документ Ф-813. Он следует сразу же после того документа, который был Вам только что представлен. Я оглашаю рубрику Ш: "Генеральный уполномоченный/ т.е.Вы/ выработал проект закона для французского правительства". Вы все еще оспариваете тот факт, что Вы вырабатывали проекты законов, которые навязывались французскому правительству?

ЗАУКЕЛЬ. Я не оспариваю этого. Должен же был я внести предложение в ходе этих переговоров.

H1204 – 0376

H1204 - 0377

Г-н ЭРЗОГ. Вы оспариваете, что Вы оказывали давление для того, чтобы этот закон был издан?

ЗАУКЕЛЬ. Я оспариваю то, что я навязывал этот закон, оказывая определенное давление. Я вел переговоры относительно этого закона.

Г-н ЭРЗОГ. Помните ли Вы, что Вы представили фюреру отчет о своей поездке в Париж в январе 1944 года.

ЗАУКЕЛЬ. Я обязан был представлять такие отчеты после любой поездки, т.к. я ведь выполнял задания фюрера.

Г-н ЭРЗОГ. Я Вам пред"являю этот отчет. Это документ 556-ПС, который был пред"явлен Трибуналу под номером РФ-70. Дважды в этом отчете Вы говорите о германских требованиях. Не считаете ли Вы, что это и есть отчет о том, что представляли из себя германские требования и вместе с тем, отчет об успехе в результате давления, которое было Вами оказано?

ЗАУКЕЛЬ. Я не могу себе представить, можно ли каким-либо другим образом вообще вести переговоры и на какой основе могли еще вестись такие переговоры. Германское правительство пред"являло определенные требования и вот по поводу этих требований и велись переговоры с французским правительством.

Г-н ЭРЗОГ. Значит, Вы допускаете, что германское правительство и Вы сами, являясь представителем германского правительства, выдвигали различные требования. Ответьте мне - да или нет?

ЗАУКЕЛЬ. Да, это так. Германское правительство пред"являло требования.

Г-н ЭРЗОГ. Правильно ли ~~то~~, что эти требования принимали порой форму подлинных ультиматумов?

ЗАУКЕЛЬ. Этого я не помню. Я знаю лишь одно, что я вел переговоры с французским премьер-министром в очень веж-

ливой и предупредительной форме. Он сам неоднократно говорил об этом и это также отмечено в протоколе.

Г-н ЭРЗОГ. Вспоминаете ли Вы, что во время проведения Вами мероприятий, касающихся мобилизации определенных разрядов в 1944 г., Вы выдвинули требование о мобилизации в форме подлинного ультиматума? Отвечайте - да или нет?

ЗАУКЕЛЬ. По памяти я не могу сейчас этого сказать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Г-н Эрзог, мне кажется, Вам следует зачитать подсудимому последнее предложение из письма от 25 января 1944 г. Документ 556-ПС.

Г-н ЭРЗОГ. ...таким образом, чтобы ни у кого не оставалось сомнения в отношении того, что будут приняты самые суровые меры в случае, если требования о доставке рабочих не будут выполнены".

ЗАУКЕЛЬ. Да, я очевидно это сказал, но не в такой форме, как это изложено здесь в письме.

Г-н ЭРЗОГ. Не припоминаете ли Вы, что 6 июня 1944 г., в день, когда взошла заря нашего освобождения, Вы направили письмо послу Абетцу?

ЗАУКЕЛЬ. Я не могу этого сказать по памяти.

Г-н ЭРЗОГ. В таком случае я представлю Вам это письмо. Это французский документ 822, который я пред"являю Трибуналу под № РФ-1513. "Париж, 6 июня 1944 года.

Г-н посол и дорогой товарищ Абетц!

Ожидаемое столько времени вторжение, наконец, началось. На этом также закончился период ожидания и в области использования рабочей силы, ожидания, которое было оправдано открыто или без слов тем фактом, что отправка в Германию рабочих была невозможна в силу царившей в то время политической обстановки в стране".

H1204-0378

H1204 – 0379

Я пропускаю несколько строк и продолжаю:

"Теперь, когда германские солдаты должны вновь сражаться и умирать в районе Ламанша, теперь, когда битва с каждым часом распространяется на все новые территории Франции, любой призыв, любые слова Лаваля не представляют какого-либо значения. Единственный язык, который сейчас может быть воспринят, это язык германского солдата. Я прошу Вас в связи с этим потребовать в эти решающие часы от председателя совета министров Лаваля, чтобы он соблаговолил сделать кое-что, что ему, без сомнения, покажется слишком тяжелым, — пусть он, наконец, соизволит подписать приказ о призыве следующего разряда в 1944 г. Я не желаю более позволять себя обманывать. Я также не желаю покидать Францию, унося впечатление, возможно, неправильное, но которое, тем не менее, создалось у меня, о том, что французское правительство проводит политику проволочек. В связи с этим я настоятельно прошу Вас получить до 10 часов утра завтрашнего дня подпись председателя совета министров Франции под декретом о мобилизации лиц категории 1944 года, или же немедленно информировать меня в том случае, если Лаваль категорически откажется сделать это. Я ни в коем случае не хочу принимать во внимание никаких предлогов для отсрочки, учитывая тот факт, что все приспособления технического характера, а также пути сообщения в различных департаментах уже заняты или будут скоро заняты, из-за бесконечных общих разговоров".

Вы не называете это настоящим ультиматумом?

ЗАУКЕЛЬ. Этот документ является постольку ультиматумом, поскольку от этого зависел мой от"езд и больше ничего, т.к. никакого нажима я в тот момент на Лаваля оказать не мог и не мог также угрожать ему.

Г-н ЭРЗОГ. Что Вы имели ввиду, когда вы говорили: "Я

настоятельно прошу Вас получить до 10 часов утра завтрашнего дня подпись председателя совета министров Франции... или же немедленно информировать меня в случае, если Лаваль категорически отказется сделать это. Я ни в коем случае не хочу принимать во внимание никаких предлогов для отсрочки"? Не является ли это ультиматумом?

ЗАУКЕЛЬ. Я не Вам сказал, что я не мог больше ждать. Я должен был выехать, т.к. я получил приказание выехать. Поэтому я просил его мне ответить "да" или "нет", и больше ничего.

Г-н ЭРСОГ. Ответьте мне, подсудимый Заукель, Вы не называете это ультиматумом? Да или нет?

ЗАУКЕЛЬ. Я не должен был уехать и я хотел получить его решение. Я хотел знать, подпишет ли французский премьер-министр это или нет.

Г-н ЭРСОГ. Благодарю Вас. Трибунал оценит по достоинству ваш ответ.

Известно ли Вам, сколько французских рабочих было вывезено в Германию в результате различных Ваших мероприятий?

ЗАУКЕЛЬ. Насколько я помню, но я сейчас не могу сказать это точно по памяти, в Германии работало 700-800 тысяч французских рабочих. Но без документов я не могу этого точно сказать.

Г-н ЭРСОГ. Правильно ли то, что в Бельгии и на севере Франции угон рабочих на принудительные работы был определен оккупационной армией путем декретирования?

ЗАУКЕЛЬ. Этого я не знаю, все это проходило через управление труда.

Г-н ЭРСОГ. Правильно ли, что приказом от 6 октября 1942 г. была установлена обязательная трудовая повинность в Бельгии и Северной Франции?

H1204 – 0380

H1204 – 0381

ЗАУКЕЛЬ. Мы называли это в соответствии с германскими законами, декретом о трудовой повинности.

Г-н ЭРЗОГ. Правильно ли, что генерал фон Фалькенгаузен, германский главнокомандующий в Бельгии и Северной Франции, подписал приказ от 6 октября 1942 г. и что он сделал это под Вашим давлением?

ЗАУКЕЛЬ. Нет, этот приказ был подписан без какого-либо нажима с моей стороны, т.к. я с ним об этом говорил и у нас с ним не было разногласий, ибо все это было сделано по указанию имперского правительства и фюрера.

Г-н ЭРЗОГ. Я представляю протокол допроса генерала фон Фалькенхаузена, который давал показания 27 ноября 1945 г. французскому следователю. Я пред"явил этот документ под № РФ-15, во время представления материалов Обвинения в январе этого года. Я оглашаю на первой странице третий вопрос:

"Вопрос: Поклянитесь, что Вы будете говорить правду, всю правду и только правду.

Ответ: Клянусь.

Вопрос: 6 октября 1942 г. был издан приказ, которым устанавливалась обязательная трудовая повинность в Бельгии и в департаментах Северной Франции". /Я пропускаю 2 строки./

"Ответ: Я был командующим в Северной Франции и Бельгии.

Вопрос: Помните ли, свидетель, что приказ был издан ~~вами~~ Вами?

Ответ: Я не помню точно текста этого приказа, поскольку этот приказ был издан после длительной борьбы между мной и уполномоченным по использованию рабочей силы Заукелем.

Вопрос: Были ли у Вас какие-либо трения с Заукелем?

Ответ: Я решительно протестовал против введения трудовой повинности и, только получив приказ ~~ами~~, согласился издать

этот приказ".

Будете ли Вы и теперь оспаривать, что генерал фон Фалькенхаузен издал этот приказ под Вашим давлением?

ЗАУКЕЛЬ. Я категорически отрицаю это.

Г-н ЭРЗОГ. Таким образом, Вы оспариваете показания генерала фон Фалькенхаузена?

ЗАУКЕЛЬ. По этому пункту - да.

Г-н ЭРЗОГ. Вы даете сегодня показания под присягой, Трибунал примет это к сведению.

ЗАУКЕЛЬ. Я совершенно сознательно заявляю, что, напрягая свою память, я не могу сказать, что такое изложение событий является вполне правильным, т.к. эти законы по вопросам труда в оккупированных областях были введены не мною, а по приказу фюрера. Я об этом и не спорил с г-ном генералом фон Фалькенхаузеном, мы беседовали с ним в дружественном тоне, и он ввел этот закон. Я не помню, чтобы у нас были какие-либо трудности в связи с этим.

Здесь, в следующем абзаце он говорит, что тогда он давал все указания только по приказу Гитлера. У меня не было никаких дискуссий и споров с ним по этому вопросу.

Г-н ЭРЗОГ. Правильно ли, что в Голландии угон голландского населения на принудительные работы был определен законодательством имперского комиссариата?

ЗАУКЕЛЬ. Я прошу спросить об этом подсудимого Зейсс-Инкварта. Выражения: "подсудность","юрисдикция" для меня совершенно новы, поскольку я не сталкивался с ними.

Во Франции, Бельгии и Голландии было введено...

Г-н ЭРЗОГ. Кем были подписаны приказы о принудительном труде в Голландии?

ЗАУКЕЛЬ. Я предполагаю, что это было сделано г-ном Зейсс-Инквартом.

12265

H1204-0382

H1204 - 0383

Г-н ЭРЗОГ. Правильно ли то, что приказы, подписанные подсудимым Зейсс-Инквартом, являются осуществлением на местах общей программы, которую было поручено выполнять Вам?

ЗАУКЕЛЬ. Вы имеете ввиду урегулирование этого вопроса в Голландии?

Г-н ЭРЗОГ. Правильно ли то, что подсудимый Зейсс-Инквар[т], издавая приказы о принудительном труде в Голландии, осуществлял Вашу общую программу о принудительном использовании рабочей силы?

ЗАУКЕЛЬ. Он реализовывал программу фюрера, т.к. это ему было приказано.

Г-н ЭРЗОГ. Совершали ли Вы поездки в Голландию, Бельгию, чтобы контролировать проведение в жизнь законов о принудительном труде?

ЗАУКЕЛЬ. Нет. Я был там не для того, чтобы контролировать, *я был в Бельгии и Голландии очень непродолжительное время,* переговоры с руководящими работниками и я помню, что я в то время посетил немецкие учреждения, занимающиеся вопросами труда в Антверпене, и ознакомился с их работой.

Г-н АРЗОГ. Во время этих поездок вы разработали в деталях меры по проведению в жизнь программы использования рабочей силы, не так ли?

ЗАУКЕЛЬ. Я разработал их не во время этих поездок, я лишь обсудил там все вопросы, связанные с теми мероприятиями, которые необходимо было провести.

Г-н ЭРЗОГ. Я пред"являю Вам документ 556-ПС № РФ-67. Это письмо, адресованное Вами фюреру и датированное 3 августа 1943 г. /Документ пред"является свидетелю./ В этом письме Вы заявляете в первом абзаце:

"Мой фюрер, я позволяю себе проинформировать Вас о своем возвращении из Франции, Бельгии и Голландии, где я

был в служебной командировке. В ходе длительных и тяжелых переговоров я добился принятия нижеупомянутой программы для всех оккупированных территорий на западе на последние пять месяцев 1943 года и подготовил детально разработанные меры, которые следует провести для ее осуществления во Франции совместно с военным командующим, германским посольством и французским правительством; в Бельгии - с военным командованием и в Голландии - с учреждениями имперского комиссара". Продолжаете ли Вы все еще оспаривать, подсудимый, что Вы ездили в Бельгию и Голландию, чтобы детально разработать ряд мероприятий?

ЗАУКЕЛЬ. Я никогда этого не оспаривал. Я не протестую против некоторых выражений, а протестую против вашей общей тенденции. Там ведь совершенно ясно сказано, что все эти вопросы обсуждались. Вот в чем заключалась подготовка.

Г-н ЭРГОЗ. Последний вопрос, относящийся к этой теме. Как, приблизительно, Вы можете определить число лиц, угнанных на принудительные работы в Германию из Голландии?

ЗАУКЕЛЬ. Я точно не могу сказать по памяти, сколько голландских рабочих работало в Германии на основании заключенных с ними договоров и на основании этих законов. Я думаю, что их было, примерно 200-300 тысяч человек, а может быть и больше. Я не могу сказать этого точно.

Г-н ЭРЗОГ. Благодарю Вас. Правильно ли то, что принудительная мобилизация иностранных рабочих осуществлялась с предельной жестокостью?

ЗАУКЕЛЬ. О тех директивах, которые я давал, вчера здесь говорили достаточно ясно и подробно. Почти что все мои распоряжения находятся в Ваших руках. Ни о какой чрезмерной жестокости, которую можно было бы назвать произволом, не

12267

H1204 – 0384

H1204 – 0385

может быть и речи.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подсудимый, Вас не спросили о том, какие Вы давали распоряжения. Вам был задан вопрос о том, имели ли место жестокости. Если Вы знаете об этом, Вы можете ответить на этот вопрос.

ЗАУКЕЛЬ. Я этого не знаю. Я узнавал о некоторых перегибах и я тотчас же устранял их и даже арестовывал виновных.

Г-н ЭРЗОГ. Были ли известны Вам протесты, которые возбуждались в связи с методами вербовки рабочих на оккупированных территориях?

ЗАУКЕЛЬ. Я получал эти протесты, я об этом вчера говорил во время прямого допроса.

Г-н ЭРЗОГ. Что вы предпринимали, если Вы получали подобного рода протесты?

ЗАУКЕЛЬ. Я сейчас же давал распоряжения о том, чтобы все эти случаи были расследованы. Я давал указания соответствующим учреждениям для того, чтобы они принимали соответствующие меры. Я со своей стороны делал все для устранения таких неполадок. Это можно доказать и это будет доказано свидетелями.

Г-н ЭРЗОГ. Правильно ли то, что Вы прибегали к помощи вооруженных сил для того, чтобы обеспечить набор иностранных рабочих?

ЗАУКЕЛЬ. В тех областях, где руководство осуществлялось военными учреждениями, я через главного квартимейстера передавал полученные мною от фюрера указания командующему или главнокомандующему.

Г-н ЭРЗОГ. Правильно ли то, что Вы потребовали у военных властей, чтобы в распоряжение Ваших управлений были переданы специальные команды и воинские отряды?

ЗАУКЕЛЬ. Таких специальных командах я не помню. Я знаю, что там существовал специальный отдел, который занимался вопросами труда. Я действительно просил умиротворить население тех областей, где имели место выступления партизанских банд или восстания, и просил я это сделать для того, чтобы можно было там осуществлять руководство, которое там вообще прекратилось.

Г-н ЭРЗОГ. Следовательно, Вы признаете, что Вы потребовали, чтобы в Ваше распоряжение были переданы специальные команды.

ЗАУКЕЛЬ. Не мне. В мою задачу не входило умиротворение населения этих областей. Я лишь заявил, что необходимым условием для выполнения полученных мною заданий, является умиротворение населения этих областей, для того, чтобы опять можно было бы ими управлять, а не для того, чтобы можно было проводить мобилизацию рабочих.

Г-н ЭРЗОГ. Вы потребовали, чтобы эти специальные команды принимали участие в выполнении задач, лежащих на управлении по использованию рабочей силы.

Я представлю Вам документ 815 под № НО-1514. Это письмо генерал-фельдмаршала фон Рунштедта, адресованное Вам от 18 апреля 1944 года. Я оглашаю первый абзац.

"Генеральный уполномоченный по набору и использованию рабочей силы..." Это ведь Вы, не так ли?

ЗАУКЕЛЬ. Да, это я, но может быть это было где-нибудь в другом месте.

Г-н ЭРЗОГ. "...направил запрос главнокомандующему на Западе, для того, чтобы в тех секторах, где расположены воинские части, находящиеся под командованием главнокомандующего на Западе, командиры этих частей получили бы приказ

H1204 – 0386

H1204 – 0387

поддерживать проведение в жизнь тех задач, которые возложены на Управление по набору и использованию рабочей силы, и для этого предоставить специальные команды в распоряжение Управления".

Вы все еще оспариваете, что Вы потребовали, чтобы специальные команды были переданы в Ваше распоряжение?

ЗАУКЕЛЬ. Я лично сам не требовал. Это, очевидно, было другое учреждение на Западе.

Г-н ЭРЗОГ. Вы разве не генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы?

ЗАУКЕЛЬ. Да, но мне неизвестен этот приказ.

Г-н ЭРЗОГ. Знаете ли Вы, что Шпеер поддержал это ходатайство?

ЗАУКЕЛЬ. Этого я не могу сказать.

Г-н ЭРЗОГ. Был ли поддержан этот Ваш запрос подсудимым Шпеером? Я ознакомлю Вас с документом 824.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Может быть, Вы лучше отложите это до следующего заседания. Сейчас мы об"явим перерыв.

/Об"является перерыв до 2-х часов./

ен

12270

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 30 мая 1946 года

/Вечернее заседание/

Встать! Суд идет!

Г-н ЭРЗОГ: Господин председатель, господин Додд хочет сделать небольшое заявление Трибуналу.

КОМЕНДАНТ СУДА: Господа судьи, я получил сообщение о том, что подсудимый Иодль отсутствует на заседании суда.

Г-н ДОДД: Документ № 3057-ПС касательно вопросов, по которым господин Эрзог допрашивал подсудимого сегодня утром, был в книге документов предоставленной Соединенными Штатами, в связи с программой принудительного труда, но он не был представлен как доказательство. Я нашел ссылку на это в протоколе заседания Суда на странице 1397-й стенограммы за 13 декабря 1945 года. Председатель Трибунала специально спросил, почему мы не зачитали документ 3057-ПС и я ответил, что мы намеревались представить его, но что защитник Заукеля сказал мне, что его клиент утверждает, что его вынудили дать это показание, и по этой причине мы предпочли не представлять этот документ и не представили его.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я хочу об"явить, что Трибунал закончит заседание сегодня в половине пятого, после чего будет закрытое заседание.

ЗАУКЕЛЬ: Я прошу разрешить мне сделать раз"яснение по поводу этого документа.

Г-н ЭРЗОГ: О каком документе Вы говорите?

H1204-0368

H1204 – 0389

ЗАУКЕЛЬ: Я говорю о письме господина фельдмаршала фон Рундштедта. В этом документе речь идет о письме, которое хотя и было адресовано мне...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я не слышал, чтобы Вы задали какой-либо вопрос. Вы задали вопрос?

Г-н ЭРЗОГ: Да, господин председатель, это документ, который я предоставил ему до перерыва и из которого явствует, что генеральный уполномоченный по набору и использованию рабочей силы, то-есть он сам, потребовал, чтобы в его распоряжение были предоставлены специальные команды...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы имеете в виду документ № 815? - Да, очень хорошо.

Г-н ЭРЗОГ: Да, именно этот документ, господин председатель. /Обращаясь к Заукелю/. Я хочу спросить Вас, признаете ли Вы, что этот документ указывает на то, что Вы потребовали предоставления в Ваше распоряжение этих специальных команд?

ЗАУКЕЛЬ: Я не могу точно ответить на этот вопрос, так как я лично не получал этого письма, оно было направлено прямо в Париж в соответствующее учреждение. Это письмо не было у меня зафиксировано. Но я хочу в целях раз"яснения решительно подчеркнуть, что я затребовал войска не для того, чтобы мобилизовать этих рабочих, а я попросил прислать войска на тот случай, если нельзя будет в данных областях административным порядком завербовать рабочих вследствие того, что существовало движение сопротивления и т.п. Поэтому в указанном письме Рундштедта имеется ошибка, но я сам не получал этого письма с ответом, оно зафиксировано соответствующей инстан-

цией в Париже при командующем войсками.

Г-н ЭРЗОГ: В таком случае я представляю Вам документ № 824, который я представляю Трибуналу за № I515-РФ. Документ 824 является письмом главнокоманду вщего на Западе из ставки. Письмо датировано 27 июля 1944 года. Я оглашаю:

"Отсюда можно заключить, что по приказу фюрера после исключения тех пунктов, которые ему противоречат, пожелания генерального уполномоченного по использованию рабочей силы, причем генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы - это Вы, не правда ли? - и министра вооружения Шпеера должны быть в принципе выполнены. После моей телеграммы и в результате совещания министров от II/УП в имперской канцелярии, о котором главнокомандующий на Западе был информирован благодаря военному командующему, вошли в силу следующие установки; не принимая в расчет обоснованных сомнений в отношении порядка и безопасности внутри страны, необходимо начать набор рабочей силы повсюду, где представляются возможности, указанные в моей телеграмме. В качестве единственного исключения, фюрер решил не предпринимать в районах расположения воинских частей по отношению к населению никаких принудительных мероприятий до тех пор, пока население будет проявлять готовность помогать вооруженным силам. Напротив, набор добровольцев должен производиться со всей энергичностью среди беженцев из зон военных действий, более того, любой метод пригоден для набора возможно большего количества рабочей силы с использованием всех средств, которыми располагают вооруженные силы".

H1204 – 0390

H1204 – 0391

Оспариваете ли Вы снова, что по Вашему требованию и по требованию рейхсминистра Шпеера специальные команды проводили набор рабочей силы?

ЗАУКЕЛЬ: Я разрешу себе заметить по этому поводу, что в данном случае я не оспаривал этого обстоятельства в той форме, в какой оно было изложено только-что. Ведь сам главнокомандующий, учитывая военные действия и эвакуацию населения, должен был признать это. Но я могу засвидетельствовать, что после 25 июля 1944 года все это утратило свое значение, потому что отступление немецких войск стало очень поспешным, так что это распоряжение, изданное фюрером, вовсе потеряло силу.

Г-н ЭРЗОГ: Припоминаете ли Вы о совещании министров от 11 июля 1944 года, на которое ссылается этот документ, который я только что огласил?

ЗАУКЕЛЬ: Да, я припоминаю это совещание.

Г-н ЭРЗОГ: Припоминаете ли Вы, кто из должностных лиц присутствовал на этом совещании?

ЗАУКЕЛЬ: Я не припоминаю всех.

Г-н ЭРЗОГ: Я передаю Вам текст протокола этого совещания. Это документ № 3819-ПС, который был представлен Трибуналу за номером...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал хотел бы, чтобы Вы зачитали последний абзац в документе № 824, не последний в документе, а последний на этой странице, начинающийся со слов "чтобы..." - Это на 346-й странице во французском переводе.

Г-н ЭРЗОГ: "Для того, чтобы мероприятия, которые проводились, были возможно более эффективными, специальные команды

должны быть в общих чертах проинструктированы о том, чтобы они использовали организации для набора рабочей силы с тем, чтобы противостоять сопротивлению, которое часто возникало как внутри страны, так и вне ее.

Полевые комендатуры и учреждения военной администрации должны помогать, насколько это представляется возможным, генеральному уполномоченному по использованию рабочей силы и следует избегать всякого ограничения в их деятельности в соответствии с полученными инструкциями. Итак, я прошу Вас дать соответствующие инструкции".

Продолжаете ли Вы оспаривать, что армия была также вовлечена в проведение набора рабочей силы, по Вашему требованию?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: На следующей странице имеется еще один отрывок, в дополнительном примечании, абзац I.

Г-н ЭРЗОГ: Дополнительная нота для главнокомандующего на Западе. Главнокомандующий на Западе затем, 23/УП, сообщил начальнику ОКВ следующее:

"Прежде всего, несмотря на беспокойства, с точки зрения внутренней безопасности, я разрешил проводить в жизнь соглашение, заключенное между Заукелем и Лавалем 12/У-1944 года. Секретные инструкции по проведению следующих мероприятий, согласно приказу главного командования "К", управление I, Запад № 05201-44 - секретно от 3/УП-1944года, будут даны мной лично в зоне военных операций. Главнокомандующий на Западе. Подпись: генерал-фельдмаршал фон Клюге. Другие приказы будут направлены главнокомандующему на Западе, начальнику штаба и т.д....".

Я снова возвращаюсь к совещанию от II июля 1944 года. Я пред"являю Вам документ за № 3819-ПС, уже представленный за

12275

H1204 – 0392

H1204 – 0393

№ ЕЕ-306. Трибунал найдет этот документ в первой части моей книги документов. Это отчет о совещании рейхсминистров в Берлине 11 июля 1944 года, совещании министров и руководителей партии и администраций. На шестой странице французского перевода Вы обнаружите список присутствовавших на совещании должностных лиц. Вы помните, кто из подсудимых присутствовал на этом совещании? Признаете ли Вы подпись подсудимого Функа? Подпись подсудимого Кпеера?

ЗАУКЕЛЬ: Нет, я еще не нашел их.

Г-н ЭРЗОГ: Вы теперь нашли?

ЗАУКЕЛЬ: Я еще не нашел подписи Кпеера.

Г-н ЭРЗОГ: Присутствовал ли подсудимый Кпеер на этом совещании?

ЗАУКЕЛЬ: Я не могу сказать этого точно по памяти, но здесь я не нахожу его фамилии.

Г-н ЭРЗОГ: А сами Вы присутствовали на этом совещании?

ЗАУКЕЛЬ: Да, я принимал участие.

Г-н ЭРЗОГ: И вспоминаете Вы предложения, которые были Вам сделаны на этом совещании генералом Варлимонтом от имени генерального штаба.[2] Помните ли Вы ответ, который Вы дали на эти предложения?

ЗАУКЕЛЬ: Я припоминаю, что я говорил на этом совещании с генералом Варлимонтом и что я дал свой ответ, но я не могу вспомнить точного текста без соответствующего документа.

Г-н ЭРЗОГ: Хорошо, я оглашу содержание документа. Трибунал найдет это место на 10-й странице внизу.

"Представитель начальника ОКВ генерал Варлимонт сослался на приказ Гитлера, который, по его мнению, недавно был

изданы, в соответствии с которым все германские вооруженные силы должны были находиться в распоряжении генерального уполномоченного для набора рабочей силы. Где бы не находились вооруженные силы, если только они не выполняют неотложных задач чисто военного характера, как, например, строительство военных сооружений..., они должны быть предоставлены в распоряжение генерального уполномоченного, но они не должны специально перемещаться с тем, чтобы поступить в распоряжение генерального уполномоченного по использованию рабочей силы. Генерал Варлимонт сделал следующие предложения:

"а/ Войска, которые сейчас были выделены для борьбы с партизанами, должны, кроме того, использоваться при наборе рабочей силы в той зоне, в которой действуют партизанские банды".

ЗАУКЕЛЬ: Разрешите узнать, где это место. Я не нахожу его на этой странице. Укажите мне, пожалуйста, страницу.

Г-н ЭРЗОГ: Вам сейчас это покажут. /К ассистенту/. Укажите это и для переводчиков.

ЗАУКЕЛЬ: Здесь говорится о генерале Варлимонте, но немецкий перевод не совпадает с тем текстом, который Вы зачитали.

Г-н ЭРЗОГ: Это на третьей странице. Теперь Вы нашли?

ЗАУКЕЛЬ: Да.

Г-н ЭРЗОГ: В таком случае я могу продолжать.

"а/ Войска, которые выделены для борьбы с партизанами, могут быть также использованы по набору рабочей силы в тех зонах, в которых действуют банды. Каждое лицо, которое не может ясно указать причин своего местонахождения в данной зоне, должно быть арестовано.

12277

H1204 – 0394

H1204 - 0395

б/ Если большие города эвакуированы частично или полностью, вследствие затруднений с обеспечением питания, все трудоспособное население должно быть использовано на обязательных работах.

в/ Набор рабочей силы среди беженцев в районах, находящихся в прифронтовой полосе, должен проводиться с особой суровостью с помощью вооруженных сил. Гауляйтер Заукель принял эти предложения с благодарностью и выразил надежду, что таким образом можно будет добиться определенного успеха".

Вы продолжаете утверждать, что вооруженные силы Германии не участвовали в наборе рабочей силы?

ЗАУКЕЛЬ: Я не протестовал против того, чтобы были внесены предложения о проведении данных мероприятий, чтобы в районе военных действий и в прифронтовых районах был установлен порядок. Но они в действительности не были проведены.

Г-н ЭРЗОГ: Хорошо, я предоставляю Вам документ, который относится ко времени на три-четыре дня позже этого совещания министров. Это телеграмма подсудимого Кейтеля, документ № 814, который я предоставляю Трибуналу за № 1516-РФ. Речь идет о телеграмме, которая была направлена подсудимым Кейтелем всем военным командующим. Я обращаю Ваше внимание, что здесь имеется штамп отдела по вопросам труда главнокомандующего во Франции. Она датирована 15 июля и гласит следующее:

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Господин Эрзог, некоторые документы не подлежат, и, поэтому, совершенно невозможно найти их до тех пор, пока Вы не скажете, где они находятся.

Г-н ЭРЗОГ: Я отметил особо лишь те документы, к которым я буду прибегать несколько раз, чтобы Трибунал мог их найти

скорее. Вообще же документы находятся в том порядке, в каком я их представляю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы имеете в виду № 3819?

Г-н ЭРЗОГ: Этот документ находится после документа РФ-15, после РФ-814 - четвертый документ.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Благодарю Вас. У нас документ 815 идет после этого документа - после РФ-15 у нас идет 815.

Г-н ЭРЗОГ: После № 815 идет документ № 823, затем № 824 и затем № 814, господин председатель.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да, я вижу теперь.

Г-н ЭРЗОГ: В этом документе содержатся инструкции Кейтеля, которые он отправил для этого совещания. Я читаю второй абзац.

"Создавшееся положение требует, чтобы были применены все возможные средства для того, чтобы была изыскана дополнительная рабочая сила, учитывая тот факт, что все мероприятия по вооружению в первую очередь идут на пользу воюющим войскам. Перед этим фактом должны отступить всякие опасения по поводу внутренних волнений, усиления движения сопротивления и прочее. Мы должны оказывать всевозможную поддержку и помощь генеральному уполномоченному по использованию рабочей силы. Я направляю директивы для привлечения вооруженных сил к участию в наборе рабочей силы во Франции".

Вы все еще продолжаете настаивать на том, что вооруженные силы не участвовали в наборе рабочей силы?

ЗАУКЕЛЬ: Я уже подчеркивал и сейчас должен подчеркнуть, что я не оспариваю того, что эти случаи были предусмотрены и

H1204 – 0396

H1204 – 0397

относительно их были изданы приказы, я этого не оспаривал и хочу это также подчеркнуть, но эти предложения не были осуществлены в таких масштабах. Эта телеграмма исходит ведь не от меня. Я это хочу подчеркнуть.

Г-н ЭРЗОГ: Правильно ли, что германская полиция участвовала в проведении операций по набору иностранных рабочих?

ЗАУКЕЛЬ: Я не знаю, в какой мере полиция участвовала в проведении таких мероприятий. Мне известно, что она сама по своей собственной инициативе участвовала в проведении некоторых мероприятий.

Г-н ЭРЗОГ: Правильно ли то, что Вы рекомендовали Вашим учреждениям поддерживать контакт с начальниками полиции СД и СС?

ЗАУКЕЛЬ: Я считал СД и полицию законными и правомочными учреждениями и, конечно, если существовала необходимость, я должен был обращаться к этим учреждениям.

Г-н ЭРЗОГ: Таким образом, Вы признаете, что Вы рекомендовали Вашим учреждениям поддерживать связь с начальниками полиции, СД и СС для выполнения своих задач?

ЗАУКЕЛЬ: Да, для выполнения поставленных мною задач в тех случаях, когда в административном отношении необходимо было соответствующее участие или использование полиции, не для рекрутирования рабочих, а для устранения трудностей или административных неполадок.

Г-н ЭРЗОГ: Я повторю Вам вопрос и прошу ответить "да" или "нет": рекомендовали ли Вы Вашим учреждениям поддерживать связь с начальниками полиции, СС и СД?

ЗАУКЕЛЬ: Я могу лишь только тогда ответить на этот вопрос

утвердительно, если я добавлю слова: в тех случаях, когда было необходимо, прибегали к помощи полицейских органов, для того, чтобы самим выполнить задание.

Г-н ЭРЗОГ: Правильно ли, что начальники германской полиции участвовали в совещаниях, которые Вы проводили с французскими властями по вопросу о наборе рабочей силы?

ЗАУКЕЛЬ: Да, представители начальника полиции и СС иногда присутствовали на этих совещаниях так же, как и представители французских властей, например, от французов присутствовал министр внутренних дел и полиции. Я сам не требовал этого и не поручал, чтобы передавали такое требование.

Г-н ЭРЗОГ: И Вы признаете, что представители германской полиции присутствовали на этих совещаниях? Вы можете назвать, например, фамилию одного из этих представителей? Знаете ли Вы штандартенфюрера Кнохена?

ЗАУКЕЛЬ: Штандартенфюрер Кнохен был в Париже и присутствовал всегда на подобных совещаниях.

Г-н ЭРЗОГ: Правильно ли, что начальники германской полиции участвовали в совещаниях, которые проводили немецкие власти по вопросам рабочей силы?

ЗАУКЕЛЬ: Они, насколько мне помнится, присутствовали на различных совещаниях, но это было по поручению командующего войсками, командующий руководил этими совещаниями.

Г-н ЭРЗОГ: Был ли представитель полиции на совещании II июля 1944 года - на совещании, о котором мы только что говорили? /Документ 3819-ПС/.

ЗАУКЕЛЬ: Вы говорите о совещании в Берлине?

H1204 – 0398

H1204 – 0399

Г-н ЭРЗОГ: Да, о совещании в Берлине от 11 июля 1944 года.

ЗАУКЕЛЬ: Мне кажется, что на этом совещании присутствовал Кальтенбруннер, это совещание было ведь созвано имперским министром Ламмерсом.

Г-н ЭРЗОГ: Вы никогда в присутствии фюрера не обращались к Гиммлеру за помощью СС в деле набора рабочей силы?

ЗАУКЕЛЬ: Да, в январе на одном из совещаний у фюрера присутствовал рейхсфюрер СС Гиммлер и я припоминаю, что на этом совещании я указал на то, что я не могу выполнить составленную фюрером программу на 1944 год в определенных районах, если не будут устранены партизанская угроза и всякие препятствия, а устранить их могли лишь только соответствующие инстанции.

Г-н ЭРЗОГ: Значит, Вы признаете, что Вы попросили у рейхсфюрера СС предоставить в Ваше распоряжение его полицейские силы для набора рабочих?

ЗАУКЕЛЬ: Нет, это неверно. Я должен возразить, так как в мое распоряжение и в распоряжение моих учреждений не могли быть предоставлены полицейские органы, а я лишь мог просить о помощи в тех случаях, когда от меня требовали, чтобы я проводил административные мероприятия, или когда сначала нужно было установить спокойствие или порядок в оккупированных областях. Иначе моя задача была невыполнима.

Г-н ЭРЗОГ: Посмотрите, пожалуйста, на документ, который был уже представлен Трибуналу за № США-225. Это - документ 1292-ПС, отчет о совещании у фюрера от 4 января 1944 года. На 3-й странице французского текста, что соответствует 5-й странице немецкого текста, указано, что Вы заявили:

"Успех будет зависеть, первым долгом, от того, насколько большие силы германской полиции будут выделены в мое распоряжение для осуществления этой работы, которая не может быть благоприятно завершена без участия полицейских сил".

Признаете ли Вы, что действительно сделали такое заявление?

ЗАУКЕЛЬ: Я хотел бы попросить сказать мне, где это, я еще не нашел это место; на какой странице немецкого текста?

Г-н ЭРЗОГ: Это, кажется, находится на 5-й странице текста, который Вам вручен.

ЗАУКЕЛЬ: Да, правильно. Это запись, очень сокращенная запись, сделанная, очевидно, имперским министром доктором Ламмерсом, но я должен настоятельно подчеркнуть, что это следует понимать таким образом, что я мог заниматься лишь вопросами труда в оккупированных областях, которых тогда было много и в которых моими исполнительными органами опять устанавливался порядок, поэтому то, что сказано в данной записи, не совсем точно.

Г-н ЭРЗОГ: Подсудимый Заукель, Вы заявили вчера, что Вы были в прошлом рабочим. Считали ли Вы, что рабочих можно направлять на работу с кандалами на руках?

ЗАУКЕЛЬ: Нет, этого я никогда не думал, и я впервые слышу здесь, что я, якобы, отправлял или распорядился отправлять рабочих на работу в ручных кандалах. Я этого не помню и я, конечно, никогда не давал подобных распоряжений, с этим я не могу согласиться.

Г-н ЭРЗОГ: 30 августа 1943 года Вы проводили совещание в Париже с работниками штабов по использованию рабочей силы,

12283

H1204 – 0400

H1204 – 0401

которые Вы учредили во Франции. Я Вам дал документ 816, который я представил Трибуналу сегодня на утреннем заседании, я прошу, чтобы Вы его просмотрели.

Простите, господин председатель, я ошибся, я не представил еще этот документ. Я представляю этот документ за № РФ-1517.

Посмотрите, пожалуйста, на странице 10-й фотостата, который Вам вручен - страница 38 во французском переводе, - последняя строка:

"Трудовая повинность в самых тяжких условиях, - полицейские меры, либо заковывание в кандалы, - должна осуществляться с сохранением внешней вежливости". Вот что Вы заявили 30 августа 1943 года перед представителями штабов по использованию рабочей силы, собравшимися в Париже.

ЗАУКЕЛЬ: Я не нашел этого места. Я прошу указать мне данную цитату.

Г-н ЭРЗОГ: Сейчас Вам ее покажут. Нашли Вы это место?

ЗАУКЕЛЬ: Да, я нашел это место.

Г-н ЭРЗОГ: Вы, подсудимый Заукель, считаете, что ручные кандалы могли использоваться при наборе рабочей силы?

ЗАУКЕЛЬ: Здесь речь может итти лишь о заявлении, которое имеет в виду явное сопротивление государственным властям или административным мероприятиям, а мы знаем, что во всем мире это карается. Я заметил лишь в этой связи, что эта мера должна применяться в законном порядке и вежливой форме. Я не охарактеризовал эту меру как правило для вербовки рабочей силы. Иначе никак нельзя понять этого.

Г-н ЭРЗОГ: Вы это сказали перед представителями штабов

по использованию рабочей силы во Франции.

ЗАУКЕЛЬ: Это нужно понимать таким образом, что данная мера применялась только в том случае, если оказывалось явное сопротивление исполнительным органам, а для других случаев данная мера не предусматривалась.

Г-н ЭРЗОГ: Трибунал учтет это.

Подсудимый Заукель, Вы никогда не создавали специальной полиции для набора рабочей силы?

ЗАУКЕЛЬ: Нет, я не создавал никакой специальной полиции. Я уже вчера заявлял это. По предложению французских властей были созданы в целях самоохраны соединения, которые я на одном совещании, преувеличивая, назвал полицией.

Г-н ЭРЗОГ: Слышали ли Вы о комитете общественного порядка?

ЗАУКЕЛЬ: Да, об этом говорилось.

Г-н ЭРЗОГ: Слышали ли Вы о комитете, так называемом "Комитете общественного порядка и правосудия"?

ЗАУКЕЛЬ: Так, точно.

Г-н ЭРЗОГ: Издавали Вы приказы или инструкции, в которых говорилось о создании этих комитетов?

ЗАУКЕЛЬ: Имелось предложение и оно обсуждалось; это было, насколько я помню, весной 1944 года.

Г-н ЭРЗОГ: И Вы утверждаете, что Вы не учреждали этих комитетов или не составляли инструкций, касающихся их учреждения?

ЗАУКЕЛЬ: Я уже сказал, что я сделал это.

Г-н ЭРЗОГ: Итак, Вы признаете, что Вы составили инструкции об учреждении этой специальной полиции?

12285

H1204 – 0402

H1204 – 0403

ЗАУКЕЛЬ: Это было сделано на основании тех совещаний, которые я имел с представителями вышеупомянутых французских соединений.

Г-н ЭРЗОГ: Следовательно, Вы это сделали?

ЗАУКЕЛЬ: Да, но с согласия этих французских соединений.

Г-н ЭРЗОГ: Хорошо. Я представляю Трибуналу документ 827, за номером Р-1518; это - инструкции подсудимого Заукеля, касающиеся создания корпусов специальной полиции. Документ включает в себя несколько распоряжений, вернее инструкций. На странице 6-й есть инструкция подсудимого Заукеля от 25 января 1944 года.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Где это находится?

Г-н ЭРЗОГ: На 6-й странице, сразу после документа 1292 моей книги документов. Вы найдете инструкции подсудимого Заукеля. Я оглашаю: "Берлин. 25 января 1944 года.

Секретно.

Содержание: "Создание корпуса охранных отрядов для выполнения задач отделов по вопросам труда в Бельгии и во Франции в 1944 году.

Военному командующему Франции, Париж.

Военному командующему Бельгии и Северной Франции, Брюссель.

Во Франции и в Бельгии для реализации задач, которые предстоят в будущем для учреждений по набору рабочей силы в Германию, и для обеспечения возможностей проведения их в этих странах будет создан корпус охранных отрядов, "Комитет по обеспечению общественного порядка".

"В этот охранный корпус будут включаться граждане этих двух стран, подкрепленные и усиленные членами германской полиции.

Этот охранный корпус во Франции будет состоять приблизительно из пяти тысяч человек, а в Бельгии приблизительно из тысячи человек.

Я дал следующие временные инструкции для создания таких охранных отрядов и для выполнения соответствующих задач:

I. Отбор членов в эти отряды будет производиться в тесном контакте с компетентными отделами полиции и СД, которые будут обращать особое внимание на вопрос лояльности кандидатов при отборе в такие отряды. Главным образом отбор должен производиться среди тех политических слоев населения, которые относятся доброжелательно к сотрудничеству с Германией.

2. Организация охранных отрядов. В Париже и Брюсселе будут созданы центральные бюро управления охранных отрядов. Руководители этого управления будут назначены мной /то-есть Вами, подсудимый Заукель/.

... Они будут подчиняться моим уполномоченным по Франции.

По всем вопросам полицейского порядка охранные отряды будут руководиться высшим командованием СС и полиции. Местные отряды создаваемой организации будут подчиняться командующим германскими полицейскими силами и будут получать приказы от полевых комендантур и от учреждений, занимающихся вопросами рабочей силы, постольку, поскольку это представится необходимым.

Члены охранных отрядов не будут иметь особой формы, однако же они будут снабжены огнестрельным оружием.

12287

H1204 – 0404

H1204 – 0405

3. Члены охранных отрядов, приданные учреждениям по набору рабочей силы или полевым комендатурам, должны будут работать таким образом, чтобы выполнение предписанных мероприятий проводилось с максимальным обеспечением безопасности. Например, они должны будут срочно информироваться в тех случаях, когда французы, призванные различными германскими учреждениями, уклоняются от набора. Они должны обнаруживать местонахождение этих лиц в соответствии с инструкциями начальника германской полиции о сотрудничестве французской и германской полиции. Они должны будут, кроме того, немедленно задерживать всех лиц, нарушающих трудовые договоры и обязательства. Будет указано, что списки лиц, которые должны подлежать набору и которые должны использоваться в качестве рабочей силы, будут переданы в эти отряды с тем, чтобы они могли действовать немедленно в случае, если германские приказы не будут выполнены. Ясно, что наилучший эффект может быть достигнут при проведении срочных мер и серьезных наказаний, о которых надо сообщать повсеместно и немедленно, а не при помощи расследований, которые производились до настоящего времени. Такие члены охранных отрядов должны указывать лиц, которые не заняты на каких-либо работах с целью их мобилизации, и учреждения с раздутыми штатами - с целью их чистки". Все это, подсудимый, подписано Заукелем.

Что, Вы все еще продолжаете настаивать на том, что Вы не учреждали специальных отрядов полиции во Франции и Бельгии?

ЗАУКЕЛЬ: Я вчера уже говорил, отвечая на вопрос моего защитника, что, по согласованию с французскими соединениями был создан такой охранный корпус для того, чтобы с одной сто-

12288

роны, обеспечить охрану лиц, желавших работать, а с другой стороны, сделать возможным проведение административных мероприятий. После того, как французы сами согласились сотрудничать, я не видел в этом никакого препятствия, ничего такого, что было бы в какой-то степени недопустимым. Это должно было облегчить положение жителей страны.

Г-н ЭРЗОГ: Я прошу Вас ответить: да или нет. Признаете ли Вы, что Вы учредили эту специальную полицию?

ЗАУКЕЛЬ: Я признаю, что я предложил создать этот охранный корпус и что он в действительности был создан. Что касается его численности, то я могу сказать, что он был небольшим.

Г-н ЭРЗОГ: Правильно ли, что Вы предписывали или направляли проведение насильственных мероприятий против уклоняющихся от несения трудовой повинности?

ЗАУКЕЛЬ: Не я сам лично издавал такие распоряжения, эти распоряжения издавались самим французским правительством. Это верно. Ведь в каждой оккупированной области нужно как-то поддерживать авторитет оккупационных властей, такой порядок существует во всем мире.

Г-н ЭРЗОг: Правильно ли, что Вы требовали применения смертной казни в отношении тех служащих, которые, например, затрудняли проведение Ваших мероприятий?

ЗАУКЕЛЬ: Верно, что во время переговоров с французским премьер-министром Лавалем я потребовал, чтобы в случае больших нарушений после предварительного следствия применялась смертная казнь.

Г-н ЭРЗОГ: Признаете ли Вы, что Вы требовали применения смертной казни в отношении таких служащих?

12289

H1204 – 0406

H1204 – 0407

ЗАУКЕЛЬ: Да, в соответствии с законом военного времени, если были случаи явного саботажа.

Г-н ЭРЗОГ: Правильно ли, что Ваша задача состояла в том, чтобы доставить военной промышленности Германии необходимую ей рабочую силу?

ЗАУКЕЛЬ: Да, это было так же моей задачей.

Г-н ЭРЗОГ: И в этом смысле Вы были ответственны за выполнение Вашей задачи перед министром вооружения и боеприпасов, теперь подсудимым Шпеером?

ЗАУКЕЛЬ: Я был ответственен перед уполномоченным по четырехлетнему плану и перед фюрером за выполнение требований имперского министра, если это было возможно в какой-то степени.

Г-н ЭРЗОГ: Подсудимый Шпеер одобрял Вашу инициативу по вопросу набора иностранных рабочих?

ЗАУКЕЛЬ: Во всяком случае он был согласен с этим или он требовал, чтобы ему были предоставлены рабочие. Правда, при самом наборе рабочих у нас иногда были разногласия. Так, например, по вопросу о французских предприятиях закрытого типа мы не были единого мнения.

Г-н ЭРЗОГ: Немного позже мы вернемся к этому. Сейчас я попрошу Вас сказать, всегда ли Вам удавалось удовлетворять заявки на рабочую силу, которые предоставляли Вам различные сектори германской экономики?

ЗАУКЕЛЬ: Нет, это не всегда удавалось.

Г-н ЭРЗОГ: И когда Вам это не удавалось, то требования, которые Вам направлял подсудимый Шпеер, должны были удовлетворяться в первую очередь?

ЗАУКЕЛЬ: Да, конечно, они должны были быть удовлетворены

в первую очередь.

Г-н ЭРЗОГ: Не случались ли по этому поводу инциденты? Не было ли случаев, когда целым составам с рабочими изменяли место назначения согласно приказаниям подсудимого Шпеера?

ЗАУКЕЛЬ: Случалось, что, вопреки моим распоряжениям, эшелоны рабочих направлялись и попадали в другие районы или на другие предприятия. Я не знаю, был ли во всех таких случаях инициатором подсудимый Шпеер, или это исходило от комиссии по вопросам вооружения или от какой-либо другой инстанции; это случалось, видимо, по различным причинам.

Г-н ЭРЗОГ: Однако во время Вашего допроса Вы показали, что иногда для того, чтобы прежде всего удовлетворить потребности подсудимого Шпеера, изменяли направление составов с рабочей силой. Подтверждаете ли Вы это?

ЗАУКЕЛЬ: Да, но я подразумевал под этим нечто другое. В таких случаях это происходило путем уведомления. Имелось два различных вида изменений или отклонений; такие, о которых я не узнавал, и такие, о которых мы договаривались.

Г-н ЭРЗОГ: Скажите, пожалуйста, Трибуналу, что Вы подразумевали под системой "Красных карточек"?

ЗАУКЕЛЬ: Под системой "красных карточек" следует понимать запрос на рабочих, чаще всего запрос на квалифицированных рабочих, специалистов, который должен был выполниться в первую очередь потому, что эти специалисты были крайне необходимы.

Г-н ЭРЗОГ: А эта система "красных карточек" применялась по отношению к промышленности вооружения?

ЗАУКЕЛЬ: Да, система "красных карточек" применялась в отношении промышленности, производившей вооружение.

12291

H1204 – 0408

H1204 – 0409

Г-н ЭРЗОГ: И эта система была установлена в результате соглашения между Вами и подсудимым Шпеером?

ЗАУКЕЛЬ: Это была система, которая, по моему мнению, была предусмотрена давно на случай необходимости. Правда, имелись различные виды этой системы, как-то: списки или "Красные карточки". Сначала существовали лишь только списки, затем прибавились к этому "красные карточки", по этому поводу было издано распоряжение.

Г-н ЭРЗОГ: Итак, Вы признаете, что вместе с подсудимым Шпеером Вы разделяете ответственность за принуждение различными способами граждан работать на германских предприятиях на нужды войны, которую вела Германия против их родины?

ЗАУКЕЛЬ: Я хочу настоятельно подчеркнуть, что эта система "красных карточек" распространялась не только на иностранных рабочих, но прежде всего на немецких рабочих, на немецких квалифицированных рабочих.

Г-н ЭРЗОГ: Эта система применялась также и по отношению к иностранным рабочим?

ЗАУКЕЛЬ: Да, эта система распространялась и на иностранных рабочих, если они были специалистами и если они выражали согласие, да так же и на иностранных рабочих.

Г-н ЭРЗОГ: Можете ли Вы сказать Трибуналу, что представляла из себя практика блокировки предприятий?

ЗАУКЕЛЬ: Предприятия закрывались в том случае, если на них производилась продукция, не имевшая военного значения, или если на них изготовлялись предметы роскоши.

Г-н ЭРЗОГ: Мне кажется, что Вы не очень хорошо поняли мой вопрос. Что это были за заводы "С" во Франции, например,

охранимые заводы.

ЗАУКЕЛЬ: Предприятия закрытого типа /"Шперрбетрибе"/ представляли собой заводы, которые по соглашению с министром Вичлером занимались производством для Шпеера и на которых была запрещена вербовка рабочих.

Г-н ЭРЗОГ: Не оказывали ли Вы сильного давления на Шпеера в отношении того, чтобы он прекратил эту политику блокировки промышленности?

ЗАУКЕЛЬ: Я просил его и пытался ему растолковать, но я не мог добиться от него, чтобы он отказался от этих заводов закрытого типа.

Г-н ЭРЗОГ: Разве не было такого случая, когда Вы об этом докладывали Гитлеру и настаивали перед ним о том, чтобы Шпеер отказался от своей позиции? Не требовали ли Вы от Фюрера по этому поводу увеличить Ваши полномочия в ущерб полномочиям подсудимого Шпеера?

ЗАУКЕЛЬ: Я не просил о расширении всех моих полномочий, я лишь просил восстановить мои полномочия, которые существовали ранее, так как...

Г-н ЭРЗОГ: Подождите минуту.

ЗАУКЕЛЬ: Я прошу Высокий Суд разрешить мне сделать это пояснение. Я должен был рабочих из Франции в Германию... Я прошу дать мне возможность пояснить это. Отделы Шпеера требовали от меня квалифицированных рабочих, а специалисты имелись на заводах, оставленных Шпеером за собой и, естественно, эти самые отделы не были обеспечены, если они вместо квалифицированных французских рабочих, получали необученных рабочих

12293

H1204 – 0410

H1204 - 0411

или рабочих, незнакомых с данной профессией. Моей задачей в любом случае было раздобыть рабочих, но я считал, что для германской экономики нужны обученные специалисты - рабочие, что целесообразнее получить нужных рабочих, а не рабочих, которые были неквалифицированными.

Г-н ЭРЗОГ: Я прошу Трибунал снова обратиться к документу 3819-ПС, ко II-й его части. Сюда включены два письма, которые и подсудимый Заукель и подсудимый Шпеер направили фюреру и оба по вопросу блокировки предприятий. Я хочу сначала огласить Трибуналу несколько выдержек из письма Заукеля, которое идет вторым по порядку в данном документе.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Не были ли эти оба письма уже зачитаны здесь?

Г-н ЭРЗОГ: Мне кажется, господин председатель, что они уже оглашались здесь, я не могу точно утверждать, но во всяком случае я так полагаю.

Документ 3819-ПС был пред"явлен Трибуналу под № ВВ-306. Если Трибунал этого желает, я могу ограничиться очень краткими выдержками.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Нет необходимости в том, чтобы Вы зачитывали их для того, чтобы задать вопросы подсудимому.

Г-н ЭРЗОГ: В этом письме, на странице 27-й, Вы просили предоставить Вам свободу действий для рационального использования рабочей силы. Признаете ли Вы, что Вы требовали такого предоставления свободы действий у фюрера?

ЗАУКЕЛЬ: Я не нашел этой цитаты. Я никогда не мог просить у фюрера свободы действий, я просил лишь того, чтобы я мог, как и раньше, вербовать рабочих. Но я не нахожу этой цитаты.

Г-н ЭРЗОГ: Вы найдете эту цитату на странице 27-ой.

ЗАУКЕЛЬ: Там, в немецком тексте сказано, что при создавшемся положении необходимо, чтобы я получил ту свободу действий, какую я имел до создания предприятий закрытого типа. Это правильно и для меня это было важно.

Г-н ЭРЗОГ: Вот именно это я и прошу подтвердить Вас. Требовали ли Вы, чтобы Ваши полномочия были расширены в ущерб полномочий подсудимого Шпеера? Ответьте мне - да или нет, если это возможно.

ЗАУКЕЛЬ: Я не понял, сказали ли Вы, "получил" или "требовал".

Г-н ЭРЗОГ: Требовали ли Вы их?

ЗАУКЕЛЬ: Да, я этого требовал, потому что это было в интересах самого Шпеера, потому что это было важно и для выполнения моих задач.

Г-н ЭРЗОГ: Припоминаете ли Вы, что в других случаях подсудимый Шпеер просил в свою очередь, чтобы его полномочия были расширены по сравнению с Вашими?

ЗАУКЕЛЬ: Да, очевидно, это так же имело место.

Г-н ЭРЗОГ: Вы показали во время Вашего допроса, что: "очень тесные взаимоотношения между Шпеером и Геббельсом, завязавшиеся после падения Сталинграда, заставили Шпеера особенно желать, чтобы я ему подчинялся". Можете ли Вы подтвердить это заявление?

ЗАУКЕЛЬ: Да.

Г-н ЭРЗОГ: Правильно ли, что Ваша общая программа по набору рабочей силы предусматривала применение труда военнопленных?

H1204 – 0412

H1204 – 0413

ЗАУКЕЛЬ: Да, применение труда военнопленных постольку, поскольку они должны были и могли направляться на работы при обслуживании их военными ведомствами.

Г-н ЭРЗОГ: Припоминаете ли Вы о распоряжении № IO, распоряжении, о котором мы уже говорили на утреннем заседании, которое предусматривало первостепенное значение работ, связанных с военной промышленностью. Скажите, это распоряжение распространялось на военнопленных?

ЗАУКЕЛЬ: Это распоряжение, как я уже раз"яснял вчера, применялось к военнопленным только в отношении их перемещения, так как это было предусмотрено в памятке, составленной совместно ОКВ и мной, в трудовом каталоге.

Г-н ЭРЗОГ: Это распоряжение в статье 8 указывает, что оно распространяется и на военнопленных.

ЗАУКЕЛЬ: Да, конечно, с учетом других распоряжений, это ведь само собой подразумевалось.

Г-н ЭРЗОГ: Вы вчера давали показания о службе надзора. Правильно ли, что в сентябре 1943 года было заключено соглашение между Вами и доктором Леем об учреждении такой центральной службы надзора за иностранными рабочими?

ЗАУКЕЛЬ: Так точно, для обеспечения этих рабочих.

Г-н ЭРЗОГ: Следовательно, Вы признаете себя ответственным за проведение мероприятий в отношении обращения с иностранными рабочими?

ЗАУКЕЛЬ: Я ответственен за те распоряжения, которые я издавал. Все эти распоряжения имеются здесь.

Г-н ЭРЗОГ: Признаете ли Вы себя ответственным за издание

распоряжений в отношении обеспечения питанием иностранных рабочих?

ЗАУКЕЛЬ: Я чувствую себя ответственным за все те распоряжения, которые я издавал в области снабжения иностранных рабочих, но само снабжение не являлось задачей трудовых органов и они не несли за него ответственность, ответственными были руководитель предприятия или комендант лагерей, уполномоченные предприятиями.

Г-н ЭРЗОГ: Я хочу Вам вручить документ № 025-ПС, этот документ уже предоставлялся Трибуналу за номером США-698. /пред"является документ свидетель/. У Вас уже был этот документ вчера. Это отчет о совещании у генерального уполномоченного по использованию рабочей силы, - то-есть у Вас, - 3 сентября 1942 года. Документ датирован 4 сентября.

Господин председатель, документ находится в конце моей книги документов, после документа 827.

На последней странице во французском переводе я оглашаю...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: На последней странице документа 857, - не так ли, - документ 857, я нашел последнюю страницу. Она как-раз находится перед документом 2200-ПС - не так-ли? Он находится после документа 1915-ПС.

Г-н ЭРЗОГ: Господин председатель, это после 1913-ПС.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Продолжайте, пожалуйста.

Г-н ЭРЗОГ: Я оглашаю:

"Фюрер не может понять, почему во время боев за будущее Европы...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Это на первой странице документа ~~2~~ или на четвертой странице?

H1204-0414

H1204 – 0415

Г-н ЭРЗОГ: Нет, на четвертой странице, господин председатель.

"Фюрер не может понять, почему во время боев за будущее Европы как раз страна, которая вынесла основную тяжесть этих боев, должна больше остальных страдать от голода, в то время как во Франции, в Голландии, в Венгрии, на Украине или в каком-либо другом месте еще и не говорят о голоде. Он выражает пожелание, чтобы в будущем это было как раз наоборот.

Что касается иностранных рабочих, проживающих в империи, за исключением рабочих, прибывших с Востока, необходимо для них постепенно установить систему обеспечения продовольствием в зависимости от производительности их труда. Совершенно недопустимо, чтобы ленивые голландцы или итальянцы получали бы большие пайки, чем усердный работник, прибывший с Востока. Итак, принцип производительности труда должен приниматься во внимание при обеспечении продовольствием".

Я Вас спрашиваю, что Вы подразумевали, когда Вы говорили: "принцип производительности труда должен приниматься во внимание при обеспечении продовольствием".

ЗАУКЕЛЬ: В империи существовали нормальные продовольственные нормы. Кроме того, так же и на заводах существовали дополнительные пайки, выдававшиеся за высокую производительность. Я боролся за то, чтобы эти дополнительные пайки, которые часто выдавались рабочим из западных областей, были бы также предоставлены рабочим из восточных областей и чтобы в тех случаях, когда рабочие из западных областей, то-есть голландские и бельгийские не работали с такой же производительностью, что и рабочие из восточных областей, происходило бы

сокращение дополнительного питания, но не обычных продовольственных норм, которые получало так же и немецкое население.

Г-н ЭРЗОГ: Итак, Вы допускаете, что если производительность труда у какого-либо рабочего меньше чем у другого, значит и паек его должен быть меньше? Так я должен понимать?

ЗАУКЕЛЬ: Нет, это не следует понимать так дословно. Я еще раз хочу категорически заявить, что в Германии каждый рабочий получал паек, твердо установленный имперским министром продовольствия. Кроме того, имелись дополнительные пайки за высокую производительность, которые сначала не выдавались русским рабочим. Поэтому речь идет не о голоде и не о сокращении продовольственных норм, а об уменьшении дополнительных пайков.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Пожалуй, сейчас лучше сделать перерыв.

/Объявляется перерыв на 10 минут/

КОМЕНДАНТ СУДА: Господа судьи, я должен сообщить, что подсудимый Редер отсутствует.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Господин Эрзог, предполагаете ли Вы, что Вы закончите перекрестный допрос до половины пятого?

Г-н ЭРЗОГ: Да, господин председатель, я полагаю, что перекрестный допрос будет закончен, может быть, даже раньше.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Очень хорошо.

Г-н ЭРЗОГ: Подсудимый Заукель, я представил Вам на утреннем заседании документ № 810, который является отчетом о заседании 15-16 июля 1944 года, состоявшемся в Вюрцбурге, на котором присутствовали начальники отделов по вопросам труда.

H1204 – 0416

H1204 – 0417

Вы помните об этом совещании?

ЗАУКЕЛЬ: Да, я припоминаю это совещание.

Г-н ЭРЗОГ: Помните ли Вы, что на этом совещании поднимался вопрос о дисциплине, которую нужно было внедрять среди рабочих?

ЗАУКЕЛЬ: Возможно, на этом совещании обсуждался этот вопрос, а вообще был целый ряд совещаний. Я точно не могу вспомнить. Я не участвовал во всех мелких совещаниях такого рода.

Г-н ЭРЗОГ: Знаете ли Вы министериального советника доктора Штурма?

ЗАУКЕЛЬ: Министериальрата доктора Штурма лично я не знал.

Г-н ЭРЗОГ: Помните ли Вы заявление, которое было сделано доктором Штурмом на совещании 15-16 июля 1944 года?

ЗАУКЕЛЬ: Я не припоминаю какого-либо особого заявления этого доктора Штурма.

Г-н ЭРЗОГ: Я Вам снова передаю этот отчет о совещании, документ 810-ПС, который я представил сегодня на утреннем заседании за № РФ-1507. Посмотрите, пожалуйста, на страницу 25 немецкого текста, которая соответствует 25-й странице французского перевода. Вы там увидите - я оглашаю первую строку:

"Штурм сделал следующий доклад о своем секторе: "Трудовая дисциплина".

Я перехожу к следующей странице:

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Где это находится?

Г-н ЭРЗОГ: Это документ № 810, господин председатель. Это документ, который помечен...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я знал, что это 806, но я полагал, что Вы сказали нам, что они расположены в последовательном порядке.

Г-н ЭРЗОГ: Документ 810, страница 25.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да, я нашел его.

Г-н ЭРЗОГ: Страница 25.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да, продолжайте.

Г-н ЭРЗОГ: "Мы работаем совместно с гестапо и концентрационными лагерями, и мы уверены, что мы находимся на правильном пути".

Сделали Вы какое-нибудь замечание по поводу этого заявления?

ЗАУКЕЛЬ: Я сам не слышал этого реферата. Это был реферат на специальную тему по вопросу о трудовом праве, как указано в начале доклада, я вижу протокол впервые в моей жизни, в то время одновременно состоялся целый ряд параллельных совещаний. Я сам этого не слышал, но само собой разумеется, что были предусмотрены соответствующие меры наказания, как вообще это имеется во всяком трудовом праве. Я хотел бы зачитать из того же самого документа, в начале его следующее место: "Использование рабочих и вознаграждение их возможны лишь только при наличии здоровой трудовой морали, причем инструкции, введенные в целях соблюдения трудовой морали и носящие дисциплинарный и правовой характер, должны применяться везде одинаково, причем подробности нужно обсудить на следующем совещании референтов по трудовому праву". Таким образом это было учреждение, которое не подчинялось мне.

Г-н ЭРЗОГ: Ответьте, пожалуйста, сначала на мой вопрос.

12301

H1204 – 0418

H1204 – 0419

ЗАУКЕЛЬ: Я уже ответил. Я хочу зачитать еще цитату, следующую за заявлением доктора Итурма, а именно первая страница...

Г-н ЭРЗОГ: Ответьте на мой вопрос, какого Вы были мнения об этом заявлении доктора Итурм?

ЗАУКЕЛЬ: Я не был знаком с этим заявлением, так как мне кажется, он был сотрудником учреждения..., я не знаю, принадлежал ли он к имперским трудовым инстанциям или к какому-либо другому учреждению, я сам этого не знаю, этих высказываний я не слышал.

Г-н ЭРЗОГ: Припоминаете ли Вы о том, что было заключено соглашение между Вами и начальником полиции и СС о том, что рабочие, которые будут оставлять работу, будут передаваться в руки полиции?

ЗАУКЕЛЬ: Но должна же была существовать в Германии инстанция, которая бы задерживала рабочих, которые незаконным путем убегали со своей работы или исчезали и, конечно, это не могли сделать никакие другие органы, кроме полиции. Ничего другого ведь не имелось. Я прошу разрешить мне зачитать из этого документа еще цитату на первой странице: "Впрочем число наложенных административных взысканий среди членов немецкого рабочего коллектива поразительно невелико, имеется в виду такие взыскания как арест, денежные штрафы, концлагери и судебное преследование. Наказания, вынесенные с участием обвинителей, в среднем составляют 0,1 - 0,2 из 1000 рабочих."

Г-н ЭРЗОГ: Какое отношение имеет это к вопросу, который я поставил, а именно: каково было Ваше отношение с руководящими кругами концлагерей и гестапо?

ЗАУКЕЛЬ: Но, ведь, не было других инстанций, кроме полиции, которые могли бы производить аресты, являвшиеся необходимыми и законными в судебном отношении и справедливыми.

Г-н ЭРЗОГ: Таким образом, Вы признаете, что это по соглашению с Вами гестапо проводило аресты рабочих, нарушавших то, что Вы называли трудовыми договорами, и передавало таких рабочих в концлагери?

ЗАУКЕЛЬ: Нет, не в концлагери, а в тюрьму, которая предназначалась для этого. Наказания ведь налагались в соответствии с определенными инструкциями, у меня не было никакой другой договоренности.

Г-н ЭРЗОГ: Я предоставляю Трибуналу документ № 2200-ПС, которий приобретает № РФ-1519. Это служебная записка гестапо в Кельне, направленная в отделы окружной полиции Кельна и Аахена, о борьбе, которую нужно проводить с иностранными рабочими, которые нарушили свои трудовые контракты.

Это, господин председатель, документ 4-й от конца в моей книге документов. Я оглашаю:

"Число уклоняющихся от работы увеличивается, и присутствие таких лиц тем более опасно для империи, что оставление работы может являться актом саботажа. Отныне, в связи с соглашением, которое было заключено между начальником СС, полицией и генеральным уполномоченным по использованию рабочей силы, все жалобы, относящиеся к вопросу о самовольном оставлении работы, будут рассматриваться государственной тайной полицией. Как только какое-либо предприятие делает заявление в полицию, последняя должна провести необходимое расследование. Полицейские власти округа имеют право в наименее серьезных случаях

H1204 – 0420

H1204 – 0421

делать предупреждение уклоняющимся от работы и подвергать их исправительному заключению не более, чем на 3 дня. В таких случаях надо соблюдать полученные директивы, в частности по отношению подданства нарушителя.

В более серьезных случаях дела таких нарушителей должны направляться в гестапо Аахена и Кельна, которые, будучи особо осведомленными в данных делах, будут принимать необходимые решения: заключение, отправление в воспитательные, трудовые или концентрационные лагери".

Вы все еще оспариваете, что с Вашего согласия уклоняющиеся от работы, с одной стороны, передавались в руки гестапо, с другой стороны - направлялись в концентрационные лагери?

ЗАУКЕЛЬ: Я не оспаривал этого, но это имело место лишь только в том случае, если население было обеспокоено нарушениями, как сказано в первом абзаце, следовательно, в тяжелых случаях и при нарушении трудовых договоров. Не имелось никакой другой инстанции, кроме полиции, которая могла бы устранять облавы на дезертиров. Я считаю это мероприятие вполне допустимым.

Г-н ЭРЗОГ: Итак, Вы считаете правильной передачу иностранных рабочих в руки гестапо и направление в концлагери? Я принимаю к сведению это Ваше заявление.

ЗАУКЕЛЬ: Но лишь только в случаях тяжелых нарушений, сказано здесь, тяжелых нарушений. Это было требование, пред"явленное мне.

Г-н ЭРЗОГ: Когда Вы узнали о жестокостях и зверствах, которые совершались в концентрационных лагерях?

ЗАУКЕЛЬ: Я с чистой совестью могу сказать, что я узнал об этих ужасах в концентрационных лагерях здесь, после поражения.

Г-н ЭРЗОГ: Полагаете ли Вы, что также обстоит дело и со всеми остальными руководителями гитлеровского государства?

ЗАУКЕЛЬ: Я не могу в данной связи говорить о других. Я сам не знал таких мероприятий, о них мне стало известно только здесь и они мне противны.

Г-н ЭРЗОГ: А к примеру, если взять рейхсфюрера СС Гиммлера, полагаете ли Вы, что он был в курсе всех жестокостей, которые совершались в концентрационных лагерях?

ЗАУКЕЛЬ: Я не могу сказать, знал ли о них рейхсфюрер СС, был ли он инициатором этих жестокостей, так как я сам очень мало говорил с рейхсфюрером СС, почти-что вовсе не говорил, потому что у нас была большая личная неприязнь друг к другу.

Г-н ЭРЗОГ: Во время допроса вчера Вы показали Вашему уважаемому защитнику, что Вы однажды посетили концентрационный лагерь в Бухенвальде? Это правильно?

ЗАУКЕЛЬ: Да, примерно, в 1937-38 году. Я по памяти не могу точно сказать.

Г-н ЭРЗОГ: Вы показали, что Вы предприняли это посещение в сопровождении итальянской миссии. Это правильно?

ЗАУКЕЛЬ: Да, это правильно.

Г-н ЭРЗОГ: Знаете ли Вы, что существует официальный альбом фотографий, которые были сделаны в лагере Бухенвальд. Я предоставляю этот альбом Трибуналу за № РФ-1520. Этот документ британской делегации за № Д-565.

12305

H1204 – 0422

H1204 – 0423

Узнаете Вы себя на этой фотографии?

ЗАУКЕЛЬ: Да, я узнаю себя на этой фотографии.

Г-н ЭРЗОГ: С кем Вы там?

ЗАУКЕЛЬ: Это рейхсфюрер СС Гиммлер.

Г-н ЭРЗОГ: Благодарю Вас. И Вы настаиваете на том, что Вы, гаулейтер и наместник Тюрингии, посетив концентрационный лагерь в Бухенвальде в сопровождении рейхсфюрера СС Гиммлера и начальника лагеря, не знали, что происходило внутри этого лагеря?

ЗАУКЕЛЬ: Я не знаю, когда была снята эта фотография и была ли она снята внутри лагеря. Я однажды был с рейхсфюрером СС за пределами лагеря, там тогда был целый комплекс строений, но в самом лагере я не был с рейхсфюрером СС. Там я был лишь однажды с итальянской миссией. На фотографии не видно, что происходит осмотр лагеря, здесь просто выстроилось воинское подразделение.

Г-н ЭРЗОГ: Трибунал расценит должным образом и этот Ваш ответ. Я представляю Трибуналу документ 1521, свидетельство, удостоверяющее подлинность этого альбома.

В октябре месяце 1945 года Вас подвергли допросу об изгнании евреев из промышленности. Вы сказали буквально следующее:

"Я лично никогда не занимался и ничего общего не имел с вопросом изгнания евреев из промышленности. Я не имел никакого влияния в этом отношении. Это является целиком тайной для меня".

Вы подтверждаете это показание?

ЗАУКЕЛЬ: Это совершенно верно. Я не говорил, что для меня являлось тайной исключение евреев из промышленности. Я

сказал лишь, что я не имел к этому никакого отношения, насколько я помню.

Г-н ЭРЗОГ: Ваш адвокат пред"явил Вам вчера документ № Л-61, который Вы сочли необходимым опротестовать. Возражения, которые Вы сделали, заключались в следующем. Этот документ относится к 1942 году и касается вопросов, которые предшествовали Вашему назначению на должность. Я Вас правильно вчера понял?

ЗАУКЕЛЬ: Да, все приложения, имеющиеся к этому документу, составлялись и выполнялись еще до моего назначения.

Г-н ЭРЗОГ: Я представляю Трибуналу документ Л-156, который принимает № РФ-1522. Это письмо написано по указанию уполномоченного по четырехлетнему плану 26 марта 1943 года, генеральным уполномоченным по использованию рабочей силы, - то-есть Вами. Оно было направлено также начальникам управлений по вопросам сельскохозяйственных работ и касалось вопроса об изгнании евреев. Оно начинается следующими словами:

"По соглашению со мной и с имперским министром по вооружению и боеприпасам, рейхсфюрер СС из соображений безопасности в стране, решил, в конце февраля, лишить места работы и прекратить деятельность евреев в стране, занимающихся свободными профессиями. Он решил, чтобы все они были направлены продолжать свою деятельность в изолированном месте. Они были собраны вместе с тем, чтобы их легче изолировать. Для того, чтобы провести это мероприятие наиболее успешно, я старался избежать давать инструкции заранее и информировал лишь управления по вопросам труда округов, где евреи свободных профессий находятся в большом количестве.

H1204 – 0424

H1204 – 0425

С тем, чтобы иметь общее представление о результатах этих мероприятий о производительности труда, я прошу к 31 марта 1943 года составить мне список всех евреев, которые были изгнаны с их места работы, и список заменивших их, указывая число предприятий и количество евреев, которые там работали. Необходимо за основу брать положение, которое существовало до эвакуации" и т.д..

Что, Вы и сейчас продолжаете настаивать на том, что Вы не имели ничего общего с мероприятием по изгнанию евреев и замене их иностранными рабочими?

ЗАУКЕЛЬ: Я хочу вторично категорически заявить здесь, что этот документ никогда не попадал ко мне в руки. Он тут без подписи и исходит от отделения в имперском министерстве труда, на Саарланд-штрассе 96, то-есть его оформлял какой-то чиновник. Я сам не могу вспомнить, что мне был знаком этот документ. Он не был составлен мной, исходит не из моего бюро и подписан "по поручению", моя подпись отсутствует.

Г-н ЭРЗОГ: Взгляните, пожалуйста, в углу налево имеется штамп: "Уполномоченный по четырехлетнему плану, генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы". Вы говорите об одном подчиненном чиновнике; Вы хотите всю ответственность взвалить на Ваших подчиненных?

ЗАУКЕЛЬ: Нет, этого я не хочу сделать. Я лишь хочу сказать, что это письмо поступило из какого-то учреждения, но что я это письмо раньше никогда не знал. Я вижу это письмо впервые в моей жизни. Я не был инициатором его, я могу подтвердить это под присягой.

Г-н ЭРЗОГ: К этому письму присоединена заявка об отчете по замене изгнанных евреев. Какое другое управление, помимо Вашего могло бы заниматься этой заменой, управления по использованию рабочей силы?

ЗАУКЕЛЬ: Да, мое учреждение... Я уже вчера говорил моему защитнику, что, само собой разумелось, что мое учреждение давало пополнение, если с какого-нибудь предприятия уходили рабочие в результате ли того, что их отправляли или в результате какого-либо другого мероприятия. О деталях я не всегда узнавал.

Г-н ЭРЗОГ: Вы не отвечаете на мой вопрос. Тот факт...

ЗАУКЕЛЬ: Нет, я точно ответил на Ваш вопрос.

Г-н ЭРЗОГ: Нет, тот факт, что это письмо содержит требования, касающиеся замены рабочих, - не является ли доказательством того, что оно исходит именно от Вас - уполномоченного по использованию рабочей силы?

ЗАУКЕЛЬ: Такое ходатайство не могло исходить от моего учреждения, так как за эвакуацию евреев ответственность несе рейхсфюрер СС, а не я. Я испытывал лишь только трудности в связи с этими мероприятиями, потому что было очень трудно найти замену рабочим, я не был заинтересован в этих мероприятиях.

Г-н ЭРЗОГ: Одним словом, Вы оспариваете, что Вы проповедовали создание специального режима работы для евреев?

ЗАУКЕЛЬ: Да, я оспариваю это. Это не было моей задачей и я не имел к этому никакого отношения.

Г-н ЭРЗОГ: Обратитесь снова к документу 810, который я представил за № РФ-1507. Вам его сейчас передадут, если у Вас

H1204 – 0426

H1204 – 0427

нет его.

Взгляните, пожалуйста, на страницу I6-в. На странице I6-й /я читаю/ под рубрикой "Гаулейтер Заукель" мы сейчас увидим...

ЗАУКЕЛЬ: У меня нет этого документа. Извините, вот он.

Г-н ЭРЗОГ: Вам передали этот документ две минуты тому назад. Если у Вас нет его, то сейчас Вы получите его снова.

ЗАУКЕЛЬ: Я прошу еще раз назвать этот номер.

Г-н ЭРЗОГ: Это - документ Ф-8IO, но, мне кажется, у Вас нет фотостата. /Заукель вручает документ/.

Теперь Вы получили документ? У Вас...

ЗАУКЕЛЬ: Да.

Г-н ЭРЗОГ: Под рубрикой "Гаулейтер Заукель" я читаю /на I6-й странице документа/:

"3. /Заукель/ был страшно ожесточен, когда он узнал, что заключенные концентрационных лагерей и венгерские евреи представляют из себя лучшую рабочую силу по строительным работам. Это положительно неверно, так как в среднем они дают от 65 до 70 процентов нормальной производительности и никогда не дают I00%. Кроме того, совершенно недостойно германских рабочих и с точки зрения германской морали, ставить в один ряд с этим сбродом предателей государства. Для заключенных концентрационных лагерей и евреев работа не является делом чести. Следовательно, нельзя позволить встать на такую точку зрения, что заключенные концентрационных лагерей и евреи могут явиться как раз тем, что необходимо на строительных работах. Необходимо во что бы то ни стало, чтобы заключенные концентрационных лагерей и евреи находились отдельно от остальных рабочих, среди

которых находятся и иностранные рабочие.

Гауляйтер Заукель замечает, наконец, что, собственно, он не возражает против использования труда евреев и заключенных, он только против преувеличения, на которое указывалось выше".

Итак, я спрашиваю у Вас, Заукель, Вы, который вчера нам описывали свою жизнь, жизнь рабочего, - что Вы подразумевали, когда Вы говорили: "Для евреев и для заключенных концентрационных лагерей работа не является делом чести"?

ЗАУКЕЛЬ: Я хочу категорически заявить, что эта выдержка является очень кратким и вольным переложением, а не стенографической записью. Я протестовал против этого потому, что я считал, что узники концлагерей являются государственными изменниками. Я не предполагал ничего другого, кроме того, что такие люди направляются туда, что они, а также и евреи доставляются на строительные работы не вместе с другими рабочими. Но не я организовывал это использование рабочих, а рейхсфюрер СС. И я на совещании у фюрера выступал, защищая интересы неказанных иностранных рабочих, против того, чтобы те и другие рабочие распределялись на работу вместе.

Г-н ЭРЗОГ: Я Вас спрашиваю еще раз, что Вы понимаете под этим, когда Вы говорили: "Для заключенных концентрационных лагерей и евреев работа не является делом чести"?

ЗАУКЕЛЬ: Я хотел этим сказать, что нельзя сравнивать работу наказанных и опозоривших себя людей с работой свободных, не опозоривших себя людей, что, существует разница в том, привлекаю ли я на работу свободных людей или заключенных и я хотел, чтобы они были отделены друг от друга.

Г-н ЭРЗОГ: Да, но в то время евреи были заключенными?

H1204 – 0428

H1204 – 0429

ЗАУКЕЛЬ: Да, евреи были в данном случае заключенными рейхсфюрера СС, и сожалею, что я употребил это выражение.

Г-н ЭРЗОГ: Итак, Вы оспариваете, что эта фраза свидетельствует о той ненависти, которую Вы питали к евреям, например?

ЗАУКЕЛЬ: Я, конечно, был в то время настроен против евреев, но я не занимался их распределением на работы. Я возражал против того, чтобы сюда прилетали использование рабочих рейхсфюрером СС.

Г-н ЭРЗОГ: Вы никогда не занимались антиеврейской пропагандой?

ЗАУКЕЛЬ: Я занимался пропагандой против евреев, постольку, поскольку они занимали в Германии посты, которые, по моему убеждению, следовало передать немцам.

Г-н ЭРЗОГ: Я хочу передать Вам статью, которую Вы написали в июне 1944 года, в то время когда, как мне кажется, у Вас в Германии уже не было очень много важных постов, занимаемых евреями. Эта статья появилась в газете "Долг", которая выходила у Вас в гау Тюрингии. Этот документ 857-ПС я представлю Трибуналу под № РФ-1523. Оглашаю выдержку из этой статьи, на первой странице, первая колонка, предпоследний абзац.

"Сейчас все лучшие добродетели моряков, летчиков и солдат Великобритании не могут больше приостановить еврейскую чуму, которая совершает опустошение в их стране".

Затем, на второй странице, вторая колонка, предпоследний абзац:

"В мировой истории нет примеров, которые бы указывали на то, что евреями было когда-либо создано что-либо солидное

или вечное, и безумцы, которые им подчинялись, были подкуплены их золотом, их женщинами, или их манерами".

Я спрашиваю Вас, подсудимый Заукель, что Вы понимали под выражением "еврейская чума"?

ЗАУКЕЛЬ: Я понимал под этим моменты разложения внутри самих народов.

Г-н ЭРЗОГ: Я повторяю свой вопрос: что Вы понимали под выражением "еврейская чума"?

ЗАУКЕЛЬ: Я считал, что через определенные еврейские круги в другие народы вносятся элементы разложения.

Г-н ЭРЗОГ: Трибунал оценит по достоинству и этот Ваш ответ. У меня больше нет вопросов, господин председатель.

/К микрофону подходит генерал Александров/.

АЛЕКСАНДРОВ: Я хочу подвести некоторые общие итоги Вашей деятельности в качестве генерального уполномоченного по использованию рабочей силы. Скажите, какое количество иностранной рабочей силы было занято в германском хозяйстве и промышленности к концу войны?

ЗАУКЕЛЬ: К концу войны, если я могу говорить об этом без документов, в Германии использовалось 5 миллионов иностранных рабочих, не считая военнопленных.

АЛЕКСАНДРОВ: Вы эту цифру уже назвали своему защитнику во время допроса. Мне кажется, что Вы называете цифру не к моменту капитуляции Германии, а по состоянию на 24 июля 1942 года. Я приведу несколько иные данные по этому вопросу, пользуясь Вашими же собственными документами. Вы были назначены генеральным уполномоченным 21 марта 1942 года. 27 июля 1942 года, то-есть спустя три месяца, Вы представили Гитлеру и

H1204 – 0430

H1204 – 0431

Герингу свой первый доклад. В этом докладе Вы сообщили, что за время с 1 апреля по 24 июля 1942 года задание по мобилизации 1.600.000 человек было выполнено Вами с превышением. Вы эту цифру подтверждаете?

ЗАУКЕЛЬ: Я назвал эту цифру, но в эту цифру были включены, как мне помнится, не только иностранцы, но и немецкие рабочие.

АЛЕКСАНДРОВ: В заключительной части этого доклада Вы сообщаете, что общее количество вывезенного в Германию населения оккупированных территорий по состоянию на 24 июля 1942 года составляет 5 миллионов 124 тысячи человек. Эта цифра правильна, Вы ее подтверждаете?

ЗАУКЕЛЬ: Да, но мне кажется, что военнопленные, занятые в экономике, также были учтены. Кроме того, я должен в этой связи отметить, что между Германией и странами Западной Европы, нейтральными и союзными существовал постоянный обмен рабочей силой, потому что эти рабочие проводили в Германии по полгода, три четверти или один год, а по истечении существовавших трудовых договоров, которые заключались, возвращались обратно. Поэтому эта цифра могла быть тогда правильной. Она не могла значительно измениться к концу года потому, что следует учитывать этот обмен рабочей силой.

АЛЕКСАНДРОВ: Но факт тот, что по Вашим же данным количество рабочих, вывезенных с оккупированных территорий, составляло 5 миллионов 124 тысячи человек на 24 июля 1942 года. Не так ли?

ЗАУКЕЛЬ: Если эта цифра записана, то это, очевидно, верно. Вполне возможно и вероятно, что учитывались и исполь-

зуемые на работах военнопленные. Я без документов не могу точно сказать.

АЛЕКСАНДРОВ: Я позже покажу и другой документ, относящийся к этому вопросу.

I декабря 1942 года Вы составили обзор "Использование рабочей силы по состоянию на 30 ноября 1942 года". В этом обзоре Вы называете цифру представленных германскому военному хозяйству рабочих за время с I апреля по 30 ноября 1942 года в количестве 2.749.652 человека. На странице 8-й Вашего обзора указывается, что, по состоянию на 30 ноября 1942 года, на территории империи было занято 7 миллионов человек. Вы эти цифры подтверждаете?

ЗАУКЕЛЬ: Да, но я не могу подтвердить эту цифру без документов и соответствующих материалов. Я опять-таки полагал, что сюда включены французские и, вообще, другие военнопленные.

АЛЕКСАНДРОВ: Но самая цифра 7 миллионов занятых в германском хозяйстве иностранных рабочих, хотя бы и включая военнопленных, она правильная?

Назовите теперь цифру ввезенной в Германию рабочей силы из оккупированных территорий за 1943 год.

ЗАУКЕЛЬ: Рабочие, доставленные в Германию в течение этого года, должно быть, составляют от I I/2 до 2 миллионов. Вообще составлялись различные программы в этой области, которые все время изменялись.

АЛЕКСАНДРОВ: Меня интересует, сколько было ввезено в Германию рабочих за 1943-й год. Скажите приблизительно, не обязательно называть точную цифру.

ЗАУКЕЛЬ: Я уже сказал, от I I/2 до 2 миллионов. Я не могу сказать точно.

12315

H1204 – 0432

H1204 – 0433

АЛЕКСАНДРОВ: Вы помните, какое задание было получено Вами на 1944 год?

ЗАУКЕЛЬ: В 1944 году требовалось использовать, включая и немецких рабочих, 4 миллиона человек, но из затребованных 4-х миллионов было предоставлено всего лишь 3 миллиона, причем 2,1 миллиона составляли немцы, а 900.000 иностранцы.

АЛЕКСАНДРОВ: Теперь Вы можете назвать хотя бы некоторые общие итоги? Сколько всего было ввезено на территорию Германии во время войны, включая сюда людей, которые были заняты в сельском хозяйстве и промышленности к концу войны?

ЗАУКЕЛЬ: Как мне было известно и как я припоминаю, в конце войны в Германии было 5.000.000 иностранных рабочих. Но ведь в течение войны несколько миллионов рабочих возвратилось обратно в нейтральные, союзные, западные страны, и их нужно было возместить, поэтому составлялись все время новые программы. Это следует об"яснить таким образом, что те рабочие, которые уже были в стране, будучи до моего назначения доставленными туда, правда, насчитывали 7 миллионов, но они возвращались к себе на родину в ходе войны.

АЛЕКСАНДРОВ: Значительное число погибло в результате изнурительного рабского труда. Я не это имею в виду сейчас. Вы в своих документах, очевидно, писали о реальной рабочей силе, а не о мертвецах и о несуществующих? Можете ли Вы назвать, сколько всего во время войны было ввезено в Германию из оккупированных территорий?

ЗАУКЕЛЬ: Я ведь уже назвал Вам цифры.

АЛЕКСАНДРОВ: Пять миллионов?

ЗАУКЕЛЬ: Что Вы сказали?

АЛЕКСАНДРОВ: Пять миллионов?

ЗАУКЕЛЬ: Да, пять миллионов.

АЛЕКСАНДРОВ: Вы продолжаете это утверждать?

ЗАУКЕЛЬ: Я продолжаю утверждать, что, по данным моего статистического управления и насколько я помню, в Германии было 5.000.000 рабочих и несколько миллионов рабочих возвратилось обратно, на свою родину. Специалисты могут дать более точный ответ, чем я. Некоторые заключали ведь договоры только на полгода и на три четверти года и т.д.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Ваш вопрос заключался в том, сколько всего было ввезено людей в Германию, сколько было ввезено иностранных рабочих в течение всей войны? В этом заключался Ваш вопрос?

АЛЕКСАНДРОВ: Совершенно верно, господин председатель.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Как же Вы ответили на него, свидетель?

ЗАУКЕЛЬ: Я уже сказал, что вместе с теми контингентами рабочих, которые были уже в стране до того, как я занял этот пост, и с теми контингентами, которые имелись к концу войны, общее число рабочих составляло 7 миллионов. По моим материалам под конец оставалось 5 миллионов, потому что другие вернулись обратно на родину.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да, но это не то, о чем Вас спрашивали. Вас спросили, сколько людей было ввезено в Германию из всех стран в течение всей войны. Вы сказали о том, что к концу войны их было пять миллионов, и что в предшествовавшие годы имели место постоянные изменения. Из этого вытекает, что в Германию должно было быть ввезено более, чем 5 миллионов в течение ряда лет

H1204 – 0434

H1204 – 0435

ЗАУКЕЛЬ: По моим подсчетам число их составляло семь миллионов, однако, я не могу точно указать цифру, так как мне неизвестны точные цифровые данные, существовавшие до того, как я занял этот пост. Но, определенно, миллионы людей все время возвращались на свою родину.

АЛЕКСАНДРОВ: По состоянию на 30 ноября 1942 года Вы назвали цифру ввезенной рабочей силы 7 миллионов человек. ~~По Вашим словам, за 194.. г. ... /преднамеренно пропущено цензурой/.~~

ЗАУКЕЛЬ: Да, всех используемых рабочих в Германии, включая военнопленных в 1942 году.

АЛЕКСАНДРОВ: Хорошо, включая военнопленных - 7 миллионов? Это правильно, по состоянию на 30 ноября?

ЗАУКЕЛЬ: Да, я не могу точно этого сказать без документов, возможно, что это верно.

АЛЕКСАНДРОВ: Завтра я Вам покажу документ. Сегодня ответьте на мой вопрос. Вы сказали, что за 1943 год было ввезено еще около двух миллионов.

ЗАУКЕЛЬ: За 1943?

АЛЕКСАНДРОВ: Да.

ЗАУКЕЛЬ: От полутора до двух миллионов, я уже сказал.

АЛЕКСАНДРОВ: Значит семь миллионов и два миллиона это будет девять миллионов?

ЗАУКЕЛЬ: Я ведь ясно сказал, что некоторые рабочие все время возвращались на родину и что в этот контингент я не включил военнопленных.

АЛЕКСАНДРОВ: Вы меня не понимаете. Я говорю о количестве ввезенной из оккупированных территорий рабочей силы. Для этого

12318

не имеет никакого значения, какое количество из этой рабочей силы погибло на территории Германии, какое количество убило. От этого не меняется общее количество ввезенной рабочей силы на территории Германии.

Таким образом, если на 30 ноября 1942 года в Германии находилось 7 миллионов человек, и, по Вашим словам, в 1943 году поступило еще два миллиона, а в 1944 году, как Вы здесь заявили, поступило еще 900 тысяч, то, на основании Ваших собственных слов, общее количество ввезенной рабочей силы за время войны составляло 10 миллионов. Это правильно?

ЗАУКЕЛЬ: Я могу это подтвердить только, если сошлось на то, что я не знаю, сколько рабочих было фактически ввезено до меня. По подсчетам это верно, включая всех военнопленных, которые использовались на работах. Из общего числа ввезенных гражданских рабочих нужно, однако, вычесть военнопленных.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал об"является перерыв.

/Об"является перерыв до 10.00 31 мая 1946 года/

мд 1

12319

H1204 – 0436

H1204 - 0437

-С Т Е Н О Г Р А М М А-

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 31 мая 1946 года

/Утреннее заседание/.

/Подсудимый Фриц Заукель вновь занимает место за свидетельским пультом/.

Перекрестный допрос

/Продолжение/.

ГЕНЕРАЛ АЛЕКСАНДРОВ. Подсудимый Заукель, вчера я не получил от Вас удовлетворительного ответа на вопрос о том, какое количество иностранной рабочей силы было ввезено в Германию из оккупированных территорий. Сейчас Вам передадут документ № 1296-ПС. Это - Ваш доклад от 27 июля 1942г. Кроме того, Вам передадут документ за № 1729-ПС. Это Ваш обзор по состоянию на 30 ноября 1942г. Я хочу разъяснить Вам, что в данном случае речь идет о количестве ввезенной в Германию иностранной рабочей силы, включая военнопленных. Убыль этой рабочей силы в данном случае не имеет значения, так как от этого не изменится число доставленных в Германию людей. Они были доставлены, но затем или погибли в результате непосильного рабского труда или были возвращены как нетрудоспособные. Вы получили эти документы?

ЗАУКЕЛЬ: Да. Я прошу разрешить мне просмотреть документы, речь идет о числах.

АЛЕКСАНДРОВ: Пожалуйста. В документе № ...

ЗАУКЕЛЬ. Я еще не кончил...

АЛЕКСАНДРОВ: Нет необходимости знакомиться с содержанием всех документов. В документе № 1296-ПС на последней странице доклада, в конце Вы найдете раздел 5-й. Он называется "Общая сводка". Вы нашли это?

ЗАУКЕЛЬ: Нет, я еще не нашел этого места, нет еще. Какой документ, повторите, пожалуйста.

АЛЕКСАНДРОВ: 1296-ПС. Нашли?

ЗАУКЕЛЬ: Да, я нашел это место, да.

АЛЕКСАНДРОВ: Там приводится итоговая цифра - 5.124.000 человек. Это правильно?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы сказали 12 миллионов. 12 миллионов?

АЛЕКСАНДРОВ: 5.124.000 человек.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да. Переводчик сказал 12 миллионов.

АЛЕКСАНДРОВ Это неправильно.

ЗАУКЕЛЬ. Я должен здесь категорически заявить, что в этом документе указана цифра - 5.124.000 человек. В том числе 1.576.000 военнопленных. Эти военнопленные, однако, не причислялись к гражданским рабочим и находились в распоряжении Командования сухопутных сил. Всем процессом использования их на работе ведали уполномоченные по делам военнопленных в отдельных округах.

АЛЕКСАНДРОВ: Они использовались в германской промышленности. Читайте. Название раздела 5. Читайте за мной:

"Раздел 5. Общая сводка мобилизованных в настоящее время в Германию на работу иностранных рабочих и военнопленных".

ЗАУКЕЛЬ: Да. Это правильно.

АЛЕКСАНДРОВ: Больше мне ничего не нужно. Теперь возьмите следующий документ.

H1204 - 0438

H1204 – 0439

ЗАУКЕЛЬ: Я просил бы разрешить пояснить, что военнопленных не размещали по предприятиям и последние на заботились о них, им не разрешалось также числиться и в органах германского трудового фронта, они находились в лагерях, которые подчинялись уполномоченным по делам военнопленных при военных округах. На этом основании они и не были включены в мою систему, ведавшую учетом гражданских рабочих.

АЛЕКСАНДРОВ: Относительно учета военнопленных в Вашем аппарате будут дополнительные вопросы, а сейчас меня интересует положение, сколько людей гражданских и военнопленных было занято в германской промышленности. Вы подтверждаете цифру 5.124.000 человек? Это правильная цифра или нет?

ЗАУКЕЛЬ: Для этого периода данное число правильно. Однако для того, чтобы Высокий Суд имел подлинную картину событий, я прошу дать мне возможность сослаться на один очень точный документ. Это документ 1764-ПС. Речь идет здесь снова о перечислении отдельных гражданских рабочих различных стран и военнопленных, о которых я, примерно, полгода спустя, докладывал высшим имперским партийным инстанциям в Познани; этот список был представлен фюреру и имперским инстанциям...

АЛЕКСАНДРОВ: Я должен Вас перебить.

ЗАУКЕЛЬ: Я прошу дать мне возможность окончить мое заявление, я очень прошу об этом. Я должен внести полную ясность в это дело, это долг моей совести перед миром. В феврале 1943 года, т.е. полгода спустя, как указано, на странице 7-ой этого документа № 1764, опять-таки дается точное перечисление с указанием числа 4.014 тысяч гражданских рабочих и 1.658 тысяч военнопленных. В итоге это коли-

чество весьма точное - 5.672 тысяч рабочих. То, что, несмотря на привлечение дальнейшего количества иностранных рабочих, увеличение этого количества было несущественно, можно объяснить тем, что, как я уже говорил об этом вчера, гражданские рабочие из западных, южных и юго-восточных областей, в большинстве случаев имели только трудовые соглашения, которые были действительны на полгода, что и соблюдалось, по возможности, благодаря моей заботе. Так как в противном случае, если бы я не следил за выполнением условий или настаивал бы на несоблюдении, то я бы не получал новой рабочей силы. Если я в течение полугода давал работу нескольким сотням тысяч, затем снова отказывался от них, то этого числа больше не существовало, потому что они возвращались на родину. Поэтому в империю прибыло гораздо большее количество гражданских рабочих, чем показывала итоговая цифра за какой-либо период времени. Количество возвращавшихся рабочих нужно вычесть. Их было довольно много.

Здесь имеется французский документ, отчет посланника Геммена в Париже. Мой защитник будет так добр и сообщит мне потом номер этого документа. Из него явствует, что, например, по данным не моего учреждения, а посольства в Париже, в Германию прибыло около 800 тысяч французских рабочих, однако в 1944 году в Германии осталось лишь 400 тысяч человек, поскольку сроки договоров, заключенных на определенный период времени, ежедневно истекали и тысячи рабочих ежедневно уезжали. Таким образом, в этот промежуток времени одна половина договоров все время посменно оканчивалась, другая половина - заключалась заново. Это самое краткое и правдивое изложение вопроса, которое я только мог сделать.

12323

H1204 – 0440

H1204-0441

АЛЕКСАНДРОВ: По поводу того, что представляли собой трудовые договоры, так называемые трудовые договоры, я буду говорить с Вами позже. Мой французский коллега во время Вашего допроса достаточно показал те преступные методы, при помощи которых осуществлялась мобилизация рабочих на Западе. О том, как это делалось на Востоке, я покажу Вам несколько позже. Сейчас я хочу, чтобы Вы подтвердили цифру Вашего доклада 5.124.000 тысячи человек, это правильная или неправильная цифра, без излишних объяснений? От Вас требуется только сказать - правильная эта цифра или нет.

ЗАУКЕЛЬ: Она правильна для того периода, о котором идет речь, но она постоянно изменялась по указанным мною причинам.

АЛЕКСАНДРОВ: Эта цифра от 24 июля 1942 года, это ясно всем. Теперь возьмите второй документ 1739-ПС. Последняя страница документа 1739-ПС. Там есть такая фраза: "Только тогда можно быть уверенным, что громадное число иностранных рабочих и работниц на территории империи, которое достигло 7 миллионов, включая всех работающих военнопленных, принесет наивысшую пользу германскому военному хозяйству". Такая фраза есть там? Указывается там цифра 7 миллионов?

ЗАУКЕЛЬ: Здесь указывается число 7 миллионов; сюда включены и те военнопленные, которые использовались на работах; в тот период на работах было использовано...

АЛЕКСАНДРОВ: Это мне известно, это здесь написано. Я спрашиваю, цифра 7 миллионов фигурирует в этом докладе или нет?

ЗАУКЕЛЬ: Да, конечно, она указана в этом документе.

АЛЕКСАНДРОВ: Это правильная цифра?

ЗАУКЕЛЬ: Это правильная цифра, и я прошу Суд разрешения огласить два последующих предложения, потому что Вы инкриминируете мне применение преступных методов. Я с своей стороны приложил все свои силы и использовал все свое влияние, чтобы предотвратить применение преступных методов. Это можно доказать двумя следующими предложениями, которые я зачитаю. Здесь говорится...

АЛЕКСАНДРОВ: Я вынужден Вас перебить снова.

ЗАУКЕЛЬ: На основании предоставленного мне Судом права, я прошу разрешить мне прочитать оба эти предложения и дать следующее объяснение... истощенные... наполовину...

АЛЕКСАНДРОВ: Подсудимый Заукель...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Пусть он прочтет те два предложения, которые он хочет прочесть.

АЛЕКСАНДРОВ: Они не имеют никакого отношения к вопросу о количестве ввезенной в Германию рабочей силы и, если в таком порядке...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: У меня нет перевода этих документов и поэтому я не могу об этом судить. Я хочу, чтобы он прочел это предложение.

АЛЕКСАНДРОВ: Пожалуйста, прочитайте.

ЗАУКЕЛЬ: "...например наполовину почти отчаявшиеся восточные рабочие скорее стали бы балластом для германского хозяйства, чем принесли бы пользу.

"Моим постоянным стремлением является выяснение всех предпосылок, существующих во всех заинтересованных инстанциях, вплоть до предприятий" - должен добавить, что эти последние находились вне пределов моей компетенции.

Оглашая оба эти предложения, я хотел показать ту добро-

H1204 - 0442

H1204 – 0443

совестность, с которой я от души стремился разрешить возложенную на меня трудную задачу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Подсудимый, может быть, Вы будете добры отвечать на вопрос и давать объяснения только тогда, когда это необходимо для разъяснения ответа. Вас спросили лишь правильна ли цифра 5.124.000, указанная в первом документе, и правильна ли цифра 7 миллионов, указанная во втором документе, и Вы ответили, что обе эти цифры правильны. Продолжайте, пожалуйста, генерал.

ЗАУКЕЛЬ: Я уже ответил, что это верно, что в этом документе приводится цифра 7 миллионов...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хорошо, мы не хотим дальнейших объяснений.

АЛЕКСАНДРОВ: Я прекрасно понимаю, что Вы не заинтересованы в увеличении этих страшных цифр, хотя бы даже на единицы, не говоря уже о миллионах. Вчера Вы заявили, что в 1943 году дополнительно поступило в Германию иностранных рабочих около 2 миллионов человек и в 1944 г. еще 900 тысяч человек.

ЗАУКЕЛЬ: Я должен здесь внести чрезвычайно важные исправления. Я этого не говорил. Правильно, что с июля 1942 года до конца 1943г. в Германию прибыло около двух миллионов иностранных рабочих. Это число относится не только к 1943 году. Например, с февраля 1943 года до конца 1943 г. в Германию прибыл всего один миллион рабочих, так как у нас были в то время большие трудности. Но, примерно, с июля 1942 г. по конец 1942г. прибыло полтора миллиона рабочих. Таким образом, в течение одного с половиной года добавилось около двух миллионов рабочих к тому количеству, которое было впервые названо вчера.

АЛЕКСАНДРОВ: Сколько Вы получили в 1942 году известно. Вчера Вы четко заявили о том, что в 1943г. в Германию поступило около двух миллионов рабочих. Это правильно? Я имею в виду 1943 год.

ЗАУКЕЛЬ: Если я вчера и сказал так,-я этого точно не помню,- то это неправильно. Правильно то, что примерно с июля 1942г. до конца 1943 года в Германию было отправлено два миллиона иностранных рабочих.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Генерал, Трибунал не интересует точное число тех иностранных рабочих, которые были ввезены в Германию. Нам кажется, что большой разницы не составляет, было ли ввезено в Германию пять, шесть или семь миллионов рабочих. Очень трудно следить за цифрами.

АЛЕКСАНДРОВ: Я не собирался с математической точностью устанавливать количество вывезенных в Германию иностранных рабочих. Но иметь представление о масштабе этих преступлений, мне кажется, совершенно необходимо. Поэтому я и добивался от подсудимого Заукеля установить, какое же количество за время войны было вывезено в Германию.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я только что сказал Вам, что Трибунал не считает это важным. Вы заявили, что Вы не собираетесь с математической точностью устанавливать количество рабочих, однако, мы уже слишком много времени потратили на попытки сделать это.

АЛЕКСАНДРОВ: Это объясняется тем, что подсудимый Заукель не объясняет четко те вопросы, которые ему ставятся.

Скажите, подобные методы ведения войны, а именно - массовый угон в рабство мирного населения оккупированных

H1204 – 0444

H1204 – 0445

территорий - Вы считаете правомерными и соответствующими правилам и обычаям войны и общечеловеческой морали?

ЗАУКЕЛЬ: Я считаю рабство и угон в рабство недопустимыми. Я прошу о разрешении к этому ясному ответу добавить следующее заявление. Я лично был твердо убежден, что это не было преступлением...

АЛЕКСАНДРОВ: Не уходите от ответа.

ЗАУКЕЛЬ: Я не ухожу от ответа, я хочу, я имею право дать пояснение к моему ответу. Ответ мной дан.

АЛЕКСАНДРОВ: Отвечайте прямо.

ЗАУКЕЛЬ: Для моей защиты необходимо...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Одну минуту. Генерал, Вы спросили подсудимого, считал ли он эти методы честными. Пусть он отвечает на этот вопрос так, как он хочет.

Вопрос не заключается в том, являлись ли сами эти методы честными. Подсудимому дается право ответить на поставленный ему вопрос, как ему угодно.

ЗАУКЕЛЬ: После данного мной ясного ответа, сводившегося к тому, что я, совершенно добросовестно, не мог считать, что совершал преступление, я прошу разрешения огласить в качестве доказательства следующие два принципиальных указания, данных мной подчиненным мне учреждениям и предприятиям для обязательного выполнения. Это документ "Заукель-86", 3-я книга документов. Я цитирую:

"Мы имеем дело (не) с вещами материального порядка, - а я подчеркиваю это еще раз,- мы имеем дело с людьми, с многими миллионами людей, из которых каждый в отдельности,-желаем мы этого или нет,- как немецкий, так и иностранный рабочий, со своей точки зрения, критикует нас. Но производительность труда человека, будь это наш соотечественник /т.е. немец/

или не соотечественник /т.е.иностранец/, враг или друг Германии,- всегда будет зависеть от того, признает ли он внутренне, что с ним обращаются справедливо, или он приходит к убеждению, что к нему относятся несправедливо!

"Будьте справедливы" - Я хочу добавить, что таково было указание моим учреждениям. "Перед вами встает много вопросов и вы не всегда сможете на них ответить, если будете руководствоваться только моими распоряжениями, законодательным бюллетенем /гезетцблатт/ или имперскими трудовыми ведомостями /рейхсарбейтсблатт/.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Мы не хотим заслушивать большую речь по вопросу такого рода. Я хочу сказать, что Вы, вероятно, не хотите зачитывать снова все те инструкции, которые Вы давали Вашим подчиненным.

ЗАУКЕЛЬ: Нет, Ваша честь, я хотел бы зачитать еще только два предложения. "Жизнь рабочего настолько богата, что описание ее нельзя уложить даже в большое количество объемистых томов. Однако, в сердце каждого человека есть чувство, подсказывающее ему: здесь с тобой обошлись благожелательно и справедливо..."

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Подсудимый, этого достаточно. Мы уже достаточно слышали об этом.

АЛЕКСАНДРОВ. Подсудимый Заукель, в июне 1944 года у Гитлера происходило совещание по вопросу, как поступить с иностранными рабочими в случае дальнейшего успешного наступления союзных войск. Вам известно что-нибудь об этом совещании.

ЗАУКЕЛЬ: Разрешите мне попросить Вас еще раз повторить дату.

H1204 – 0446

H1204 – 0447

АЛЕКСАНДРОВ: Я спрашиваю о совещании, которое происходило у Гитлера в июле 1944 года. Вы знаете что-нибудь об этом совещании или нет?

ЗАУКЕЛЬ: Я не помню точно. Я прошу предъявить мне документ. Я не могу припомнить заседения, которое имело место в июле, так как примерно с 20 июня 1944 года я больше не имел доступа к Фюреру по моим вопросам.

АЛЕКСАНДРОВ: Этого достаточно. Значит Вы об этом совещании не знали.

Скажите, для каких целей использовался ввоз в Германию рабочей силы? Она предназначалась, прежде всего, для использования в промышленности вооружения и боеприпасов? Это правильно?

ЗАУКЕЛЬ: Рабочие привозились в Германию для использования в военной промышленности. Военная промышленность - это очень широкое понятие и его нельзя отождествлять с промышленностью, изготовляющей вооружение и боеприпасы. В систему военной промышленности было включено также всевозможное производство другой продукции, начиная от спичек и кончая пушками - то, что так или иначе относилось к снабжению армии. Таким образом это широкое понятие следует ограничить, выделив производство вооружения и боеприпасов.

Кроме того, рабочие привозились в Германию для использования их во всех других отраслях гражданской экономики, как-то: в сельском хозяйстве, горном промысле, ремесленных предприятиях и т.д. Все это имело значение для войны. Мы провели три разграничения: 1/ экономика военного времени, т.е. вся германская экономика во время войны; 2/ военная экономика, в которую входило ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Подсудимый, мы не хотим слушать лекцию по этому вопросу. Вас спросили только, были ли эти рабочие ввезены в Германию для использования в военной промышленности.

ЗАУКЕЛЬ: Частично.

АЛЕКСАНДРОВ: Я хочу, чтобы Вы ответили, использовалась ли ввозившаяся в Германию иностранная рабочая сила главным образом в военной промышленности Германии, для военных целей? Это правильно или нет? /Пауза/. Я имел ввиду в широком понимании.

ЗАУКЕЛЬ: Да, в широком понимании это правильно, если считать всю германскую экономику во время войны.

АЛЕКСАНДРОВ: Таким образом, использование ввезенной рабочей силы было подчинено целиком и полностью целям ведения Германией агрессивной войны? Вы это признаете?

ЗАУКЕЛЬ: Это слишком много. Принимая во внимание мое мировоззрение и то, как я тогда действовал и как мог действовать, я должен исключить слово "агрессивной".

АЛЕКСАНДРОВ: А Вы отвечайте короче, если Вам это кажется далеко. Вы скажите: признаете Вы или нет?

ЗАУКЕЛЬ: Я уже ответил.

АЛЕКСАНДРОВ: Ваша роль организатора массового угона в рабство мирного населения оккупированных территорий достаточно выяснена. Теперь я хочу перейти к выяснению роли в этом деле отдельных министерств. Перечислите, какие министерства и другие правительственные органы гитлеровской Германии принимали непосредственное участие в проведении мероприятий по мобилизации и использованию иностранной рабочей силы. О министерстве оккупированных территорий, министерстве вооружения, об ОКВ здесь уже упоминалось и о них не следует говорить. Перечислите.

H1204-0448

H1204-0449

ЗАУКЕЛЬ: Господин Обвинитель, в схеме, предъявленной также и Вашей делегации, наряду с небольшими ошибками, которые в ней имеются, есть еще ошибки чертежника... готового чертежа я не видел, но мне кажется, что чертеж в своем первоначальном виде,- так,как он был мне предоставлен, сделан чертежником в основном верно. Нужно только исправить эти небольшие неточности и ошибки и перед нами будет схема, которая даст самое лучшее объяснение.

АЛЕКСАНДРОВ: Вам защитник заявлял здесь, что эта схема не является достаточно точной. Именно поэтому я и задаю Вам свой вопрос и прошу Вас перечислить, какие министерства и другие правительственные органы гитлеровской Германии имели непосредственное отношение к мобилизации и использованию иностранной рабочей силы, за исключением тех, которые я Вам уже назвал?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Генерал, он сказал, что эта схема в основных чертах правильна, что там нужно внести только одно незначительное изменение. Этого для нас достаточно.

АЛЕКСАНДРОВ: Господин Председатель, защитник подсудимого Заукеля сам заявил, что в этой схеме имеется ряд неточностей. Но я постараюсь облегчить эту задачу. Скажите, какое отношение к этому вопросу имело министерство иностранных дел?

ЗАУКЕЛЬ: Министерство иностранных дел имело к этому делу следующее отношение: оно должно было устанавливать связь в тех странах, где осуществляли свою деятельность посольства, консульства или германские делегации. Тогда переговоры велись под председательством главы этого посольства или делегации.

Министерство иностранных дел всегда прилагало усилия к тому, чтобы эти переговоры проводились в надлежащей форме и соответствующим порядком.

АЛЕКСАНДРОВ: 4 января 1944 года у Гитлера происходило совещание. Это - документ 1292-ПС. В пункте 4 протокола этого совещания записано: "Генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы должен до проведения своих мероприятий связаться с имперским министром иностранных дел..."

Что имелось в виду в данном случае?

ЗАУКЕЛЬ: В данном случае это означало, что если мне нужно было вести переговоры с французским или итальянским правительством, то я должен был предварительно связаться с имперским министром иностранных дел.

АЛЕКСАНДРОВ: После этого совещания, которое происходило у Гитлера 4 января 1944 года, а именно 5 января того же года, Вы обратились с письмом к Ламмерсу и поставили там вопрос о необходимости издания специального приказа по результатам совещания, с тем, чтобы обязать оказывать Вам содействие следующие инстанции /я их перечислю Вам/: рейхсфюрера СС, министра внутренних дел, министра иностранных дел, фельдмаршала Кейтеля, министра оккупированных восточных территорий Розенберга, рейхскомиссаров, генерал-губернатора и других.

Вы помните это Ваше письмо?

ЗАУКЕЛЬ: Я помню это письмо, но не во всех деталях. Я прошу предъявить его мне.

/Заукелю вручают документ/.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Какой номер этого документа, генерал?

АЛЕКСАНДРОВ: 1292-ПС, господин Председатель. Это страница 6-я русского текста.

H1204 - 0450

H1204 – 0451

ЗАУКЕЛЬ: Да, на последней странице? Позвольте узнать, правильно ли это?

АЛЕКСАНДРОВ: Значит, Вы считали, что все эти органы должны были в той или иной мере участвовать в проведении мероприятий по вербовке и использованию рабочей силы. Это правильно?

ЗАУКЕЛЬ: Это правильно, и я прошу разрешить мне сделать по этому поводу следующее заявление. Естественно, что я, находясь на своем посту, не мог делать чего-либо без ведома высших имперских органов. Это доказывает, что я прилагал усилия для того, чтобы работать корректно, не действовать стихийно в империи или в других областях.

АЛЕКСАНДРОВ: Я хочу у Вас выяснить: в проведении мероприятий гитлеровского правительства по угону в рабство населения оккупированных территорий, помимо Вас, активно участвовала почти вся государственная машина гитлеровской Германии и партийный аппарат НСДАП? Это правильно?

ЗАУКЕЛЬ: Я возражаю против слова "угон" и прошу во время повторного допроса заслушать по этому поводу моего защитника.

АЛЕКСАНДРОВ: Дело не в слове, Вы отвечайте - правильно это или нет.

ЗАУКЕЛЬ: Это слово имеет большое значение.

АЛЕКСАНДРОВ: Участвовал ли весь государственный аппарат в этом деле или нет?

ЗАУКЕЛЬ: На этот вопрос я должен ответить отрицательно, если он поставлен в такой форме.

АЛЕКСАНДРОВ: От Вас другого ответа и не требуется.

ЗАУКЕЛЬ: Я хочу сделать заявление по этому вопросу. Учетом рабочей силы, а также контролем за выполнением обязательств согласно немецким законам ведал соответствующий ком-

петентный во всех этих вопросах начальник областной администрации рейхскомиссариата и т.п., так как, я подчеркиваю это,- я не мог издавать законов, не имел на это права, и не мог вмешиваться ни в какие функции управления; этого не может быть ни в одной стране мира, ни при одной государственной системе.

АЛЕКСАНДРОВ: Да, но Вы были обязаны координировать деятельность всех правительственных органов Германии. Это было на Вас возложено?

ЗАУКЕЛЬ: Не координировать, а информировать и просить от случая к случаю сотрудничества по тем вопросам, которые входили в компетенцию этих органов.

АЛЕКСАНДРОВ: Это не совсем так. Я не хотел затрагивать этого вопроса, но сейчас я должен к нему вернуться, потому что Вы несколько умаляете свою роль в этом деле.

ЗАУКЕЛЬ: Я прошу разрешить мне высказать возражение по поводу слова "умалять". В мои функции в империи входило распределение и регулирование рабочей силы, это было моей главной задачей. Нужно было охватить, включая сюда также и германских рабочих, всего 30 миллионов человек. Значение этой задачи я не хочу умалять и в данном случае я сделал все, что от меня зависело, чтобы организовать эту массу таким образом, как этого требовали возложенные на меня обязанности. Этой роли я не умаляю; это была моя задача и обязанность по отношению к моему народу.

АЛЕКСАНДРОВ: Нет нужды полемизировать по этому вопросу, когда гораздо проще обратиться к документу. Сейчас Вам передадут приказ Геринга.

ЗАУКЕЛЬ: Я прошу Вас извинить меня, может быть, Вы меня неправильно поняли. Я не собираюсь здесь полемизировать, я

H1204 – 0452

H1204 – 0453

лишь прошу, чтобы мне разрешили внести ясность в вопрос, каковы были мои взгляды на службу и каковы были мои служебные обязанности, провести это разграничение является моей сугубо личной задачей.

АЛЕКСАНДРОВ: Это ясно видно из приказа Геринга от 27 марта 1942 года. Это документ СССР-365, Вам его сейчас передадут. Я приведу из него короткую выдержку, из которой будет ясно, какими правами Вы были облечены.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Какой это номер документа?

АЛЕКСАНДРОВ: 365-СССР.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: У этого документа есть номер ПС?

АЛЕКСАНДРОВ: Нет, это документ СССР. /Обращается к подсудимому Заукелю/. Прочитайте пункт 4-й, там написано: "Генеральный уполномоченный по распределению рабочей силы пользуется для решения своих задач предоставленным мне фюрером правом отдавать распоряжения высшим имперским инстанциям, подчиненным им учреждениям, а также органам партии, ее составным частям и примыкающим к ней организациям, рейхспротектору, генерал-губернатору, военачальникам и руководителям гражданских учреждений".

Вот что написано в пункте 4"ом этого приказа. Я считаю, исходя из этого приказа, что Вы наделены, как генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы, чрезвычайными полномочиями. Правильно это или нет?

ЗАУКЕЛЬ: Это правильно. Я осмеливаюсь на это заметить, что это ограничивалось лишь моей специальной областью. Я хотел бы огласить следующее предложение: "Распоряжения и директивы, имеющие принципиальное значение, необходимо предварительно предъявлять мне". И я бы хотел указать на то, что мои уполномоченные позднее, осенью, были ограничены в правах.

Об этом может дать показание свидетель.

АЛЕКСАНДРОВ: Я говорю не о Ваших уполномоченных, Ваши права четко определены приказом Геринга. Об этом говорится в пункте четвертом.

Теперь перечислите, кто из подсудимых совместно с Вами, каждый непосредственно в своей области участвовал в проводимых Вами мероприятиях по угону в рабство населения оккупированных территорий и использованию его в Германии. Назовите по порядку. Подсудимый Геринг участвовал в этих преступлениях, как Ваш непосредственный начальник и руководитель?

ЗАУКЕЛЬ: Я должен категорически возразить против этого: мне в голову не могла прийти мысль, что при наличии упорядоченной вербовки и законных распоряжений, на основании которых были введены служебные обязательства, имел место угон населения на работу. Я протестую против этого. Мне не приходилось прибегать к подобного рода мерам, которые применяют в отношении заключенных, наоборот, я ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: /прерывая/ Вас спросили, участвовал ли подсудимый Геринг вместе с Вами во ввозе рабочих в Германию. Мне кажется, что Вы, по существу, вовсе не отвечаете на этот вопрос.

ЗАУКЕЛЬ: Что касается ввоза иностранных рабочих, то я по этому вопросу был непосредственно подчинен рейхсмаршалу великой Германской империи.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Почему же Вы не сразу отвечаете на вопрос?

АЛЕКСАНДРОВ: Таким образом, подсудимый Геринг участвовал в проведении этих мероприятий?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Генерал Александров, если Вы хотите задать вопрос подобного рода, мне кажется, что было бы гораздо

H1204 – 0454

H1204 - 0455

лучше, если бы Вы не характеризовали подобный факт, как преступление. Если Вы хотите выяснить, принимал ли подсудимый Геринг участие в работе подсудимого Заукеля, Вы можете спросить об этом, не называя эти факты преступлением, и тогда, пожалуй, подсудимому легче будет отвечать на Ваши вопросы.

АЛЕКСАНДРОВ: Подсудимый Риббентроп участвовал в осуществлении этого мероприятия по дипломатической линии и санкционировал нарушение международных договоров и конвенций в части использования иностранной рабочей силы и военнопленных в германской промышленности?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: /прерывая Опять таки, эти подсудимые говорят, что нарушение международных прав не имело место, Вам следовало бы спросить подсудимого, принимал ли участие подсудимый Риббентроп вместе с ним в проведении этих мер настолько, насколько это было связано с дипломатией?

АЛЕКСАНДРОВ: Сейчас я спрашиваю, какое отношение имел подсудимый Риббентро к мобилизации рабочей силы и хочу получить ответ на этот вопрос от подсудимого Заукеля.

ЗАУКЕЛЬ: Роль, которую играл подсудимый Риббентроп, заключалась в том, что он был посредником при переговорах с иностранными государственными деятелями и с иностранными служебными инстанциями в оккупированных областях, а также в нейтральных и дружественных иностранных государствах. Он придавал большое значение тому, чтобы эти переговоры велись в корректной форме и чтобы для рабочих были созданы по возможности самые лучшие условия.

АЛЕКСАНДРОВ: Об этом я Вас спрошу несколько позже, когда буду задавать вопрос, связанный с использованием военнопленных в германской промышленности, а сейчас Вы мне ответьте,

какое отношение имел к этому мероприятию подсудимый Кальтенбруннер.

ЗАУКЕЛЬ: При обсуждении этого вопроса я видел подсудимого Кальтенбруннера только один единственный раз в 1944 году, сейчас я не помню точно дати, на одном заседании в имперской канцелярии вместе с министром Ламмерсом. Помимо этого я не имел с Кальтенбруннером никаких переговоров и никакой договоренности по вопросам использовании рабочей силы.

АЛЕКСАНДРОВ: Подсудимый Кальтенбруннер предоставлял какие-нибудь полицейские силы для осуществления вербовки иностранных рабочих?

ЗАУКЕЛЬ: Я уже неоднократно подчеркивал, что вербовка рабочей силы не входила в задачи полиции. Я должен буду попросить моего защитника предъявить соответствующие инструкции, которые имеются в большом количестве. По ним мы можем судить о том, что разделение задач между полицией и моим управлением было бесспорно ясное и четкое.

АЛЕКСАНДРОВ: Участвовала полиция в проведении этого мероприятия или нет? Я не ставлю сейчас упрека Вам.

ЗАУКЕЛЬ: По моему мнению, полиция принимала участие только в некоторых областях, где партизаны делали проведение административных мероприятий невозможным. Только в одной лишь Белоруссии партизанами было убито 1.500 бургомистров. Это видно из документов.

АЛЕКСАНДРОВ: Разве вербовка даже в нормальных условиях не проводилась полицейскими методами? Вам об этом ничего не было известно?

ЗАУКЕЛЬ: То, что мне об этом известно, я Вам скажу совер-

H1204 – 0456

H1204-0457

менно точно. В Европе в оккупированных областях - я имел в виду, примерно, территорию районов или департаменты полевой комендатуры, то-есть то, что мы, с точки зрения административного деления Германии, называем округом - было примерно 1.500 органов, которые были укомплектованы местными и частично германскими чиновниками. Кроме того, на одной лишь территории советских областей в этих учреждениях была занята, примерно, тысяча русских рабочих, уже побывавших на работе в Германии, которые занимались вербовкой рабочей силы. Если каждое из этих учреждений, обслуживавшее район, соответствующий германскому округу - примерно 40-70 тысяч жителей, - ежедневно находило и проверяло по 5 ... человек, то это за год составило бы уже два миллиона человек. Такова довольно ясная картина административного управления, как я осуществлял инструктаж, организацию и выполнение задач, поскольку это было возможно при данном административном порядке.

АЛЕКСАНДРОВ. Вы даете излишне пространные объяснения и при этом условии допрос чрезвычайно затянется. Я считаю необходимым, чтобы Вы отвечали коротко, на это есть возможность, так как я достаточно четко задаю Вам вопросы.

ЗАУКЕЛЬ: Я прилагаю все усилия, чтобы отвечать возможно короче. К сожалению, специальные вопросы всегда отличаются сложностью и требуют комментариев. Я и сам чувствую затруднения.

АЛЕКСАНДРОВ: Сейчас отвечайте, какое участие принимал подсудимый Кальтенбруннер в осуществлении мероприятий по мобилизации рабочей силы? Принимал он участие в этих мероприятиях?

ЗАУКЕЛЬ: Я уже дал Вам ответ на это.

АЛЕКСАНДРОВ: Я не понял, принимал или не принимал.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Простите, он сказал, что он встречал Кальтенбруннера только один раз и что на полиции не лежало обязанности производить набор рабочей силы. Так он сказал.

АЛЕКСАНДРОВ: Не обязательно увеличивать количество встреч для того, чтобы Кальтенбруннер участвовал в проведении этого мероприятия. Для этого ему не нужно встречаться систематически с Заукелем.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я не хочу, чтобы Вы со мной спорили; я сказал Вам в чем заключался ответ подсудимого. Это был ответ на Ваш вопрос.

АЛЕКСАНДРОВ. Я не спорю, я просто даю Вам объяснение о проведении этого вопроса.

Относительно Розенберга я Вам не буду задавать вопроса, потому что сам подсудимый дал достаточный ответ на допросе его моим коллегой американским обвинителем Доддом. Сейчас скажите, какое участие принимал в проведении этого мероприятия подсудимый Фрик?

ЗАУКЕЛЬ: Подсудимый Фрик в свою бытность имперским министром внутренних дел вряд ли принимал участие в этом вопросе. Я точно не помню, как долго он находился на этом посту. Насколько я помню, я обсуждал с министерством внутренних дел необходимые законы, касающиеся немецких рабочих, которые должны были издаваться в пределах Германии, а также действующие законы. Никакого иного участия в этом деле он не принимал, так как перед ним стояла другая задача.

АЛЕКСАНДРОВ: Речь идет именно об иностранной рабочей силе и не случайно Вы в своем письме Ламмерсу, после совещания у Гитлера 4 января 1944 года, в числе инстанций, которые должны оказывать Вам содействие, назвали министра внутренних дел.

H1204 – 0458

H1204 - 0459

Поэтому я и хочу, чтобы Вы сообщили, в чем состояла роль подсудимого Фрика в осуществлении этих мероприятий. Вы же сами просили содействия министерства внутренних дел. Так в чем должно было выражаться это содействие?

ЗАУКЕЛЬ: К моему величайшему личному огорчению тогда министром внутренних дел, насколько я помню, был уже не имперский министр Фрик, а Гиммлер.

АЛЕКСАНДРОВ: Какое содействие должен был Вам оказывать министр внутренних дел?

ЗАУКЕЛЬ: Само собой разумеется, что в государстве при любой системе как внутренняя администрация, так и общая должна быть осведомлена о всем происходящем и участвовать во всех событиях, которые вызывают необходимость в большом количестве приказов, и особенно это относится к области распределения труда, представляющей собою широкую сферу деятельности. Я вообще не мог и не имел соответствующих полномочий для того, чтобы издавать распоряжения законодательного характера, я должен был представлять их совету министров по имперской обороне. Я мог лишь давать деловые распоряжения и директивы; это - нечто совсем иное.

АЛЕКСАНДРОВ: Подсудимый Функ, как министр экономики, и подсудимый Шпеер, как министр вооружения и боеприпасов, были основными посредниками между промышленниками и Вами, как поставщиком рабочей силы. Это правильно?

ЗАУКЕЛЬ: В конце Вашего предложения Вы сделали весьма неправильные выводы. Я был ... Они не были посредниками между мной и промышленностью, а, наоборот, промышленность была подчинена министерству вооружения. /В течение этих лет был отдан ряд личных распоряжений/. Мне не нужно было вести перего-

воры с промышленниками. Промышленности требовалась рабочая сила, и она получала ее так же как и сельское хозяйство.

АЛЕКСАНДРОВ: Скажите, какое участие в этих мероприятиях принимали подсудимые Функ и Шпеер? Не нужно пространных объяснений, ответьте очень коротко.

ЗАУКЕЛЬ: Оба эти министра были начальниками предприятий, относившихся к самым различным областям германского хозяйства, находившихся в ведении их министерств. Они получали рабочих; и на этом мои функции заканчивались.

АЛЕКСАНДРОВ. Понятно.

Дальше. Подсудимые Франк, Зейсс-Инкварт и Нейрат принимали участие в осуществлении мероприятий по мобилизации рабочей силы на тех территориях, которые им подчинялись? Я имею ввиду Польшу, Голландию, Чехию и Моравию. Это правильно?

ЗАУКЕЛЬ: Эти господа в рамках полномочий, которыми они были наделены в этих областях, поддерживали меня при издании приказов и законов и сами придавали большое значение тому, чтобы эти приказы и законы проводились надлежащим образом с соблюдением всех правил человечности.

АЛЕКСАНДРОВ: Какова была роль подсудимого Фриче?

ЗАУКЕЛЬ: Этого я не могу Вам сказать. Господина доктора Фриче я видел в Германии только один единственный раз мельком, это было, кажется в начале 1945 года. Я ни разу не говорил с ним о своих задачах. Я не знаю также, имел ли он какое-либо отношение к ним. Могу лишь сказать, что я неоднократно обращался в министерство пропаганды с просьбой о распространении моих указаний и директив, содержащихся в книгах документов, которые уже предоставлены или будут предоставлены Суду моим за-

H1204 – 0460

H1204 - 0461

щитником. Это относилось, в частности, к промышленности и к другим отраслям, получавшим этих рабочих.

АЛЕКСАНДРОВ: Теперь остался отсутствующий здесь подсудимый. Это Борман. Какова была его роль? Он ведь предоставил в Ваше распоряжение весь партийный аппарат НСДАП?

ЗАУКЕЛЬ: Нет, этого он не сделал. В моем распоряжении были гаулейтеры, директивы и документы, которые я давал гаулейтерам; из них здесь представлено, кажется, три документа и вообще их было немногим больше. В них шла речь о том, что я должен был обращаться за помощью к партии и проявить должную заботу о рабочих, предоставив им в отношении обслуживания, питания и обмундирования все необходимое для человека при существовавших тогда военных условиях. Такова была роль партии, поскольку ей пришлось выступить в защиту моих интересов, т.е. осуществлять контроль в пользу иностранных и германских рабочих, занятых на предприятиях в Германии. В остальном же партия никакого отношения ко мне не имела. Кроме того и я не охотно допускал вмешательство в мои дела посторонних учреждений.

АЛЕКСАНДРОВ: Это неправильно. Я напомню Вам программу по использованию рабочей силы, которая была издана в 1942 году. Это документ 365, там написано, что гаулейтеры назначаются Вашими уполномоченными по вопросу о рабочей силе и они используют эту рабочую силу.

ЗАУКЕЛЬ: Где об этом говорится? Мои уполномоченные не могли назначаться мной.

АЛЕКСАНДРОВ: Сейчас Вам покажут. Я не цитирую этот пункт, а привожу только его содержание, смысл этого пункта и там на-

писано, что гаулейтеры используют в своих областях подчиненные им партийные органы. Из этого я делаю вывод в отношении проведения этих мероприятий, что в них принимали участие весь партийный аппарат.

ЗАУКЕЛЬ: Здесь этого нет, господин Обвинитель.

АЛЕКСАНДРОВ: Нашли?

ЗАУКЕЛЬ: Да. Но здесь преследовалась та цель, о которой я говорил. Я попросил бы Вас зачитать абзац дальше.

АЛЕКСАНДРОВ: Прочтите его сами.

ЗАУКЕЛЬ: "Я благодарю Вас. Руководители высших государственных и экономических управлений, ответственные за подвластные им области, должны были давать гаулейтерам советы и информировать их по всем важнейшим вопросам использования рабочей силы" /Арбейтсейнзац/. Конечно в рамках их служебных функций. Дальше перечислены эти последние: "Председатель трудового управления провинции" - это не партийная, а государственная инстанция. "Представитель рабочих" - это не партийная, а государственная инстанция, "руководитель крестьянской организации провинции" - это опять-таки не партийная, а государственная инстанция; "областной советник по экономическим вопросам" - это партийная инстанция...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Следите за светом, пожалуйста, чтобы быть уверенным в том, что переводчики успевают за Вами.

ЗАУКЕЛЬ: Прошу извинения, Ваша честь. "...областной руководитель германского трудового фронта" - орган германского трудового фронта; "руководство областной женской организации..."

АЛЕКСАНДРОВ: Все понятно, не нужно перечислять. Я обращаю Ваше внимание на пункт 6-й, обратитесь к нему. Там прямо написано про гаулейтеров, как об уполномоченных по рабочей

H1204 - 0462

H1204 – 0463

силе, что они используют в своих областях подчиненные им партийные учреждения. Это написано?

ЗАУКЕЛЬ: Да.

АЛЕКСАНДРОВ: Дальше перечисляется, каким путем они проводят эту работу, через какие учреждения, через какие силы. Из этого пункта, где говорится, что они используют подчиненные им партийные учреждения, я делаю вывод, что в этих мероприятиях участвовал весь партийный аппарат НСДАП, и хочу получить от Вас ответ - да или нет.

ЗАУКЕЛЬ: Нет. Разрешите мне объяснить это "нет"? В Вашем первом возражении Вы сказали, что мое изложение не совсем правильно. Однако, я должен подтвердить то, что партия прилагала все усилия для того, чтобы всевозможные мероприятия в смысле обеспечения германских и иностранных рабочих проводились с наибольшей пользой для них. Приведенные здесь служебные инстанции партии выполняли задачи только в этом духе, они не могли иметь других задач. И мне, как бывшему рабочему, было очень важно проявить к этим рабочим как германским, так и иностранным при учете военной обстановки максимум заботы. Отсюда это введение, а не какое-нибудь иное. Таким образом, мой ответ был совершенно правилен.

АЛЕКСАНДРОВ: Областные руководители гитлеровской молодежи также участвовали в этих мероприятиях?

ЗАУКЕЛЬ: Областные руководители гитлеровской молодежи принимали в них участие с целью проявления заботы о молодежи и защиты ее прав. Это можно сказать о Ширахе и бывшем впоследствии его заместителем Акмане. Они старались предотвратить опасность, которая могла угрожать молодежи. Таковы были за-

дачи гитлеровской молодежи, включая сюда также иностранную молодежь, которая использовалась на работах в Германии. Я должен особенно подчеркнуть.

АЛЕКСАНДРОВ: Вы лично сами одобряли политику гитлеровского правительства, направленную на угон в рабство населения оккупированных территорий с целью обеспечения ведения агрессивной войны? Одобряли Вы эту политику?

ЗАУКЕЛЬ: Я вижу в Вашей постановке вопроса обвинение. Я лично неоднократно подчеркивал, что я не был политическим деятелем ни в области внешней политики, ни в области внутренней... Я хотел сказать, военной политики. Я получал задания и приказы; и я пытался, как немец, выполнять эти задания корректно, как только мог, перед моим народом и правительством, так как мне было ясно, что от выполнения их зависела судьба моего народа. С таким сознанием я работал, и признаю, что я прилагал все свое умение для того, чтобы выполнять порученное в той форме, как я об этом здесь говорил. Я считал это своим долгом и должен это здесь признать.

АЛЕКСАНДРОВ: Для характеристики Вашего личного отношения к этим преступлениям я напомню Вам несколько Ваших собственных высказываний. Это из документа СССР-365. Это программа по использованию рабочей силы на 1942 год, страница 9. Сейчас Вам покажут то место, которое я процитирую. /Предъявляет документ свидетелю/. Я читаю: "Я прошу Вас верить мне, как старому и фанатичному национал-социалисту, гауляйтеру". Там это написано?

ЗАУКЕЛЬ: Да, это там написано.

АЛЕКСАНДРОВ: Теперь документ 556-ПС. Это Ваша телеграмма Гитлеру от 20 апреля 1943 года, которую Вы направили во время

H1204 – 0464

H1204 – 0465

полета в Ригу. Сейчас Вам дадут эту телеграмму и покажут то место, которое я сейчас прочитал: "Я с фанатичной волей приложу все свои усилия к тому, чтобы выполнять свои задачи и оправдать Ваше доверие". Это правильно?

ЗАУКЕЛЬ: Это правильно. Я в Гитлере видел тогда человека и уважал в нем человека, который являлся вождем, избранником немецкого народа, и я, вследствие этого, как германский гражданин и как сотрудник определенного учреждения считал перед лицом других учреждений своей обязанностью оправдать доверие, оказанное мне, главой государства, там, где я осуществлял свою деятельность.

По поводу этой телеграммы я хотел бы заметить...

АЛЕКСАНДРОВ: Не нужно никаких объяснений по поводу этой телеграммы. Меня не интересует Ваше отношение к Гитлеру. Меня интересует Ваше личное отношение к тем мероприятиям по вербовке и использованию рабочей силы, которые Вы проводили. Этими рамками необходимо ограничить все эти вопросы. Теперь следующий документ - 1292-ПС. Это протокол совещания у Гитлера 4 января 1944 года.

ЗАУКЕЛЬ: Я прошу Высокий Суд, в связи с Вашим последним заявлением, господин Обвинитель, разрешить мне с своей стороны сделать короткое дополнение. Я в Гитлере тогда не мог видеть преступника и не мог даже представить себе ничего подобного. Наоборот, я чувствовал себя обязанным выполнить свой долг, и только. Преступления я, как человек, никогда не поддержал бы, о чем может свидетельствовать все мое прошлое.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Что Вы спросили, генерал? Вы спросили только о том, была ли эта телеграмма послана Гитлеру?

АЛЕКСАНДРОВ: Я спросил о телеграмме, которая была написана, и из которой я огласил одну фразу для того, чтобы получить подтверждение от Заукеля, что эта телеграмма послалась. Другое меня не интересует.

Следующий документ № 1292-ПС. У Вас имеется этот документ?

ЗАУКЕЛЬ: Нет.

АЛЕКСАНДРОВ: Вам показывали то место, которое я сейчас буду читать. Там написано Ваше выступление.

"Он с фанатической волей сделал попытку обеспечить рабочей силой".

Тогда речь шла о мобилизации четырех миллионов. Дальше: "Он сделает все, от него зависящее, для получения требуемых от него рабочих рук на 1944 год".

Вы это говорили? В протоколе это записано правильно?

ЗАУКЕЛЬ: Я это говорил, и прошу разрешения добавить к моему положительному ответу следующее: я, зная, что германский народ,- а это был мой народ, находится в труднейшем...

АЛЕКСАНДРОВ: Вы каждый свой ответ сопровождаете дополнительными пространными объяснениями. Вы только затягиваете время допроса. Я уже удовлетворен Вашим ответом, мне достаточно того, что Вы говорили.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Генерал, он дал Вам совершенно ясный ответ, заявив, что он действительно говорил это, и я считаю, что он имеет полное право сказать несколько слов в объяснение. Совершенно верно, что его объяснения непереносимо длинны, но он имеет право давать некоторые объяснения.

АЛЕКСАНДРОВ: Если каждый ответ будет сопровождаться такими пространными объяснениями...

H1204 – 0466

H1204 – 0467

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Генерал Александров, я сказал, что он имеет право давать некоторые объяснения. Только, пожалуйста, говорите как можно короче.

ЗАУКЕЛЬ: Я знал, что германский народ находится в процессе тяжелой борьбы. Моим долгом было приложить все усилия для выполнения поставленной передо мной задачи,- в этом значении я и употребил слово "фанатический". В дальнейшем своем высказывании я заявил, что в этом году я не смогу выполнить задания. Если в 1944 году я смог его выполнить, то мне удалось это осуществить с помощью 2/3 немцев, а не с преобладающим большинством иностранных рабочих, и даже больше, чем с 2/3 населения Германии, и я приложил фанатические усилия к тому, чтобы включить в работу всех до последней немецкой женщины, если только она была трудоспособна. Так, в 1944 году было использовано на работе свыше 2-х миллионов человек.

АЛЕКСАНДРОВ: В апреле 1943 года в целях форсирования вывоза в Германию рабочей силы из оккупированных территорий Вы посетили Ровно, Киев, Днепропетровск, Запорожье, Симферополь, Минск, Ригу. В июне Вы посетили - Прагу, Киев, Краков, Запорожье, Мелитополь. Это правильно?

ЗАУКЕЛЬ: Это правильно. И во время этих путешествий я хотел убедиться в том, правильно ли работали мои управления. Такова была задача путешествия.

АЛЕКСАНДРОВ: Таким образом, Вы лично организовывали угон в рабство мирного населения оккупированных территорий. Это правильно?

ЗАУКЕЛЬ: Я должен категорически со всей силой возразить против этого утверждения. Я этого не делал.

АЛЕКСАНДРОВ: А для чего тогда Вы ездили в эти города и пункты? Не для того, чтобы форсировать вывоз населения из оккупированных территорий?

ЗАУКЕЛЬ: Я посетил эти области для того, чтобы лично удостовериться, как работали мои учреждения в этих городах,- то-есть не мои учреждения, а трудовые учреждения, которые подчинялись администрации указанных городов. Я должен был знать правильно ли они заключали контракты, проводили ли врачебное освидетельствование рабочих, велись ли картотеки и т.д., то-есть выполнялись ли мои указания. С этой целью я и посетил эти города.

Верно то, что я говорил с начальниками управлений по поводу контингента рабочей силы; моей задачей была вербовка рабочей силы и проверка контингента. Во время посещения этих городов я лично осмотрел эти учреждения, чтобы удостовериться, как они работают.

АЛЕКСАНДРОВ: И для того, чтобы обеспечить усиление вывоза рабочей силы в Германию, правильно?

ЗАУКЕЛЬ: При чем я имел в виду применение с этой целью самых лучших методов, о чем свидетельствуют мои распоряжения, и как раз во время путешествия, о котором Вы упомянули, был выпущен манифест, предъявленный в настоящий момент Суду.

АЛЕКСАНДРОВ: Вы специально ездили в эти города для того, чтобы добиваться улучшения методов вербовки, так я Вас понял?

ЗАУКЕЛЬ: В эти города я поехал для того, чтобы удостовериться, правильные ли методы применяют учреждения, и обсудить все вопросы с соответствующими служебными инстанциями. Верно, для того, чтобы переговорить о количестве поставляемых

H1204 -0468

H1204 – 0469

рабочих, мне не нужно было посещать Запорожье, Киев и другие города. Для меня было бы достаточным переговорить с корреспондентом восточных территорий, находившимся в Берлине, или с рейхскомиссаром, которого я не застал, потому что он находился в Ровно.

АЛЕКСАНДРОВ: В своих показаниях, которые Вы давали защитнику, Вы заявили, что никаких информаций о незаконных и преступных методах вербовки не поступало. Что служило основанием для таких обширных поездок по оккупированным территориям? Значит, Вы тогда имели сигналы о том, что происходят массовые беззакония при вербовке рабочей силы? Этим были вызваны Ваши поездки? Вы посетили более десятка городов?

ЗАУКЕЛЬ: Я осмеливаюсь поправить Вас, господин обвинитель; мой защитник задавал мне точно такой же вопрос, на который я ответил "да"; по мере того, как я получал жалобы, я обсуждал эти случаи с Розенбергом, и то, что можно было устранить, я устранял. По этому вопросу я прошу выслушать моего защитника и свидетелей.

АЛЕКСАНДРОВ: Свидетели будут заслушаны тогда, когда это будет установлено судом. Я хочу выяснить, что эти поездки были Вами совершены для улучшения метода вербовки. Из этого я делаю логический вывод: значит, во всех этих местах до Вашего приезда допускались беззакония, преступления при проведении вербовки рабочей силы? Об этом идет речь? и Вы прямо отвечайте, для чего Вы посетили все эти места?

ЗАУКЕЛЬ: Я осветил этот вопрос уже со всех сторон. Но я еще раз повторяю. Господин обвинитель, Вы сами, я полагаю, имеете настолько большой административный опыт, чтобы согласиться со следующими доводами: само собой разумеется, что в каждом управлении в любой стране земного шара все распоряже-

ния администрации всегда также проверяются. Совсем не нужно знать, что в человеческой жизни, в каждой организации людей наблюдаются ошибки, последние все же проверяются.

АЛЕКСАНДРОВ: Если Вы отрицаете, что Вы поехали исправлять и устранять беззакония, которые имели место при вербовке рабочей силы, значит Вы поехали для того, чтобы форсировать вывоз рабочей силы в Германию? Или одно или другое? Выбирайте сами.

ЗАУКЕЛЬ: Нет я должен категорически возразить на это. Я предпринял это путешествие для того, чтобы проверить выполнение задач, находившихся в рамках моих полномочий, устранить недостатки, о которых мне сообщали, как это сделал, например, однажды фельдмаршал Клюге,- о чем я уже говорил во время допроса своему защитнику,- кроме того получить самую подробную информацию и дать соответствующие наставления и директивы своим учреждениям. Лучшим доказательством этого является мой манифест, который был издан в это время.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Генерал Александров, можете Вы сообщить Трибуналу, сколько еще времени займет Ваш допрос?

АЛЕКСАНДРОВ: Я боюсь точно определить время, но предполагаю, что около двух часов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я надеюсь, что Вы принимаете во внимание тот факт, что французское обвинение подвергло подсудимого очень подробному перекрестному допросу?

АЛЕКСАНДРОВ: Господин председатель...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал надеется, что Вы постараетесь, насколько возможно сократить свой перекрестный допрос. Сейчас Трибунал объявляет перерыв.

/Перерыв на 10 минут/.

H1204-0470

H1204 – 0471

Встать ! Суд идет !

АЛЕКСАНДРОВ: Подсудимый Заукель, скажите, какое отношение вы, как генеральный уполномоченный, имели к использованию в германской промышленности советских военнопленных.

ЗАУКЕЛЬ: Я должен ответить на Ваш вопрос, что я не имел никакого отношения к использованию военнопленных, так как в мои функции не входило давать работу военнопленным.

АЛЕКСАНДРОВ: И Вы не проводили их мобилизации, и Вами не велось никакой статистики?

ЗАУКЕЛЬ: Я, будучи ответственным лицом, осуществлявшим посредничество между соответствующими инстанциями, должен был следить за проведением административных мероприятий трудовыми управлениями и областными трудовыми управлениями, которые были посредниками между предприятиями и лагерями или уполномоченными по делам военнопленных, т.е. направлявшими военнопленных на предприятия.

АЛЕКСАНДРОВ: А что это были за организации? Какие это были организации?

ЗАУКЕЛЬ: Речь идет об уполномоченных по делам военнопленных в военных округах, другая же инстанция - это организация предприятий или сами предприятия в системе соответствующих министерств, как,например, имперского министерства продовольствия: большинство военнопленных использовалось на работах у крестьян, в кустарной промышленности, предназначенной для нужд войны.

АЛЕКСАНДРОВ: Значит, Вы не имели к этому никакого отношения. Я напомню Вам...

ЗАУКЕЛЬ: Я должен был следить за трудовыми управлениями и областными трудовыми управлениями, поскольку им нужно

было осуществлять посредничество между предприятиями и лагерями, в то время как они не имели с ними непосредственной связи.

АЛЕКСАНДРОВ: Я сейчас приведу выдержку из Вашего доклада Гитлеру от 27 июля 1942 года; это - документ № 1296-ПС. В этом докладе у Вас имеется специальный раздел - третий. Он называется...

ЗАУКЕЛЬ: Пожалуйста, повторите, 2-й или 3-й.

АЛЕКСАНДРОВ: Третий. Он называется: "Мобилизация советских военнопленных". Там Вы пишете /читаю/:

"Наряду с мобилизацией гражданских рабочих я планомерно увеличил мобилизацию советских военнопленных при взаимодействии со стороны ОКВ". И дальше: "Я придаю... /читайте/. Я придаю особое значение дальнейшему увеличению и ускорению отправки как можно большего числа военнопленных с фронта на работу в империю".

Это правильно?

ЗАУКЕЛЬ: Это правильно и в точности соответствует моему изложению.

АЛЕКСАНДРОВ: Не совсем соответствует.

ЗАУКЕЛЬ: Нет, все-таки соответствует.

АЛЕКСАНДРОВ: Вы заявили о том, что Вы не имели отношения к использованию советских военнопленных в германской промышленности, а в Вашем докладе имеются совершенно другие данные, и я спрашиваю Вас в связи с тем, что я сейчас огласил,- вы заранее планировали использование военнопленных в качестве рабочих в промышленности? Это предусматривалось Вашими планами и об этом Вы пишете в своем докладе. Так это или нет?

12355

H1204 – 0472

H1204 - 0473

ЗАУКЕЛЬ: Я должен здесь констатировать принципиальное заблуждение с Вашей стороны. Во всем мире, идет ли речь о государственных отношениях или о частных, трудовое посредничество это организация или учреждение, которое отнюдь не использует рабочих, а лишь оказывает им содействие в устройстве на работу. Я должен указать на эту принципиальную ошибку. Моей обязанностью было все время поддерживать связь, чтобы эти военнопленные, которые находились в лагерях на оккупированных территориях, например, в генерал-губернаторстве, регистрировались соответствующими уполномоченными по делам военнопленных и направлялись в заранее намеченные сельско-хозяйственные, а также и другие области Германии. Использование рабочих на самих предприятиях не подлежало моему контролю, и я не имел с этим делом ничего общего.

АЛЕКСАНДРОВ: Значит Вы принимали участие в предоставлении советских военнопленных для использования в германской промышленности? Правильно?

ЗАУКЕЛЬ: Это неправильно - насколько я Вас понимаю, ориентируясь на значение слов в немецком языке. Посредничество это нечто иное, чем использование. Этим должны были заниматься другие лица. Я могу говорить только о посредничестве. Оно носило в Германии государственный характер, в то время, как в других государствах оно имеет частный характер. Будучи генеральным уполномоченным, я ни одного рабочего не послал на предприятие.

АЛЕКСАНДРОВ: Вам известно было о том, что советские военнопленные используются в военной промышленности Германии?

ЗАУКЕЛЬ: Мне было известно, что советские военнопленные использовались во всех областях германской военной промыш-

ленности, причем в больших масштабах.

АЛЕКСАНДРОВ: Вам было известно, в частности, распоряжение подсудимого Кейтеля об использовании советских военнопленных в горной промышленности? Это распоряжение датировано 8-м января 1943 года. Вы знаете что-нибудь об этом распоряжении?

ЗАУКЕЛЬ: Нет. В деталях я о нем не помню. Я прошу предъявить его мне.

/Подсудимому предъявляют документ/.

АЛЕКСАНДРОВ: Прочитали?

ЗАУКЕЛЬ: Да, я прочитал.

АЛЕКСАНДРОВ: Там прямо говорится об использовании советских военнопленных в горной промышленности для военных целей, в интересах военных целей. Это - правильно?

ЗАУКЕЛЬ: Этот документ касается использования военнопленных в горной промышленности в Германии.

АЛЕКСАНДРОВ: С какой целью? Там прямо поставлена задача в этом документе.

ЗАУКЕЛЬ: Здесь говорится об использовании в горной промышленности.

АЛЕКСАНДРОВ: Но для какой цели? Каким целям это должно быть подчинено? Там прямо об этом указано.

ЗАУКЕЛЬ: Для использования на работах, я предполагаю.

АЛЕКСАНДРОВ: В интересах войны?

ЗАУКЕЛЬ: Да. Германская горная промышленность работала не только на войну. Очень большое количество угля экспортировалось в нейтральные страны. Таким образом, цели, в зависимости от обстоятельств, были различны.

H1204-0474

H1204 – 0475

АЛЕКСАНДРОВ: Следите по этому документу. Читайте за мной: "Фюрер приказал 7 июля для проведения расширенной программы производства железа и стали непременно увеличить добычу угля, для этого покрывать потребности в рабочей силе из военнопленных". Там это написано? Вы нашли это место?

ЗАУКЕЛЬ: Да, я нашел.

АЛЕКСАНДРОВ: Таким образом, советские военнопленные должны были использоваться в горной промышленности в интересах ведения войны. Правильно? Это прямо предусмотрено этим документом.

ЗАУКЕЛЬ: Да, здесь так сказано. Но я хотел бы заметить, что этот документ был направлен не мне.

АЛЕКСАНДРОВ: Я Вас спросил, знаете ли Вы об этом документе? Вы ответили утвердительно.

ЗАУКЕЛЬ: Нет, я не знал. Теперь он мне известен. Но ранее я не имел о нем представления, поскольку он не был направлен мне.

АЛЕКСАНДРОВ: Вы сказали, что такое распоряжение Вам было знакомо в общих чертах и попросили меня, чтобы я дал Вам детально ознакомиться. Так мне перевели.

ЗАУКЕЛЬ: Нет, я Вам сказал,- и я это в особенности подчеркивал,- что я не помню этого документа, я только просил предъявить мне этот документ. Документ адресован не мне. Здесь точно указана должность адресата и поэтому он не попал в мои руки и в руки моего учреждения.

АЛЕКСАНДРОВ: Для того, чтобы Вы полностью выяснили этот вопрос, я передал документ США-206, это - Ваше постановление от 22 августа 1942 года о поставке рабочей силы

путем ввоза из оккупированных областей. Это постановление Вам известно?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Какой номер ПС этого документа?

АЛЕКСАНДРОВ: Одну минуту. К сожалению, у меня нет данных о номере ПС, у меня есть номер США-206. Подсудимый Заукель...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Скажите, у Обвинения США имеется соответствующий номер для документального доказательства США-206?

ГОСПОДИН ДОДД: Господин Председатель, через несколько минут я смогу сообщить Вам об этом. У меня сейчас нет под рукой этого номера, но мне очень скоро сообщат об этом.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Благодарю Вас.

АЛЕКСАНДРОВ: Читайте пункт 8-й этого постановления, там указано: "Настоящий приказ действителен и в отношении военнопленных". Есть там такое указание?

ЗАУКЕЛЬ: Да.

АЛЕКСАНДРОВ: Таким образом, Вы сами не делали разницы между военнопленными и гражданскими лицами в деле использования их для нужд германской военной промышленности. Вы это признаете?

ЗАУКЕЛЬ: Да, я уже ответил моему защитнику, что вообще министерству труда был дан каталог, согласно которому разрешалось использование на работах военнопленных. Однако, этот 8-й абзац не имеет ничего общего с этим документом, так как это было соглашение или распоряжение, которое не было направлено мне и не было мне адресовано.

АЛЕКСАНДРОВ: Г-н Председатель, документ США-206 имеет следующий номер ПС-3044. /Обращается к подсудимому/. Помимо

H1204 – 0476

H1204 – 0477

тех заявлений Вашему защитнику, о которых Вы сейчас говорили, Вы сделали заявление о том, что при применении труда военнопленных в германской промышленности выполнялись требования Женевской и Гаагской конвенций. Вы помните, что Вы об этом говорили?

ЗАУКЕЛЬ: Да, это подтверждается также документами, что в имперском министерстве труда и моих учреждениях имелась инструкция, которая была размножена специальным изданием, речь шла о том, что принципы Женевской конвенции должны были соблюдаться также и в отношении советско-русских военнопленных.

АЛЕКСАНДРОВ: Вытекает ли из этого то, что между военнопленными и гражданской рабочей силой Вы не делали никакой разницы?

ЗАУКЕЛЬ: Нет, это не вытекает отсюда.

АЛЕКСАНДРОВ: Значит, имели место нарушения этих распоряжений при использовании труда военнопленных, поскольку они приравнивались к гражданским лицам и использовались в промышленности для целей ведения войны?

ЗАУКЕЛЬ: Я думал... В таком случае я Вас неправильно понял или Вы меня. Я точно сказал, что я придавал очень большое значение этой инструкции, которая была напечатана и во время моего пребывания на посту была доведена до сведения предприятий и всех заинтересованных лиц. В инструкции говорилось о том, что Женевская конвенция должна соблюдаться. Больше я ничего не мог сделать.

АЛЕКСАНДРОВ: Ваш защитник спрашивал Вас об операции, зашифрованной под названием "сено". На этот вопрос Вы дали ответ. Я цитирую по стенограмме:

"Заукель: Нет, я не имел никакого отношения к этому мероприятию". Сейчас я передам Вам письмо Альфреда Мейера от 11 июля 1944 года, это документ ПС-199, это письмо, адресованное Вам. Прочитайте пункт 1-й, там написано:

"Необходимо, чтобы штаб по использованию рабочей силы - центр - при всех обстоятельствах продолжал свою деятельность по вербовке несовершеннолетних белорусских и русских рабочих для работы в империи на военные нужды. Кроме того, штаб имеет задачу направлять в империю несовершеннолетних от 10 до 14 лет".

Нашли это место?

ЗАУКЕЛЬ: Я прочитал это место и хочу возразить, что это письмо, хотя и было направлено мне, и таким образом, я был об этом информирован, но ни я, ни мое учреждение не имело ничего общего с этим вопросом. Это,- как уже говорилось в связи с делом Шираха,- проводилось исключительно указанными инстанциями. Учреждение по использованию рабочей силы, как таковое, здесь не участвовало. Я лично также об этом не помню.

АЛЕКСАНДРОВ: А какое Вы имели отношение к штабу по использованию рабочей силы - центр? Это был Ваш штаб?

ЗАУКЕЛЬ: Я не понял вопроса, какой штаб Вы имеете в виду?

АЛЕКСАНДРОВ: Штаб, о котором написано в письме Альфреда Мейера, штаб по использованию рабочей силы - центр.

ЗАУКЕЛЬ: Я не нахожу слова "штаб".

АЛЕКСАНДРОВ: В самом начале фразы: "Необходимо, чтобы штаб..."

H1204 – 0478

H1204 – 0479

ЗАУКЕЛЬ: "Штаб по использованию рабочей силы - центр" - это для меня совершенно незнакомый термин. Я не знаю, было ли это военное учреждение или гражданское учреждение. Оно не имело ко мне никакого отношения. Я о нем не знаю.

АЛЕКСАНДРОВ: Вы здесь заявили, что имперским управлением безопасности для ввезенных из оккупированных территорий людей были введены специальные опознавательные знаки - для советских граждан это был знак ... Вы меня не слышите?

ЗАУКЕЛЬ: Я не понимаю то, что мне переводят.

АЛЕКСАНДРОВ: Вы здесь заявили, что ввезенных из оккупированных территорий людей были введены специальные опознавательные знаки - для советских граждан это был знак "Ост", для польских граждан был знак "П" и т.д. Вы заявили, что не были с этим согласны. Что Вы сделали для отмены этого издевательства над людьми?

ЗАУКЕЛЬ: Я все время пытался вообще избежать таких опознавательных знаков. Рейхсфюрер СС категорически требовал этого. Как мне известно, здесь предъявлено его письмо. Он настаивает на специальном обозначении для иностранных рабочих, которые по моему желанию имели право свободного передвижения по Германии, когда они выходили из своих лагерей. Никакого издевательства не было... Мне хотелось бы особенно подчеркнуть, что я не вижу здесь издевательства.

АЛЕКСАНДРОВ: Это Ваша точка зрения. Со своим непосредственным руководителем подсудимым Герингом Вы говорили по этому вопросу?

ЗАУКЕЛЬ: Я не могу сейчас вспомнить, говорил ли я непосредственно с Герингом. Я могу лишь показать, что я всегда периодически пытался добиться этого, до тех пор, пока весной -

мне кажется, это было в марте 1944 года - мои усилия действительно увенчались успехом, и небольшой "восточный знак" был изменен на национальный знак на рукаве, согласно предложению моих представителей в различных странах на востоке.

АЛЬЕКСАНДРОВ: Я спрашиваю, Вы говорили с Герингом по этому вопросу?

ЗАУКЕЛЬ: Я не могу вспомнить, возможно, что да, а возможно, что нет. Об этом не раз говорилось.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Генерал Александров, мне кажется, Вы можете перейти к следующему вопросу.

АЛЕКСАНДРОВ: На вопрос Вашего защитника и моего французского коллеги об отношении подсудимого Шпеера к Вашему назначению генеральным уполномоченным Вы заявили, что Вам об этом точно ничего известно не было. Вам сейчас передадут статью из газеты "Фёлькишер Беобахтер". Этот документ под № СССР-467 я представляю Трибуналу. Эта статья была опубликована 28 марта 1942 года в связи с Вашим назначением генеральным уполномоченным. Здесь даже помещена Ваша фотография, которую Вы видите. Вы нашли это место, где написано следующее: "Назначение гауляйтером Заукеля последовало по желанию имперского министра Шпеера вследствие чрезмерного значения вопроса использования рабочей силы в военной промышленности". Надо полагать, что Вы не могли не читать этой статьи. Вы читали эту статью?.

ЗАУКЕЛЬ: В данный момент я никак не могу Вам этого сказать. Вполне возможно, что я ее читал. У меня оставалось тогда очень мало времени для чтения газет. Однако, я хочу Вам категорически заявить, господин обвинитель, что во время моего пребывания на своем посту, я перевел более пяти миллионов гер-

H1204 - 0480

H1204 – 0481

манских рабочих из различных отраслей германской промышленности в военную промышленность. Таким образом это было поручение, которое, главным образом, касалось германских рабочих и их перемещения.

АЛЕКСАНДРОВ: Меня интересовало другое, почему подсудимый Шпеер был заинтересован в Вашем персональном назначении генеральным уполномоченным? Это я хотел выяснить. Вы можете что-нибудь сказать по этому поводу?

ЗАУКЕЛЬ: Почему г-н рейхсминистр Шпеер был заинтересован в моем назначении, я Вам сказать не могу. Я уже говорил моему защитнику, что для меня самого это было в то время совершенно неожиданно.

АЛЕКСАНДРОВ: Вы утверждаете, что вследствие недостатка собственных людских резервов гитлеровское правительство стало на преступный путь угона в рабство и использования в военной промышленности в Германии мирного населения оккупированных территорий и военнопленных. Вы это утверждаете?

ЗАУКЕЛЬ: Я должен возразить против такого мнения.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Генерал Александров, я уже дважды указывал Вам, что с Вашей стороны неправильно ставить вопросы, пользуясь подобными выражениями, как "преступный, преступление или нарушение договоров", так как тем самым Вы уже предопределяете виновность подсудимого.

АЛЕКСАНДРОВ: Вы утверждаете, что вследствие недостатка собственных людских ресурсов гитлеровское правительство стало на путь мобилизации и использования в военной промышленности Германии мирного населения оккупированных территорий и военнопленных. Это правильно?

ЗАУКЕЛЬ: Я уже подробно ответил на этот вопрос моему защитнику. Мною были приведены ясные доводы, что я лично, после моего назначения, предложил совершенно другую программу. Однако, фюрер и другие инстанции остались ею недовольны, и я получил ряд приказов с соответствующими комментариями.

АЛЕКСАНДРОВ: Вы сами утверждали, что людские резервы Германии были истощены? Вы говорили об этом?

ЗАУКЕЛЬ: При исполнении своих служебных задач я неоднократно указывал на то, что как в Германии, так и в оккупированных областях при решении имевшихся налицо экономических задач были почерпнуты все возможности использования рабочей силы или же это использование не могло больше осуществляться надлежащим образом. Об этом говорится в моем меморандуме. Впрочем...

АЛЕКСАНДРОВ: Я ссылаюсь сейчас на письмо подсудимого Шпеера, которое он написал Вам 28 января 1944 года. Цитирую этот документ по книге документов защитника подсудимого Шпеера. Он имеет номер "Шпеер-06". В этом документе подсудимый Шпеер обращает Ваше внимание на недостаточное использование рабочей силы.

ЭЛЕКСНЕР /защитник подсудимого Шпеера/: Я в моей книге документов поместил доказательство, которое имеет отношение к обсуждаемому здесь предмету. Потребуется ли мне данный документ, - выяснится лишь в ходе процесса. Я не считаю правильным, что Обвинение использует мои документы прежде чем вообще будет заслушано дело, которое я веду. Поэтому я прошу Суд принять решение по этому вопросу.

H1204-0482

H1204 – 0483

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал считает, что ходатайство защитника следует удовлетворить, и что Вы не должны использовать этот документ до тех пор пока защита его не использует.

АЛЕКСАНДРОВ: Я тогда прошу исключить из стенограммы предшествующий вопрос относительно недостатка собственных ресурсов в Германии, ибо тогда он теряет смысл.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хорошо. Если Вы этого хотите, пожалуйста.

АЛЕКСАНДРОВ: Да, я это прошу.

Ваш защитник ознакомил Вас в заседании 29 мая с документом ЕС-68. Это - документ об обращении с иностранными рабочими польской национальности. Я не буду на нем останавливаться, так как он подробно приводился Вашим защитником, а ограничусь лишь получением от Вас ответа, предназначавшегося защитнику по стенограмме этого заседания. Читаю по стенограмме:

"Заукель: Я хотел бы прежде всего указать на то, что этот документ составлен 6 марта 1941 года, т.е. здесь разница в одном годе. В мою бытность на этой должности...так как здесь представляется этот документ, я прошу рассмотреть мои документы, которые подтверждают, что я автоматически уничтожил все свои бессмысленные распоряжения. Во всяком случае я не мог давать подобных распоряжения каким-либо инстанциям в империи".

Вы помните эти Ваши показания на заседании суда 29 мая этого года?

ЗАУКЕЛЬ: Да, помню.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Генерал, мне сказали, что здесь неправильный перевод. Тут следовало сказать "отменил". Вы сказали "уничтожил", не так-ли?

АЛЕКСАНДРОВ: Я читаю стенограмму по русскому тексту, мо-

жет быть, тут есть неточность, но я не возражаю, чтобы вместо слова "уничтожить", поставить слово "отменить". Смысл остается один и тот же.

ЗАУКЕЛЬ: Я просил бы прочитать это еще раз полностью. Мне это непонятно.

АЛЕКСАНДРОВ: Сейчас я не хочу возвращаться к документу ЕЦ-68, мне только нужно установить, что Вы говорили, отвечая на вопрос Вашего защитника в связи с этим документом. Вы не возражаете против Ваших показаний, которые я сейчас огласил? Это соответствует тому, что Вы здесь говорили 29 мая?

ЗАУКЕЛЬ: Нет, но я не понимаю, к чему здесь термин "уничтожить".

АЛЕКСАНДРОВ: Здесь нужно употребить термин не "уничтожение", а "отмена".

ЗАУКЕЛЬ: Да, возможно.

АЛЕКСАНДРОВ: Следовательно, Вы подтверждаете показания, которые я сейчас огласил по стенограмме.

Теперь скажите, Вы помните, в какие условия были поставлены Вами украинские женщины и девушки из оккупированных территорий, мобилизованные для использования в германском сельском хозяйстве? Я сейчас передам Вам документ СССР-365, извините - 383.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Имеет ли этот документ № ПС?

АЛЕКСАНДРОВ: Нет, это документ СССР. В этом документе имеется приложение № 2 к Вашему распоряжению от 8 сентября 1942 года. Это приложение называется: "Памятка домашним хозяйкам об использовании восточных работниц в городском и сельском домашних хозяйствах". Вы знаете этот документ, эту памятку?

H1204 – 0484

H1204 – 0485

ЗАУКЕЛЬ: Да.

АЛЕКСАНДРОВ: Я сейчас приведу несколько выдержек для того, чтобы охарактеризовать, в какие условия были поставлены Вами эти украинские женщины и девушки, направленные для работы в немцкое сельское хозяйство. Найдите раздел "В". "Регистрация в полиции, лечение, надзор". Нашли этот раздел.

ЗАУКЕЛЬ: Нет, я еще не нашел.

АЛЕКСАНДРОВ: Раздео "В", нашли?

ЗАУКЕЛЬ: Это страница 4-я?

АЛЕКСАНДРОВ: В разделе "В" "Регистрация в полиции, лечение и надзор" имеется следующее указание: "Восточная работница обязана носить на своей верхней одежде, на правой стороне груди знак "Ост".

ЗАУКЕЛЬ: Я не нашел этого места.

АЛЕКСАНДРОВ: Вы найдете позднее, это указание там имеется.

ЗАУКЕЛЬ: Да, но я должен иметь возможность следить за оглашением документа.

АЛЕКСАНДРОВ: Нашли?

ЗАУКЕЛЬ: Да.

АЛЕКСАНДРОВ: Теперь раздел четвертый. Он называется "Условия труда". Там написано. "Восточные работницы, используемые в домашнем хозяйстве в империи, находятся в специфических трудовых условиях".

Посмотрим дальше, что это за специфические трудовые условия. Найдите раздел девятый "Свободное время", первая строчка. "Права на свободное время восточные работницы не имеют".

ЗАУКЕЛЬ: Да, однако, я прошу Вас зачитать этот абзац дальше, там говорится то же самое и в отношении других домашних работниц, немок.

АЛЕКСАНДРОВ: Я сейчас оглашу весь раздел 9-й.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Генерал, я не думаю, что Вам следует его прерывать, когда он дает допустимые объяснения. Вы должны подождать пока он даст свои объяснения, а потом Вы можете останавливаться на тех местах документа, которые Вас интересуют. Что Вы хотели сказать, подсудимый?

ЗАУКЕЛЬ: Я просил далее огласить этот абзац, там имеется предложение, в котором указывается, что, несмотря на это работницам можно гарантировать еженедельно один выходной день. Я осмеливаюсь огласить это предложение еще раз:

"Восточным работницам, занятым в домашнем хозяйстве, в принципе разрешается передвигаться свободно за рамками своей деятельности лишь в тех случаях, когда они выходят по// делам хозяйства. Однако, может быть предоставлена возможность один раз в неделю в течение трех часов находиться без работы за пределами домашнего хозяйства". Те же правила существовали и для домашних служащих-немок. Свободное время было такое же самое.

АЛЕКСАНДРОВ: Здесь написано иначе.

Иметь свободное время им не разрешалось. Здесь говорится о том, что в качестве поощрения им может быть предоставлена возможность один раз в неделю в течение трех часов находиться без работы за пределами домашнего хозяйства. Эта прогулка должна заканчиваться до наступления темноты. Так что речь идет не о выходном дне, а о трех часах. Теперь найдите раздел 10-й.

H1204 – 0486

H1204-0487

ЗАУКЕЛЬ: Я этого и не утверждал. В эти вечерние часы, в виду затемнения во время войны, было запрещено движение по улицам также и для немецкого населения.

АЛЕКСАНДРОВ: Теперь найдите раздел 10-ый "Свободное время, отпуск, возвращение на родину" - так называется этот раздел. Нашли? Там написано: "Отпуска последним не предоставляются. Восточные работницы, используемые в домашнем хозяйстве, мобилизуются на неопределенное время".

ЗАУКЕЛЬ: Разрешите мне в связи с этим сделать замечание...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Генерал, я думаю, что Вы можете опустить это. Этот вопрос не имеет особой важности.

АЛЕКСАНДРОВ: Я хотел бы, г-н Председатель, чтобы подсудимый Заукель объяснил возникшие противоречия в его показаниях, которые он дал по поводу документа ГД-68 и по поводу того, что здесь записано в изданной им в 1942 году памятке об использовании украинских женщин в домашнем хозяйстве в Германии. Я хотел бы получить на этот вопрос ответ для того, чтобы устранить это возникшее противоречие.

ЗАУКЕЛЬ: Я могу дать совершенно точный ответ. Эта памятка была составлена не только мной. Введения целого ряда пунктов в то время потребовал рейхсфюрер СС. Уже весной 1943 года я добился того, что эти параграфы были изменены. Неопределенный срок использования восточных работниц был сокращен до двух лет. И далее в одном документе, который, я думаю, мой защитник предъявит Высокому Суду, доказано, что я добился того, что все ограничения, существовавшие для восточных рабочих, благодаря моим постоянным стараниям, были устранены, чего я добивался с самого начала. Как я совершенно правильно сообщил об этом в своем первом ответе, для них

были созданы те же самые условия, в которых находились иностранные и немецкие рабочие.

К этому сводились все мои усилия. В этом я видел смысл работы моего управления. К восточным рабочим я относился особенно хорошо, так как они были лучшими рабочими, которых мы имели в Германии.

АЛЕКСАНДРОВ: Перехожу к следующему вопросу. 18 августа 1942 года в Кракове была у Вас встреча с подсудимым Франком. Я прочту то, что записано по поводу Вашей беседы в дневнике Франка. Это документ СССР-223, том в коленкоровом переплете под заголовком: "Дневник 1942г., II", страница 918. "Д-р Франк, очень рад, что могу официально сообщить Вам, что по сей день мы направили в Германию свыше 800 тысяч рабочих. Недавно Вы ходатайствовали о посылке еще 140 тысяч рабочих". И дальше: "Кроме этих 140 тысяч Вы, однако, в следующем году можете рассчитывать на новые партии рабочих из генерал-губернаторства, ибо для вербовки мы используем полицию". Это соответствует действительности? Такая беседа у Вас происходила с подсудимым Франком? Он правильно записал в своем дневнике?

ЗАУКЕЛЬ: Я ни в коем случае не могу подтвердить запись, которой я никогда ранее не видел и подробностей которой я никак не могу вспомнить. Поэтому я не могу сказать, все ли здесь правильно. Здесь говорится о том, что Франк наметил контуры будущих возможностей. На основании предоставленного здесь документа я не могу Вам сказать, что использование польских гражданских рабочих...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Если Вы не помните этого, почему Вы не заявите об этом и не остановитесь?

H1204 – 0488

H1204-0489

АЛЕКСАНДРОВ: Но он говорил Вам относительно применения полицейских методов при вербовке или не говорил? Вы это помните или нет?

ЗАУКЕЛЬ: Я не помню подобного сообщения, которое относится к 1942 году. Тогда существовали совершенно иные условия.

АЛЕКСАНДРОВ: А подсудимый Франк в своей деятельности по мобилизации рабочей силы прибегал к полицейским методам или нет. Вам об этом было известно?

ЗАУКЕЛЬ: Руководствуясь своим собственным опытом, я не могу сказать Вам, в какой мере мере генерал-губернатор прибегал к полицейским методам при проведении таких мероприятий. Я прошу Вас спросить его самого.

АЛЕКСАНДРОВ: Я представляю Трибуналу документ под номером СССР-469, характеризующий методы вербовки рабочей силы, которые применялись на территории Польши. Этот документ представляет собой отпечатанный типографским путем официальный приказ Крайсхауптмана в Минской и Варшавской области. Он датирован 2 февраля 1943 года.

Это приказ вручен Казимиру Навак, родившемуся 6 мая 1926 года, проживающему в Дыбене, община Колбей. В отношении приказа написано: "На основании распоряжения о рабочей повинности от 13 мая 1942 года /сборник распоряжений генерал-губернатора, страница 255/ налагаю на вас обязанность работы в империи". И вот что написано в конце этого приказа: "В случае вашего неподчинения настоящему приказу..."

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Скажите, Вы впервые представляете этот документ в качестве документального доказательства?

АЛЕКСАНДРОВ: Этот документ представляется впервые.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Мы не получили этого документа. Имеется ли у Вас копия его?

АЛЕКСАНДРОВ: Копия есть, Вам должны были передать ее. В книге документов, господин Председатель, его нет. Сейчас Вам будет передан текст на немецком языке.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Скажите, представляете ли Вы этот документ в качестве документального доказательства впервые или же он был уже представлен ранее? Вы не слышали, что я сказал?

АЛЕКСАНДРОВ: Слышал. Господин Председатель, этот документ представляется впервые.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Но, повидимому, мы еще не получили его, у меня еще нет его копии.

АЛЕКСАНДРОВ: Подлинный документ передан сейчас подсудимому и находится у него, копии на немецком языке переданы суду.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: У меня сейчас есть копия документа на немецком языке.

АЛЕКСАНДРОВ: В конце этого приказа написано: "В случае Вашего неподчинения настоящему приказу о рабочей повинности члены Вашей семьи /родители, жена, близкие родственники/ будут помещены в полицейский лагерь и освобождены из оного только после того, как вы извлеете. Кроме того, я оставляю за собой право конфискации вашего движимого и недвижимого имущества, а также движимого и недвижимого имущества членов вашей семьи. Кроме того, согласно §5-му вышеуказанного распоряжения, вы будете наказаны тюрьмой, тяжелым заключением или заключением в концлагере. Крайсгауптман доктор Пигрих".

H1204 – 0490

H1204 – 0491

Вам было что-нибудь известно о применении подобных методов вербовки рабочей силы на территории Польши и о существующих распоряжениях подсудимого Франка?

ЗАУКЕЛЬ: Я могу честно и откровенно ответить на этот вопрос, а именно, что об угрозе наказания в такой форме мне ничего не было известно. Я никогда бы не одобрил ничего подобного. Если бы я узнал об этом, я бы немедленно отменил такого рода приказание. Однако, разрешите мне сказать Суду, что добавление в конце документа, с точки зрения моего управления, неправильно и мною не может быть одобрено. Правильно содержание первого абзаца этого документа, который я, с своей стороны, прошу разрешения огласить. Он соответствует правилам немецкого трудового законодательства и гласит: "На основании распоряжения о служебных обязательствах от 13 мая 1942 года я вменяю Вам в обязанность работать в империи.

Условия Вашего труда в империи будут определены уставом. Оплата согласно тарифу. Ваши сбережения вы сможете систематически переводить на родину. Ваши родственники, которые до сих пор были на Вашем иждивении, могут ходатайствовать перед трудовым управлением о выдаче им специального пособия". Это правильно.

АЛЕКСАНДРОВ: То, что написано в конце...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я не думаю, что ... Мы не нуждаемся во всех этих деталях.

АЛЕКСАНДРОВ: Теперь я хочу напомнить Вам указания, которые давались о методах так называемой вербовки рабочей силы правительственным органам Германии и лично Вами в известной Вам Вашей программе. Это документ - СССР-365. Вами написано следующее.

ЗАУКЕЛЬ: У меня этого нет.

АЛЕКСАНДРОВ: Сейчас Вам помогут найти./Пауза/. Вам показали то место, которое я сейчас оглашу?

ЗАУКЕЛЬ: Да.

АЛЕКСАНДРОВ: Там написано:

"В связи с этим необходимо полностью исчерпать все имеющиеся в оккупированных советских областях людские резервы. Если не удается получить необходимую рабочую силу на основе добровольности, то следует немедленно приступить к мобилизации, к насильственной отправке". Такие указания Вами давались?

ЗАУКЕЛЬ: Я до сих пор не нашел еще этого места. Мне неправильно его показали.

АЛЕКСАНДРОВ: Сейчас Вам покажут еще раз. Такие указания Вами давались?

ЗАУКЕЛЬ: В оккупированных областях я не мог сам лично ведать служебными обязательствами, этим занимались областные управления. Однако, под словом "насильственный" я имел в виду не действия под угрозой наказания в таких масштабах, как это, к величайшему огорчению, утверждается в одном из документов, а применение правил, действующих в Германии. Это очень существенная разница.

АЛЕКСАНДРОВ: То, что я сейчас Вам прочитал, написано в Вашей телеграмме или нет?

ЗАУКЕЛЬ: Это написано в моей телеграмме. Но я определенно сказал, что мне было это поручено фюрером.

АЛЕКСАНДРОВ: Теперь далее. В письме от 3 октября 1942 года гаулейтеру Мейеру Вы писали /Вам сейчас дадут документ № 017-ПС, Вы следите за мной/: "Я учитывая трудности, которые

H1204 – 0492

H1204 – 0493

встретятся при выполнении этого нового задания. Но я также убежден, что при применении всех средств и при полной преданности исполнителей", - я подчеркиваю слова "всех средств" - "выполнение этого нового поручения может быть осуществлено в соответствии со сроками". Это Вы писали?

ЗАУКЕЛЬ: Да, я это писал. Однако, я прошу разрешить мне сделать здесь специальное пояснение. Во всех своих директивах я требовал внимательного отношения к людям; это показано уже на данном процессе. Если я говорю здесь об использовании решительно всех средств, то я имею в виду использование всех без исключения технических средств и средств пропаганды, так как мне неоднократно докладывалось, что таковых не имелось в достаточном количестве. Вот момент, которым можно объяснить историю этого письма.

АЛЕКСАНДРОВ: 31 марта 1942 года Вы отправили письмо имперским комиссарам. Сейчас Вам передадут этот документ СССР-127, в котором Вы писали: "Вербовка, за которую Вы отвечаете, должна форсироваться всеми доступными мерами, включая суровое применение принципа принудительного труда, с тем, чтобы в кратчайший срок можно было бы утроить количество завербованных". Такие указания Вы давали?

ЗАУКЕЛЬ: Я давал такие указания. Говоря о суровом применении принципа принудительности труда, я не имел в виду дурных или преступных методов, а считал, что к системе принудительного труда нужно прибегать лишь с целью выполнения количественного задания, когда дело касалось количества людей.

АЛЕКСАНДРОВ: Теперь я приведу несколько выдержек из документов других лиц. Сейчас я приведу выдержку из выступления подсудимого Розенберга. Это - документ СССР-170, стенограмма выступления подсудимого Розенберга на заседании германского трудового фронта в ноябре 1942 года. Я приведу из этих выступлений краткую выдержку: "Миллионы дрожащих от страха русских реагируют точно также. Часть их воображает, что..."

ЗАУКЕЛЬ: Я не нашел этого места.

АЛЕКСАНДРОВ: Сейчас Вам помогут.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Пожалуй, сейчас удобное время объявить перерыв.

/Перерыв до 14.00/.

12374

H1204 – 0494

H1204 – 0495

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА
от 31 мая 1946 года

/Вечернее заседание/

Встать! Суд идет!

НЕЛЬТЕ /защитник подсудимого Кейтеля/. Господин председатель, я хотел бы обратить внимание Суда на следующий факт: генерал Александров сегодня на утреннем заседании ссылался на документ 744-ПС. Вначале мне был представлен документ, который был назван немецким переводом. В этом переводе имеются совершенно невозможные вещи.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Нельте, Вы сказали - 744-ПС ?

НЕЛЬТЕ. Да, 744-ПС.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. У меня не отмечено, что генерал ссылался на этот документ, я не знаю ...

Генерал Александров, Вы сегодня ссылались утром на документ 744-ПС ?

АЛЕКСАНДРОВ. Я ссылался утром на этот документ. Это - распоряжение подсудимого Кейтеля от 8 января 1943 г. по вопросу об использовании военнопленных в горной промышленности.

НЕЛЬТЕ. Затем я получил от русского Обвинения оригинал, то-есть фотокопию письма от 18 июля 1943 года с подписью Кейтеля. У меня, таким образом, сейчас имеются два немецких текста, которые не только по своему содержанию очень сильно отличаются друг от друга, но я хотел бы сказать, что в переводе имеются дополнения, которого нет в ориги-

ле, а именно в заглавии "Начальник ОКВ" добавлено "и генерального штаба сухопутных сил".

Я не хочу сейчас задерживать внимание суда и перечислять все ошибки, допущенные в переводе, но я предполагаю, что у Вас также имеются тексты и на других языках. Эти тексты, как я могу установить на основании вторичного перевода, являются неверными, Так как оригинал документа является доказательством и в него не вносятся исправления, я просил бы Вас распорядиться о том, чтобы представленные Вам переводы на другие языки были бы сверены с оригиналом и было бы установлено, насколько переводы отличаются от оригинала.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Этот документ ранее представлялся в качестве доказательства ? Он представлялся как доказательство ?

АЛЕКСАНДРОВ. ПС-744.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да, но номер ПС не значит, что этот документ представлялся в качестве доказательства. Этот номер указывает только на серию, к которой относится документ. А в качестве доказательства он ранее пред"являлся ?

АЛЕКСАНДРОВ. Я не знаю номера США этого документа, но по тем данным, которыми я располагаю, я могу сказать, что он представлялся Суду. В немецком экземпляре, который представлялся на немецком языке, написано, что перевод сделан 26 ноября 1945 года вторым лейтенантом инфантерии Фрецом Ницерхау. Поскольку доктор Нельте находит в этом переводе какие-то неточности,- я полагаю, что нужно поручить бюро переводов уточнить те расхождения, которые здесь имеют место.

НЕЛЬТЕ. Я уверен, г-н председатель, что ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да, мне кажется, что лучше всего будет передать этот документ для проверки в бюро переводов. Мы отда-

H1204 – 0496

H1204 – 0497

ким распоряжением сделать это немедленно.

АЛЕКСАНДРОВ /обращаясь к Заукелю/. Сейчас Вам передадут стенограмму выступления подсудимого Розенберга. /Заукелю вручают документ/. Я ограничусь очень краткой выдержкой из этой стенограммы. Читайте за мной:

"Часть их /речь идет о мобилизуемых рабочих/ воображает, что дорога в Германию нечто вроде дороги в Архангельск или в Сибирь..."

И дальше: "Я знаю, что если прибудет полтора миллиона человек, то им нельзя создать блестящих условий. То, что тысячи находящихся здесь людей живут в плохих условиях или подвергаются плохому обращению,- является вполне естественным. Из-за этого не стоит слишком волноваться. Однако это очень серьезный вопрос. Я думаю, что гауляйтер Заукель уже обсудил его или собирается это сделать. Ведь эти люди с Востока привезены в Германию, чтобы работать и давать возможно более высокую производительность труда. Это очень серьезное дело. Чтобы добиться такой высокой производительности труда, их нельзя привозить на 3/4 замерзшими и заставлять стоять в пути по 10 часов. Им нужно давать есть, чтобы они имели достаточный запас сил". Кончаю цитату.

Правильно ли подсудимый Розенберг освещает положение, в котором находилась рабочая сила, вывозившаяся Вами из оккупированных территорий, или Вы считаете, что он освещает это неправильно ?

ЗАУКЕЛЬ. Я не могу сказать и никак не могу определить, когда Розенберг произнес эту речь. Я лично ее не слышал и не получал протокола. Но я могу категорически заявить, что

как только я принял свою должность, я принял эффективные меры к тому, чтобы во что бы то ни стало избежать такого положения, о котором здесь говорил Розенберг и которое существовало до того, как я принял свою должность. Я издал в этой области очень много распоряжений. Для того, чтобы такого положения не было, я для каждой нации, работавшей в Германии, добился издания нескольких сотен эффективных распоряжений, имеющих силу закона, и все это для того, чтобы было все до мелочей предусмотрено и чтобы избежать такого положения. Это не может иметь места в тот период, когда я занимал эту должность. Вот все, что я могу сказать по этому вопросу.

АЛЕКСАНДРОВ. Господин председатель, я ограничусь этой общей выдержкой из выступления подсудимого Розенберга и не буду использовать многочисленные документы, уже представленные Суду и с неоспоримостью устанавливающие применение, с ведома подсудимого Заукеля, преступных методов мобилизации рабочей силы на оккупированных территориях и использование ее в качестве рабов в Германии.

Я представляю Трибуналу еще только один новый документ под № СССР-468, этот документ представляет собой рабочую карточку, выданную немецкими властями города Бреславля польской гражданке Марии Ацлер. Эта рабочая карточка характерна тем, что на обороте ее имеется штамп с изображением свиньи. По свидетельству, данному Марией Ацлер под присягой, такие рабочие карточки выдавались немецкими властями в 1944 г. в городе Бреславле всем иностранным рабочим. Я передаю вместе с этим подлинным документом

12381

H1204 – 0498

H1204 - 0499

удостоверения польской правительственной комиссии, в котором приведено показание свидетельницы Марии Адлер.

Подсудимый Заукель, Вы посмотрели на эту рабочую карточку ? Вы нашли изображение свиньи на этой карточке ?

ЗАУКЕЛЬ. Да.

АЛЕКСАНДРОВ. Вы знали о существовании таких рабочих карточек с изображением свиньи, унижающим человеческое достоинство ?

ЗАУКЕЛЬ. Такой карточки у меня не было и я не знал о существовании такой карточки. Я плохо вижу этот рисунок. Я не могу понять, что это обозначает. Я не знаю о существовании такого штампа, я не знаю, какое это имеет ко мне отношение. Я не знаю, имелась ли возможность в управлении труда ставить такие штампы или нет. Разрешите мне посмотреть оригинал ...

АЛЕКСАНДРОВ /перебивая/. Вы знали о существовании таких карточек и о применении их ?

ЗАУКЕЛЬ. Нет, я не имел никакого представления о таких карточках с такими рисунками. Я не был заинтересован в том, чтобы обижать и оскорблять достоинство людей, работавших в Германии, у меня не было к тому причин. Я ничего не знаю об этом и не знаю, что это обозначает.

АЛЕКСАНДРОВ. Теперь я приведу краткую выдержку из документа 179 - это стенографический отчет совещания у рейхсмаршала Геринга от 6 августа 1942 г. Я цитирую ту часть этого выступления, в которой Геринг дает оценку Вашей деятельности. Читаю: "Рейхсмаршал Геринг: К этому я должен сказать, я не хочу хвалить гауляйтера Заукеля, в этом он не нуждается, но что он сделал в этот короткий

срок для того, чтобы быстро собрать рабочих со всей Европы и поставить их на наши предприятия, это является единственным в своем роде достижением. Я должен сказать всем господам, если каждый в своей области приложил бы только пятую часть той энергии, которую приложил гауляйтер Заукель, тогда действительно были бы легко выполнимыми задачи, которые возложены на вас. Это мое искреннее убеждение, а отнюдь не красивые слова".

Вы слышали такую оценку Вашей деятельности из уст покойного Геринга ?

ЗАУКЕЛЬ. Очень возможно, что рейхсмаршал сказал это. Я не могу вспомнить подробностей этого совещания, так как это было очень давно. Совершенно правильно то, что я, как человек и как представитель своего народа, чувствовал себя обязанным выполнять свой долг. Я, как показывают мои документы, пытался, выполняя свой долг, действовать честно и гуманно. Да, я очень стремился к этому.

АЛЕКСАНДРОВ. Я пред"являю Трибуналу документ под № СССР-462. Это статья доктора Фридриха Гиглера, опубликованная в "Рейхсарбейтсблатт" за 1944-45 гг. - это официальное издание имперского министерства труда и генерального уполномоченного по рабочей силе. Статья эта называется "Фриц Заукель, к 50-летию со дня рождения".

Я не намерен цитировать эту статью, так как она сплошь восхваляет деятельность Заукеля и на этом нет нужды останавливаться. Я хочу только спросить Вас, подсудимый Заукель, Вам известна эта статья ?

ЗАУКЕЛЬ. Я не знаю этой статьи, я не могу сказать, что

12383

H1204-0500

H1204 – 0501

в этой статье написано. Я не всегда читал "Имперский бюллетень труда" /"Рейхсарбайтсблатт"/. Этот "Рейхсарбайтсблатт" издавался не мной, он с давних пор издавался министерством труда, там публиковались все распоряжения министерства, а также и мои распоряжения. Как раз эти распоряжения, помещенные в "Рейхсарбайтсблатт", свидетельствуют о той заботе, которую я проявлял по отношению ко всем иностранным и немецким рабочим.

АЛЕКСАНДРОВ. Трибунал Вам предлагает сейчас очень бегло ознакомиться с содержанием этой статьи. Сейчас Вам ее передадут.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Какой документ подсудимый сейчас читает?

АЛЕКСАНДРОВ. Статью из газеты "Рейхсарбайтсблатт" под названием "Фриц Заукель, к 50-летию со дня рождения". Этот документ мы предъявляем впервые за № 462.

Ознакомились ? Скажите, эта статья правильно характеризует Вашу государственную и политическую деятельность ?

ЗАУКЕЛЬ. Автор этой статьи не специалист. Больше я ничего не могу сказать относительно этой юбилейной статьи. Это лишь беглое описание моей жизни и моей деятельности.

АЛЕКСАНДРОВ. И последний вопрос. В своей речи на первой сессии штабов по использованию рабочей силы 6 января 1943 года в Веймаре Вы заявили... я цитирую по третьей книге документов Вашего защитника, документ № 82. Читаю: "Теперь, что касается основ нашей работы, то мы находим их /пункт 1-й я опускаю и читаю сразу 2-й пункт/ в верности фюреру и народу. Она дает нам оправдание для осуществления самых суровых мероприятий".

ЗАУКЕЛЬ. Я не расслышал.

АЛЕКСАНДРОВ. Я повторю: "Теперь, что касается основ нашей работы, то мы находим их /пункт 1-й я опускаю и читаю сразу 2-й пункт/ в верности фюреру и народу. Они дают нам оправдания для осуществления самых суровых мероприятий". И в конце: "В этом отношении я буду брать на себя всю большую долю ответственности". Так скажите теперь, отвечаете ли Вы за массовый насильственный угон в рабство населения оккупированных территорий, за страдания и несчастья миллионов угнанных Вами в рабство людей, за то, что Вы в XX столетии восстановили мрачную эпоху рабовладельчества ?

ЗАУКЕЛЬ. Я Вам чрезвычайно благодарен за то, что Вы именно сейчас представили этот документ и я Вас очень прошу дать мне сейчас этот документ с тем, чтобы я имел возможность правильно изложить мою точку зрения по этому вопросу.

АЛЕКСАНДРОВ. С этим документом, если Вам это будет необходимо, Вас ознакомит Ваш защитник.

Господин председатель, перекрестный допрос я закончил.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Тома, Вы хотите подвергнуть свидетеля повторному допросу ?

Д-р ТОМА /защитник подсудимого Розенберга/. Господин свидетель, какова была роль Розенберга, как министра оккупированных восточных областей, в проведении мобилизации рабочей силы ?

ЗАУКЕЛЬ. Роль министра по делам оккупированных восточных областей в дела проведения мобилизации рабочей силы

H1204 - 0502

H1204 - 0503

заключалась в том, что он должен был передавать подчиненным ему ведомствам восточного министерства мои пожелания и требования в области использования рабочей силы. Я, конечно, не могу высказываться по другим вопросам, связанным с деятельностью восточного министерства, так как все это мне неизвестно.

ТОМА. Скажите, не говорил ли Вам неоднократно Розенберг, что он поручит имперскому комиссару Коху использовать свои чрезвычайные права ?

ЗАУКЕЛЬ. Да, это правильно. Розенберг имел право в административных вопросах давать указания рейхскомиссару Коху.

ТОМА. Таким образом, Вы это понимали так, что Розенберг должен был давать Коху свои указания. Какие указания Вы здесь имеете в виду ?

ЗАУКЕЛЬ. Розенберг, и это у нас было договорено, должен был давать Коху указания относительно пресечения всех диких и недопустимых методов, которые противоречили моим распоряжениям. Насколько мне известно, Розенберг это и сделал, т.-е. дал такие указания.

ТОМА. Розенберг, указывая на особые права рейхскомиссара, хотел сказать, что он должен устранить Ваши методы вербовки и не должен допускать того, чтобы Ваши оперативные группы занимались угоном рабочих?

ЗАУКЕЛЬ. Нет, Розенберг мне никогда этого не говорил и не отрицал этого, так как эти комиссии, работавшие на Украине, были подчинены отделу использования рабочей силы имперского комиссара Коха и были включены в этот отдел, а сам Кох осуществлял в этой области контроль и административное руководство. Это точно.

ТОМА. Я хотел бы обратить внимание Высокого Суда на то, что документ Розенберг-10 показывает, что Заукель не понял этого высказывания Розенберга.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Тома, Вы сослались на какой-то документ ?

ТОМА. Это документ Розенберга № 10.

СЕРВАТИУС /защитник подсудимого Заукеля/. Господин председатель, подвергая свидетеля вторичному допросу, защитник подсудимого Розенберга, как и вообще вся защита, должен ограничиться только вопросами, которые возникли в ходе допроса и являются спорными. Этот вопрос он мог выяснить тогда, когда его подзащитный был вызван в качестве свидетеля. Я в свое время хотел выяснить этот вопрос и тогда мне было сказано, что я должен спросить Заукеля. Он все это подробно раз"яснил здесь и, мне кажется, что сейчас нет никакой необходимости возвращаться в связи с этим к документам, которые были представлены ранее. Я протестую против такого допроса.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Тома, я считаю, что Вам следует продолжать и задать следующий вопрос. У меня сейчас нет перед глазами документа, который Вы пред"являете подсудимому и на который Вы сейчас ссылаетесь. Каков Ваш следующий вопрос ?

ТОМА. Господин свидетель, Вы в своей программе не говорили о том, что всю ответственность за использование рабочей силы Вы берете на себя ?

ЗАУКЕЛЬ. Эту ответственность я взял на себя и сейчас я признаю это, но только в рамках своих полномочий,- что-либо другое я не могу взять на свою ответственность,- т.-е. я отвечаю за свои распоряжения и за свои указания. Эти рас-

H1204 – 0504

H1204 - 0505

поряжения, г-н доктор, имеются здесь и Розенберг также имел эти распоряжения.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Тома, ведь подсудимый уже раньше говорил об этом. Он уже ранее подробно говорил относительно своей ответственности.

ТОМА. Господин председатель, я хотел бы обратить Ваше внимание на то, что по вопросу об ответственности не оглашался самый существенный абзац. Речь идет о документе 16-ПС - программе использования рабочей силы, где на странице 21 в пункте 1-м сказано ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Будьте любезны, скажите снова, какой это документ ?

ТОМА. Это документ 016-ПС. На 21-й странице немецкого текста. Здесь сказано следующее: "Все технические и административные мероприятия по использованию рабочей силы должны проводиться под руководством ответственных за это генерального уполномоченного по использованию рабочей силы, областных управлений труда и управлений труда".

ЗАУКЕЛЬ. Господин доктор Тома, само собой разумеется, это было так на территории германской империи, но за пределами империи моя работа зависела от работы областных /местных/ начальников. Это совершенно ясно.

ТОМА. Высокий суд, получив такой ответ, я хотел бы указать сейчас еще и на следующее: этот только что оглашенный мною абзац помещен в разделе "Военнопленные и иностранные рабочие."

ЗАУКЕЛЬ. Да, постольку, поскольку они используются на работах в Германии.

ТОМА. Я хотел бы указать на то, что в пункте 1-м ясно ска-

зано, что имеются в виду все технические и административные мероприятия по использованию рабочей силы ...

ЗАУКЕЛЬ. А я хотел бы указать на то, что я не имел возможности вмешиваться в дела имперского комиссара Коха, который бы категорически протестовал против этого.

ТОМА. Г-н свидетель, генеральный уполномоченный по 4-летнему плану дал Вам право отменять распоряжения любого учреждения и, мне кажется, что сейчас Вам не подобает заявлять, что эти методы вербовки рабочих применялись не Вами, а министром восточных областей.

У меня больше нет вопросов.

/К микрофону подходит защитник подсудимого Заукеля Сервациус/.

СЕРВАТИУС. Господин председатель, мне кажется, что защитник подсудимого Розенберга может задавать дополнительные вопросы свидетелю, но, мне кажется, что сейчас неподходящий момент выступать с обвинительной речью против моего подзащитного.

ТОМА. У меня больше нет вопросов к свидетелю.

/К микрофону подходит представитель американского обвинения г-н Додд./.

Г-н ДОДД. Господин председатель, я учитываю, что тут уже было два перекрестных допроса со стороны Обвинения, и не собираюсь приступать к третьему. Но у меня имеется один документ, который, как мы считаем, имеет весьма важное значение. Этот документ был передан мной генералу Александрову, однако, видимо, возникли трудности языкового характера. Перевод его представлен не был. Я прошу, чтобы Трибунал разрешил мне задать пару вопросов свидетелю по поводу этого документа. Я хочу представить его Трибуналу, так как считаю его весьма важным.

12389

H1204 – 0506

H1204 - 0507

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Господин Доцц, Трибунал не считает, что вышеизложенное должно послужить прецедентом, но, принимая во внимание Ваше заявление о том, что этот документ был передан генералу Александрову, который по той или иной причине его не использовал, мы разрешим Вам провести перекрестный допрос в связи с этим документом.

Г-н ДОДД. Очень хорошо, сэр.

Господин свидетель, Вы помните о том, что в 1942 году, т.-е. сразу после Вашего назначения, Вы встретились с несколькими чиновниками министерства труда и обсуждали с ними ту программу, которую Вы собирались провести в жизнь и за которую Вы должны были нести ответственность ? Вы помните это обсуждение ?

ЗАУКЕЛЬ. Я не помню всех подробностей этого обсуждения. Я знаю, что обсуждались отдельные пункты этой программы, и сейчас я хотел бы сказать относительно точки зрения защитника Розенберга то, что он ...

Г-н ДОДД. Одну минуту, одну минуту... Я просто спросил Вас : помните ли Вы об этом совещании ? Вы сказали, что Вы не помните об этом. Вот перед мной документ.

ЗАУКЕЛЬ. Подробностей этого совещания я не помню.

Г-н ДОДД. Ознакомтесь с протоколом этого совещания.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Господин Доцц, какой это документ ?

Г-н ДОДД. Это - ЕЦ-318.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Какой это номер доказательства ? Этот документ представлялся ранее или нет ?

Г-н ДОДД. Я сейчас представляю этот документ. Мне только нужно было узнать номер у секретаря. Господин председатель, мне придется узнать номер несколько позднее, так как

я не готовился к представлению этого документа и поэтому не узнал номер заранее. /К свидетелю/.

Я хочу обратить Ваше внимание на две выдержки из этого документа. Вы начали с того, что заявили чиновникам, присутствовавшим на этом совещании, что Вы хотите активно сотрудничать с ними. Затем, следуя дальше по документу, Вы дали им даже некоторое представление о числе рабочих, которых Вы собираетесь призвать. Вы говорили, что, согласно подсчетам, требуется 1.000.000 рабочих. Вы также раз"яснили в тот день, что большинство этих рабочих Вы намереваетесь ввезти с Востока, главным образом из Советской России. Вы заявили этим чиновникам, что Вы в течение нескольких часов обсуждали этот вопрос с фюрером и в течение восьми часов - с рейхсмаршалом, и что Вы сошлись на том, что самой важной проблемой является эксплоатация рабочих, ввезенных с Востока. Вы далее заявили ... Вы нашли это место ?

ЗАУКЕЛЬ. Я не нахожу слова "эксплоатация".

Г-н ДОДД. Вы нашли то место, где Вы говорите, что Вы обсуждали Ваши задачи с фюрером и что разговор продолжался в течение нескольких часов ? Вы нашли это ?

ЗАУКЕЛЬ. Я не нашел этого места.

Г-н ДОДД. Перед Вами, вещь, лежит немецкий текст, не так ли ?

ЗАУКЕЛЬ. Да, но, может быть, Вы будете настолько любезны и назовете мне страницу.

Г-н ДОДД. В середине второй страницы. Вы нашли это место?

ЗАУКЕЛЬ. Господин обвинитель, я хотел бы обратить Ваше внимание на то различие, которое в немецком языке существует

12391

H1204 – 0508

H1204 – 0509

между словом "использование" и словом "эксплоатация". Слово "эксплоатация" на языке рабочих означает нечто иное, чем слово "использование". Использование это обычное слово, это значит сделать то или иное полезным. Эти понятия в немецком языке очень различны.

Г-н ДОДД. Вы можете оставаться при своем мнении, а мы останемся при своем. Трибунал решит, кто из нас перевел правильно. Во всяком случае, вне зависимости от того, употребили ли Вы выражение "использовать" или "эксплоатировать", Вы действительно сказали, что наиболее важным в решении вопроса является использование /или эксплоатация/ рабочих?

ЗАУКЕЛЬ. Нет, г-н обвинитель, это не все равно. В немецком языке это значит совершенно другое, это не одно и то же. Это элементарные вещи. Я должен указать на это. Я не употреблял и не хотел употреблять слово "эксплоатация".

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подсудимый, говорите, пожалуйста, тише, Вы совсем заглушаете голос переводчика.

ЗАУКЕЛЬ. Прошу прощенья, милорд.

Г-н ДОДД. Меня не интересует, согласны ли Вы с употреблением в переводе слова "эксплоатация". Эта часть документа совершенно не имеет значения, как, я надеюсь, Вы сами признаете.

ЗАУКЕЛЬ. Разрешите мне возразить Вам. Разница эта для меня, как для человека, имеет большое значение.

Г-н ДОДД. Я совершенно не желаю спорить с Вами.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подсудимый, Трибунал вполне способен понять разницу в употреблении этих слов; кроме того, Вы сообщали уже, какой вариант перевода Вы считаете правильным.

Г-н ДОДД. Теперь я попрошу Вас посмотреть несколько ниже. Вы помните, что Вы говорили о том,что в Германию нужно как можно скорее привезти один миллион русских с тем, чтобы использовать их, по возможности, еще до начала наступательных операций. Это сказано через одно или два предложения в Вашем тексте. Вы не найдете его, если будете смотреть на меня. Вы читаете следующее предложение ?

ЗАУКЕЛЬ. Да, я попрошу Вас разрешить мне огласить и следующее предложение: "Условием утверждения этого хозяйства должно явиться обеспечение продовольствием русских приблизительно по тем же нормам снабжения, которые были действительны для немецкого гражданского населения".

Г-н ДОДД. Вы пропустили то предложение, которое я хочу, чтобы Вы прочитали. Я знаю, что только что зачитанное Вами предложение следует непосредственно за тем, которое я имею в виду, но я хочу, чтобы Вы прочитали то предложение, в котором Вы говорите, что Вам придется как можно скорее привезти в Германию один миллион русских рабочих. Это предложение стоит непосредственно после того или почти рядом с тем, в связи с которым Вы обсуждали употребление слов "использовать" и "эксплоатировать".

ЗАУКЕЛЬ. Да, да, я нашел это предложение. Там сказано, что они должны быть как можно скорее доставлены в империю...

Г-н ДОДД. Это все, что я хочу знать. Вы помните, что Вы сказали это ?

ЗАУКЕЛЬ. Да, я это сказал, но я должен сказать относительно этого протокола, что я никогда его не видел и не проверял. Кто-то вел этот протокол, но я его не знаю,я никогда не получал этого протокола.

H1204-0510

H1204-0511

Г-н ДОДД. Ну, во всяком случае они достоверны, даже если не Вы их составляли. Перейдем к следующему, последнему параграфу, где имеется фраза, которая содержит следующее утверждение или предложение: "Предлагается, чтобы германская администрация на оккупированных восточных территориях обращалась с ними /с русскими рабочими/ так грубо, чтобы они сами предпочли отправиться на работу в Германию, чем оставаться в России". Вы нашли это место ?

ЗАУКЕЛЬ. Скажите, пожалуйста, где это место ?

Г-н ДОДД. Сразу после того предложения, в котором говорится о Ваших переговорах с Гиммлером. Может быть, Вам поможет это указание ? Вы нашли то место, в котором Вы говорите, что вели переговоры с рейхсфюрером СС ? Вам удалось уговорить его снять колючую проволоку. Вы безусловно уже прочли это место. /Показывают документ свидетелю/.

Теперь Вы должны были найти это место. "Предлагается, чтобы военная администрация на оккупированных восточных территориях обращалась с ними /с русскими рабочими/ так грубо, чтобы они сами предпочли отправиться на работу в Германию, чем оставаться в России". Вы помните, что Вы говорили это ?

ЗАУКЕЛЬ. Я не могу точно заявить сейчас, что я употребил тогда именно это выражение. Я уже сказал, что здесь запротоколированы прокламационные высказывания. Я не проверял этих записей и я не могу сказать, верно ли то, что было записано по памяти третьим лицом. Это не стенографический отчет, а просто пересказ, который никем не подписан.

Г-н ДОДД. Я не думаю, что Вам следует читать нам целую диссертацию о том, что этот протокол составлен кем-то другим.

Я не предъявляю его Вам, как составленный Вами документ.

ЗАУКЕЛЬ. Я имею право и я обязан это сказать.

Г-н ДОДД. Я хотел бы, чтобы Вы подождали минуту и дали мне возможность хоть иногда задавать Вам вопросы. Я не говорил о том, что этот протокол заседания составлен Вами. Я предъявил Вам этот документ с тем, чтобы уточнить, припоминаете ли Вы его. Итак, помните Вы этот документ или нет ?

ЗАУКЕЛЬ. Я не помню этого. Я здесь могу прочесть только то, что было написано неизвестным мне третьим лицом. Очень может быть, что он меня неправильно понял.

Г-н ДОДД. У Вас, как Вы видите, было несколько разговоров с рейхсфюрером СС. Припоминаете ли Вы, что во время такого разговора, речи или какого-либо заявления с Вашей стороны, выраженного в иной форме, Вы сказали то, о чем я уже упоминал ?

ЗАУКЕЛЬ. Рейхсфюрер СС неоднократно говорил со мной. Я добился у рейхсфюрера СС того, чтобы была снята ограда из колючей проволоки. Да, это я сделал; я с самого начала, приняв должность, старался смягчить распоряжения рейхсфюрера СС и именно поэтому между нами были большие противоречия.

12395

H1204 – 0512

H1204 – 0513

Г-н ДОДД: Во всяком случае, данная часть этого протокола правильна, не так ли?

Значит, стенографист, или тот, который составил этот протокол, правильно записал то, что Вы говорили относительно своих переговоров с рейхсфюрером СС, не так ли?

Вы не находите ошибок в этой части?

ЗАУКЕЛЬ: Я еще не прочел всего, что здесь записано.

Г-н ДОДД: Слушайте меня, пожалуйста. Обратитесь снова к тому документу, о котором мы только что говорили. Вы считаете неправильным то предложение, в котором упоминается о Вашем заявлении относительно того, что необходимо грубо обращаться с рабочими на оккупированных восточных территориях. Однако, Вы не находите ошибочным предыдущее предложение, где говорится об удалении по Вашей инициативе колючей проволоки, - не так ли? Вы пытаетесь жаловаться на то, что этот протокол был составлен каким-то другим лицом, а не Вами. Вы прочли это?

ЗАУКЕЛЬ: Нет.

Г-н ДОДД: Это предложение находится как раз перед тем, о котором мы только что с Вами говорили. Вы что, действительно не можете найти это предложение? Вам помочь?

ЗАУКЕЛЬ: Здесь имеются две двойные страницы.

Г-н ДОДД: Я спрашивал Вас только о том, свидетель, является ли предложение, в котором говорится о Ваших переговорах с Гиммлером, правильным изложением того, что Вы говорили. Это предложение достоверно передает сказанное Вами?

ЗАУКЕЛЬ: Я по памяти не могу ответить на Ваш вопрос. Я говорил с Гиммлером очень редко и очень мало. Очень

может быть, что в данном случае имели место переговоры, которые велись по моему поручению моим учреждением. Я не могу этого сказать.

Г-н ДОДД: Таким образом, Вы на все эти вопросы отвечаете, что Вы не помните, что Вы тогда говорили. Это совсем не помогает Вам вспомнить.

ЗАУКЕЛЬ: Вы не можете от меня требовать того, чтобы я совершенно точно помнил все события, которые имели место очень давно.

Г-н ДОДД: Я совершенно готов прекратить обсуждение этого вопроса. Имеется письменный отчет, который восполнит пробелы Вашей памяти. Я передам его Трибуналу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Господин Додд, мне кажется, Вам следовало бы обратить внимание свидетеля..

ЗАУКЕЛЬ/прерывая/: Но я ничего не знаю об этом отчете.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Мне кажется, Вам следовало бы обратить внимание свидетеля на следующий абзац: "В-третьих.." который идет за предложением, где говорится о грубом обращении с восточными рабочими.

ДОДД: Хорошо, сэр./Обращаясь к свидетелю/: Если Вы будете держать палец на том месте, о котором мы сейчас говорили, Вы не потеряете его; Вы найдете тогда и следующее предложение, которое начинается словами: "В-третьих, он заявил, что существующие нормы заработной платы нетерпимы и убедил рейхсмаршала, что русским нужно дать возможность зарабатывать до половины заработной платы, получаемой немецкими рабочими". Кстати, что предложил рейхсмаршал, в связи с этим заявлением?

ЗАУКЕЛЬ: До моего вступления в должность, - и об

H1204-0514

H1204 – 0515

этом я достаточно подробно сообщил своему защитнику, - существовали распоряжения Совета министров относительно заработной платы. Я все время увеличивал эту заработную плату. Я это сделал четыре раза за все время своей деятельности. Я сделал в этом направлении все, что было возможно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Это не ответ на вопрос, свидетель. Вас спросили: "Что предложил рейхсмаршал в отношении заработной платы восточных рабочих?" Ответьте на этот вопрос.

ЗАУКЕЛЬ: Мне райхсмаршал не делал никаких предложений. Когда я принял свою должность, уже существовали распоряжения относительно заработной платы, но этого мне казалось недостаточно.

Г-н ДОДД: Хорошо, расскажите нам об этом подробнее, что Вы подразумеваете под словом "недостаточно"?

Вы здесь употребили слово "невыносимый". Каково было положение с заработной платой, когда Вы взяли на себя руководство отделом?

ЗАУКЕЛЬ: Я вчера, во время прямого допроса, подробно говорил об этом. И я на одном примере показал, что восточный рабочий, перед тем, как я начал свою деятельность в этой области, получал 60 пфеннигов в час, следовательно, с вычетами за снабжение и угол, он получал 4 м.50 пф. чистых. Это я изменил. Когда я принял свою должность, рабочим стали платить вдвое больше. Целью тех распоряжений, которые существовали для меня, очевидно, было предотвратить выплату слишком больших сумм из валютных соображений.

Г-н ДОДД: Господин председатель, я представляю

этот документ под номером США-881.

У меня нет больше вопросов.

/К микрофону подходит доктор Баллас - заместитель защитника Горна, представляющего подсудимого Риббентропа/.

БАЛЛАС/заместитель защитника подсудимого Риббентропа/: У меня есть несколько вопросов к свидетелю. Вы вчера, во время перекрестного допроса упомянули о французской дипломатической организации, которую создал для французов, находящихся в Германии, французский посол Скопини. Скажите, правильно ли, что эта организация была создана по желанию подсудимого фон Риббентропа?

ЗАУКЕЛЬ: Это было сделано по обоюдному желанию. У нас были общие интересы, - это правильно.

БАЛЛАС: Можете ли Вы мне сказать, каковы были те причины, которые побудили Риббентропа создать такую организацию?

ЗАУКЕЛЬ: Причина, которая побудила подсудимого фон Риббентропа сделать это, насколько мне известно, следующая: добиться таким путем взаимопонимания между немецким и французским населением, а для этого было необходимо предоставить французам, работавшим в Германии, лучшие условия.

БАЛЛАС: Скажите, эта организация дипломатов одновременно занималась вопросом обращения с французскими военнопленными?

ЗАУКЕЛЬ: Эта организация...

БАЛЛАС: Одну секунду. Можете ли Вы сказать, каковы были причины, которые побудили германское министерство иностранных дел еще во время войны между Германией и

H1204-0516

H1204 – 0517

Францией, создать такую необычную организацию?

ЗАУКЕЛЬ: Между французским правительством маршала Петэна и германским правительством имели место переговоры, во время которых обсуждался вопрос о необходимости добиться взаимопонимания между германским и французским народами.

БАЛЛАС: Поэтому и было проведено это мероприятие, которое относилось и к военнопленным?

ЗАУКЕЛЬ: Не только поэтому; я считал необходимым, чтобы эта организация была разделена на две, что позднее и было сделано, и наряду с г-ном Скопини, который занимался вопросом о французских военнопленных, некий г-н Бренэ защищал интересы французских гражданских рабочих.

БАЛЛАС: Скажите, правильно ли, что подсудимый фон Риббентроп в рамках министерства иностранных дел создал особую организацию, которая должна была удовлетворять духовные запросы иностранных рабочих. Для этой цели из занятых Германией областей приезжали артисты, чтецы, приходили газеты, книги и т.д., и все это для того, чтобы эти рабочие возвратились на родину друзьями Германии.

ЗАУКЕЛЬ: Цель организации, которая была создана министром иностранных дел при участии министерства пропаганды, германского трудового фронта и подчиненных мне учреждений, заключалась в том, чтобы, приглашая иностранных артистов и чтецов, организовать досуг иностранных рабочих. Для этой цели в Германию приезжало очень много и русских артистов. Это имело своей целью также и достав-

ку иностранных журналов и создание библиотек.

БАЛЛАС: Благодарю вас, у меня больше нет вопросов.

СЕРВАТИУС: Господин председатель, я хотел бы исправить одну ошибку, которая имеется в схеме в документе № I. Я хочу только, чтобы свидетель подтвердил правильность моего замечания/Свидетелю передается документ/. Там, где перечисляются учреждения, которые требовали рабочей силы, помещено и учреждение министра Функа, не так ли?

ЗАУКЕЛЬ: Да.

СЕРВАТИУС: Затем в третьем квадратике внизу Вы найдете инспекцию военной промышленности, и еще ниже - в следующем квадратике - рейхсаутобан/автотрасса/. Эти оба квадратика неправильно вписаны, они сюда не относятся. Правильно ли, что их следует здесь вычеркнуть?

ЗАУКЕЛЬ: Да, это правильно.

СЕРВАТИУС: Я прошу, поэтому, исправить эти ошибки, т.е. просто вычеркнуть эти два квадратика. Они относятся к министерству Шпеера, я рассматривал этот вопрос детально и поэтому не буду сейчас обсуждать его. Затем был представлен целый ряд фотографий из фотоальбома Бухенвальда, на этих фотографиях подсудимый снят вместе с Гиммлером.

Г-н свидетель, можете ли Вы определить по этим фотографиям, когда имели место эти встречи? Вы, может быть, сейчас кратко здесь изложите те признаки, о которых Вы говорили мне вчера, когда я обсуждал с Вами эти фотографии.

ЗАУКЕЛЬ: Фотография наверху слева показывает, что это было снято тогда, когда еще шло строительство. Здесь

H1204-0518

H1204 – 0519

я вижу еще недостроенные здания и т.д. Следовательно, здесь речь может итти только о стройке.

СЕРВАТИУС: Что Вы можете сказать о времени, судя по одежде отдельных лиц?

ЗАУКЕЛЬ: Одежда свидетельствует о том, что речь идет о довоенном периоде, так как на Гиммлере здесь форма черного цвета, которую он никогда не носил во время войны И, кроме того, у него имеется сабля, которую во время войны было запрещено носить.

СЕРВАТИУС: У этих лиц есть награды?

ЗАУКЕЛЬ: Я не вижу этого, ~~ихх~~ Нет, у них никаких наград нет.

СЕРВАТИУС: Таким образом, из Ваших слов я могу заключить, что фотография относится к довоенному времени?

ЗАУКЕЛЬ: Да, это совершенно правильно, эта фотография снята до войны, так как я сам во время войны не носил эсэсовской формы.

СЕРВАТИУС: Вчера здесь представлялся документ № 810. Это - отчет о совещании в Вартбурге. На странице 25-й немецкого текста, который Вам представлялся, имеется отчет д-ра Штурма, в котором, между прочим, говорится, что имело место сотрудничество с гестапо и с концлагерями и что это совершенно правильное начинание. Вас спросили, придерживаетесь ли Вы того мнения и считаете ли Вы такое сотрудничество вполне правильным, что Вы хотите сказать, что Вы были согласны с методами, применявшимися Гиммлером в концентрационных лагерях?

ЗАУКЕЛЬ: Нет, ни в коем случае. Я хотел лишь сказать /и это ясно видно из документа/, что правильным будет

поддерживать трудовую дисциплину путем различных взысканий, в зависимости от характера нарушения дисциплины, а именно - сначала предупреждение, затем наложение маленького штрафа, как это и было предусмотрено в моем распоряжении № 13, которое я прошу предоставить в качестве доказательства; только после всего этого, если предупреждения и штрафы не помогали, следовало рассматривать дела в судебном порядке, т.е. через прокурора. Я считал упорядоченную систему штрафов правильной, но я не хотел этим сказать, что методы, применявшиеся в концлагерях, являются верными, в то время мне вообще не были известны эти методы.

СЕРВАТИУС: Господин председатель, у меня имеется документ 1764-ПС, но я не смог установить, был ли ранее и когда был представлен этот документ. Я его только что получил - это фотокопия, так называемый отчет Гэммэна. Это отчет посланника Гэммэна о мобилизации рабочей силы во Франции в определенный период. Я хотел бы огласить подсудимому одну выдержку. Здесь речь идет о том, сколько французских рабочих было занято на работах в Германии. Я хочу, чтобы подсудимый это подтвердил.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Серватиус, обычно не полагается при повторном допросе после перекрестного допроса представлять новые документы. Почему Вы не представили этот документ во время основного допроса?

СЕРВАТИУС: Господин председатель, во время перекрестного допроса здесь возник спор относительно этих чисел, вот поэтому я и задал этот вопрос. Для меня вопрос о том, сколько сотен тысяч рабочих было занято на

H1204 – 0520

H1204 – 0521

работах и сколько направлялось домой не имеет особого значения. Я остановлюсь на этом в своей защитительной речи.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал не заявил, что он не допускает использования этого документа. Я думаю, что поскольку этот вопрос возник в ходе перекрестного допроса, Вы можете использовать этот документ.

СЕРВАТИУС: Господин свидетель, я сейчас зачитаю Вам самый важный абзац и попрошу Вас сказать мне, правильно ли то, что здесь говорится.

Посол Гэммэн в письме, которое поступило в министерство иностранных дел в Берлине 6 февраля 1944 года, сообщает в разделе III следующее:

"Мобилизация рабочих для Германии началась с вербовки рабочих на добровольных началах, таким путем до конца 1942 года было завербовано 400.000 рабочих. Для того, чтобы набрать дважды по 250.000 человек, в I-й половине 1943 года было проведено две вербовочных кампании на добровольных началах. Во время первой кампании, когда были представлены все преимущества - возвращение военнопленных/соотношение I военнопленного за 3-х рабочих/ и определенный трудовой устав, было набрано 200.000 человек, тогда как во время второй кампании был применен новый закон об обязательной трудовой повинности, т.е. имел место момент принуждения и было набрано всего 122.000 человек". Затем я пропускаю конец страницы и цитирую далее на странице восьмой. В результате этого мероприятия Заукеля всего было направлено в Германию 818.000 человек, большинство мужчин, из них только 168.000 на основании закона о всеобщей трудовой повинности. К

концу января 1944 года из этих 818.000 человек в Германии осталось всего лишь 420.000"./Конец цитаты/. Скажите, насколько Вы помните, - эти данные верны?

ЗАУКЕЛЬ: Я хотел бы сказать, что посланник Гэммэн в посольстве в Париже занимался этими вопросами и данные его верны. Вы здесь сказали, кажется, 420 человек. Вы имели ввиду тысячи. 420 тысяч?

СЕРВАТИУС: Да.

ЗАУКЕЛЬ: Да, это является решающим моментом, а именно то, что ввиду краткосрочности договоров французы каждые полгода сменялись и всего половина всех рабочих была налицо.

СЕРВАТИУС: Да, Вы это уже говорили.

ЗАУКЕЛЬ: Я хотел бы для раз"яснения сообщить Трибуналу, что если бы соблюдалось соотношение I : 3, т.е. Германия отдавала бы одного военнопленного за 3-х рабочих, то через полтора года возвратились бы на родину почти все военнопленные, а именно также и те французские рабочие, которые пошли за них на работу в Германию, так как они ведь должны были проработать здесь 6 месяцев. Очень трудно было склонить фюрера принять такое решение.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал об"является перерыв.

/Перерыв на 10 минут/.

Встать! Суд идет!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал будет заслушивать дополнительные ходатайства о вызове свидетелей и об истребовании документов в 2 часа дня в понедельник.

/К микрофону подходит представитель французского обвинения Эрвог/.

ЭРВОГ: Господин председатель, я хотел вкратце

H1204-0522

H1204 – 0523

коснуться вопроса о документе 357 по вопросу о посещении Заукелем лагеря в Бухенвальде. Обвинение никогда не считало и не считает, что этот документ относится к периоду войны. Напротив, подлинник, который был вам передан, а именно - альбом, датирован 1938 годом. Подсудимый, который был допрошен своим защитником, заявил, что он был в лагере в сопровождении итальянских офицеров. Там нет никаких итальянских офицеров. На фотографии изображен лишь рейхсфюрер Гиммлер, и я никогда не считал, что этот документ датирован каким-нибудь числом, которое относится к более позднему периоду, чем 1938 год.

/К микрофону подходит защитник Серватиус/.

СЕРВАТИУС: Господин председатель, у меня есть еще последний вопрос относительно документа № 82 в 3-й книге документов, на странице 206 и на последующих страницах. Там, на странице 207, в пункте 3-м Вы найдете цитату, которую я еще раз хочу представить здесь подсудимому, так как представитель Обвинения от Советского Союза заявил, что, якобы, Заукель здесь сказал, что нет защиты против преступлений. Я еще раз прочту свидетелю это предложение. Пусть он раз"яснит, что он хотел сказать. Я его уже однажды цитировал, это, очевидно, недоразумение, это очень коротенькое предложение.

"Вы можете требовать от меня в своей области любой защиты, но не защиты в случае совершения преступлений".

Скажите, господин свидетель, это означает, что Вы не хотели защищать людей от преступлений?

ЗАУКЕЛЬ: Напротив, это показывает, что я не примирялся ни с какими преступлениями. Об этом свидетельствует

этот документ. Я не защищал тех неподчиненных мне людей, которые совершали преступления, этого они не должны были делать. Это я запрещал.

СЕРВАТИУС: Я думаю, что из документа совершенно ясно что раз"яснения подсудимого верны. У меня нет больше вопросов к свидетелю.

СУДЬЯ БИДДЛ/член Трибунала/: Подсудимый Заукель, я хочу задать Вам целый ряд вопросов. Постарайтесь говорить немного более спокойно, слушать внимательно мои вопросы и следить за тем, чтобы Ваши ответы являлись действительно ответами на мои вопросы.

ЗАУКЕЛЬ: Jc. Хорошо.

СУДЬЯ БИДДЛ: Прежде всего я собираюсь спросить Вас о Вашем штате. У Вас было одно большое центральное учреждение, как я это понял, - не так ли? Одно большое центральное учреждение?

ЗАУКЕЛЬ: Да, у меня было небольшое центральное учреждение, господин судья.

СУДЬЯ БИДДЛ: Небольшое центральное учреждение?...

ЗАУКЕЛЬ: Личное бюро. Лично я создал его.

СУДЬЯ БИДДЛ: Сколько служащих было в этом учреждении?

ЗАУКЕЛЬ: В этом учреждении, господин судья, было два референта, один министериальный советник доктор Штатфанг, один ландрат д-р .....

СУДЬЯ БИДДЛ: Одну минуту... Сколько их там было? Просто назовите цифру.

ЗАУКЕЛЬ: Два ответственных сотрудника и восемь подчиненных, это были помощники и регистраторы.

СУДЬЯ БИДДЛ: Работали ли Ваши инспекторы вне этого

H1204 - 0524

H1204 – 0525

учреждения?

ЗАУКЕЛЬ: Инспекторы входили в 9-й отдел имперского министерства труда. Это был специальный отдел, который был создан по моей просьбе в министерстве труда. Туда входили ответственные работники...

СУДЬЯ БИДДЛ: Инспекторы работали, как я полагаю, согласно Вашим инструкциям и отчитывались перед Вами, - не так ли?

ЗАУКЕЛЬ: Инспекторы докладывали в первую очередь 5-му отделу в министерстве труда. Если дела были крайне важными, мне сообщали об этом. Они, эти инспекторы, имело право и были обязаны на месте устранять неполадки в управлении труда, если таковые были ими установлены.

СУДЬЯ БИДДЛ: Сколько у Вас имелось инспекторов?

ЗАУКЕЛЬ: В 9-м отделе, насколько мне известно, было...

СУДЬЯ БИДДЛ: Нет, нет, - всего. Сколько всего?

ЗАУКЕЛЬ: Существовали различные инспекции, господин судья. Инспекция...

СУДЬЯ БИДДЛ: Подождите, подсудимый. Вы слушайте мой вопрос. Я спросил, сколько инспекторов имелось во всех отделах, занимавшихся инспектированием?

ЗАУКЕЛЬ: Я не могу сейчас сказать, сколько инспекторов было в организации немецкого трудового фронта. Этим занимался д-р Лей, т.е. он выяснял вопрос о том, сколько инспекторов необходимо организации немецкого Трудового фронта. Подробности этого мне неизвестны.

СУДЬЯ БИДДЛ: А известно ли Вам, сколько инспекторов работало по инспектированию выполнения программы по использованию рабочей силы? Вы должны были знать, сколько их было всего, не так ли?

ЗАУКЕЛЬ: Их приблизительно было 60-70 человек, всего вместе с инспекторами немецкого Трудового фронта.

СУДЬЯ БИДДЛ: Выезжали ли они за пределы Германии или они работали только в Германии?

ЗАУКЕЛЬ: Эти инспекторы главным образом работали только в Германии.

СУДЬЯ БИДДЛ: Они должны были инспектировать также снабжение продовольствием, условия транспортировки и бытовые условия в концлагерях и т.п.?Правильно?

ЗАУКЕЛЬ: Да. В этом заключалась их задача.

СУДЬЯ БИДДЛ: И важные доклады должны были поступать к Вам?

ЗАУКЕЛЬ: Нет, существовала договоренность о том, что эти сообщения и доклады должны направляться в высшие имперские инстанции, которые должны были заниматься устранением этих неполадок. Для устранения неполадок на предприятиях и в лагерях существовала специальная промышленная инспекция, которая была подчинена имперскому министру труда г-ну Зельдте. Это была...

СУДЬЯ БИДДЛ: Не поступали ли некоторые из них к Вам?

ЗАУКЕЛЬ: Ко мне также поступали жалобы, и я не мог ничего другого сделать, как только передить их в соответствующие учреждения и потребовать устранения тех неполадок, которые можно было устранить. Я это и делал.

СУДЬЯ БИДДЛ: Поступали ли к Вам доклады инспекторов хоть некоторые из докладов инспекторов?

ЗАУКЕЛЬ: Эти доклады я не получал лично. Эти доклады по служебной линии поступали в соответствующие учреждения, которые занимались устранением неполадок.

H1204-0526

H1204 – 0527

СУДЬЯ ВИДДЛ: Подсудимый, я не спрашиваю Вас о том, поступали ли они к Вам непосредственно, но поступали ли они к Вам в конечном счете? Получали ли Вы их? Видели ли Вы их?

ЗАУКЕЛЬ: Я очень редко получал подобные доклады.

СУДЬЯ ВИДДЛ: Итак, поскольку Вы не получали докладов инспекторов, Вы не знали, каковы были там условия? Это правильно?

ЗАУКЕЛЬ: Кроме того, я посылал своих сотрудников и этих инспекторов каждые три месяца или каждые полгода к гауляйтерам в различные гау Германии, и о том, что ими лично обсуждалось в местных учреждениях и что они видели на местах, они докладывали мне. Но ничего катастрофичного не было, были только замечены неполадки в области проведения моих распоряжений и об этом мне докладывали.

СУДЬЯ ВИДДЛ: Итак, Вы заявляете нам, что Вы никогда не получали каких-либо отчетов или жалоб катастрофического характера? Это правильно?

ЗАУКЕЛЬ: Я не совсем понял Ваш вопрос.

СУДЬЯ ВИДДЛ: Вы никогда не получали каких-либо отчетов или жалоб, говоря Вашими словами, "катастрофического характера". Это правильно?

ЗАУКЕЛЬ: В Германии... я получал сообщения и жалобы, например, такие, как от фельдмаршала Клюге, о которых я уже говорил своему защитнику, а также и во время совещаний с Розенбергом. Я сейчас же принимал необходимые меры, но это вообще случалось редко...

СУДЬЯ ВИДДЛ /прерывая/: Подсудимый, если Вы будете выслушивать мой вопрос и пытаться ответить на него, я думаю, мы будем гораздо быстрее продвигаться вперед.

Вы употребили выражение "катастрофический характер". Это Ваши собственные слова. Получали ли Вы какие-либо доклады "катастрофического характера"?

ЗАУКЕЛЬ: Я от фельдмаршала Клюге, а также из сообщений Розенберга, которые здесь упоминались, получал некоторые данные о катастрофическом положении дел и старался устранить это. Но это бывало редко.

СУДЬЯ БИДДЛ: Их вы и назвали "катастрофическими случаями"?

ЗАУКЕЛЬ: Да.

СУДЬЯ БИДДЛ: Что это были за случаи?

ЗАУКЕЛЬ: Так, например, фельдмаршал Клюге сообщил мне, что во время вербовки рабочих на Востоке оцепляли кино и это я считал катастрофическим случаем, и второй случай, когда во время возвращения рабочих на родину в эшелоне умерли дети и были вынесены из вагона/номера документа я не помню/. Вот это я считал катастрофическим: Я, правда, должен сказать...

12411

H1204-0528

H1204 – 0529

СУДЬЯ БИДДЛ: Вы ответили на мой вопрос.

ЗАУКЕЛЬ: Но...

СУДЬЯ БИДДЛ / прерывая/: Сейчас вы ответили на мой вопрос. Получали ли вы какие-либо жалобы на Коха?

ЗАУКЕЛЬ: Иногда от министра восточных областей Розенберга, а также и от других лиц, ко мне поступали жалобы на Коха. Кох,конечно, со своей стороны, яростно оспаривал это.

СУДЬЯ БИДДЛ: Таким образом,у вас были жалобы на Коха от разных лиц?

ЗАУКЕЛЬ: Да.

СУДЬЯ БИДДЛ: И в этих жалобах говорилось о том, что делал Кох,не так ли?

ЗАУКЕЛЬ: Я не получал из разных мест жалобы на Коха.

СУДЬЯ БИДДЛ /прерывая/: Подождите...

ЗАУКЕЛЬ /прерывая/: Я получал их от разных лиц,но из одного учреждения.

СУДЬЯ БИДДЛ /прерывая/: Подождите... Ответьте,пожалуйста,на мой вопрос. Я не спрашивал вас о том,много ли вы получали жалоб. Я сказал: "В жалобах говорилось о том,что делал Кох - "Это правильно"?

ЗАУКЕЛЬ: Да, в некоторых случаях это было так.

СУДЬЯ БИДДЛ: Что вы делали с этими жалобами?

ЗАУКЕЛЬ: Если это относилось к моей работе,т.е. если это были жалобы,о которых говорилось здесь, я созывал совещание, так это и было после того, как я получил жалобу от Розенберга. На этом совещании я высказал свою точку зрения. Это уже цитировалось здесь моим защитником из материалов совещания от 6 января 1943 г. На это уже ссылался мой защитник.

СУДЬЯ БИДДЛ: И этим совещанием ,как я вас понял,закончились ваши действия в деле с делом Коха? Это все,что вы сделали?

ЗАУКЕЛЬ /нет ответа/. Молчит/

СУДЬЯ БИДДЛ: Этим кончилось дело, по крайней мере, в той части, которая касалась вас?

ЗАУКЕЛЬ: Постольку,поскольку это касалось меня, я неоднократно указывал фюреру на то,что не следует плохо обращаться с восточными и другими рабочими,а также и с населением на востоке. И я,на основании все время издаваемых мной распоряжений, делал все возможное для того,чтобы это обращение не было плохим. Эти распоряжения имеются в моей книге документов.Я прошу...

СУДЬЯ БИДДЛ /прерывая/: Я спрашивал вас о вашем центральном учреждении. Имели ли вы какие-либо филиалы?

ЗАУКЕЛЬ: Нет, у меня не было никаких филиалов, у меня было два отдела в министерстве труда - 5-й и 6-й. Эти отделы были подчинены мне в административном и деловом отношении, т.е. для выполнения моих задач.

СУДЬЯ БИДДЛ: Хорошо,этого достаточно.

ЗАУКЕЛЬ: Там разрешались административные вопросы, я...

СУДЬЯ БИДДЛ /прерывая/: Подождите минуту. Входили ли уполномоченные по набору рабочей силы в аппарат министерства труда?

ЗАУКЕЛЬ: Нет, в оккупированных областях существовали отделы по набору рабочей силы.

СУДЬЯ БИДДЛ /прерывая/: Достаточно. Это все,что вы должны сказать. Куда же они входили? Где находились отделы по набору рабочей силы?

ЗАУКЕЛЬ: Эти отделы по набору рабочей силы были в оккупированных областях.

СУДЬЯ БИДДЛ: Я понимаю,но я спрашиваю,какому учреждению они подчинялись, какому управлению,какому отделу?

ЗАУКЕЛЬ: Эти отделы "труда" были включены в админи-

H1204 – 0530

H1204 – 0531

страцию отдельных областей. Это совершенно ясно показывает мое распоряжение № 4 и,надо сказать, что такое положение существовало и до того, как я принял должность.Эти отделы были составной частью местной администрации.

СУДЬЯ БИДДЛ: Местной администрации? Когда вы упомянули "15.000 местных учреждений", вы имели в виду учреждения по набору рабочей силы?

ЗАУКЕЛЬ: Это были учреждения на местах, они представляли собой управления в самых низших инстанциях.

СУДЬЯ БИДДЛ: Вы не отвечаете на мой вопрос. Я спросил вас, являлись ли они учреждениями по набору рабочей силы? Являлись они такими учреждениями?

ЗАУКЕЛЬ: Это были не только учреждения по набору рабочей силы. Это были и самые мелкие ячейки.

СУДЬЯ БИДДЛ: Хорошо. Они выполняли административные функции и занимались набором рабочей силы?

ЗАУКЕЛЬ /нет ответа. Молчит/

СУДЬЯ БИДДЛ: Они занимались набором рабочей силы,не так ли?

ЗАУКЕЛЬ: Я считаю, что все это было единым, т.е. эта вербовка производилась самой администрацией. Без администрации нельзя было проводить никакой вербовки.

СУДЬЯ БИДДЛ: Да,но, таким образом, они были именно учреждениями по набору рабочей силы? Вы ответите - "да",не так ли? Они были учреждениями по набору рабочей силы?

ЗАУКЕЛЬ: Так точно.

СУДЬЯ БИДДЛ: Хорошо. Вы так и должны были сразу сказать. Именно это я хотел выяснить?

Теперь я хочу выяснить, каковы были взаимоотношения ваших учреждений и партийных учреждений. Гау и гауляйтеры работали в сотрудничестве с вами,в качестве ваших уполно-

моченных, работали с вами? Не так ли?

ЗАУКЕЛЬ: Нет,господин судья, Это ошибка. Гаулейтеры никакого отношения не имели к вербовке рабочей силы. Это...

СУДЬЯ БИДЛ: Подождите, я ничего не сказал о наборе рабочей силы. Я спросил вас о связях между вашими учреждениями и гаулейтерами. Гаулейтеры сотрудничали с вами в выполнении общей программы. Не так ли?

ЗАУКЕЛЬ: Нет, не в выполнении общей программы,господин судья, а лишь в выполнении программы снабжения немецких и иностранных рабочих.

СУДЬЯ БИДЛ: Хорошо. В таком случае гаулейтеры не имели никакого отношения к набору рабочей силы? Это правильно?

ЗАУКЕЛЬ: Да, они не имели никакого отношения к набору рабочей силы.

СУДЬЯ БИДЛ: Это правильно? Они должны были наблюдать за тем,как заботились о тех людях, которые были уже набраны и в каких условиях они жили, это правильно?

ЗАУКЕЛЬ: В том случае, если эти рабочие работали в империи.

СУДЬЯ БИДЛ: В империи?

ЗАУКЕЛЬ: В империи.

СУДЬЯ БИДЛ: Работали ли на вас также гау /области/, находившиеся вне империи,на оккупированных территориях или вы считали их частью империи?

ЗАУКЕЛЬ /нет ответа/. Молчит.

СУДЬЯ БИДЛ: Я снова задам вам этот вопрос. Я думаю, что он не очень ясен. Некоторые оккупированные территории были включены в состав империи,не так ли?

ЗАУКЕЛЬ: В империю были на востоке включены только области по реке Варте и Восточная Пруссия...

СУДЬЯ БИДЛ /прерывая/: Я опять-таки не спрашиваю о

H1204 – 0532

H1204 – 0533

количестве областей, которые были включены в империю.Я сказал только, что некоторые из оккупированных территорий, некоторые их части были включены в состав империи. Это правильно?

ЗАУКЕЛЬ: Да, это правильно.

СУДЬЯ БИДДЛ: Так. Таким образом, когда вы говорите о гаулейтерах в Империи, то в их число входят и гаулейтеры тех территорий,которые были включены в состав империи?Это правильно?

ЗАУКЕЛЬ: Да, но они не могли действовать в этих областях как гаулейтеры. Они могли так действовать только в том случае, если они были имперскими наместниками, т.е. в том случае, если они имели свой государственный аппарат. Это были два совершенно различных аппарата или института и каждый имел своих сотрудников.

СУДЬЯ БИДДЛ: Каждый ли гаулейтер имел управление по труду, связанное с его гау и находящееся в его гау?

ЗАУКЕЛЬ: Я хотел бы вас спросить,что вы здесь имеете в виду все немецкие гау /области/ или только те, о которых мы только что говорили.

СУДЬЯ БИДДЛ: Я имею в виду только те гау, о которых мы только что говорили. Каждое из них имело управление по труду, не так ли?

ЗАУКЕЛЬ: В каждой из этих областей было управление по труду, которое возглавлял председатель /гауарбайтспрезидент/.

СУДЬЯ БИДДЛ: Этого достаточно. Известно ли вам, как была организована администрация по труду в гау? Имелись ли там также крейслейтеры, которые занимались работой по осуществлению этой программы?

ЗАУКЕЛЬ: Нет, таких крейслейтеров не было.

СУДЬЯ БИДДЛ: И, как я понимаю, там не было и ортсгруппен

лейтеров, которые работали бы по выполнению программы по труду?

ЗАУКЕЛЬ: Нет, это были совершенно особые учреждения.

СУДЬЯ БИДДЛ: Хорошо.

ЗАУКЕЛЬ: Но это были...

СУДЬЯ БИДДЛ /прерывая/: Нет, этого достаточно. Теперь, я хотел бы получить некоторые сведения о том, что вы называете индивидуальным набором рабочей силы. Кто назначал агентов,которые должны были проводить этот индивидуальный набор рабочей силы? Кто назначал таких агентов? Нанимали ли таких агентов работодатели для того,чтобы получить для себя рабочую силу?

ЗАУКЕЛЬ /не отвечает/.

СУДЬЯ БИДДЛ: Вы понимаете,что я имею в виду, когда я говорю об "индивидуальном наборе рабочей силы"?

ЗАУКЕЛЬ: Да, я понимаю.

СУДЬЯ БИДДЛ: Он проводился агентами,не так ли?

ЗАУКЕЛЬ: Был только один случай в 1944 году,когда я во Франции и в Бельгии разрешил,чтобы в виде исключения по согласованию с французскими учреждениями в этой вербовке участвовали и агенты.

СУДЬЯ БИДДЛ: Опять-таки свидетель,я вас об этом совершенно не спрашивал. Вы не слушаете меня. Я спросил вас, кто назначал тех людей, которые работали в качестве агентов по так называемому "индивидуальному набору" рабочей силы. Кто назначал их?

ЗАУКЕЛЬ: Там этих людей и назначал уполномоченный по вопросу использования рабочей силы. Я сам не мог этого согласовывать с французскими учреждениями. Это была временная,а не постоянная работа и они...

СУДЬЯ БИДДЛ /прерывая/: Этого достаточно. И они,как мне кажется, вы сказали должны были получать вознагражде-

H1204 – 0534

H1204 – 0535

ние в форме комиссионных? Это правильно? Другими словами, они получали за каждого завербованного ими рабочего? Они получали вознаграждение за каждого рабочего, которого они доставляли, это правильно?

ЗАУКЕЛЬ: Да, это в основном верно, подробностей я сейчас не помню.

СУДЬЯ БИДДЛ: Хорошо. Будем считать, что когда вы употребили выражение "шанхайские методы", на которое вы сослались и значение которого вы об'яснили, вы просто имели в виду индивидуальный набор рабочей силы с применением насилия, именно таково значение этого выражения, не так ли?

ЗАУКЕЛЬ /нет ответа/. Молчит.

СУДЬЯ БИДДЛ: Именно это оно означало, не так ли? Индивидуальный набор рабочей силы с применением насилия?

ЗАУКЕЛЬ: Нет...

СУДЬЯ БИДДЛ: Подождите немного. Могли ли вы использовать при вербовке "шанхайские методы" не применяя насилия? Ведь ваши "шанхайские методы" не заключались в уговаривании, не так ли?

ЗАУКЕЛЬ: Я и хотел, чтобы эти французские группы были завербованы добровольно, не в учреждении, а в дружественной атмосфере в кафе, за кружкой пива или бокалом вина. Я не имел в виду "шанхайские методы" в собственном смысле слова, т.е. те методы, которые я наблюдал будучи матросом в этом городе. Это несколько преувеличенное, резкое выражение. Я, господин судья, никогда ни во Франции, ни в какой-либо другой стране не приказывал применять "шанхайские методы".

СУДЬЯ БИДДЛ: Я знаю, что вы не отдавали приказа об этом. Не в этом заключается мой вопрос. Когда вы употребили м. слово "шанхайские методы", то вы лишь имели в виду, что

вы по-дружески выпивали стакан вина с рабочим и затем он вступал в число ваших рабочих? Вы это имели в виду?

ЗАУКЕЛЬ: Я понимал это так, как я высказал это в учреждениях центрального планирования. Там я действительно выразился несколько резко, чтобы мои возражения против поставленных мне требований были более вескими и чтобы показать, какие старания я прилагаю к тому, чтобы выполнить эти требования.

СУДЬЯ БИДДЛ: Почему вы возражали против этого индивидуального набора рабочей силы? Против чего вы возражали?

ЗАУКЕЛЬ: Я не возражал в данном случае, а я вообще говорил о том, что такая вербовка не может быть проведена, что это противоречит...

СУДЬЯ БИДДЛ: Противоречило ли это германскому праву?

ЗАУКЕЛЬ: Это противоречило моим убеждениям и немецким законам.

СУДЬЯ БИДДЛ: Я не об этом вас спрашивал. Меня сейчас не интересуют ваши убеждения. Я спросил, противоречило ли это германскому праву? Это противоречило германскому ира праву, не так ли?

ЗАУКЕЛЬ: Да, это противоречило германскому трудовому праву и, по возможности, следовало избегать этого частного набора, но для того, чтобы раз'яснить этот вопрос, я хотел бы сказать, господин судья, что после того, как этот рабочий был завербован, он заключал с государством определенный контракт, т.е. это не следует понимать так, что такой рабочий был лишен возможности заключить контракт и он попадал в империю без санкции государственных органов, нет, он должен был заключить контракт, как и все другие рабочие.

H1204 – 0536

H1204 -0537

СУДЬЯ БИДДЛ: Таким образом, вы хотите сказать,что рабочий,который был завербован агентами по индивидуальному набору по этому "шанхайскому методу", уже находясь на работе, получал те же права,что и любой другой.Вы это имеете в виду?

ЗАУКЕЛЬ: Да. Он получал те же права.

СУДЬЯ БИДДЛ: Хорошо.Сейчас я намереваюсь перейти к другой теме. Я только хотел понять, каковы ваши защитительные доводы и каковы ваши взгляды. Теперь посмотрим, правильно ли я вас понял: вы сами не проводили вербовку. Полиция также не проводила вербовку. Вашей главной обязанностью было, прежде всего, следить за тем,чтобы все делалось законными и легальными методами. Такова была ваша важнейшая функция,не так ли?

ЗАУКЕЛЬ: Да, я к этому стремился.

СУДЬЯ БИДДЛ: И для того, чтобы этого достигнуть, вы должны были организовать все таким образом,чтобы были приняты соответствующие законы с тем,чтобы набор рабочей силы проводился в соответствии с законами?

ЗАУКЕЛЬ: Да.

СУДЬЯ БИДДЛ: И очень часто эти законы.../между прочим, эти законы, конечно, представляли собой просто декреты. Это были приказы, подписанные фюрером, или вами или одним из министров/. Когда вы говорите "законы" - вы,конечно,имеете в виду декреты?

ЗАУКЕЛЬ : Эти законы по вербовке рабочей силы в оккупированных областях должны были издаваться по распоряжению фюрера начальниками на местах.

СУДЬЯ БИДДЛ: Я имею в виду следующее: для того,чтобы сделать законным такое использование рабочей силы, вы просто должны были обеспечить подписание некоторых декретов,

H1204 – 0538

это было частью ваших обязанностей,- обеспечить их подписание? Далее...

ЗАУКЕЛЬ: Я не подписывал этих декретов.

СУДЬЯ БИДЛ: Я это знаю. Я не сказал,что вы их подписывали. Я понимаю это. Вы весьма подробно об'яснили это. Теперь посмотрим чем и как в этом участвовала полиция. Она не имела никакого отношения к набору рабочей силы. Как только декрет был подписан, он становился законом,не так ли? Подписанный декрет являлся законом?

ЗАУКЕЛЬ: Да.

СУДЬЯ БИДЛ: И когда кто-либо сопротивлялся призыву на работу или не являлся для регистрации, или не выполнял условий контракта, он становился преступником. Это правильно,не так ли?

ЗАУКЕЛЬ: Да. Он,в таком случае,нарушал закон,но мы не считали это преступлением; мы рассматривали это,как проступок.

СУДЬЯ БИДЛ: Но он нарушал закон?

ЗАУКЕЛЬ: Да.

СУДЬЯ БИДЛ: Вы хотите сказать,что он не ~~ххххх~~ совершал преступления? Совершил он преступление или не совершил преступления? Предположим,человек не являлся регистрироваться после того,как ему сказали, что он должен зарегистрироваться для отправки на работу,являлось ли это преступлением?

ЗАУКЕЛЬ: Нет. Это не было преступлением, мы называли это в Германии проступком.

СУДЬЯ БИДЛ: И затем, после того,как он совершал такой проступок, его передавали полиции. Это правильно?

ЗАУКЕЛЬ: Нет,не сразу,принимались предварительные меры. Местное управление труда требовало,чтобы он явился

в это управление...

СУДЬЯ БИДЛ: Хорошо,вы уже об'яснили все это. Ему предоставлялся срок в три или четыре дня, и затем, если, в конце концов, он не регистрировался,то за этот проступок его передавали полиции, - это правильно?

ЗАУКЕЛЬ: Я не знаю,как это практически осуществлялось на местах. В различных областях это было по-разному.

СУДЬЯ БИДЛ: Вы уже сказали во время перекрестного допроса, что в тех случаях, когда кто-либо нарушал закон,на сцену появлялась полиция. Полиция просто наблюдала за тем, чтобы не нарушался закон. Это правильно. В этом заключалась ее функция?

ЗАУКЕЛЬ: Это была не моя задача,другое учреждение занималось этим.

СУДЬЯ БИДЛ: Почему вы всегда говорите "это была не моя задача"? Я не спросил вас о том,была ли это ваша задача. Я говорю сейчас о полиции,я не говорю о вас. Итак,когда нарушалось это трудовое законодательство,тогда через некоторое время вступала в действие полиция? Это правильно?

ЗАУКЕЛЬ: Да, это был обычный и правильный путь.

СУДЬЯ БИДЛ: Хорошо. Если, скажем,в Париже,рабочих окружали,и они начинали оказывать физическое сопротивление, то нужно было просто вызвать полицию,не так ли? Если имелось налицо физическое сопротивление,вы должны были вызывать полицию,не так ли?

ЗАУКЕЛЬ: Да. Но я должен сказать,что мне о подобных случаях почти что никогда не сообщалось,и,надо сказать,что мы просто отказывались от таких рабочих. Это ясно показывают списки. Так,например, в 1944 году из всей программы

12 422

H1204 - 0539

H1204 – 0540

ввоза рабочей силы в Германию было выполнено только 10%. Поэтому нам ничего не оставалось,как только применять "шанхайские методы".

СУДЬЯ БИДДЛ: Прошу вас,не продолжайте. Вы уже дали все эти показания раньше. Я хочу просто получить представление о всей системе. Итак,перейдем к армии.Мне кажется,что вы сказали, что роль армии заключалась в подавлении проявлений саботажа или сопротивления на оккупированных территориях, с тем,чтобы могла работать администрация по набору рабочей силы. Это правильно,не так ли?

ЗАУКЕЛЬ: В тех областях,где оказывали сопротивление, и работа администрации затруднялась не только в области вербовки рабочей силы,но и при выполнении других функций и немецкие войска находились в опасности.

СУДЬЯ БИДДЛ: Я не интересуюсь другими функциями. В данный момент, я интересуюсь исключительно проблемами,связанными с рабочей силой. Так,например,в Польше или в России, где было невозможно обеспечить набор рабочих в связи с имевшим место сопротивлением, как проведению набора,так и сопротивлением армии,в это должна была вмешиваться армия и помогать проведению набора - не так ли? Это правильное, описание положения вещей,не так ли?

ЗАУКЕЛЬ: Да, это было,можно сказать так,.

СУДЬЯ БИДДЛ: Хорошо. Между прочим, кто-нибудь из этих рабочих, которые сопротивлялись, или нарушали закон или не регистрировались в течение трех дней, были преданы суду, или в случае необходимости, их делами просто занималась полиция? Они никогда не предстовали перед обычным судом?

ЗАУКЕЛЬ: Я не могу вам этого сказать ни в деталях,ни

в общих чертах. Очевидно,в каждом отдельном случае применялись различные меры.

СУДЬЯ БИДДЛ: Давайте уточним этот вопрос. Предусматривал ли какой-нибудь из ваших декретов судебное разбирательство в отношении таких лиц?

ЗАУКЕЛЬ: Нет. Этого мои декреты не предусматривали. У меня не было полномочий издавать такие декреты о проведении на местах судебного разбирательства, я не был ответственным работником в областях.

СУДЬЯ БИДДЛ: Хорошо. Мне не совсем ясно положение вещей в отношении лагерей. Давайте на короткое время обратимся к этому. Имелись лагери,которые вы назвали лагерями распределения или пересыльными лагерями, не так ли?

ЗАУКЕЛЬ: Да.

СУДЬЯ БИДДЛ: Сколько их было?

ЗАУКЕЛЬ: Я не могу этого сказать вам по памяти.

СУДЬЯ БИДДЛ: Нет,конечно, но не думаете ли вы,что их было больше ста?

ЗАУКЕЛЬ: Нет,не думаю.

СУДЬЯ БИДДЛ: Но,возможно, их было почти сто?

ЗАУКЕЛЬ: Нет,я думаю,что и это не совсем верно.

СУДЬЯ БИДДЛ: Вы не можете назвать никакой цифры?

ЗАУКЕЛЬ: Я предполагаю,что в империи существовало,примерно тридцать или сорок пересыльных лагерей.

СУДЬЯ БИДДЛ: В империи?

ЗАУКЕЛЬ: В империи.

СУДЬЯ БИДДЛ: Имелись ли такие пересыльные лагери и на оккупированных территориях или во Франции?

ЗАУКЕЛЬ: В оккупированных областях? Я не знаю. Были ли во Франции пересыльные лагери и сколько их там было. Я не

H1204-0541

H1204 - 0542

могу этого сказать. На западе на границе существовали приемочные станции, а на восточной границе существовали пересыльные лагери. Там производился вторичный врачебный осмотр, дезинфекция одежды и ...

СУДЬЯ БИДДЛ: Я думаю, этого достаточно. Я полагаю, что вы дали исчерпывающий ответ. Далее были еще лагери, которые вы назвали воспитательно-трудовыми. Вы помните, что вы сказали, что были также воспитательно-трудовые лагери?

ЗАУКЕЛЬ: Эти лагери...

СУДЬЯ БИДДЛ: Скажите "да" или "нет"?

ЗАУКЕЛЬ: Нет.

СУДЬЯ БИДДЛ: Сколько?

ЗАУКЕЛЬ: Этого я не знаю.

СУДЬЯ БИДДЛ: Ни малейшего представления? Может быть пятьдесят или сто?

ЗАУКЕЛЬ: Я не могу сказать даже приблизительно, сколько их было, так как я никогда не получал никаких списков. Они не были мне подчинены.

Судья БИДДЛ: Кому они были подчинены ?

ЗАУКЕЛЬ: Они были подчинены только полиции и, насколько мне известно, группенфюреру Мюллеру.

Судья БИДДЛ: Я полагаю, что персонал их и офицерский состав был также, как и в других концлагерях, укомплектован членами СС ?

ЗАУКЕЛЬ: Я предполагаю, что это было так, но я не могу точно сказать этого, так как я никогда не был в таком лагере.

Судья БИДДЛ: Однако, нельзя сказать, что это невозможно ?

ЗАУКЕЛЬ: Нет, эти лагери были подчинены одной только полиции.

Судья БИДДЛ: Полиции. Далее, кто направлялся в эти воспитательно-трудовые лагери ? Кого туда посылали ?

ЗАУКЕЛЬ: Кого туда посылали ? Я должен сказать, что я плохо осведомлен об этом, но, насколько мне известно, туда попадали люди, которые несколько раз нарушали дисциплину на заводах и нарушали существующий трудовой порядок.

Судья БИДДЛ: Очень хорошо, прекрасно. Благодарю вас. Это все, что я хотел знать по этому вопросу. Другими словами, те рабочие, которые не регистрировались и те, которые нарушали контракты, направлялись в эти воспитательно-трудовые лагери для обучения. Далее, в чем заключалось это обучение ? Что означает здесь слово "обучение". Чему обучали вы сами ?

ЗАУКЕЛЬ: Я не могу этого сказать, я думаю, что они там должны были работать. Там, кажется, был какой-то срок, от 8 до 56 дней. Я не могу точно сказать, я об этом узнал

H1204 – 0543

H1204 – 0544

впервые здесь в зале суда.

Судья БИДДЛ: Давайте, прольем немного света на этот вопрос. В конце концов, вы были генеральным уполномоченным и поэтому вы должны кое-что знать по этому поводу. Имелись трудовые лагери и имелись воспитательно-трудовые лагери, не так ли ?

ЗАУКЕЛЬ: Да, я хочу установить, что это различные ...

Судья БИДДЛ: Я сам это сделаю. Позвольте мне задать вам вопрос. Трудовые лагери были лагерями, куда посылались и где жили преимущественно те рабочие, которые работали в промышленности, - это правильно ? Это были просто лагери, где были размещены рабочие и где они жили, - не так ли ?

ЗАУКЕЛЬ: Да, там рабочие были размещены, т.е. там они жили.

Судья БИДДЛ: Так. Воспитательно-трудовые лагери отличались от трудовых лагерей, - не так ли ?

ЗАУКЕЛЬ: Да, они были совершенно различны. Воспитательно-трудовые лагери были учреждены рейхсфюрером СС, а трудовые лагери, т.е. те лагери, в которых рабочие жили, создавались предприятиями или группой предприятий, на которых работали эти рабочие.

Судья БИДДЛ: Таким образом когда кого-нибудь направляли в воспитательно-трудовой лагерь, то это рассматривалось не просто, как посылка на работу, но как наказание за то, что он нарушал закон ? Это правильно, не так ли ?

ЗАУКЕЛЬ: Да, насколько мне известно, он попадал в этот воспитательно-трудовой лагерь для того, чтобы быть приученным к трудовой дисциплине и, одновременно это было наказанием за его проступок на предприятии.

Судья БИДДЛ: Были ли какие-нибудь декреты или правила в

отношении этих воспитательно-трудовых лагерей ?

ЗАУКЕЛЬ: Я не знаю никаких декретов. Очевидно, их издавал рейхсфюрер СС, начальник полиции. Я лично не издавал никаких декретов.

Судья БИДДЛ: Итак, хотя частью ваших обязанностей было заботиться об иностранных рабочих, которые туда доставлялись, ваши функции прекращались после того, как эти рабочие передавались полиции, и больше они не подлежали вашей юрисдикции, не так ли ?

ЗАУКЕЛЬ: Да, это верно, однако, я должен внести одну поправку. В мои задачи не входило снабжение, обеспечение этих рабочих. Мне нужно было направить определенное количество рабочих на заводы. Я за лагерями и за снабжением этих рабочих не следил, это не было моей задачей. Я должен ...

Судья БИДДЛ: Довольно, подсудимый, мы ясно понимаем это. Практически вы не имели исполнительных функций, но вы неоднократно говорили, что вы издавали декреты - о тнями, как вы сказали - для того, чтобы улучшить условия жизни рабочих. Мы знаем, что в ваши обязанности не входило расселение их и снабжение их питанием. Вы выполняли одну из главных задач, и этой одной из главных задач было создать им возможно лучшие условия жизни и по этой причине вы интересовались всеми жалобами. Мы все поняли это правильно, не так ли ? Это было одной из ваших функций, неправда-ли ?

ЗАУКЕЛЬ: Да, эту часть, эту задачу я сам взял на себя. Это не входило в круг моих задач; жалобы, которые я получал, были жалобами на то, что нет достаточного числа рабочих.Моей задачей была вербовка и доставка рабочих на заводы, но я по своей собственной инициативе указывал на необходимость хорошо снабжать рабочих и хорошо с ними обращаться, так как это

12 428

H1204 – 0545

H1204 – 0546

необходимое условие для хорошей работы.

Судья БИДДЛ: Понимаю. Эти обязанности вы взяли на себя добровольно. Это не входило в ваши обязанности, но, тем не менее, вы делали это. Но мы обратимся сейчас к самим рабочим. Я полагаю, что достаточно ясен или сравнительно ясен вопрос о количестве ввезенных рабочих. Я хочу узнать, какое количество прибыло добровольно и какое - в результате принуждения ? Прежде, чем вы ответите, я хочу сказать, что я имею в виду тех рабочих, которые были ввезены не согласно какому-либо закону, но просто согласились работать по своему собственному желанию. Я полагаю, что их было не так уже много, - не так ли?

ЗАУКЕЛЬ: Нет, было очень много рабочих, которые сами захотели ехать на работу, а не по принуждению. Это, так сказать, результат пропаганды и вербовки, а также еще и потому, что в Германии было более высокое жалованье. Очень многие рабочие ...

Судья БИДДЛ: Двайте обратимся сейчас к следующему вопросу: пришло время, когда законы, касающиеся германских рабочих, стали также применяться и к рабочим других стран, это правильно ?

ЗАУКЕЛЬ: Да.

Судья БИДДЛ: Я хочу сказать, что, согласно закону, каждый немец должен был работать. Не так ли ?

ЗАУКЕЛЬ: Да, это так.

Судья БИДДЛ: И этот закон, в конце концов, был применен и к иностранным рабочим, как вы только что сказали ? Правильно это ?

ЗАУКЕЛЬ: Да. Этот закон был также введен и в оккупированных областях.

Судья БИДДЛ: Так. для всех одинаково. Таким образом, после

того, как этот закон был введен, уже не было такой вещи, как добровольная работа, поскольку, согласно этому введенному закону, каждый должен был работать, - не так ли ?

ЗАУКЕЛЬ: Да, если в оккупированных областях поступали требования на рабочих.

Судья БИДДЛ: Итак, когда вы говорили о насильственном труде, это должно относиться к периоду до принятия этого закона, не так ли ?

ЗАУКЕЛЬ: Да, но ...

Судья БИДДЛ: Когда был введен этот закон ?

ЗАУКЕЛЬ: Этот закон был введен осенью 1942 года. В отдельных областях сроки были различные. Я не помню, когда точно в областях был введен этот закон, но я прошу разрешить мне сказать, что и после того, как был введен этот закон, в Германию продолжали приезжать рабочие-добровольцы.

Судья БИДДЛ: Вы правы, если бы они не поехали добровольно, они должны были бы поехать принудительным порядком, не так ли ?

ЗАУКЕЛЬ: Нет.

Судья БИДДЛ: Почему же нет?

ЗАУКЕЛЬ: Но ведь мы требовали определенный контингент, а не всех рабочих в Германию.

Судья БИДДЛ: Хорошо, в таком случае этот определенный контингент рабочих, которые требовались согласно разверстке, должен был поехать в принудительном порядке ? Это правильно ?

ЗАУКЕЛЬ: Нет, мы проводили вербовку и на добровольных началах. Это следует понимать следующим образом ...

Судья БИДДЛ: Подождите, подсудимый. Не запутывайте нас. Это совершенно просто. Если имелся закон, согласно которому рабочие должны были обязательно работать, когда они подлежали вербовке, то они в самом деле должны были работать. Это правильно?

H1204 - 0547

H1204 – 0548

ЗАУКЕЛЬ: Да, они должны были работать в первую очередь у себя на родине. Но они могли добровольно заявить о своем желании, вместо того, чтобы работать на родине, работать в Германии. И мы всегда очень ценили это.

Судья БИДДЛ: Другими словами, перед рабочим стоял выбор: принудительный труд в промышленности во Франции или в Германии. В этом смысле выбор был добровольным ? Правильно ?

ЗАУКЕЛЬ: Да.

Судья БИДДЛ: Так. Еще два или три вопроса. Полагаю, что вы ответили достаточно ясно. Я только хочу спросить вас о трех документах. Я думаю, это - все. Я не буду входить в детали. Помните ли вы документ, известный под номером Р-124 - о совещании от 1 марта 1944 года. Вы помните это совещание ? /Обращаясь к секретарю/: покажите ему немецкую запись этого совещания, пожалуйста, если она у вас есть. /К подсудимому/: Вы помните это совещание, вы просмотрели эти записи ?

ЗАУКЕЛЬ: Да. Это совещание о планировании.

Судья БИДДЛ: Да, это правильно. Вы просмотрели эти записи ?

ЗАУКЕЛЬ: Сейчас ?

Судья БИДДЛ: Да.

ЗАУКЕЛЬ: Да.

Судья БИДДЛ: Излагается ли здесь сущность того, что происходило на этом совещании ? Это является, в сущности, изложением этого совещания, не так ли ?

ЗАУКЕЛЬ: Да, я прошу меня извинить, но я не могу вспомнить сейчас, какой именно материал там обсуждался.

Судья БИДДЛ: Нашли ли вы что-нибудь в этих записях, когда

вы их просматривали, что вы сочли бы большой ошибкой по существу ?

ЗАУКЕЛЬ: Я не могу сейчас сказать, о чем здесь идет речь.

Судья БИДДЛ: Вы прочли эти записи ? Вы прочли их ?

ЗАУКЕЛЬ: Нет, я не читал всех протоколов учреждения центрального планирования. В то время я не получал всех протоколов этого учреждения. Я даже не знал, что там ведутся протоколы.

Судья БИДДЛ: Не занимайте время подобными разговорами. Я просто вас спросил, прочли ли вы их, и вы сказали, что вы не полностью их прочли. Это все, что нам нужно.

ЗАУКЕЛЬ: Да, я не все читал.

Судья БИДДЛ: В той части, которую вы прочли, нашли вы какие-нибудь ошибки ?

ЗАУКЕЛЬ: Да, я нашел некоторые неточности.

Судья БИДДЛ: Неточные абзацы ?

ЗАУКЕЛЬ: Неточности, там, например, сказано, что я крикнул: "Соотношение 200.000 : 5 миллионам". Это невероятное соотношение.

Судья БИДДЛ: Совершенно верно. Вы употребили в этих записях одно выражение, которое я не понял и хочу спросить вас, что вы под ним подразумевали. Вы говорили о ваших специальных исполнительных органах по набору рабочей силы, о "комитете мирного урегулирования", в который входила тысяча человек, - вы говорили вчера, вы помните это ?

ЗАУКЕЛЬ: Да.

Судья БИДДЛ: Это одно и то же ? Это был комитет, который, как вы сказали, должен был быть специально организован кажется СС и полицией, во Франции и всюду, где он должен был быть затем использован ?

H1204 – 0549

H1204 – 0550

ЗАУКЕЛЬ: Да.

Судья БИДДЛ: Между прочим, вы говорили о том, что лица, входившие в него, были вооружены. Почему они были вооружены ? Почему они носили оружие ?

ЗАУКЕЛЬ: Это было необходимо для своей собственной охраны и для охраны тех, кого они вербовали. Они должны же были защищаться в случае нападения.

Судья БИДДЛ: Подсудимый, обычно вы не имели никакого отношения к полиции, не так ли ? Почему вы организовали этот полицейский корпус ? Почему вы помогли в организации этого полицейского корпуса, причем вооруженного полицейского корпуса ? Почему вы это сделали?

ЗАУКЕЛЬ: Это не был вооруженный полицейский корпус обычного порядка. Это был ...

Судья БИДДЛ: Не утруждайте себя описанием его.Мы знаем, что он собой представлял. Я вас спросил, почему вы организовали его ? Я полагал, что вы держались в стороне от мер,проводившихся полицией.

ЗАУКЕЛЬ: Мы создали его для того, чтобы охранять этих людей и эти рестораны, где производилась вербовка и на которые часто нападали члены движения сопротивления и затрудняли работу.

Судья БИДДЛ: Я понимаю, что вы хотите сказать. Это была организация, которая обеспечивала порядок при проведении набора рабочей силы в то время, когда он происходил. Это правильно ?

ЗАУКЕЛЬ: да.

Судья БИДДЛ: Так.Далее, я хочу задать еще один вопрос о

другой рукописи. Это документ 016-ПС, датированный 20 апреля 1944 года, который представляет собой программу трудовой мобилизации. Это та самая программа, которую вы издали и подписали. Не так ли ? Посмотрите на документ. Это та программа, которую вы подписали ?

ЗАУКЕЛЬ: Нет.

Судья БИДДЛ: Нет ? Я не понимаю, что вы хотите этим сказать ?

ЗАУКЕЛЬ: Мне кажется, что я неправильно вас понял. Я думал, что речь идет о 1944 г.

Судья БИДДЛ: Нет. Нет, это - 20 апреля 1942 года. Вы издали программу трудовой мобилизации. Является ли программа, которая была подписана вами, той самой, которая изложена в документе 016-ПС ? Это та самая программа, не так ли ?

ЗАУКЕЛЬ: Я хотел бы сделать по этому поводу следующее замечание. Это была программа, которая не была применена.

Судья БИДДЛ: Подсудимый, пожалуйста, отвечайте на мой вопрос. Я хочу лишь знать, во-первых, издали ли вы программу по трудовой мобилизации ?

ЗАУКЕЛЬ: Да, я это сделал, но ...

Судья БИДДЛ: Хорошо. И это та самая программа, которая изложена в этом доказательстве, не так ли ?

Я просто устанавливаю это.

ЗАУКЕЛЬ: Да.

Судья БИДДЛ: Хорошо. Я хочу спросить вас о доставке молодежи из оккупированных территорий в империю. Некоторое количество молодежи, было ввезено в империю, не так ли ?

ЗАУКЕЛЬ: Да, была ввезена и молодежь, но это было сделано

H1204 – 0551

H1204 – 0552

против моего желания.

Судья БИДДЛ: Против вашего желания, вы сказали ? Сколько всего было ввезено молодежи в Германию ?

ЗАУКЕЛЬ: Я не могу этого сказать, так как я не знаю... Это была молодежь ...

Судья БИДДЛ: Каков был их возраст ? Сколько им было лет ?

ЗАУКЕЛЬ: Каков был их возраст, я тоже не могу сказать. Ведь здесь шла речь о семьях, которые были привезены или которые приехали в Германию вместе со своими семьями во время эвакуации или как беженцы. Правда, в 1944 году на сенокос в Германию опять приехала молодежь на так называемую "Хойакцион"/ акция "Сено"/, но я не принимал в этом участия.

Судья БИДДЛ: Вам, конечно, известно, что это были по существу подростки, дети ? Не так ли ? Вы знаете об этом, не так ли ?

ЗАУКЕЛЬ: Да.

Судья БИДДЛ: С какой целью вы ввезли их ? С целью использования их на работах или для того, чтобы они получили образование и специальность в Германии ?

ЗАУКЕЛЬ: Здесь были различные причины. Часть этой молодежи совсем не была завербована и не была набрана агентами, они приехали в Германию вместе со своими семьями и по желанию этих семей во время эвакуации или же вместе с беженцами, некоторые попали в империю ...

Судья БИДДЛ: Подождите немного, мы оставим тех, которые приехали с семьями. Некоторые были набраны специально для использования на работах, не так ли ?

ЗАУКЕЛЬ. Да, на работу, законом было запрещено вербовать детей до 14 лет. Дети такого возраста попадали в империю на основании особой договоренности /это имеется в документах/. Этим преследовались воспитательные цели, а также и в целях обеспечения их продовольствием.

СУДЬЯ БИДДЛ: Подсудимый, Вы просто не отвечаете на мои вопросы. Я спросил Вас, были ли некоторые из них привезены для использования их на работах? Подростки старше 14 лет, но еще не достигшие 20 лет были ввезены для использования их на работах, не так ли, они были набраны на работы?

ЗАУКЕЛЬ. Да, но это были только добровольцы.

СУДЬЯ БИДДЛ. Они были набраны только по принципу добровольности?

ЗАУКЕЛЬ. Да, молодежь следовало вербовать только на добровольных началах.

СУДЬЯ БИДДЛ. Вы хотите сказать, что Вы совершенно не набирали молодежь принудительными методами. Вы это хотите сказать?

ЗАУКЕЛЬ. Я не набирал.

СУДЬЯ БИДДЛ. Я не имею в виду лично Вас, я имею в виду Вашу администрацию.

ЗАУКЕЛЬ. Администрация не должна была в принудительном порядке набирать молодежь, особенно девочек. Она должна была вербовать только добровольцев.

СУДЬЯ БИДДЛ. Хорошо. Некоторые были ввезены для того, чтобы получить образование в Германии и стать германскими гражданами, - не так ли?

ЗАУКЕЛЬ. Да, я видел это здесь в документах, но это не было моим распоряжением.

12436

H1204 - 0553

H1204 – 0554

СУДЬЯ БИДДЛ. Вы не знали об этом ранее? Сообщал ли Вам кто-либо о том, что насильственный ввоз людей из оккупированных территорий для работы в Германию соответствует нормам международного права?

ЗАУКЕЛЬ. Фюрер обязал меня провести это мероприят ие и он сказал мне, что это вполне допустимое мероприятие. Ни одно учреждение не возразило против этого: Это соответствовало требованиям.

СУДЬЯ БИДДЛ. Я Вас не об этом спрашивал? Я Вас спросил, не говорил ли Вам кто-нибудь о том, что эта мера соответствует нормам международного права?

ЗАУКЕЛЬ. Нет.

СУДЬЯ БИДДЛ. Вы знали, - не так ли, что такого рода вопросами должно заниматься министерство иностранных дел

ЗАУКЕЛЬ. Я неоднократно говорил по этому поводу с министерством иностранных дел и там говорили, что все в порядке, т.к. мы были убеждены, что на основании условий капитуляции введение немецких законов и распоряжений в данных условиях вполне допустимо и, возможно, даже и при учете существующих договоров.

СУДЬЯ БИДДЛ. Вы хотите сказать, что министерство иностранных дел сообщало Вам, что в соответствии с международным правом, Вам разрешается насильственно ввозить рабочих из России в Германию?

ЗАУКЕЛЬ. Из министерства иностранных дел мне никогда не говорили чего-либо иного, но мне кажется , что министерство иностранных дел не располагало какими-либо полномочиями на Востоке. Я этого не знаю.

СУДЬЯ БИДДЛ. У кого Вы спрашивали совета по этому вопросу?

ЗАУКЕЛЬ. Все эти распоряжения были изданы до того, как я занял свою должность. Они уже существовали и фюрер просто передал их мне.

СУДЬЯ БИДДЛ. В таком случае Ваш ответ заключается в том, что Вы никого не спрашивали. Это правильно?

ЗАУКЕЛЬ. Я никого не мог спросить и я никого не спрашивал, так как все инстанции желали ~~иные~~ иных мероприятий и соглашались с ними, причем никаких дискуссий по этому поводу никогда не велось.

СУДЬЯ БИДДЛ. Сказали ли Вы, что задачей полиции не являлось насильственно набирать рабочих для принудительного труда?

ЗАУКЕЛЬ. Это не было задачей полиции - проводить такую вербовку рабочей силы.

СУДЬЯ БИДДЛ. Почему на совещании 4 января 1944 года, как об этом сообщается в документе 1292-ПС, Вы сказали о том, что Вы сделаете все, что в Ваших силах для того, чтобы обеспечить доставку рабочей силы в 1944 году, но, что успех этого мероприятия в основном будет зависеть от того, сколько рабочих наберут агенты по насильственной вербовке, и что Ваш проект не может быть проведен при участии одних только местных агентов по насильственной вербовке? Разве это не означает, что полиция должна была обеспечить осуществление Вашей программы набора, ~~и~~ путем насильственных мер?

ЗАУКЕЛЬ. Нет, я хотел сказать, что протокол этот недостаточно точен. Я заявил фюреру, что я,очевидно, не смогу выполнить его программы, так как имеется много районов, в которых действуют партизаны и до тех пор пока эти районы надлежащим

H1204 - 0555

H1204 - 0556

образом не будут очищены от партизан и пока там администрация не сможет нормально работать, нельзя будет и провести там вербовку. Следовательно, сначала надо было установить порядок, а это могли сделать только те органы, которые занимались этим.

СУДЬЯ БИДДЛ. Что Вы имели в виду, когда Вы говорили о германских учреждениях по насильственному набору рабочей силы?

ЗАУКЕЛЬ. Извините, говоря о таких учреждениях я имел ввиду обычную администрацию, но в некоторых районах она была очень слаба.

СУДЬЯ БИДДЛ. Почему, в таком случае, рейхсфюрер СС заявлял, что в его распоряжение предоставлено слишком мало агентов по насильственной вербовке рабочих, если эти агенты не являлись полицейскими агентами.

ЗАУКЕЛЬ. Я сначала неправильно понял Ваш вопрос. Насколько я помню, рейхсфюрер заявил, что для усмирения всех этих районов у него нет достаточного количества людей, так как все его отряды ушли на фронт. Здесь речь не шла о вербовке рабочей силы, и о законном наборе рабочих, а о восстановлении порядка в этих районах.

СУДЬЯ БИДДЛ. Хорошо, в таком случае Вы заявляете, что помощь Вам в вербовке рабочей силы не входила в задачи полиции, а являлась обязанностью вооруженных сил?

ЗАУКЕЛЬ. В различных районах существовали различные распоряжения по этому поводу. Были районы, где военные власти отдавали все распоряжения. Были и такие районы, в которых существовала гражданская администрация. Были еще и другие районы, в которых вся власть находилась в руках командующего армией. Это были фронтовые и прифронтовые районы.

СУДЬЯ БИДДЛ. В таком случае или полиция, или вооруженные силы, или какие-то другие вооруженные единицы должны были

проводить для Вас насильственный набор, это правильно?

ЗАУКЕЛЬ. Да, но во всех этих районах была и гражданская администрация. Это не было то же самое, что полиция или воинские части. Это были некоторые административные отделы, которые входили в военные учреждения.

СУДЬЯ БИДДЛ. Я не понимаю, что, в таком случае, Вы имели в виду, когда сказали, что Ваш проект не может быть проведен в жизнь лишь местными агентами по принудительному набору рабочей силы.

Это все о чем я хотел Вас спросить.

Подсудимый может теперь вернуться на свое место, на скамью подсудимых.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ./Обращается к защитнику Серватиусу/. Продолжайте, пожалуйста, доктор Серватиус.

СЕРВАТИУС. Господин председатель, я прошу обратиться к документу № 3. Это протокол учреждения Заукеля. Он показывает, какое положение занимал тот свидетель, которого я сейчас хочу вызвать. У Заукеля были различные отделы в имперском министерстве труда. Там был и европейский отдел, начальником которого был свидетель Тимм. Этот отдел в свою очередь имел три под'отдела: один для запада, другой для востока и третий - для юго-запада и юга.

Итак, с разрешения Трибунала, я вызываю сейчас свидетеля Тимма.

/Вводят свидетеля/:

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Назовите Ваше имя и фамилию.

СВИДЕТЕЛЬ. Макс Тимм.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Повторяйте за мной слова присяги: "Клянусь богом... всемогущим и всеведающим... что я буду говорить чис-

H1204 - 0557

H1204 – 0558

тую правду... ничего не утаю и ничего не прибавлю".

/Свидетель повторяет слова присяги/.

Вы можете сесть.

СЕРВАТИУС: Господин свидетель, Вы были сотрудником министерства Труда в отделе распределения рабочей силы?

ТИММ. Да, так точно.

СЕРВАТИУС. Скажите, Вы уже работали там, когда Заукель получил свое назначение?

ТИММ. Да, до этого я еще работал в управлении труда.

СЕРВАТИУС. Скажите, а каково было Ваше впечатление о Заукеле, когда он принял свою должность - каково было впечатление о Вашем новом начальнике?

ТИММ. Когда Заукель принял свою должность, у меня создалось впечатление, что он очень энергичный и трудолюбивый человек, который легко возбуждался и был подвержен припадкам гнева, человек, который очень требователен не только к своим подчиненным, но и к себе самому.

СЕРВАТИУС. Скажите, ну, а как он проводил свои мероприятия?

ТИММ. Когда он принял должность, в его учреждении царил большой беспорядок. Каждый делал, что хотел.

СЕРВАТИУС. Скажите и это было причиной тому, что была учреждена такая должность?

ТИММ. Да, надо сказать, что у его предшественников не было энергии для того, чтобы добиться своего в некоторых других учреждениях, а Заукель был сильным человеком и, в особенности, в политическом отношении, вот поэтому то, он и должен был привести все это в порядок.

СЕРВАТИУС. Скажите, как же Заукель приступил к своей новой работе. Придерживался ли существующих административных

инструкций или он действовал самостоятельно, утверждая новый порядок произвольными ~~мерами~~ методами?

ТИММ. Он рассматривал свою задачу как задачу политическую, но он всегда старался сохранить порядок в администрации. Он был известен как гауляйтер, хорошо относившийся к своим подчиненным. Для того, чтобы постоянно информировать своих сотрудников, он регулярно проводил так называемые штабные совещания, на которых обсуждались важнейшие вопросы.

СЕРВАТИУС. Скажите, а какую должность Вы занимали?

ТИММ. Я сначала был руководителем подотдела, а затем отдела в управлении по распределению рабочей силы.

СЕРВАТИУС. Скажите, а чем занимался этот отдел?

ТИММ. Этот отдел ведал вопросом распределения квалифицированной рабочей силы, в первую очередь ведал квалифицированной рабочей силой, обучением новых рабочих, профессиональными консультациями и учебными пунктами.

СЕРВАТИУС. Скажите, Ваш отдел также назывался европейским отделом?

ТИММ. Да.

СЕРВАТИУС. Скажите, Вы все знали, что происходит в отделе?

ТИММ. Нет не все, т.к. гауляйтер Заукель оставался наряду с этим гауляйтером Тюрингии и работал в Берлине в особом доме, в то время, как его отделы входили в министерство труда.

СЕРВАТИУС. Простите, Вы неправильно поняли мой вопрос. Вы говорите о деятельности Заукеля, а я спрашиваю Вас, знали ли Вы все относительно использования рабочей силы?

ТИММ. Нет, мы знали это не совсем точно, т.к. наши учреждения были в разных местах и не обо всем нам докладывалось.

СЕРВАТИУС. Скажите, что это за штабные совещания, кто участвовал в этих совещаниях?

H1204 – 0559

H1204 – 0560

ТИММ. На эти совещания приглашались, главным образом, люди, осуществлявшие связь с различными учреждениями.

СЕРВАТИУС. А что это были за люди?

ТИММ. Самые различные чиновники, - экономисты и т.д.

СЕРВАТИУС. Скажите, из каких учреждений приходили эти люди, или эти люди работали у Заукеля?

ТИММ. Это, в большинстве своем, были сотрудники других учреждений, например, один представитель от уполномоченного по четырехлетнему плану, представитель от министерства вооружения, один от министерства восточных областей.

СЕРВАТИУС. Скажите, у Вас был специальный рабочий штаб?

ТИММ. Да, так точно.

СЕРВАТИУС. Скажите, сколько человек было в этом штабе?

ТИММ. Их было приблизительно, насколько я мог судить, 15-20 человек.

СЕРВАТИУС. Скажите, кроме того, у Заукеля был свой собственный рабочий штаб? Сколько в него входило человек?

ТИММ. Личный рабочий штаб Заукеля состоял из людей, которые приехали с ним из Веймара. Это были его приближенные.

СЕРВАТИУС. Скажите, у него были референты?

ТИММ. Да, у него было два личных референта: Ландрат Берх и министериальный советник Штотфанг.

СЕРВАТИУС. Скажите, а какую должность занимал доктор Дидир?

ТИММ. Насколько я помню, он был референтом прессы.

СЕРВАТИУС. Скажите, как проходили эти штабные совещания и что обсуждалось на этих совещаниях?

ТИММ. Там обсуждались все вопросы распределения рабочей силы, я имею в виду в Германии. Начиналось такое совещание с обычно подробного доклада господина Заукеля; в этом докладе он развивал свои планы на будущее.

СЕРВАТИУС. Скажите, а обсуждался ли вопрос вербовки рабочих в оккупированных областях. Меня интересуют здесь трудности и методы, о которых здесь мы слышали? Что об этом говорилось?

ТИММ. Вопросы,связанные с вербовкой, редко обсуждались, больше обсуждались вопросы, касающиеся самой империи.

СЕРВАТИУС. Я Вас спрашивал сначала об оккупированных областях. Обсуждался ли,например, один случай, о котором здесь говорилось, когда была устроена облава в кино, и люди были таким образом взяты на работу и вообще подобные случаи?

ТИММ. Да, я помню этот случай в кино.

СЕРВАТИУС. Его там обсуждали?

ТИММ. Да, его обсуждали.

СЕРВАТИУС. Скажите, что потом было сделано в связи с этим?

ТИММ. Г-н Заукель сейчас же поручил нескольким людям, я не помню сейчас кому, выяснить это дело.

СЕРВАТИУС. А были ли подобные случаи еще?

ТИММ. Нет, таких случаев, как этот, больше не было.

СЕРВАТИУС. А обсуждались ли условия труда для иностранных рабочих в Германии?

ТИММ. Да, об условиях труда говорилось и на этих штабных совещаниях.

СЕРВАТИУС. Скажите, не говорилось ли о неудовлетворительном положении в некоторых лагерях и на некоторых заводах?

ТИММ. Да, такие случаи обсуждались. Это были, в большинстве своем, вопросы относительно обеспечения продовольствием и одеждой и т.д.

СЕРВАТИУС. Скажите откуда поступали эти сообщения, кто докладывал об этом? Откуда узнавали об этом?

H1204-0561

H1204 – 0562

ТИММ. Господин Заукель всегда считал, что лучше всего проверять эти дела на месте, поэтому он создал разветвленную сеть инспекций для того, чтобы картина была полной. И вот эти-то доклады инспекций и обсуждались подробно на совещаниях штаба.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я должен сделать об"явление.

Рассмотрев ходатайство Обвинения от 21 мая и ответный меморандум Защиты от 29 мая, Трибунал выносит следующее решение:

Ходатайство Обвинения о том, чтобы прения сторон о виновности или невиновности индивидуальных подсудимых были заслушаны по окончании представления доказательств по делам отдельных подсудимых и до представления доказательств по обвиняемым организациям -удовлетворяется. Трибунал, однако, не будет решать вопроса о виновности или невиновности того или иного подсудимого до тех пор, пока не будут заслушаны все доказательства, и, если какая-либо часть доказательств по делу обвиняемых организаций, по мнению защитника или иного подсудимого может послужить в пользу его подзащитного, он может ходатайствовать о том, чтобы его выслушали позднее по этому поводу. Трибунал, по окончании представления доказательств по делам индивидуальных подсудимых, будет слушать сначала защитительные речи, а затем заключительные речи Обвинения. Каждому подсудимому будет предоставлено право выступить с последним словом в конце процесса до оглашения приговора.

Трибунал придерживается мнения, что прения сторон о виновности или невиновности отдельных подсудимых будет наиболее целесообразно заслушать немедленно после окончания представления доказательств по их делам и до того, как Трибунал перейдет к слушанию дела об организациях. Такой порядок, кроме того, даст уполномоченным, собирающим доказательства по делу обвиняемых

организаций, больше времени для завершения этой работы. Кроме того, этот порядок ни в коей мере не ущемляет прав отдельных подсудимых, так как, несмотря на то, что их дела существенно отличаются от дел организаций, им предоставляется право обращать внимание Трибунала на любые обстоятельства, которые могут выясниться в ходе слушания дела организаций, которые они сочтут важными для их защиты.

Трибунал не находит в уставе ничего, что препятствовало бы проведению подобной процедуры, и статья 9-я дает Трибуналу право по своему усмотрению установить порядок слушания доказательств по делу обвиняемых организаций. Защитникам отдельных подсудимых не будет разрешено подвергать перекрестному допросу свидетелей, вызванных защитником от имени организаций. Им также не будет разрешено участвовать в разбирательстве дела об организациях, за исключением тех случаев, когда на то будет дано специальное разрешение Трибунала. Это все.

Трибунал завтра будет заседать с 10 часов утра до 1 часа дня в открытом заседании.

/Об'является перерыв до 10.00 ч. до 1-го июня 1946 г./

тн.
ня.
вж.
ог.
нн.

12446

H1204 – 0563